

Александр Полынкин

**Орловщины родные очертанья
(были и лица нашего края)**

Книга третья



Орёл-2015

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П 49 Орловщины родные очертанья. / Были и лица нашего края / Книга третья – Орел: ПФ «Картуш». 2015. – 300 стр., фотографии.

ISBN 978-5-9708-0511-4

В третьей книге орловского краеведа опубликованы написанные автором за последние несколько лет очерки, посвящённые известным и неизвестным событиям и лицам орловской истории.

Большинство очерков, благодаря постоянной работе А. Полынкина в Государственном архиве Орловской области, создано на документальной основе. Автор старался, чтобы читать книгу было интересно как профессиональным историкам и краоведам, так и обычным читателям, – всем, кто любит родную Орловщину и гордится ею.

УДК 82-1
ББК 49.0

Фото на обложке:

лицевая сторона: бюст Н.Г. Минаева во Мценске на аллее Героев;

оборот: картина художника А.И. Фомкина «Колокольчики».

Автор благодарит за финансовую помощь в издании книги – Администрацию Мценского района Орловской области.

ISBN 978-5-9708-0508-4
ISBN 978-5-9708-0511-4 (Книга третья)

© А.М. Полынкин, 2015

Вместо вступления

Уважаемый читатель, ты сейчас держишь в руках уже третью по счёту книгу из цикла «Орловщины родные очертанья». Первые две увидели свет в 2013 и 2014 году. Тираж тех книг был небольшой, всего 100 экземпляров, и они давно разошлись по рукам и библиотекам. Я надеялся, что очерки, написанные мною за последнее время и посвящённые событиям и людям моей любимой Орловщины, найдут отклик в сердцах читателей. Кажется, задумка удалась. По крайней мере, три презентации изданий, проведённые в Мценске и Орле, дали основание для таких заключений.

И, поскольку, «Бог любит троицу», появилась и третья книга. В ней пять глав, названия некоторых должны быть знакомы моему постоянному читателю (к примеру, «Это было в Орле», «Лица орловских дворян» или «Орловская мозаика»). Но в этом томе есть и две новых главы, тоже – из циклов, к которым я постоянно обращаюсь: «Орловские фамилии» и «Герои Великой Отечественной». Надеюсь, очерки из них, написанные на основе моих архивных исследований, тоже придутся по душе тем, кто любит родную Орловщину и её замечательных людей.

А теперь, дорогой читатель, в путь, за мной, на страницы этой книги!

Глава первая Орловские фамилии

Архангельские из села Покровское: священники и «кулаки»

Фамилия церковно- и священнослужителей Архангельских в XIX-XX веках была на слуху у прихожан Покровской церкви села Покровское. С конца 40-ых до конца 50-ых годов XIX века обязанности диакона Покровского храма исполнял, к примеру, Яков Анисимович Архангельский. А со второй половины 60-ых годов XIX века вплоть до 1904 года одним из двух священников Покровской церкви являлся Иосиф Андреевич Архангельский. Последние годы он был настоятелем храма и законоучителем Церковно-приходской школы села Покровское.

К сожалению, не знаю точно, сколько детей родилось у батюшки Иосифа, но двое сыновей имелось – это совершенно точно. Один из них, Сергей Иосифович Архангельский, сменил отца в должности священника Покровского храма в 1905 году и прослужил в нём несколько лет.

Другой сын, Александр Иосифович, избрал путь не духовный, а обычного сельского хозяина-землевладельца. О нём и его семье и пойдёт далее речь.

Впервые упоминание об Александре Архангельском я встретил в протоколе № 54 Орловского губисполкома от 21 ноября 1925 года (*фонды Государственного архива Орловской области – А.П.*), в котором его называли «помещиком», лишённым избирательных прав, но оставленным с семейством жить в прежнем своём доме в селе Покровское.

А чуть позже мне довелось поработать в ГАОО с другим документом: «*Дело №14. Выписки из протоколов Президиума Дросковского РИК о выселении лиц, лишённых избирательных прав, списки кулацких хозяйств, подлежащих выселению (2 февраля – 4 марта 1930 года)*» (ф. р-3, опись 2, ед. хр.63). Листы 81-85 этого «Дела №14» оказались посвящены знакомому мне персонажу, которого Советская власть решила наказывать до конца – уже как «*кулака и эксплуататора*».

Я процитирую эти несколько листов полностью, и если ты, уважаемый читатель, заметишь грамматические ошибки – не удивляйся: так было написано в оригинале (*видно, более грамотного секретаря собрания или заседания найти не удалось – А.П.*) и именно так в нашем крае «*ликвидировали кулака как класс*».

Архангельский Александр Иосифович

Личная карточка

Родился в 1870 году в селе Покровском Покровского сельсовета Дросковского РИКа.

Семья состоит, жена Анна Григорьевна – 60 лет, сын Борис Алексеевич – 30 лет, дочь – Елена Александровна – 22 лет, последняя находится в Москве.

Русский, сын попа, кулацкая хозяйство крупного помещика.

Лишён избирательных прав и вся семья.

Крупный землевладелец, сын служащего религиозного культа, имевший 240 десятин земли, 30 лошадей, 25 коров, 15 рабочих. Имелось помещения, постройки, дом, конюшни и амбары. После революции осталось дом, сарай, конюшня, 2 лошади, 2 коровы, занимался эксплуатацией, за что обложен по 21 ст. сельхозналогом.

В армии не служил, сын – тоже не служил, а платит военный налог как лишенцы.

Амбар, 1 лошадь, 1 корова были проданы в 1926 году за хлебозаготовки. Дом, сарай, конюшня, 1 лошадь, 1 корова переданы в колхоз (*название колхоза разобрать не удалось – А.П.*).

В Красной Армии не служил, и никто из семьи.

В 1919 году был заложником и подвергался расстрелу, ну избежал из-под расстрела и скрывался до 1921 года. В данное время взят ГПУ и содержится в тюрьме с августа месяца.

Политхарактеристика:

Постановили беднотой и средняцким активом – хозяйство кулацкое. Крупный помещик, имел 15 рабочих, был заложником. Изъять как судимого опасно-го алимент, и семью выселить из ЦЧО.

Подпись лица, проводившего выселение (неразборчива)

21 февраля 1930 года

Выписка из протокола

Специально-секретного заседания Президиума Дросковского РИК Орловского округа

22 февраля 1930 года

Слушали:

Материал о выселении из пределов в отдалённые местности СССР

Архангельского Александра Иосифовича, с.Покровское, Покровского с/с

Постановили:

Как бывшего помещика и социально-опасный элемент выселить за пределы ЦЧО со всей семьёй.

Выписка из протокола

Заседания бедноты с средняцкого актива дер.Ленинского посёлка (*так называлась тогда часть села Покровское – А.П.*) Покровского сельсовета, состоявшегося 4 февраля 1930 года.

Слушали:

О ликвидации кулака как класса Архангельского Александра Иосифовича

Постановили:

Архангельского Александра Иосифовича как крупного землевладельца, имевшего 240 десятин земли, 30 лошадей, 25 коров, 15 батраков, был заложником и сбежал из-под расстрела, как враждебного социально опасного изъять из пределов ЦЧО

Выписка верна – 22.02.30

Р.С. Как сложилась дальнейшая судьба членов семейства Архангельских – пока мне не известно.

Один из Долговых

В 1858 году в деревне Курниковой (Талызинской волости Орловского уезда, а ныне – Урицкого района), согласно ревизской сказке (10-й переписи податного населения России), государственных крестьян имелось 192 жителя в 23 семьях. В 1894 году число дворов выросло здесь до 42-х, а проживали в них 329 Долговых и Торишиных. Да, более чем три сотни жителей носили только эти две фамилии, как, впрочем, носят их и сейчас последние обитатели этого почти вымершего населённого пункта.

Курниково, Комаревец, Нарышкино, Орёл – и далее везде

Моя мама, Нина Ивановна Долгова (в девичестве), родом из деревни Курниково, и потому многих её родственников и соседей я хорошо знал с детства, а фамилия Долговых сопровождает меня всю жизнь. Два дяди, братья матери – Николай Иванович и Михаил Иванович – воевали. Николай Иванович пропал без вести в ноябре 1943 года. Михаил Иванович возвратился живым.

Уже в годы учёбы в школе я узнал, что Долговы проживают не только в Курниково, но и в соседнем посёлке Комаревец, а чуть позже познакомился с представителями этой фамилии из Дмитровского, Новодеревеньковского и Орловского районов. Немало Долговых сейчас в посёлке Нарышкино, в Орле и в Брянске, куда они переселились из сёл и деревень Орловской области.

Многие из них своим самоотверженным мирным трудом или ратным служением прославили старинную русскую фамилию, произошедшую от отчества или прозвища не церковного имени «Долгой» (*то есть, длинный, высокий*).

Уроженец Орла Николай Долгов в 1970 году, в составе команды ЦСКА, стал чемпионом СССР по футболу, первым из наших земляков добившись такого высокого звания. Он же оказался первым орловчанином, сыгравшим за сборную Советского Союза по футболу (1971 год), и одним из первых советских футболистов, который выступал за иностранные команды (даже если это были клубы дружественной нам ГДР в 1973-1976 годах).

Уроженец Арапетовки

Но из всех орловчан – обладателей звучной фамилии - наиболее причудливая, трагическая и героическая судьба выпала Ивану Николаевичу Долгову, уроженцу деревни Арапетовки Судбищенской волости Новосильского уезда (ныне – Новодеревеньковский район – А.П.).

Он появился на свет 15 июня 1909 года в обычной крестьянской семье. Окончил семь классов школы и рабфак, после чего работал в Ворошиловградской области Украины на руднике. В ноябре 1930 года Ивана Долгова призвали на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Высшего военного образо-

вания он не получил, но учился военному делу непрерывно: сначала - полковая школа, затем Харьковская школа червонных старшин и – командные курсы «Выстрел». В 1939 году было первое серьёзное испытание для молодого красного командира – участие в Польском походе РККА.

Великую Отечественную войну Иван Долгов встретил в звании старшего лейтенанта и в должности начальника 2-ого отделения штаба 192 стрелковой дивизии. В трудный период отступления наших войск от границы он сумел отличиться так, что командование представило его к награде, что было достаточно редким явлением тех дней.

Вот как описаны его действия в наградном листе: *«...Получил задание от командира дивизии об установлении пути подхода к местечку Оратово (тогда – село, в настоящее время – посёлок Оратов Винницкой области Украины – А.П.) и выведения 427-го стрелкового полка на исходное положение для атаки. В результате честного и мужественного выполнения задания товарищем Долговым была разгромлена немецкая дивизия, и захвачено 280 автомашин, около 300 мотоциклов, около 100 велосипедов, много боеприпасов и обмундирования...»*. Это был крупный успех, пример контрудара по наступающим немецким войскам, да ещё с захватом серьёзных трофеев. Поэтому приказом войскам Южного фронта № 050/н от 12 декабря 1941 года старший лейтенант Долгов (к этому времени он занимал штабную должность уже в 74 стрелковой дивизии – А.П.) был удостоен ордена Красной Звезды.



Долгов Иван
Николаевич

В составе 74-й стрелковой дивизии в 1942 году он успешно сражается на территории Украины, прикрывая направление Дебальцево – Ворошиловград, город, в котором до войны жил и работал. Об этой воинской части (первого формирования) очень немного сведений, поскольку 74 стрелковая дивизия была в сентябре 1942 года расформирована, а многие из воевавших в ней оказались в окружении.

Иван Николаевич Долгов, согласно информации из его наградных листов, с сентября 1942 по август 1943 года проживал на оккупированной территории.

Из штрафников – в Герои

После освобождения части территории Украины он был подвергнут спецпроверке, но не лишён наград и званий, а направлен в 9 отдельный штурмовой стрелковый батальон. Так назывались штрафные части, в которых оказывались военнослужащие, нарушившие дисциплину или проживавшие на оккупированной территории и не сражавшиеся в партизанских отрядах. Нахождение в штурмовом отряде предполагалось или на срок в два месяца, или до получения ранения, или до награждения орденом.

Бросались такие штурмовые стрелковые батальоны на самые опасные, самые страшные направления – впереди всех остальных частей.

9 отдельный штурмовой стрелковый батальон просуществовал чуть больше месяца – с 20 февраля до 30 марта 1944 года. Подполковник Иван Долгов воевал в нём командиром одной из рот.

Его умелые и храбрые действия отражены в наградном листе: *«Долгов Иван Николаевич, работая командиром роты в 9 ОШСБ, показал себя подлинным вожаком, - командиром своих бойцов. За время формирования сколотил свою роту как боевую единицу – крепкой и дисциплинированной. Во время боевых действий 20 февраля 1944 года вместе с другими ротами 9 ОШСБ участвовал в штурме станции Червоная (на подступах к городу Кривой Рог – А.П.). 22 февраля 1944 года его рота участвовала в штурме города Кривой Рог.*

Первым ворвался в центр города и с хода, мастерски, форсировал реку Саксагань. Товарищ Долгов за период боевых действий проявил смелость, находчивость и инициативу. Всегда был впереди и вёл за собой свою роту... Достоин награждения орденом Красное Знамя».

Командир 9 ОМСБ описал только два дня боёв своего подчинённого, а вскоре, 27 февраля, в ходе продолжавшихся в окрестностях Кривого Рога боёв, подполковник Долгов получил ранение, и его отправили в госпиталь. К этому времени штурмовой стрелковый батальон понёс настолько большие потери, что его расформировали. Оставшихся в живых (в основном – раненых) бойцов и командиров, искупивших кровью свою вину, направили в обычные воинские части.

Получивший вместо Красного Знамени орден Отечественной войны I степени (поскупилось начальство – А.П.) и выздоровевший подполковник Долгов стал заместителем командира 177-го стрелкового полка 236-й стрелковой Днепропетровской Краснознамённой ордена Суворова второй степени дивизии.

В январе 1945 года эта дивизия вела жестокие бои за освобождение Венгрии с отчаянно сопротивлявшимися гитлеровцами. И в них снова отличился подполковник Долгов. Снова цитирую наградной лист: *«В боях при форсировании канала Елуша, что восточнее озера Балатон, 29 января 1945 года организовал построшку паромов и лично под огнём противника руководил переправой личного состава на северный берег канала, – для завоевания плацдарма.*

30 января 1945 года в период наступательного боя лично находился в боевых порядках подразделений, воодушевляя своей личной смелостью и мужеством бойцов и офицеров.

В результате предпринятой атаки превосходящих сил противника, при поддержке 50 танков, полк был окружён. Товарищ Долгов организовал круговую оборону, где стойко отражал контратаки врага. В результате было подбито 2 танка и 6 бронетранспортёров. Правильной организацией выхода из окружения и предотвращением паники товарищ Долгов дал возможность вывести подразделения с минимальными потерями. В период выхода из окружения лично уничтожил пять гитлеровцев. За стойкое и мужественное отражение танковых атак Военным Советом 57 Армии полку объявлена благодарность».

А Иван Долгов стал, наконец, со второй попытки, кавалером ордена Красного Знамени и вскоре пошёл на повышение – был назначен командиром 734 стрелкового ордена Богдана Хмельницкого полка 233 стрелковой Кременчугско-Знаменской Краснознамённой дивизии.

Командуя новым полком, Иван Долгов в боях на территории Венгрии отличился ещё не один раз, удостоившись в течение апреля 1945 года сначала ордена Александра Невского, а потом и звания Героя Советского Союза.

Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил: *«За исключительное упорство в противодействии превосходящих сил врага, с последующим переходом в решительное и успешное наступление, за личный героизм, проявленный в боях, нанесение большого ущерба в живой силе и технике противнику, форсирование первым в дивизии канала Капош...».*

Бывший окруженец и штрафник Иван Долгов, наконец, добился полного признания и славы. Демобилизовавшись в 1946 году, он проживал в городе Артёмовске Донецкой области Украины и долгое время работал директором местной швейно-обувной фабрики.

А вот когда скончался и где похоронен наш Герой-земляк, прославивший фамилию Долговых, выяснить, к сожалению, не удалось. Иван Николаевич – уже после смерти – оставил нам ещё одну тайну. И разгадка её – впереди.



Деревня Курникова, родовая усадьба и дом Долговых

Ефремовы

Фамилия «Ефремовы» относится к одной из тех многочисленных и широко распространённых русских фамилий, которые произошли от имени, в наше время – не слишком распространённого, но очень популярного в веке XVIII-ом или XIX-ом.

Если говорить о самых известных Ефремовых, то на слуху, конечно же, для большинства, представители артистической династии: Олег Николаевич, Михаил Олегович и Никита Михайлович.

В 50-80-ые годы XX века был очень популярен писатель-фантаст Иван Ефремов, автор замечательных и пророческих научно-фантастических рассказов и романов. Его «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час Быка», «Таис Афинская» издавались многотысячными тиражами.

Есть среди Ефремовых известные учёные и целых восемь Героев Советского Союза. В Тульской области имеется город с таким же названием, полученным от имени первопоселенца края.

На карте Орловщины

Правда, все вышеназванные известные личности к Орловщине отношения не имеют. Но простая русская фамилия «Ефремовы» повсеместно распространена в нашем крае до сих пор, к примеру, в Залегощенском, Колпнянском, Малоархангельском, Покровском и других районах.

До недавнего времени на карте Орловщины существовали деревня Ефремово (Покровский район), слобода Ефремовская (Болховский район) и посёлок Ефремовские Выселки (Колпнянский район). Согласно переписи населения 1763 года («ревизским сказкам»), в однодворческой деревне Ефремовой (Ливенской округи) в 41 дворе проживало 228 человек, и почти все они (37 семей) носили одну и ту же фамилию. Когда жителям этого населённого пункта, в связи с хорошей рождаемостью, стало не хватать земли, часть Ефремовых переселилась на свободную пустошь неподалёку, образовав Ефремовские Выселки.

Застрелился, не желая сдаваться в плен

Обо всех – более-менее известных – представителях этой фамилии рассказать, конечно, невозможно. Поэтому я коснусь, в основном, тех, кто прославил её на ратных полях.

В Москве, Наро-Фоминске (Московская область), Тарусе (Калужская область), Гомеле (Белоруссия) есть улицы, названные именем генерала Михаила Ефремова. В Вязьме (Смоленская область), где он похоронен, имя Героя носят площадь и школа. Ему поставлены памятники и посвящены музеи. Редко когда так увековечивают память человека, погибшего при трагических обстоятельствах.

Но Михаил Григорьевич Ефремов это заслужил. Командуя с осени 1941 года 33 армией, он героически защищал со своими бойцами Москву на Наро-Фоминском направлении. Потом его дивизии, наступая в течение месяца, в де-

кабре 1941 – январе 1942 года освободили подмосковные города Наро-Фоминск, Боровск и Верёю.

Почти сразу за этим 33 армия, уже сильно обескровленная, приняла участие в неудачной для наших войск Ржевско-Вяземской операции, во время проведения которой попала в окружение. Генерал-лейтенант Ефремов, будучи тяжело раненным и не желая сдаваться в плен, когда закончились почти все бое-



Генерал Михаил Григорьевич Ефремов

припасы, застрелился. Своей жертвенной смертью он, в отличие от попавшего в похожие обстоятельства генерала Власова, защитил своих бойцов и командиров от обвинения в предательстве *(ведь многим из них удалось вырваться из окружения – А.П.)*.

В 1996 году усилиями многих энтузиастов-поисковиков удалось добиться восстановления исторической справедливости: генералу Ефремову было присвоено звание Героя России (посмертно).

Родился Герой в 1897 году в городе Тарусе Калужской губернии, но его фамилия – орловских корней и кровей, поскольку родной отец будущего военачальника, Григорий Емельянович, происходил из крестьян селца Ольховец Новосильского уезда *(ныне – в составе Залегощенского района – А.П.)*. В конце XIX века Григорий Ефремов, в поисках заработка, перебрался в Тарусу, где женился на местной уроженке Александре Ганьшиной. Михаил был младшим в их многодетной семье из шестерых детей.

Впрочем, генерал Ефремов оказался связан с Орловщиной не только происхождением, но и службой. Когда незадолго до начала Второй Мировой войны, летом 1938 года вновь, после долгого перерыва, был воссоздан Орловский военный округ, то первым его командующим назначили именно комкора Ефремова. Михаил Григорьевич, прибыв в Орёл, поселился в доме №26 по улице 7 Ноября. На этом здании в настоящее время имеется мемориальная доска.

А в деревне Ольховец Залегощенского района местные жители до сих пор рассказывают то ли быль, то ли легенду, как однажды перед войной, навевая страху на местное начальство, приезжал к ним генерал Ефремов навестить родительский дом.

Так уж вышло, что судьба прославленного генерала и его семьи, в которой, кроме него, ещё два брата погибли на войне, перекликается с историей другой семьи Ефремовых – уроженцев села Никольское Покровского района *(до 1962 года – Дросковского – А.П.)*.

Братья из села Никольского

2 мая 1945 года на одной из улиц Берлина бойцы и командиры разных частей, принимавших участие в штурме города, стали свидетелями неожиданной

встречи. Майор-автомобилист крепко обнимал совсем молодого рядового пехотинца, громко восклицая: «Ты как здесь оказался?».

Так в столице побеждённой Германии встретились два брата – старший, воевавший с осени 1941 года, и младший, боевой путь которого начался уже в январе 1945, – Леонид. Свидетели встречи услышали и шутливый ответ рядового: «Раз вы пятеро не смогли фашистов быстро разгромить, пришлось и мне идти на фронт».

В семье Петра Егоровича и Феодосии Ульяновны Ефремовых, проживавших в селе Никольское Дросковского района, было восемь детей. Шестерым братьям довелось принять участие в Великой Отечественной войне.

Так сложилась судьба всех Ефремовых, что словно бы кто-то специально поделил их на две равные части: трое старших и трое младших. Красноармеец Михаил Ефремов погиб 26 февраля 1944 года при освобождении Белоруссии. Семен Ефремов воевал в танковых частях, освобождал родную Орловщину и город Орёл, откуда прислал родным последнее письмо. Григорий Ефремов, третий из братьев, защищал подступы к Москве и пропал без вести в сентябре 1941 года.

Более благосклонной оказалась военная судьба по отношению к Константину, Алексею и Леониду, младшим братьям. Константин начал войну в должности командира отделения, а закончил её начальником автомобильной службы полка. Был ранен и контужен. Боевые заслуги майора К.П. Ефремова были отмечены четырьмя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-ой степени и многими медалями. Войну Константин Ефремов закончил в Берлине. После Победы К.П. Ефремов продолжил военную карьеру и завершил службу в 80-ые годы XX века в звании генерал-майора.



Константин Петрович
Ефремов

Алексей Ефремов начал воевать в 1943 году, в десантных войсках. За мужество, проявленное в боях, он был награждён орденом Красной Звезды.

Младший из тех, кому довелось повоевать, – Леонид Ефремов. Когда в феврале 1943 года село Никольское освободили, молодых ребят непризывного возраста мобилизовали на разминирование минных полей в районе (дважды здесь проходила линия фронта, мин, и наших, и немецких, было много). Леонид с товарищами более года разминировал прифронтовые полосы. Ему повезло – остался жив и ни разу не был ранен.

В январе 1945 года Леонида Ефремова призвали в армию. Участвовал он в боях на территории Польши и Германии, освобождал Берлин. Там и состоялась его встреча с братом Константином.



Леонид Петрович Ефремов

Шесть братьев Ефремовых ушли воевать, защищая Родину. Трое не вернулись домой. Один пропал без вести в России, сражаясь под Москвой, другой – освобождая Украину, а третий лежит в сырой земле Белоруссии.

Трое братьев Ефремовых, защитив честь и независимость Отчизны, вернулись живыми. Константин Петрович, генерал-майор в отставке, жил в столице Белоруссии Минске, Алексей Петрович – на Украине, в городе Запорожье, а самый младший, Леонид Петрович, поселился в родных местах – в посёлке Покровское. Никого из них нет теперь в живых, но у всех трёх братьев – в Белоруссии, на Украине и в России остались дети и внуки, которые помнят и знают, как их отцы и деды воевали с фашизмом, защищая Советский

Союз и не жалея для этого своих жизней.

Малая часть большой Орловщины...

В Томе 9 «Книги Памяти» (Покровский и Урицкий районы) значатся фамилии 70 однофамильцев и родственников Ефремовых, погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны. И это – только малая часть всех Ефремовых, отдавших свои жизни во имя Родины.

А те, кто продолжает жить, её славят и помнят. Журналист и поэт Сергей Ефремов, уроженец той самой деревни Ефремово, о которой я упоминал, и в которой уже не осталось ни одного жилого дома, написал:

«Деревенька моя, не могу на тебя наглядеться,

Заберу тебя в память и в самые сладкие сны...»

И пусть в этих снах никогда больше не будет войны! Чтобы не пришлось гибнуть Ефремовым и многим другим русским людям с замечательными русскими фамилиями...

Жестовские

Фамилия, о представителях которой я расскажу, - достаточно редкая на Орловщине. Если уж быть точным, то она встречается только в одном населённом пункте – селе Верхососенье Покровского района. Но эта фамилия, несмотря на её схожесть с польской, - исконно орловская, поскольку однодворцы Жестовские жили в Верхососенье уже с конца XVII века, а их потомки продолжают хозяйствовать здесь и по сей день. Я не буду озвучивать версии по поводу происхождения этой фамилии, - мне они кажутся неубедительными, и потому сразу перейду к сути.

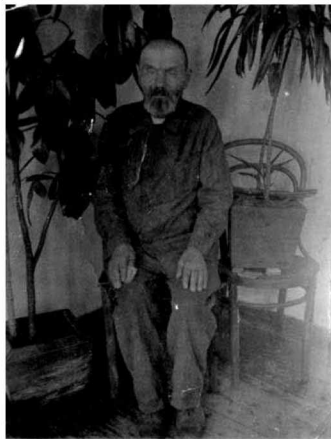
Как крестьянин из Верхососенья на латышской красавице женился

Мой повышенный интерес к Жестовским начался весной 2014 года - с письма из Днепропетровска от Валентины Николаевны Руденко (в девичестве – Жестовской). Она поведала, что собирает данные по своей родословной и просила помощи в выяснении деталей по покровским корням своих предков.

Я пообещал ей, и в благодарность она прислала большое количество документов и фотографий, касающихся её большого и разветвленного семейства.

Оказалось, что прадед Валентины Николаевны Руденко, Василий Матвеевич Жестовский, уроженец села Верхососенье Малоархангельского уезда, в 80-ые годы XIX века проходил царскую службу в Прибалтике, в городе Либава (ныне – Лиепая). И влюбился там орловский парень в местную девушку по имени Дора. Рослый и симпатичный Василий тоже пришёлся по сердцу красавице-латышке, и когда закончился срок службы, то решили молодые пожениться. Но условия и ограничения в социальных отношениях тех лет привели к тому, что новая семья не осталась на родине невесты и не поехала на Орловщину, а поселилась в Александровском уезде Екатеринославской губернии (*сейчас это Запорожская область Украины – А.П.*). Там же родились у Жестовских за два десятилетия совместной жизни 11 детей.

У каждого из сыновей и дочерей оказалась интересная и достойная судьба, и большинство уже отправилось в вечный покой на территории современной Украины. А двое лежат в сырой земле Алтая, куда их привёз в период столыпинских реформ глава рода, верхососенский уроженец, Василий Матвеевич Жестовский. В 1908 году он с большим своим семейством переселился, в поисках лучшей доли и земли для многочисленного семейства, в новое село Орлеан (*в те годы в первое время - Барнаульского, а чуть позже - Славгородского уезда Томской губернии – А.П.*), став одним из его основателей.



Жестовский Василий Матвеевич

К Ленину за трактором

После революции один из сыновей Василия Матвеевича, Яков Васильевич Жестовский, оказался причастен к героической и трагической истории установления Советской власти на Алтае. О Якове стоит обязательно сказать несколько слов.

Он перебрался на далёкий Алтай вместе с отцом, уже будучи почти совершеннолетним. Вскоре после смены места жительства призвали Якова Жестовского в царскую армию. Пять лет он «тянул солдатскую лямку» там же, в Сибири, а потом возвратился к мирной жизни – в село Орлеан. Впрочем, работой

на земле бывшему солдату пришлось заниматься недолго. Началась I Мировая война, на которую одним из первым был мобилизован Яков Жестовский.



Жестовский Яков Васильевич (на службе в царской армии, Омск, 1915)

Не трусил, воевал храбро и умело, заслужив авторитет среди окопных товарищей. Поэтому, когда произошла Февральская революция, и начали создаваться солдатские комитеты, он был избран на Полоцкий армейский съезд, где представлял интересы фронтовиков своего полка.

Но война ещё продолжалась, и в самом конце 1917 года Яков Жестовский получил тяжёлое ранение. Два месяца провалялся он в одном из московских госпиталей и, едва оклемался, поехал на побывку в Сибирь, к родным, которых не видел три долгих года.

Здесь, на родине, в период установления Советской власти, фронтовик показал свои исключительные организаторские способности. Был заместителем председателя исполкома и заведующим уездным земельным отделом, организатором партизанского движения: воевал до окончательного очищения уездного города Славгорода от колчаковских войск.

Весной 1921 года Яков Жестовский возглавил одну из первых в Сибири сельскохозяйственных коммун – «Свобода» (Камышинской волости). Коммунарам было выделено 1600 гектаров земли в совершенно безлюдной местности. Первой их постройкой стала кузница, в которой сам председатель коммуны Яков Жестовский ковал, ремонтировал старые сохи и конные плуги.



Коммунары коммуны «Свобода» (Алтай, 1922)

Но примитивная эта техника часто ломалась: не выдерживали лемехи на никогда не пахавшейся прежде целине. Не тянули и лошади. И тогда Жестовский на общем собрании коммунаров предложил поехать в Москву, к Ленину, за трактором, который он увидел в столице, находясь два месяца в госпитале.

Коммунары согласились и отправили в Москву небольшую делегацию во главе с автором предложения. Путешествие до столицы длилось несколько недель. 2 февраля 1922 года состоялась у Жестовского памятная на всю жизнь встреча с руководителем Советского государства.

По воспоминаниям Якова Васильевича, он тогда по-военному представился и сказал, почему коммунарам нужен трактор. Владимир Ильич с сожалением посетовал, что советских машин для работы на земле пока ещё нет, но уверенно заявил, что они скоро появятся. А председателю алтайской коммуны «Свобода» Ленин распорядился выделить трофейный английский трактор «Рустон-проектор» и доставить его на станцию Славгород за счёт государства.

Осенью 1923 года с помощью ленинского подарка получили коммунары с распаханной целины столько хлеба, что могли и соседям помочь. А то первое поле, которое было поднято «Рустоном», стало называться Ильичёвым.

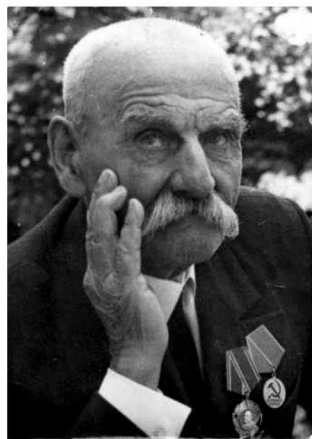
Два года успешно просуществовала на Алтае коммуна «Свобода», а в 1924 году часть коммунаров решила переехать на территорию нынешней Днепропетровской области, где создали они колхоз имени Ленина, успешно работавший вплоть до распада СССР.

Яков Васильевич Жестовский, поселившись на Украине, работал на руководящих должностях в Днепропетровской, Запорожской областях, а годы войны – и в Сталинградской области.

Государство высоко оценило его заслуги, наградив орденом Ленина и несколькими медалями. Одну из них – «За освоение целинных и залежных земель» - Яков Васильевич особенно ценил.

О трудовом подвиге участника двух войн, первого председателя алтайской коммуны «Свобода», была написана поэма «Ильичёво поле» (автор – Анатолий Сорокин), а в Новосибирском музыкальном театре - поставлен спектакль по пьесе В.Михановского и на музыку Г.Иванова, в основу которого легли реальные события, относящиеся к коммуне «Свобода». Главным действующим лицом спектакля стал *Иван Жестковский*, в образе которого легко угадывается наш герой.

В середине 60-х годов XX века Яков Васильевич Жестовский посетил Покровский район. Он пытался отыскать своих родственников в селе Верхососенье, в котором родился его отец. Вскоре после этого визита уехали на Украину



Жестовский Яков
Васильевич

две семьи Жестовских, поселившиеся на Днепропетровщине. Умер ветеран, прославивший орловскую фамилию Жестовских, в 1971 году.

Двое из сыновей Якова Васильевича принимали участие в Великой Отечественной войне. Павел погиб в боях под Сталинградом, а Николай (отец Валентины Николаевны Руденко), тяжело раненный, выжил, после войны сумел закончить институт и работал потом в учреждениях системы образования на Украине.

Защитники страны и участники её освоения

А теперь о том, что мне удалось найти по верхососенским Жестовским в Государственном архиве Орловской области и с помощью опросов жителей Верхососенья.

Итак, в 1782 году в селе проживало 13 семей по фамилии «Жестовские», в 1811 году – 23 семейства, в 1858 году – 18 семей с такой фамилией. В годы Советской власти только за период с 1928 по 1941 год в Верхососенья в семьях Жестовских родился 51 младенец. В среднем, каждый 11-й двор в огромном селе носил фамилию Жестовские.



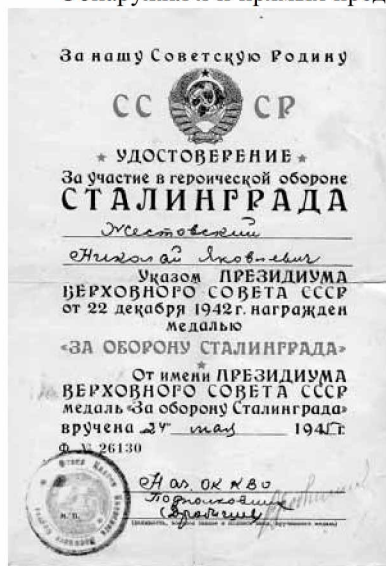
Руденко (Жестовская) Валентина Николаевна с мужем и дочерью

Обнаружил я и прямых предков Валентины Николаевны Руденко (Жестовской).

Они оказались перечислены в нескольких ревизских сказках однодворческих крестьян Малоархангельского уезда. В 1782 году главой этой семьи назван Пётр Тихонов сын Жестовский, а само семейство состояло тогда из 25 человек (три поколения были представлены здесь в полном объёме).

Ревизские сказки и метрические книги Богоявленской церкви села Верхососенья позволили мне выяснить, что однодворцы Жестовские служили в русской армии (в каждой четвёртой семье молодые мужчины уходили в ратники или рекруты), участвовали в русско-турецких войнах XVIII века и в битвах с Наполеоном.

В самом начале XX века (1806 и 1812 годы) две семьи Жестовских были переселены на юг, в Кавказскую губернию, став активными участниками освоения этого ре-



гиона, в 50-ые годы XIX века несколько семейств отправились в Тобольскую

губернию, а в период столыпинских реформ Жестовские обживали незаселённые места той же Сибири.

С началом Великой Отечественной войны два десятка мужчин этого рода из села Верхососенье отправились защищать Родину, и семеро из них погибли или пропали без вести.

Вот такие они были – Жестовские. В послевоенные годы очень многие представители фамилии, в поисках лучшей доли, работы или ради учёбы, покинули родное Верхососенье, разъехавшись по городам и весям огромной страны. Стали они врачами, учителями, работниками органов МВД (и не на последних ролях). Живут в Москве, Кемерово, Нижнем Тагиле, Саратове, Орле, на Алтае, в Краснодарском крае, на Украине и в Прибалтике. А в самом Верхососенье осталось сейчас три семьи Жестовских – как наследники памяти огромного когда-то рода, украсившего своими деяниями старинное орловское село.

Кошеверовы

Впервые с этой фамилией я столкнулся больше 30 лет назад, когда изучал материалы по Топкам – имению Тургенева в Малоархангельском уезде, доставшемся писателю после смерти матери, Варвары Петровны. В 70-ые годы XIX века Иван Сергеевич сдавал это владение в аренду мценскому купцу Кошеверову. А во второй половине 1880 года Тургенев ему же и продал Топки за общую сумму в 81 тысячу рублей.

Рядом с Тургеневым

Каких-то дополнительных сведений об Александре Ивановиче Кошеверове мне найти не удалось. Зато, изучая документы и письма писателя, я удивился тому, что фамилия купца имела сразу три варианта – кроме названного – ещё «*Кашеверов*» и «*Кашеваров*». Впрочем, удивление моё стало чуть меньше, когда я прочитал в одном из источников версию происхождения данной фамилии. Якобы она произошла от искажённого «кашевар» (у *Владимира Даля* – повар, *стряпун* – А.П.). Некоторым обладателям фамилии не нравилось такое простонародное словечко, и они «облагородили» его, изменив две буквы. Правда, лично мне такая версия кажется неубедительной.

После первого, заочного, знакомства с Кошеверовыми я долго потом не встречал обладателей этой фамилии. Но когда несколько лет назад стал заниматься более глубоко историей Орловского края, сразу в нескольких источниках встретил однофамильцев мценского купца.

Как ни удивительно, первый их них снова, хотя и опосредованно, оказался связан с жизнью Ивана Сергеевича Тургенева. Дело в том, что родившегося в Орле в 1818 году младенца Ванечку крестили в Борисоглебской церкви города, а построил её на свои средства орловский помещик Борис Матвеевич Фёдоров-Кошеверов (чаще потом он писался просто «*Кошеверов*» - А.П.).

На сцене, в литературе и в жизни

Известными личностями в московской театральной среде во второй половине XIX века были братья Сергей Семёнович и Алексей Семёнович Кошеверовы, происходившие из орловских купцов. Они приходились родными дядями великому русскому артисту, нашему земляку, Прову Садовскому. Благодаря племяннику, братья завели тесное знакомство с драматургом Александром Николаевичем Островским. Алексей Семёнович Кошеверов послужил ему прообразом Русакова в пьесе «Не в свои сани не садись».

Сергей же Семёнович примыкал к литературному сообществу, сложившемуся вокруг популярного журнала «Москвитянин». Его сын, Александр Сергеевич Кошеверов, стал известным артистом, играл в Московском Художественном театре (роли Бориса Годунова в «Царе Фёдоре» и в «Смерти Иоанна Грозного», Мизгиря в «Снегурочке», Серебрякова в «Дяде Ване» и другие – А.П.).

Неоднократно Кошеверовы (купцы и мещане) попадались мне при изучении «Памятных книжек и адрес-календарей» Орловской губернии за различные годы, причём, практически все – только по двум городам – Орлу и Мценску. К примеру, купец Иван Иванович Кошеверов назван в 1897 и 1898 годах гласным Мценского уездного земства, а мещанин Иван Петрович Кошеверов в те же годы являлся членом Мценской городской управы и заступающим место городского головы (говоря современным языком – заместителем – А.П.).

В рассказе Леонида Андреева «Жили-были» обнаружил я богатого и одинокого купца Лаврентия Петровича Кошеверова. А реальный Иван Кошеверов в 1921 году в Орле сам выпустил малюсенькую (16 страниц) книжку стихов под названием «Взмахом крыльев».

В Государственном архиве Орловской области есть личный фонд этого бывшего революционера, поэта и сотрудника газеты «Красный Орёл». Кроме стихов, Иван Дмитриевич Кошеверов писал публицистические и краеведческие статьи и занимал должность заведующего Орловским губернским архивным бюро.



Мейерхольд и Кошеверов (Иоанн Грозный и Борис Годунов),
1899 г.

Сапожник из Красного Луча

Но самое тесное общение с представителями этой фамилии у меня началось в 2014 году, когда на сайт Покровского клуба творческих личностей «Мас-

тера» (<http://klub-mastera.narod.ru/>) пришло электронное послание из латвийского города Екабпилса. Незнакомая мне до этого времени Ольга Лещёва-Кошеверова просила помочь в поиске родственников, корни которых были скрыты глубоко в орловской земле.

Честно говоря, когда я согласился помочь, то не особо рассчитывал на успех, потому что слишком мало имелось исходных данных. Но...попытка не пытка, подумал я – и приступил. О поисках родственников Ольги по женской линии (*их фамилия – Ларины – А.П.*) умолчу, поведу речь только о Кошеверовых.

Итак, жила до войны в посёлке Красный Луч Покровского района Орловской области вдова с ребёнком. Её муж, Филипп Борзов, призванный в Красную Армию, погиб при исполнении служебных обязанностей. Возможно, так и пришлось бы Матрёне Степановне одной «поднимать на ноги» сына Николая, да появился однажды в посёлке незнакомец, взявшийся за починку обуви у местных жителей.

Народ здесь жил небогатый, на покупку новых сапог или валенок редко решался, подлатать было что, и потому подались многие к сапожнику, оказавшемуся замечательным мастером. В результате, задержался он в посёлке, а потом и остался, сделав предложение приглянувшейся ему Матрёне Борзовой. Так образовалась новая семья Кошеверовых – именно такую фамилию, не покровскую, необычную для здешних мест, носил пришлый сапожник. Это и были будущие бабушка и дедушка моей знакомой Ольги из латвийского города Екабпилса.



Кошеверов Николай Михайлович

До войны у Николая Михайловича и Матрёны Степановны Кошеверовых родилось двое детей – Саша и Вася. 23 июня 1941 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, Николая Михайловича Кошеверова мобилизовали, он ушёл на фронт.

Чудо в Алитусе

А поздней осенью 1941 года посёлок Красный Луч, как и весь Покровский район, оккупировали гитлеровцы, установившие здесь свои «порядки». Зимой 1943 года несколько десятков семей из Красного Луча и окрестных деревень (в том числе и Матрёну Кошеверову с тремя детьми) гитлеровцы угнали на принудительные работы. Шли пешком пять месяцев, побирались по дороге, спасаясь от голода. Весной 1943 года добрались орловские изгнанники до Прибалтики, оказавшись вначале в городе Алитусе. Здесь почти два года действовал фашистский концлагерь для военнопленных «Шталаг-343», а потом гитлеровцы превратили его в лагерь для перемещённых лиц. Матрёна Кошеверова с детьми

и односельчанами попала сюда как раз в период смены его статуса, когда там ещё оставалась часть военнопленных.

И вот, когда однажды ночью Матрёна совершала очередную вылазку (под страхом жестокого наказания) под двумя рядами колючей проволоки, в поисках еды для голодающих детей, случилось чудо (и другими словами это назвать нельзя – А.П.). Она – лицом к лицу – столкнулась с пролезающим через соседние ряды заграждений своим мужем Николаем!

Представляешь, читатель, два года они не знали друг о друге ничего, а встретились в немецком лагере на территории Прибалтики! Рассказал Николай Михайлович жене, что попал в плен в одном из первых боёв 1941 года, помыкался по другим местам, прежде чем здесь оказаться.

Несколько дней после той счастливой ночи, договариваясь, Матрёна и Николай Кошеверовы общались в укромном месте за пределами лагерной территории.

А потом судьба вновь их развела – военнопленных отправили в какой-то другой лагерь, а Матрёну с детьми забрала к себе хозяйка хутора Красес (*ныне это Абельская волость Екабпилского района Латвии – А.П.*) Гайда Вейнберна. Она оказалась очень порядочной и доброй женщиной, благодаря которой все Кошеверовы выжили, и даже прибавились численно в семействе. В мае 1944 года на свет появился Леонид Кошеверов – плод любви тех нескольких горячих встреч в алитусском лагере.

Остались в Прибалтике

А потом снова почти год не было никаких известий о главе семейства, возвращения которого ждали теперь уже пятеро. Но – не дождалась! Освобождённый из фашистских лагерей тем же летом 1944 года, Николай Кошеверов благополучно прошёл спецпроверку и был направлен в 449 стрелковый Ковенский полк 144 стрелковой Виленской дивизии. Сражаясь в её составе, красноармеец Кошеверов погиб там же, на территории Прибалтики. Согласно списку безвозвратных потерь дивизии, это случилось 1 сентября 1944 года.

Но его вдова, Матрёна Степановна, получила «похоронку», в которой извещалось, что её муж, «верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, погиб 12 февраля 1945 года». Однако в обоих документах местом захоронения названо местечко Шаки (*ныне – город Шакяй*) в Литве. А вот почему даты смерти разные, причём, с разрывом в полгода, – это пока тайна. Моё предположение, что 1 сентября



Ольга Лещёва-Кошеверова и
её муж Виталий - в Покров-
ском районе
(20 октября 2014)

красноармейца Кошеверова, после спецпроверки, только зачислили в полк, и это же число писарь потом по ошибке внёс в дату смерти.

Получив извещение о смерти мужа, Матрёна Степановна Кошеверова, в память о нём, решила остаться с детьми на постоянное жительство в Прибалтике – отсюда до могилы любимого человека было гораздо ближе, чем с Орловщины.



Братская могила в г.Шакай

Поклониться могиле деда, павшего во имя уничтожения фашизма, несколько лет назад ездила в небольшой уютный литовский городок Шакай и Ольга Лещёва-Кошеверова с мужем. Та поездка и стала отправной в её поисках своих корней, а к чему привели эти поиски – я расскажу в следующем материале.

Кошеверовы – финал?

В жизни происходят иногда мистические события, которых, по определению, быть не должно. Вот и я, уже зная о просьбе жительницы Екабпилса Ольги Лещёвой-Кошеверовой помочь в поисках её орловских корней, но, ещё не определившись, с чего начать, через несколько дней после получения письма из Латвии знакомился в Государственном архиве Орловской области с материалами из фонда 492 («Свидетельства об окончании женских училищ, гимназий и др.» - А.П.). И вдруг обнаружил на листе 188 документ на лицо мужского пола.

Два брата

Цитирую его полностью:

«Свидетельство.

Кошеверов Дмитрий Михайлович, родившийся 21 октября 1904 года, успешно окончил курс учения в Александровском Сиротском двухклассном училище Министерства Народного Просвещения, а потому имеет право на льготу

3-ого разряда, установленную п.2 ст.56 Устава о воинской повинности, в чём и выдано сие свидетельство за печатью училища 1918 года июня 5 дня.

Заведующий училищем С.К... (подпись неразборчива), законоучитель священник Николай Высотский, Учительницы – В. Дудевская, А.Дыбина».

К «Свидетельству» прилагалась копия *«Выписки из метрической книги Николаевской церкви города Орла «О родившихся за 1904 год»*. В ней было записано, что 21 октября 1904 года у орловских мещан Михаила Сергеевича и Варвары Николаевны Кошеверовых родился сын Дмитрий.

25 октября его крестили в Николаевском храме священник Василий Добродеев и диакон Василий Попов. Восприемниками (крестными отцом и матерью) выступили орловские же мещане Фёдор Николаевич и Анна Николаевна Столяровы.

Подумал я тогда: *«Бывает же такое, ведь, вполне возможно, что это родной брат Николая Михайловича Кошеверова, жителя Красного Луча, погибшего в Прибалтике» (по датам рождения – 1904 и 1906 – они вполне могли быть такими – А.П.)*.

Но моё предположение требовалось подтвердить другими документами, благо в ГАОО оказались целы многие метрические книги и «Исповедные ведомости» Николаевской церкви города Орла (*чаще этот храм именуют как церковь Николы Рыбного, потому что находилась она в торговых рыбных рядах, рядом с Молочным рынком, в самом начале современной Черкасской улиц. В начале 1930-х годов её закрыли, в конце 1930-х - снесли. На месте церкви в настоящее время - строения производственного предприятия. - А.П.*).

Через неделю я начал знакомиться с заказанными материалами. Мне повезло быстро и дважды. В Метрической книге Николаевской церкви города Орла за 1906 год, в части первой, «О родившихся», я обнаружил запись под № 29 (цитирую):

«13 октября 1906 года родился, 17 октября - крещён Николай.

Родители – орловский мещанин Михаил Сергеев Кошеверов и законная жена его Варвара Николаева, оба православные.

Восприемники – орловский мещанин Александр Николаев Столяров и орловская мещанская девица Анна Николаева Столярова.

Таинство крещения совершал священник Василий Добродеев с диаконами Василием Поповым и Григорием Глаголевым».

Таким образом, в двух обнаруженных мною документах (*первом – чуть раньше, втором – позже – А.П.*) – за 1904 и 1906 годы – совпало почти всё, включая восприемников (*крёстных родителей – А.П.*). Дмитрий и Николай



Дмитрий Михайлович Кошеверов

Кошеверовы, действительно, оказались родными братьями. А в метрических книгах названы полностью их родители: Михаил Сергеевич и Варвара Николаевна.

Жительствовали в приходе Николаевской церкви

Эту удачу-открытие дополнила и ещё одна. Просматривая *«Книгу записи брачных обысков Николаевской церкви г.Орла за 1897 – 1911 годы (ГАОО, ф.101, опись 2, ед.хр.4338)»,* на листе 5 нашёл я «Обыск брачный № 19», согласно которому 19 октября 1897 года священник Григорий Соболев, диакон Василий Попов и псаломщики Георгий Архангельский и Григорий Глаголев выясняли, нет ли каких-либо ограничений для вступления в брак (*это и называлось брачным обыском – А.П.*) у жениха и невесты.

Женихом был назван *«орловский мещанин Михаил Сергеев Кошеверов, православный, ратник ополчения второго разряда, 27 лет, холост, жительствоует в приходе Николаевской города Орла церкви».*



Церковь Николы Рыбного в Орле

Невестой же оказалась *«орловская мещанская дочь девица Варвара Николаева Столярова, православная, 19 лет, девица, жительствоует в приходе Ильинской города Орла церкви».*

Бракосочетание молодых состоялось 19 октября 1897 года в Николаевской церкви. Таким образом, я мог теперь с уверенностью сказать своей латвийской знакомой: *«Родовые корни Вашего деда найдены, и они – в Орле!».*

При дальнейшем, более детальном исследовании «Исповедных ведомостей Николаевской церкви города Орла» в приходе этого храма я обнаружил более десятка семей мещан Кошеверовых, живших здесь, начиная со второй половины XVIII века (*а возможно, и раньше – А.П.*).

Из Екабпилса в Санкт-Петербург – через Орёл

Но вот в общероссийском масштабе Кошеверовы оказались фамилией достаточно редкой. На сайте ОБД «Мемориал.Ру» я нашёл только 26 записей, причём, восемь из них относились к уроженцам Орловщины. Как ни печально, кроме Николая Михайловича Кошеверова, значился в этом скорбном списке и его брат Дмитрий Михайлович, в момент призыва – житель города Устюжна Вологодской области, старший лейтенант, командир роты 506 стрелкового полка 198 стрелковой дивизии, погибший 22 января 1944 года и похороненный в д.Красное Драготино Ленинградской области.

Получается, что братья в детстве остались сиротами, а потом судьба развела их в разные стороны, и они покинули родной Орёл, соединившись снова уже после смерти – в общем списке на сайте ОБД «Мемориал.Ру» как погибшие во имя защиты Родины.

Найденные мной сведения я отправил Ольге Лещёвой-Кошеверой в Латвию и опубликовал несколько материалов о своих поисках на сайте «Мастера» (<http://klub-mastera.narod.ru/>). А 29 января 2015 года на почту сайта пришло неожиданное письмо из Санкт-Петербурга. Я процитирую его основные моменты:

Здравствуйте, уважаемый Александр Михайлович!

С большим интересом прочла ваши статьи о семье Кошеверовых, могу добавить некоторые сведения о Дмитрие Михайловиче Кошеверове – отце моего мужа. С его слов мне известно, что он действительно воспитывался в детском доме г. Орел, т.к. в детстве остался сиротой. Что случилось с его родителями - не знаю. То, что у него был родной брат, мне также до настоящего времени не было известно, думаю, что муж также об этом не знал. Значит, у нас есть еще родственники, о которых мы и не подозревали. У меня на руках то самое удостоверение, с записью в метрической книге, о рождении с указанием имен отца и матери Дмитрия Михайловича, о котором Вы писали, так что ошибки быть не может.

Что мне известно? Дмитрий Михайлович Кошеверов был женат на уроженке города Мценск Чукаевой Евдокии Ивановне, 1909 года рождения.

Некоторое время работал на Сельскохозяйственном Машиностроительном заводе Орловского Губсовнархоза слесарем, а в 1925 году был командирован на рабфак Политехнического института в г. Ленинград, в 1931 году окончил Ленинградский Политехнический институт им.Калинина и остался жить и работать в Ленинграде. У него родились двое детей – Ирина Дмитриевна (1929 г.) и Владислав Дмитриевич, 1939 года рождения. К сожа-



Дмитрий Кошеверов с женой

лению, их обоих уже нет в живых, но сегодня в Санкт-Петербурге живут их дети и внуки.

Тогда, в 1941 году, семья Кошеверовых была эвакуирована в г. Устюжну Вологодской области, поэтому Дмитрий Кошеверов и призывался в РККА Устюженским райвоенкоматом. После войны жена с детьми вернулась в Ленинград уже одна. Муж говорил, что его отец пошел на фронт добровольцем. Он погиб при окончательном прорыве блокады нашего города. Есть похоронная...

Большое спасибо Вам за проведенное исследование. Будем рады, если откликнутся наши вновь найденные родственники.

С уважением, Ирина Кошеверова.

Я немедленно ответил Ирине Кошеверовой, попросив разрешения дать её контакты для родственницы в Латвии. Она любезно согласилась. Я отправил электронное письмо в Екабпилс – с сообщением Ольге Лещёвой-Кошеверовой о найденных родственниках. Она мне быстро (30.01.) ответила:

«Александр Михайлович, какая радость! Читала письмо Ирины и плакала, голос срывался. Конечно, хотим общаться, а я думаю, чего меня в Питер тянет. Поездки запланировали на июнь, и тут Ваше письмо. Радость переполняет. Огромное Вам спасибо. С уважением, Ольга, Виталий и вся наша семья».

В следующих письмах из Санкт-Петербурга от Ирины Кошеверовой я получил некоторые подроб-

★

КОШЕВЕРОВУ В.Д.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
АРХИВ
Министерства обороны
14. сентября 1995г.
№ 11, 109097.
142100, г. Подольск, Московской обл.

В картотеке учета потерь офицерского состава значится:
"ст. лейтенант КОШЕВРОВ (фамилия так в тексте) Дмитрий Михайлович, 1904 г.р. (место рождения не указано), командир стрелковой роты 506 стрелкового полка 198 стрелковой дивизии, убит 22.I.1944г., похоронен в д.Кр. Драгушино Ленинградской обл. (так в тексте).
Кошеверова Евдокия Ивановна (степень родства не указана), проживала: Вологодская обл. г.Устюжанск, ул. Трудовая Коммуна, д.10".
По архивным документам установлено, что 22.01.1944г. 198 стрелковая дивизия вела боевые действия в районе н.п. Гладкий Мох, Грустия, Демино, располагавшихся в 8 км северо-восточнее и восточнее крупного н.п. Лябань Ленинградской обл. (в указанном районе н.п. Кр. Драгушино не указан).
Основание: ф.1458, оп.1, д.34, л.105,
т/к № 255.

При ответе сослаться на ваш номер в лату.

Зав. архивохранилищем
исп. Бриленко,
Голева
вт

КОШЕВЕРОВА

ности о жизни членов её семьи и фотографии. Оказалось, что Вячеслав Дмитриевич Кошеверов, сын погибшего на фронте офицера, воспитывался в Суворовском училище, потом закончил Ленинградский политехнический институт, как и его отец. Всю жизнь Вячеслав Кошеверов занимался военной наукой. В

27 лет защитил кандидатскую, а в 1991 году получил степень доктора технических наук. Был очень скромным, очень добрым и надежным человеком. К сожалению, он скончался в 1999 году. Его фамилию продолжают жена Ирина и двое детей – сын Игорь и дочь Вера. К ним в Санкт-Петербург летом 2015 года уже приезжали в гости Лещёвы-Кошеверовы из латвийского города Екабпилса. А мне приятно, что этому объединению родственников я имел самое непосредственное отношение.

Леоновы.

В небесах, на земле и на море

Старинная русская фамилия «Леонов» произошла от канонического церковного имени Леон (латинское “leo” – “лев”). Имя было достаточно редким, а позже и почти совсем вышло из употребления, но, как ни странно, появившаяся на его основе фамилия оказалась одной из самых распространённых в России, а на Орловщине – так вообще она занимает второе место по числу её представителей.

В соответствии с именем

Среди Леоновых – огромное количество выдающихся личностей практически во всех сферах деятельности, стоит вспомнить хотя бы космонавта, дважды Героя Советского Союза, первого человека, вышедшего в открытый космос, – Алексея Архиповича Леонова, или выдающегося российского артиста Евгения Павловича Леонова.

Орловские обладатели этой фамилии, может быть, несколько уступают вышеназванным знаменитостям, но они тоже оставили заметный след в российской истории. Прежде всего, стоит сказать о защитниках Земли Русской. Красноармеец Дмитрий Леонов, уроженец деревни Агеевка 1-ая Орловского района, сражаясь во время советско-финляндской войны, пропал без вести в 1940 году. А в годы Великой Отечественной войны только из Покровского района ушло на фронты несколько сотен Леоновых, и 60 человек из них, храбро сражаясь, погибли, пропали без вести или умерли от ран в госпиталях. Многие из наших земляков – как погибшие, так и дожившие до победы, были удостоены за свои подвиги орденов и медалей.

Единственный в мире

Об одном из Леоновых стоит рассказать отдельно. Уроженец деревни Моговка (ныне – Шаблыкинского района – А.П.), лётчик Иван Леонов, сражаясь с врагом в огненных небесах, сумел отличиться несколько раз. Вот как описал всего лишь один день храброго пилота командир 192 истребительного авиаполка гвардии подполковник Федотов:

«В Отечественной войне с немецкими захватчиками т.Леонов участвовал на Центральном фронте с 6 мая по 5 июля 1943 года. За это время произвёл 10 успешных боевых самолёто-вылетов.

5 июля 1943 года при сопровождении бомбардировщиков Пе-2 в районе Понеры группа истребителей противника пыталась атаковать ведущего группы Пе-2. Решительной и смелой атакой т. Леонов сбивает ведущего группы истребителей противника. Остальные истребители в панике рассыпались и не пытались больше производить атак по Пе-2, что дало возможность нашим бомбардировщикам выполнить боевое задание...

В тот же день, выполняя задание по прикрытию своих войск в районе Понеры – Малоархангельск, командир группы, старший лейтенант Шестак из-за облаков был атакован четырьмя ФВ-190. Товарищ Леонов, принимая удар на себя, спасая жизнь командира, в упор сбивает ФВ-190. В это же время он подвергается атаке вторым ФВ-190. Самолёт т.Леонова загорелся, сам он получил тяжёлое ранение в плечевой сустав левой руки. Не имея возможности управлять самолётом, отбиваясь от повторных атак ФВ-190, т.Леонов выбросился на парашюте из горящего самолёта (самолёт противника упал в районе ст.Змиёвка, спустившийся на парашюте немецкий лётчик застрелен бойцами 33-го стрелкового полка, что письменно подтверждает командир взвода 331-го СП лейтенант Зимин от 5.7.1943 года).

За проявленное мужество и доблесть в борьбе с немецкими захватчиками в дни Орловской битвы т.Леонов достоин правительственной награды – ордена «Красное Знамя».

Это представление командир 192-го истребительного авиаполка написал 17 марта 1944 года, уже после того, как лётчик после восьмимесячного лечения в госпиталях был выписан с формулировкой: «К лётной работе не годен».

28 марта 1943 года командир 279 истребительной авиадивизии (192 ИАП входил в неё – А.П.), гвардии полковник Благовещенский согласился с предложением командира полка, подписав в пункте «Заключение вышестоящих начальников» (что было большой редкостью в наградных документах – А.П.): «За короткий период пребывания на фронте с 6

мая по 6 июля 1943 года товарищ Леонов показал образцы мужества и героизма в борьбе с немецкими захватчиками. Храбро дерясь, в первый день июльского наступления немцев в районе Понеры – Малоархангельск, спасая жизнь командира группы, Леонов был тяжело ранен, и ему ампутировали руку. За героизм и храбрость в проведённых воздушных боях, взаимную выручку, за два лично сбитых самолёта противника достоин награждения орденом «Красное Знамя».



Герой России Иван Леонов

Командующий 16-й Воздушной армией, генерал-лейтенант авиации Руденко согласился с представлением, и приказом по армии № 108/н от 26 апреля 1944 года лейтенант Иван Леонов был удостоен своей первой награды.

Будучи инвалидом войны, он, однако, не захотел расстаться с самолётами и небом. Ещё в госпитале Иван Антонович разработал несколько приспособлений для управления сектором газа без левой руки. Из тонкого листа алюминия смастерили наплечник, приделали к нему шарнир, подсоединяющийся к ручке сектора газа. После госпиталя летчик добился права летать и продолжил воевать на самолете По-2 в рядах ВВС – пилотом в 33-й отдельной авиаэскадрилье связи. Совершил более 50 боевых вылетов, заработав ещё один орден Красного Знамени.

Имя Ивана Антоновича Леонова занесено в Книгу рекордов Гиннеса как единственного в мире боевого лётчика, воевавшего без одной руки (с протезом).

Указом Президента РФ от 16 февраля 1995 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, старшему лейтенанту в отставке Леонову Ивану Антоновичу было присвоено звание Героя Российской Федерации. В 2013 году Почётному гражданину Тулы и Шаблыкинского района, Ивану Антоновичу Леонову исполнилось 90 лет. Его именем названы улицы в Орле и Шаблыкино, школа в Туле, где в настоящее время живёт уроженец ныне исчезнувшей деревни Моговка.

«Действуя решительно и смело...»

Во время событий в Афганистане, в числе наших земляков, выполнявших свой воинский и интернациональный долг, были пятеро однофамильцев Леоновых – из Новодеревеньковского (двое), Болховского, Должанского и Ливенского районов. Один из них, уроженец Новодеревеньковского района, гвардии рядовой Игорь Леонов, служил водителем миномётного взвода парашютно-десантной роты. Его боевая командировка в Афганистан продлилась ровно 9 месяцев – с 13 мая 1987 по 13 марта 1988 года. Игорь за это время успел принять участие в трёх боевых операциях.

13 марта 1988 года он сопровождал колонну из Хайратона в Кабул. На одном из участков маршрута душманы обстреляли боевое охранение колонны из гранатомётов и стрелкового оружия. *«Действуя решительно и смело, гвардии рядовой Леонов занял огневую позицию на обочине дороги и открыл огонь из автомата по противнику. Во время обстрела в результате прямого попадания гранатомёта загорелся бронетранспортёр. Проявив мужество и героизм, рядовой Леонов под обстрелом противника затушил огонь, не допустив подрыва боеприпасов, находившихся в БТР-е».*

К сожалению, во время этого боя наш земляк погиб. За мужество и героизм Игорь Петрович Леонов был награждён (посмертно) орденом Красной Звезды. Похоронили 19-летнего героя в посёлке Хомутово. На его могиле установлен гранитный памятник.

Мистика цифры «8»

*О трагедии подводной лодки «Курск», которая произошла 12 августа 2000 года и унесла жизни 118 моряков, в нашей стране слышали все. А вот о самой первой аварии нашей атомной подлодки **К-8**, случившейся в Бискайском заливе **8 апреля** 1970 года, в СССР знало только высшее руководство.*

Экипаж атомохода составлял 125 человек: 28 офицеров, 31 сверхсрочник, 66 матросов и старшин. Кроме штатной команды, на борту лодки находилось десять человек, прикомандированных из штаба дивизии и с других экипажей.

Был среди подводников и главный старшина сверхсрочной службы Виталий Леонов, наш земляк из села Верхний Жёрновец Покровского района. Он родился 14 сентября 1940 года в многодетной крестьянской семье Василия Поликарповича и Анастасии Дмитриевны Леоновых и стал самым младшим из **восьми** детей. Закончил Виталий Верхнежёрновскую семилетку, работал в родном колхозе, а будучи призван в Советскую Армию, оказался на Северном флоте. Там и остался на сверхсрочную службу, прикипев к подводным кораблям всей душой. Главстаршина Леонов во время пожара оказался в **8-ом отсеке** лодки, сильнее других пострадавшем от огня и дыма: там не спасся ни один из 16 находившихся в нём подводников.

Государственная комиссия, расследовавшая обстоятельства трагедии, отметила массовый героизм, выдержку, высокий моральный дух и профессиональную подготовку экипажа подводной лодки. Члены комиссии ходатайствовали о награждении государственными наградами всех членов экипажа К-8. В действиях экипажа не было усмотрено ни одной ошибки, все делалось грамотно, в соответствии с существовавшими в то время документами по борьбе за живучесть, и своевременно.

Командир подлодки, капитан 2-ого ранга Всеволод Борисович Бессонов, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1970 года за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, посмертно был удостоен звание Героя Советского Союза.

Всю команда — и погибшие, и живые получили государственные награды.

Вот такое письмо пришло в село Верхний Жёрновец родителям Виталия Леонова:

«Уважаемые Анастасия Дмитриевна и Василий Поликарпович!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1970 года за мужество и отвагу при выполнении воинского долга Ваш сын, главный старшина Леонов Виталий Васильевич посмертно награждён орденом «Красная Звезда»...

Командующий Краснознамённым Северным флотом, адмирал флота С.Лобов...»

Я рассказал лишь о нескольких наших земляках Леоновых — защитниках Земли Русской, малой части героического воинства.

Луничевы из деревни Елизаветиной

В ночь на 23 февраля 1943 года никто из членов большой семьи Луничевых, жившей в малоархангельской деревне Елизаветино, не собирался спать. Уже несколько дней в районе города Малоархангельска шли тяжелые бои: части 148-й стрелковой дивизии, преодолевая сопротивление гитлеровцев, вот-вот должны были ворваться на городские окраины. Канонада от стрельбы разнокалиберных орудий доносилась и до Елизаветиной (расстояние-то всего пять километров).

Немцы, которых в деревне обычно было немного, за последнее время буквально наводнили селение и к чему-то лихорадочно готовились. Луничевым раньше других стали понятны замыслы фашистов: под углы их дома, центральная часть которого была каменной, немецкие саперы заложили полтора десятка снарядов.

«Готовятся взорвать в случае отступления» – объяснил жене и старшим детям глава семейства, Афанасий Петрович. «Надо на ночь уходить в огороды, снег глубокий, окопаемся», – скомандовал привыкший руководить местным колхозом «Память Ильича» Луничев.

Через полчаса, постаравшись вынести из дома все самое нужное имущество, выведя из сарая кормилицу-корову Тамару, все Луничевы: Афанасий Петрович, Дарья Поликарповна и семеро их детей (младшему, Виктору, шел третий год) укрылись в заснеженном огороде. Их односельчане поступили также.

Успев за ночь основательно замерзнуть, все елизаветинцы под утро убедились, что поступили правильно: фашисты стали жечь деревню, и огромное зарево, охватившее полнеба, освещало серые шинели поджигателей, перебегавших от дома к дому.

Скоро запылала и луничевская хата. Быстро сгорели деревянные сенцы, выгорела соломенная крыша, остались только четыре каменных стены центральной части. Но, по какой-то причине снаряды, заложенные заранее, так и не взорвались. Зато внутри дома началась вдруг беспорядочная винтовочная стрельба: от огня детонировали патроны, которые один из гитлеровцев забыл в горшке на подоконнике.

По всей видимости, за деревню, не имевшую оборонительных позиций, гитлеровцы цепляться не собирались, но бой за нее, достаточно кровопролитный, хотя и кратковременный, был. (Братская могила на окраине Елизаветиной – как постоянное напоминание о советских солдатах, отдавших здесь свои жизни).

К середине дня в Елизаветиной, в которой не осталось ни одного целого дома, местные жители встретили наконец-то наших.

Продвинуться дальше деревни советским частям не удалось, и линия фронта пролегла почти сразу за сожженными домами. Здесь – с конца февраля по начало июля 1943 года советские и немецкие войска сидели в обороне, время от времени испытывая друг друга в боях местного значения.

И в этих боях каждый раз пополнялось число тех, кто ложился в сырую землю братских могил у деревни Елизаветиной (результат одного из таких боев мая 1943 года увидели две сестры Луничевы – Настя и Шура, вернувшиеся ненадолго в родную деревню: десятки убитых воинов вперемешку с конскими трупами).

Жителям Елизаветиной, оказавшимся без жилья и в прифронтовой полосе, пришлось уходить из деревни в тыл советских войск.

Семейство Луничевых пошло пешком к своим родственникам в д. Приволье (тоже рядом с Малоархангельском, но с другой стороны, на окраине небольшого леса): Дарья Поликарповна – на 6-м месяце беременности, 18-летняя Настя, 16-летняя Шура, 12-летний Николай, 10-летний Леонид, 8-летний Анатолий, 5-летний Вася и 2-летний Виктор.

Но Луничевы шли сюда уже без Афанасия Петровича: бывший председатель колхоза, оставленный в 1941 году по «броню», после освобождения, уже 24 февраля, был призван в ряды Красной Армии.

Он успел еще раз увидеть свою семью – через два дня отпросившись на пару часов с передовой (тогда он воевал прямо за домами деревни). А уже с конца февраля и до начала Курской битвы Афанасий Петрович сражался с фашистами на другом участке – у села Протасово – тоже Малоархангельского района.

Его же большая семья, перебралась сначала в Приволье, потом оказалась в деревне Подгородней, но оттуда вскоре, в ожидании летних боев, уехали все местные жители. Пришлось уезжать и Луничевым, им чуть повезло – их самих и небольшой скарб погрузил на полторку сосед-шофер и отвез их на станцию Вozy (это уже Золотухинский район Курской области).

«Цыганский табор» высадили у большой ракиты, а старшие дочери Настя и Шура с этим же водителем вернулись в Подгороднюю, где осталось самое ценное их имущество – корова Тамара.

Уже знакомый путь сестры Луничевы, ведя корову, проделали пешком до станции Вozy за три дня, ночуя, где придется.

Когда Настя и Шура присоединились к своим, то увидели, что число детей в семье увеличилось на одного: Дарья Поликарповна Луничева 20 мая родила 8го ребенка – дочь Машу.

Жить в Вozах пришлось в одном доме с железнодорожными рабочими, где тягуче пахло мазутом и смолой. Были проблемы с едой, но выручала корова.

Через пару дней Луничевых вдруг навестила тетка Наталья из Приволья (жена брата их отца). Она уехала обратно, пообещав помочь, и через сутки вернулась на лошади.

Дарья Поликарповна и дети сели в большую «бестарку», имущество погрузили в «дрожки», за которыми шла корова Тамара.

Через несколько часов Наталья Федоровна доставила семейство родственников в деревню Седьмиковка, где жили многие елизаветинские беженцы).

Было начало июня, местные праздновали Троицу. Поселились Луничевы у солдаты Вали Жижиной (муж ее был на фронте, и она жила с пятью детьми –

мал-мала меньше). Гостей разместили в зале, где все они спали на полу, и сами хозяева спали в сенях.

В Седьмиковке прожили Луничевы в тесноте, правда, не в обиде, около месяца. Их односельчане – соседи, правдами и неправдами, несмотря на запреты фронтовой зоны, уехали к себе в деревню.

Решили податься домой и Луничевы. Как им это удалось – трудно сказать, но приехали они сразу же после начала наступления наших войск летом 1943 года.

Поселились в блиндаже, который на их огороде был выкопан нашими солдатами зимой 1943 года. В блиндаже пола не было, окон – тоже, находился он в полуподземелье, но сделан был из крепких дубовых бревен.

Корову Тамару поставили в сохранившиеся от сгоревшего родового дома четыре стены. Начали думать, что делать с постоянным жильем.

По примеру соседей, стали разбирать те блиндажи, в которых пока никто не жил.

Взрослых мужиков в семье Луничевых не осталось, и основные тяжелые работы (при подсказке соседей-стариков) делали двое: братья Коля и Лёня (первому исполнилось 14, второму – 12 лет).

Как им удавалось таскать, тесать, шиповать, поднимать на высоту тяжелые дубовые бревна, ставить венцы, стропила, крыть крышу – один Бог ведает, но за летне-осенний сезон два пацана довели дом до окон и дверей.

Зимовать, правда, пришлось-таки Луничевым снова у родственников в Приволье, у тетки Натальи, но с ранней весной вернулись на родное пепелище, где ждал их недостроенный дом.

Николай и Леонид продолжали строительные работы, а остальные трудоспособные приводили в порядок огород. Нужно было закопать блиндажное место и воронки от снарядов и бомб. Одну из таких воронок от огромной авиабомбы выравнивали почти месяц.

В деревне осталось огромное число неразорвавшихся боеприпасов. Несколько соседей погибли при неосторожном обращении с ними, просто при копке огорода.

Луничевым повезло – все остались живы, но малолетние Вася и Маша получили тяжелые ранения при взрыве одной из мин.

Никто не сидел без дела – начали работать в колхозе Дарья Поликарповна, старшие Настя, Шура, средние Коля, Лёня, Толя. Раскапывали вручную, с риском для жизни наштипованные смертоносным железом, поля, носили пешком для посевной пудовые мешки с зерном со станции Малоархангельск, сеяли вручную, косили, ухаживали за постепенно росшим колхозным стадом и – надеялись на лучшую жизнь, которая все не наступала.

Очень ждали живым отца и мужа – но с большим запозданием получили Луничевы извещение о том, что Афанасий Петрович Луничев, проявив мужество, погиб смертью храбрых 8 июля 1943 года. Произошло это во время кровопролитных боев между городом и станцией Малоархангельск, у села Протасово. Немного повоевал Афанасий Петрович, но отличиться успел: приказом

№18/н от 23 июня 1943 года по 507 стрелковому полку 148 стрелковой дивизии снайпер 1-ой стрелковой роты красноармеец Луничев был награждён медалью «За боевые заслуги» - «...за то, что с конца мая по 20 июня 1943 года убил 12 немцев».

Похоронили бывшего председателя елизаветинского колхоза в числе сотен погибших советских бойцов в братской могиле села Протасово, самой большой в Малоархангельском районе. Недалеко ушел Афанасий Петрович от родной деревни – погиб на своей же малоархангельской земле.



Мемориал в селе Протасово, где похоронен Афанасий Петрович Луничев



Луничев Леонид
Афанасьевич



Луничев Николай
Афанасьевич



Луничев Анатолий
Афанасьевич



Луничев Виктор
Афанасьевич



Луничева (Фомкина) Александра Афанасьевна

Дети его, тяжким трудом своим участвуя в восстановлении отцовского колхоза, в поисках лучшей доли и надеясь получить профессию, стали разъезжаться из родных мест в 50-60е годы.

Большинство осело в Подмоскowie, в г. Лосино-Петровский, где до сих пор живет Николай Афанасьевич Луничев со своей семьей (жена Ася, дочь Светлана, внук Илья). Самые младшие из братьев – Василий и Виктор – добрались аж до Игарки в Сибири.



Здесь, у д.Елизаветиной, проходила линия фронта
(наши окопы ещё видны - и 70 лет спустя)

Нет в живых уже Анатолия, Леонида, Василия, Анастасии и Марии Луничевых, закончила свой земной путь в Подмосковье и Дарья Поликарповна (она жила там последние годы у сына Николая и дочери Марии).

А всю эту семейную историю военных лет рассказала мне моя лучшая в мире теща – Александра Афанасьевна Фомкина (Луничева), Военное прошлое, тяжелые послевоенные годы сидели занозой в её сердце и чуть что – всплывали в памяти подробно и горько. Александра Афанасьевна и сама уже ушла в мир иной в декабре 2008 года. Но осталась теперь история, написанная на основе её воспоминаний.

Невские – но не полководцы

Святого Благоверного Князя, защитника земли Русской, Александра Ярославича Невского знают, наверное, все. А вот известие о том, что на Орловской земле тоже жил Невский, причём, не один, а целое семейство, для большинства наших земляков будет новостью.

Я упоминал о священнике Николае Невском, служившем в Богоявленском храме села Верхососенья, в книге *«Верхососенское сельское поселение. История и люди»*. А недавно мне удалось с помощью других источников немного пополнить сведения об этом батюшке и его семье.

На всякий случай напомним, что по причине многочисленности населения в приходе Богоявленского храма в нём имелось два причта, то есть служили два батюшки. 25 октября 1896 года был выведен за штат один из них, отслуживший Богу и людям много лет, - Николай Алексеевич Померанцев. И, поскольку должность освободилась, спустя короткое время сюда был назначен новый священнослужитель. Им стал бывший диакон села Плоского Дмитровского уезда Николай Невский, рукоположенный во священника 8 декабря 1896 года самим Преосвященным епископом Орловским и Севским Митрофаном в его домовой церкви.

Новый батюшка Николай стал помощником настоятеля храма, отца Иоанна Нецветаева, а когда тот, незадолго до революции, ушёл в мир иной, то сменил его в этой должности. Отцу Николаю тогда на помощь прибыл из Малоархангельска молодой батюшка – отец Виктор Иванов.

Пока мне не удалось выяснить имя жены священника Невского, а вот имена двух сыновей Николая Васильевича стали недавно известны. Старшего, родившегося в селе Верхососенье в 1899 году, звали Иван, и он незадолго до революции уже исполнял должность диакона в том же Верхососенском храме, то есть вступил на отцовскую дорогу священнослужения.

Младший сын батюшки, Евгений, родился в 1909 году тоже в Верхососенье.

Николай Васильевич Невский служил в Богоявленском храме непрерывно около 30 лет, включая и первое десятилетие при Советской власти. Сохранились списки 1924 года, по которым самого батюшку и его старшего сына Ивана во время выборов в местные Советы лишили избирательного права по причине того, что они были священнослужители.



Верхосенский храм до реставрации. В нём служили Невские

Когда и где скончался Николай Васильевич Невский, выяснить пока мне не удалось. Но это случилось уже после 1924 года. А вот два его сына продолжали в 20–30-е годы проживать в селе Верхососенье.

О младшем, Евгении Николаевиче, известно, что он рано, в 18 лет, женился, а 26 августа 1928 года у него и его жены Акулины Матвеевны родился сын, названный Анатолием. Оба родителя названы в книге записей о рождении крестьянами.

Старший из сыновей, Иван Николаевич, после закрытия Богоявленского храма в начале 30-х годов, ушёл с духовной службы, вступил в колхоз имени Ворошилова в качестве рядового колхозника. У бывшего диакона и его жены Александры Дмитриевны 19 марта 1939 года родился сын, названный именем деда – бывшего священника Богоявленского храма, отца Николая.



Храм Богоявления реставрируется - 22 августа 2015

Какой стала послевоенная судьба сыновей и внуков верхососенского ба-
тюшки со знаменитой фамилией Невский, к сожалению, сведений нет. Может
быть, кто-то из его потомков откликнется, прочтя эту статью.

Некрасовы

Любителям русской литературы хорошо известны два литератора по фамилии Некрасов. Николай Алексеевич – знаменитый поэт XIX века, автор поэмы-романа «Кому на Руси жить хорошо». Виктор Платонович жил в веке XX-ом, писал прозу, и более всего известен его роман “В окопах Сталинграда», прочитанный Сталиным, удостоенный Сталинской премии и впоследствии экранизированный.

Как ни удивительно, и поэт, и прозаик родились на Украине (первый – в Немирове, второй – в Киеве), а жёны их носили одно и то же имя – Зинаида Николаевна (правда, венчаная супруга поэта Некрасова, происходившая из крестьян, на самом деле звалась Фёкла Анисимовна, но Николай Алексеевич решил «облагородить» свою красавицу, заменив ей имя). Сходство биографий этими моментами не ограничилось: оба Некрасовых умерли от рака и не оставили наследников.

Выходцы из села Успенское

Но вот что касается их фамилии – тут полный порядок. Она сохранилась и является достаточно распространённой, в том числе и на Орловщине.

В Покровском районе есть два населённых пункта, в которых вот уже две-
сти, а то и триста лет проживают Некрасовы. Причём, любопытно, что в селе
Верхососенье – это потомки служилых людей, однодворцев или даже мелкопо-
местных помещиков. А вот в селе Успенском Некрасовы были крепостными
крестьянами помещицы Михайловой.

О нескольких представителях одного большого семейства Некрасовых из
села Успенского я и поведу речь далее.

В самом начале XIX века жила здесь многодетная семья Сергея Василье-
вича и Анисьи Тимофеевны Некрасовых. Пятерых сыновей и четырёх дочек
родила мужу Анисья. Перечислю имена в порядке старшинства: Василий, Ва-
силиса, Иван, Авдотья, Матрёна, Яков, Прокофий (Прокопий), Стефан (Степан,
ему в 1816 году было два года) и Дарья.

От Стефана (Степана) Сергеевича, 1814 года рождения, и пошёл далее ос-
тальной некрасовский род. Стефан (Степан) Некрасов 22 октября 1834 года же-
нился на Аксинье (Ксении) Дмитриевой (это отчество, а не фамилия – А.П.).
Она была старше мужа на два года (1812 года рождения).

У них родилось четверо детей: Антон (1838 – 20.08.1839), Карп (04.10.1840
– 13.10.1840), Филипп (родился 29.06.1843) и Кузьма (точная дата рождения не
известна, но в 1858 году ему было 9 лет, то есть 1849 года – А.П.).

От младшего, Кузьмы Стефановича (Степановича) Некрасова, ставшего
после отмены крепостного права крестьянином-собственником села Успенско-

го, пошла дальше родовая ветвь. К сожалению, не удалось узнать имя его жены, а вот детей у них было семеро: Афанасий, Стефан (Степан), Сергей, Пётр, Фёдор, Павел и Александра. Первый, Афанасий Кузьмич, умер 26 апреля 1896 года, 23 лет, от чахотки, и похоронили его на Успенском приходском кладбище.

Пётр Кузьмич Некрасов – директор советской гимназии и герой романа Льва Овалова



Некрасов Пётр Кузьмич

Остальные сыновья и дочка Кузьмы Стефановича благополучно выросли, завели семьи и множество детей. Исключением стал Пётр Кузьмич Некрасов, который с детства отличался неуёмной тягой к знаниям. Отец решил – во что бы то ни стало – дать ему высшее образование. И после обучения в Орловской мужской гимназии Пётр Некрасов слушал лекции в Казанском и Варшавском Университетах. Как судьба занесла его в Польшу – теперь мы, наверное, уже никогда не узнаем.

Но высшее образование – уже перед самой революцией – Пётр Кузьмич Некрасов, всё-таки, получил.

А в годы гражданской войны, спасаясь от голода, он оказался в родном селе, и, вдохновлённый идеей дать настоящее образование детям односельчан, убедил местных мужиков и представителей Советской власти, организовать в Успенском не просто школу с начальным обучением, а настоящую, советскую гимназию. Для неё Успенский волисполком выделил двухэтажное здание сбежавшей за границу помещицы Софии Горовцевой.

Местные мужики согласились даже на то, чтобы специальный налог на содержание школы платить. И начала советская гимназия свою работу. Петру Кузьмичу Некрасову удалось привлечь для преподавания в ней всю сельскую интеллигенцию. Сам он, что удивительно, вёл одновременно как русский с литературой, так и математические науки.

Успенская советская гимназия быстро завоевал авторитет у сельчан, которые с охотой отдавали в неё своих талантливых детей, надеясь вывести их в люди.

О буднях этого необычного учебного заведения, её учителях и директоре – Петре Некрасове написал много лет спустя обучавшийся в ней известный советский писатель Лев Сергеевич Овалов. И хоть вывел он героев своего романа «Двадцатые годы» под чужими фамилиями, читатели легко узнали прообразы персонажей.

Владимир Петрович Некрасов – заслуженный врач Российской Федерации

Одним из читателей эпического произведения стал Заслуженный врач Российской Федерации, полковник запаса, участник Великой Отечественной войны, Владимир Петрович Некрасов, сын первого директора Успенской советской гимназии. Он сердечно поблагодарил Льва Овалова за память об отце.



Некрасов Владимир Петрович

Владимир Некрасов закончил среднюю школу в Орле, где жил его родной дед по матери, а потом поступил в Ленинградскую военно-медицинскую академию имени Кирова. Участвовал в Великой Отечественной войне на различных фронтах в должности врача передового войскового района, был награждён двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени.

После войны Владимир Петрович 25 лет плодотворно трудился в Главном военном клиническом госпитале Министерства Обороны СССР имени Н.Н.Бурденко, сделав тысячи сложных полостных операций и опубликовав больше 30 научных работ. После ухода в отставку Некрасов заведовал хирургическим отделением одной из московских клиник. Уже за мирные достижения удостоился ордена Трудового Красного Знамени. Умер Заслуженный врач РСФСР В.П. Некрасов в 2003 году.

Из села Успенского – на Кубань

А теперь расскажу о втором сыне Кузьмы Стефановича, Стефана (Степане) Кузьмиче Некрасове, и его потомках. Он был женат на Фёкле Никоновне, крестьянке из соседнего села Корсунь. Девичья фамилия её, к сожалению, нам не известна.



Некрасова Фёкла
Никоновна

У Стефана (Степана) Кузьмича и Фёклы Никоновны Некрасовых было восемь человек детей: Алексей (Леонид, 1910 года рождения), Пётр, Фёдор (1912), Николай, Ольга, Полина, Александра, Елена (1918 года рождения, самая младшая, – А.П.).

Приблизительно в 1935 году (или чуть раньше) всё это большое семейство переехало в станицу Прочноокопскую Новокубанского района Краснодарского края. Там отныне они и обосновались. Самый старший из сыновей, Алексей (*в быту все*

звали его Лёней, и он сам подписывался как Леонид, но в документах он везде – только Алексей – А.П.), в 19 лет по призыву Малоархангельского РВК (то есть ещё до отъезда всей семьи на Кубань) ушёл в Красную Армию, закончил военное училище и стал профессиональным военным. В 1940 году он принимал участие в советско-финской войне, а с началом Великой Отечественной Алексей Некрасов почти сразу же оказался на фронте.



Некрасов Алексей Степанович
с сыном Юрой

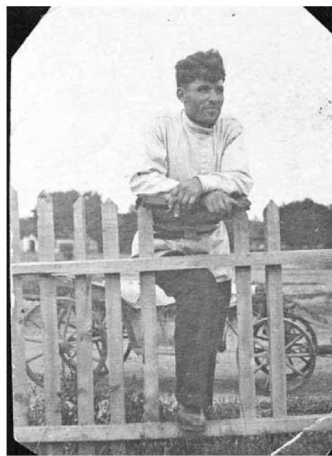
Были мобилизованы и остальные три брата Некрасовых. Все четверо храбро воевали и – редкий случай – все четверо, пусть и получившие ранения, но возвратились домой.

Рассказывать о своих подвигах братья не любили, и племяннице Ольге об их военных действиях ничего не известно, но на сайте «Подвиг народа» есть несколько наградных листов, которые позволяют восполнить этот пробел.

К примеру, у гвардии капитана Алексея Некрасова, помощника начальника техснабжения 3-й зенитно-артиллерийской Никопольской ордена Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии – два ордена за свои подвиги на войне: Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

А вот выписка из наградного листа: *«Капитан Некрасов в период напряжённых боёв на подступах наших войск как к Будапешту, так и в районе озера Балатон (декабрь 1944 – январь-март 1945 года) проявил достаточную энергию и инициативу по обеспечению дивизии запасными частями по ремонту автотранспорта, сбору на поле боя трофейных машин и запчастей, тем самым способствовал частям дивизии быстро восстанавливать боевые машины на поле боя... и обеспечивать выполнение боевых задач, поставленных командованием по разгрому немецко-фашистских захватчиков».*

Гвардии красноармеец, стрелок 1-й стрелковой роты 168-го гвардейского стрелкового полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии Фёдор Некрасов отличился во многих боях, показывая образцы мужества и героизма. Две медали – «За боевые заслуги» и «За отвагу» - стали наградами нашего земляка. Вот что написано в наградном листе на представление его к медали «За отвагу»: *«27 февраля 1945 года, при овладении населённым пунктом Шпердинен, он первым по команде поднялся в атаку, достиг*



Некрасов Фёдор Степанович

траншеи противника, где в завязавшейся рукопашной схватке и огнём своего автомата убил трёх немцев».

Алексей Степанович Некрасов после войны жил в Пятихатках на Украине. Фёдор Степанович был директором школы на хуторе Царицыно Новокубанского района Краснодарского края.

Елена Степановна Некрасова, после окончания в 1938 году Армавирского педагогического училища, всю жизнь трудилась учительницей и умерла в 1992 году.

Раскулаченные

И, в завершение, – о самом младшем из сыновей Кузьмы Степановича Некрасова – Павле. Он установил семейный рекорд рода по количеству родившихся детей, – 11 человек. В силу трудностей жизни довоенного времени, до совершеннолетия в семье этих Некрасовых дожили лишь пятеро – трое сыновей и две дочери.

Всему семейству пришлось бедствовать, когда по доносу мстительных соседей Некрасовых раскулачили, отобрав всё, включая крестильные рубашки для младенцев. Три года детям, чтобы не умереть от голода, пришлось просить милостыню по соседним деревням.

Павлу Кузьмичу Некрасову удалось добраться до Москвы и с помощью одного из родственников попасть на приём в Кремль. Вскоре в Успенское пришла весть о полной реабилитации бывших «кулаков». Дети смогли получить паспорта и выехать на учёбу в другие города.

Партизан

Самому старшему из сыновей Павла Кузьмича Некрасова – Александру, 1918 года рождения, – судьба выпала трагическая. Он к началу войны успел поработать на одном из московских заводов и отслужить в армии. Оставленный по заданию Покровского РК ВКП(б) в тылу оккупантов и успевший выполнить несколько заданий, он был схвачен гитлеровцами зимой 1942 года и показательно повешен ими на виду у всех жителей села Успенское как «партизан».

Летом 1982 года, во время очередного похода по Покровскому району с учащимися Покровской средней школы, мы встретились в селе Успенское с Екатериной Петровной Кобзевой, бывшей учительницей Успенской школы. Беседа с нею была долгой и интересной. Екатерина Петровна поведала нам некоторые подробности событий, происходивших в Успенском во время оккупации, в том числе, и о трагической судьбе Александра Некрасова. Цитирую рассказ Екатерины Петровны:

«До войны, в 1940-1941 годах, я работала завучем Борисоглебской семилетней школы Свердловского района. Когда к Змиёвке стал приближаться фронт, занятия в школе были прерваны, и я вернулась домой, в село Успенское. Сюда же, на родину, вернулся и Александр Павлович Некрасов, работавший до этого в Москве (по болезни он не подлежал мобилизации в армию).

Линия фронта приближалась, и все трудоспособные жители Успенского были мобилизованы на оборонные работы. Создан был истребительный батальон, задачей которого стало уничтожение имущества, которое не сумели

эвакуировать (в первую очередь, хлеб), что оно не досталось фашистам. Появилось в селе подразделение народного ополчения, командиром которого назначили Некрасова. К сожалению, задержать немцев осенью 1941 года не удалось. Во второй половине ноября враг занял Успенское, но до февраля 1942 года в селе не было постоянно квартировавших немцев, кроме трёх эсэсовцев (вероятно, из карательного отряда, штаб которого находился в соседней деревне Ивановка).

Именно эти три эсэсовца, разыскивая подозрительных лиц (коммунистов и комсомольцев, в первую очередь), арестовали А.П.Некрасова, не сумевшего или не захотевшего скрыться. Немцы объявили его командиром партизанского отряда. Для допросов его отправили в Ивановку, а оттуда 26 февраля 1942 года снова привезли в родное село, где в присутствии всех жителей повесили. На его груди фашисты прикрепили дощечку с надписью: «Командир партизанского отряда».

Тело казнённого Александра Некрасова три дня провисело на виду у всех жителей села (немцы не разрешали вынимать его из петли – для большего устрашения).

Участник разминирования

Младший из сыновей Павла Кузьмича Некрасова, Иван, 1928 года рождения, после освобождения родных мест от фашистов, ещё не подходил по возрасту для призыва на фронт, но зато был мобилизован Покровским райвоенкоматом в одну из двух команд, составленных из молодых ребят, - для разминирования полей, начиненным смертоносным железом, как наследство от проходивших дважды по здешним местам линий советско-германского фронта.

Пацанов обучали ровно месяц (война ведь ещё продолжалась), а с апреля 1944 года начались работы по разминированию покровских чернозёмных земель. Ивану Некрасову удалось поучаствовать в этом опасном деле четыре с половиной месяца. 14 августа 1944 года, при обезвреживании одного из самых опасных участков, находившегося между селом Критово и деревнями Александровка и Моховое (Покровский район), 16-летний сапёр погиб вместе с ещё двумя товарищами: им досталась противотанковая мина с секретом, который они не сумели разгадать.

Свидетельницей гибели двух старших братьев стала их сестра Валентина, которой довелось наблюдать, и видеть, как привезли изуродованного осколками в августе 1944 года Ивана. Сколько пришлось выплакать тогда слёз – вспоминать Валентине Павловне Паршиной (Некрасовой – в девичестве) тяжело и до сих пор.

Память

После окончания войны младшая из семейства Павла Некрасова, закончив семилетку в родном Успенском и среднюю школу в райцентре Покровское, получила затем и высшее педагогическое образование. Много лет проработала Валентина Павловна учителем математики и обслуживающего труда в школах города Мценска, выпустив в большую жизнь известных ныне в городе людей.

Про войну и своих родственников из огромного Некрасовского семейства она помнила всегда. Благодаря Валентине Павловне Паршиной на мраморных плитах воинского мемориала в селе Успенское Покровского района были выбиты имена её братьев Александра и Ивана Павловичей. А 14 августа 2014 года прошла церемония открытия памятного знака на их могиле братьев на гражданском кладбище села Успенское. И пусть погибли они не на фронте, но ведь Александр – герой подполья, и Иван, очищавший покровскую землю от мин, отдали свои жизни так же, как другие фронтовики Некрасовы, уроженцы сел Успенское и Верхососенье.

Когда-то фамилия, о которой я пишу, появилась на основе языческого охранного имени «Некрас», дававшегося родителями для защиты их детей от нечистой силы. Но те Некрасовы, о которых ты, читатель, узнал, - настоящее украшение и соль земли Орловской.

Вечная вам слава и память, Некрасовы!

(Этот большой рассказ я написал благодаря нескольким хранителям семейных некрасовских ценностей – документов, фотографий, воспоминаний. Выношу искреннюю благодарность – Валентине Павловне Паршиной, Ольге Романовне Синельниковой, а также Елене Головашкиной за запись воспоминаний её бабушки, Антонины Фёдоровны Левиной, о партизане Александре Некрасове – А.П.).

Новиковы

По данным историка-генеалогa и краеведа Максима Оленева, автора исследования, посвящённого крестьянским фамилиям, самая распространенная из них на Орловщине – Новиков. Максим Борисович подсчитал, что обладатели этой фамилии проживают в 46 орловских селениях (и это – не считая городов), наибольшее их число – в Верховском, Корсаковском, Малоархангельском, Мценском, Орловском, Покровском, Свердловском и Шаблыкинском районах.

Немало Новиковых прославилa своими трудовыми делами и ратными подвигами родной край. Мой рассказ – всего лишь о двух замечательных личностях.

«Александр Пушкин» – для фронта

Имя первого хорошо известно любому орловскому любителю литературы. Иван Алексеевич Новиков родился 1 января (13 – по новому стилю) 1877 году в деревне Ильково Мценского уезда (ныне – в составе Мценского района – А.П.)

Прежде чем стать профессиональным литератором, он успел закончить Московскую земледельческую школу, Московский сельскохозяйственный институт и 15 лет проработал агрономом вначале в Киеве, а потом в Орле.

Первый его рассказ, «Сон Сергея Ивановича», был опубликован в журнале «Народное благо» в 1899 году, когда Новиков ещё учился в институте.

Во время первой русской революции за статью о почтово-телеграфной забастовке писателя судили царские власти, и две его книги по приговору суда были уничтожены. Большинство произведений Новикова написаны в духе традиционного реализма, но одно время Иван Алексеевич отдавал дань и декадентству (роман «Золотые кресты».)

После Октябрьской революции писатель работал в Народном комиссариате просвещения, состоял действительным членом Государственной Академии художественных наук, одно время возглавлял Всероссийский Союз писателей, но, главное, творил – как прозаик, поэт, драматург.

В 20-ые годы XX века Новиков задумал написать роман о ссылке Пушкина, и замысел этот воплотился в жизнь к 1937 году, когда появился в печати «Пушкин в Михайловском».

В 1944 году в издательстве «Современник» был опубликован второй роман – «Пушкин на юге», и впоследствии оба романа о великом поэте выходили под общим названием «Пушкин в изгнании».

Во время Великой Отечественной войны, выступая с платными лекциями о Пушкине и читая главы из своих романов о нем, Иван Алексеевич собрал более 100 тысяч рублей, на которые был построен самолет «Александр Пушкин» (*почему такое имя дал писатель самолёту – надеюсь, читателю понятно – А.П.*).

Капитан Юрий Горохов, с лета 1943 года воюя на этом персональном истребителе, сумел в боях под Орлом и Спас-Деменском сбить 9 вражеских самолетов и был представлен к званию Героя Советского Союза. К сожалению, лётчик не дождался Указа Президиума Верховного Совета СССР, он погиб в очередном воздушном бою 1 января 1944 года.



Писатель Иван Алексеевич
Новиков

Многие из произведений Ивана Новикова, так или иначе, посвящены родным краям (повести «Калина в палисаднике», «Варенька из Прилепа», «Двойной орешек», «Антон Павлович», роман «Между двух зорь» и другие).

В одном из писем - «Дорогим орловцам» - он сообщал: *«... Когда пишу я эти строки, в меня проникает, покоряя пространство и время, дыхание наших чудесных краев, дорогих одинаково и для меня, и для всех вас, милые мои Орловцы...»*

Любимая «Орловия» (так Новиков называл Орловщину) всегда была в его сердце - и даже тогда, когда он умирал после тяжелой болезни в январе 1959 года в Москве. Похоронили Ивана Алексеевича на Новодевичьем кладбище.

«...Решил идти на таран»

Вполне возможно, если бы летом 1943 года писатель знал о том, что один из его земляков, к тому же – однофамилец, да ещё и Герой Советского Союза, героически сражается в небе над Орловско-Курской дугой, то свой самолёт в качестве подарка писатель Новиков наверняка бы передал лётчику Константину Новикову.

Уроженец села Медвежье Ливенского уезда (*ныне – в составе Краснозорецкого района – А.П.*), Константин Афанасьевич Новиков появился на свет 6 августа 1919 года. После окончания семилетки в 1934 году уехал в Москву, с которой оказалась связана его последующая жизнь. Здесь Константин учился в школе ФЗО, а потом трудился слесарем – в метро, на автозаводе имени Сталина и на Московском лакокрасочном заводе. Попутно успевал посещать Центральный аэроклуб в Тушино.

Когда в сентябре 1939 года Константина Новикова призвали в Красную армию, то сразу же направили в школу лётчиков. Если быть точным, то он успел к 1941 году пообучаться сразу в трёх лётных школах – Борисоглебской, Серпуховской и Конотопской.

С 23 июня 1941 года младший лейтенант Новиков – на фронте. За полтора месяца, воюя на И-16, истребителе своего земляка Поликарпова, он провёл 4 воздушных боя. 18 августа 1941 года Константин Новиков одержал первую победу, уничтожив под Ельней (*Смоленская область – А.П.*) гитлеровский ХЕ-113. Но и сам победитель, получив ранения в ключицу, лоб и грудную клетку, был сбит. Попал в госпиталь, долго лечился – но сумел снова возвратиться в строй.

Воюя в 805-ом и 862-ом истребительных авиаполках, Константин Новиков совершил более 100 боевых вылетов и сбил лично 3 самолёта противника и 2 самолёта – в группе. Но наград за это он не получил.

С 15 сентября 1942 года и до конца войны фронтовая судьба нашего земляка оказалась связана с одним и тем же прославленным авиаполком – 131-м истребительным, который с февраля 1943 года получил наименование 40-го гвардейского истребительного авиаполка.

Уже меньше чем через две недели однополчане заговорили о Новикове как о настоящем герое. 27 сентября 1942 года, возвращаясь с боевого задания, пара наших истребителей встретила гитлеровский Фокке-Вульф-189. Огнём пулемё-



Герой Советского Союза Константин Новиков и его самолёт

тов Новикову и его товарищу Михайлову не удалось уничтожить врага: противник только задымил, но не горел, не падал и продолжал полёт. Вот что написал командир 131 ИАП, Герой Советского Союза майор Давидков, о дальнейших действиях своего лётчика: *«...Новиков решил идти на таран и таранил немца винтом и мотором, обрубил хвостовое управление. Фокке-Вульф упал на южном скате высоты 555, что 5 километров северо-восточнее Озёрный. После тарана товарищ Новиков произвёл посадку на свой аэродром...Самолёт был восстановлен за два часа...».*

Комполка написал, что младший лейтенант заслуживает ордена Ленина, но вышестоящее начальство, в том числе командующий 4 воздушной армией, генерал-майор авиации Науменко, решили, что *«За проявленное мужество и героизм при таране противника»* достаточно и ордена Красного Знамени. 19 октября 1942 года товарищи поздравили Константина Новикова с первой наградой.

А ровно через неделю, 26 октября 1942 года, когда орденоседец прикрывал с воздуха свой аэродром, его атаковали два "Мессера". Получил пробоины Ла-5, сам Константин был ранен в плечо, но, преодолевая сильную боль, лётчик продолжал сражаться до тех пор, пока не удалось отбиться. Только после этого он приземлился и прямо в кабине самолёта потерял сознание. Однако отправляться в госпиталь Новиков отказался - лечился при части. Быстро встал в строй, умчался на боевые задания, во время которых снова отправлял на встречу с землёй вражеские самолёты.

За три последующих месяца, до 1 февраля 1943 года, на его счету уже числилось 10 сбитых лично гитлеровских самолётов и 6 – в группе с товарищами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1943 года Константин Афанасьевич Новиков был удостоен звания Героя Советского Союза.

А летом, в ходе начавшейся Курской битвы, ему пришлось подтверждать своё мастерство. Вот цитата из очередного наградного листа: *«5 июля 1943 года в большом воздушном бою сбил два Ю-88, один из них рассыпался в щепки в воздухе, другой врезался в землю».*

7 июля 1943 года в большом воздушном бою сбил два Ю-88 и подбил один Ме-110...».

Всего за годы войны гвардии капитан Новиков совершил около 500 успешных боевых вылетов и довёл число побед до 41 (31 самолёт сбил лично и 10 - в группе).

После войны он недолго продолжал службу в строевых частях ВВС. С 1945 года ушёл в запас. Жил в Москве. Гвардеец скоропостижно скончался 9 января 1958 года, ровно за год до смерти писателя Новикова – своего земляка и однофамильца. Похоронили его на Пятницком кладбище.

Новодевичье и Пятницкое – два столичных кладбища для двух Новиковых с Орловщины. Писатель прожил 80, Герой Советского Союза вдвое меньше – но оба оставили свой след в истории нашего края и страны.

Р.С. Среди моих родственников и знакомых тоже есть Новиковы, поскольку в Покровском районе их множество: они проживали и проживают до сих пор в селе Верхососенье, деревне Чибисовка, посёлке Дубки, райцентре Покровское.

Один из Новиковых, Митрофан, стал персонажем рисунка известного русского художника-передвижника Василия Максимова, когда он побывал в 80-ые годы XIX века в нескольких населённых пунктах Малоархангельского уезда Орловской губернии, изучая быт крестьян.

Некоторые из современных Новиковых – достаточно известные люди в наших местах. Уроженец посёлка Дубки Столбцевого сельского поселения Покровского района Владимир Иванович Новиков, к примеру, проживающий в настоящее время в посёлке Залегощь, – уже много лет успешно руководит Залегощенским кирпичным заводом. Он, к тому же, два срока возглавляет Залегощенский районный Совет народных депутатов и является Почётным гражданином Залегощенского района.

Юрий Иванович Новиков, уроженец д.Чибисовка, бывший учитель ИЗО и технологии, в настоящее время – автор многих картин и монументальных сооружений, воздвигнутых в памятных местах Покровского района. Он пишет хорошие стихи о родном крае и его людях, а в 2013 году выпустил книгу «Рисунки на обоях».

Лилия Алексеевна Новикова, уроженка посёлка Малороссов (Стегновка), много лет проработала в Топковской школе, потом возглавляла Топковский дом ветеранов, творческая личность во всех отношениях, пишет стихи и прозу, в 2013 году вышла в свет её книга «Просто жить».

Оболенские из Малоархангельска

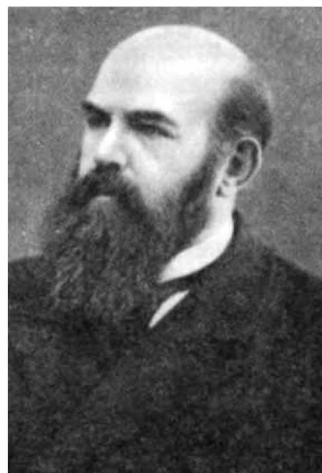
Те из читателей, кто любит историческую литературу, наверняка и не раз встречали на страницах многих известных произведений фамилию князей Оболенских. Основателем их рода был внук святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Константин Юрьевич, который получил в удел город Оболенск, располагавшийся на реке Протве, в 20 верстах от её впадения в Оку. От названия этого старинного города-крепости, просуществовавшего четыре века, и пошла гулять по Руси красивая фамилия.

Однако с течением времени среди Оболенских оказались не только представители высшей знати. К примеру, в Орловской губернии эту звучную фамилию носили небогатые дворяне, священнослужители и даже государственные крестьяне. Особенно много Оболенских населяло Малоархангельский и Орловский уезды. Проживают они в здешних местах и до настоящего времени (село Рождественское Верховского района, село Никольское Малоархангельского района, село Трудки Покровского района и село Становой Колодезь Орловского района). Среди орловских Оболенских – множество известных личностей. Сначала я расскажу о представителях одного семейства из маленького уездного города Малоархангельска.

«Чтоб не тонули поколения в братоубийственной крови...»

Егор Александрович Оболенский, мелкий чиновник 14 ранга, в 40-ые годы XIX века служил здесь в земском суде (в те годы это учреждение выполняло полицейские функции), а его жена, Елизавета Ильинична, хозяйничала по дому. Семья мало чем отличалась от других чиновничьих семей уездного города, разве что необычностью биографии супруги. Елизавета Ильинична была немкой лютеранского вероисповедания и с хорошим образованием, полученным в одном из лучших московских пансионов того времени, очень любила читать и замечательно играла на пианино. Поскольку муж её с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе, а в городе Малоархангельске достойного общества найти молодой женщине не удалось, то всю свою энергию и любовь она тратила на детей. Основы знаний в самых разных сферах своим сыновьям Леониду и Валериану Елизавета Оболенская дала основательные.

Потом братья обучались в Орловской мужской гимназии. Леонид провёл в ней 6 лет, оставивших в его душе как долго не заживавшие раны, так и самые тёплые чувства. В 1902 году журнал «Исторический вестник» (том 87) опубликовал написанные Л.Е. Оболенским «Литературные воспоминания и характеристики», в самом начале которых он большое место уделил как раз периоду своего пребывания в гимназии. Получив классическое образование, Леонид Егорович Оболенский к концу XIX века превратился в популярного русского философа, социолога, журналиста, писателя, издателя и редактора популярного журнала «Русское богатство». Всей читающей России он стал известен своими романами из крестьянской жизни (написанными под псевдонимом *Матвей Красов*). Перу Леонида Оболенского принадлежит также большое число очерков на философские, социологические и литературные темы, в которых он часто полемизировал с самим Львом Толстым. Жизненное кредо писатель Оболенский выразил в одном из своих стихотворений:



Оболенский Леонид Егорович

*Мечтал я душу человека
К сознанью правды пробудить,
Вражду, царящую от века,
Любви сияньем осветить,*

*Мечтал я в сердце влить стремленья
К добру, работе и любви,
Чтоб не тонули поколения
В братоубийственной крови...*

Родной брат Леонида Оболенского, Валериан, после обучения в Орловской мужской гимназии, закончил в Харькове ветеринарный институт и стал известным в России специалистом в области ветеринарии и коневодства. Книга В.Е. Оболенского "Коннозаводство и лечебник лошади" до революции неоднократно переиздавалась и была ценима всеми любителями конного дела.

«Успел покрасить Зимний...»

Дети обоих братьев получили хорошее образование и тоже стали известными (и не последними) людьми в России. Сын Леонида Егоровича, Леонид Леонидович Оболенский, родившийся в Орле в 1873 году, обучаясь на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, одновременно брал



Оболенский Леонид
Леонидович

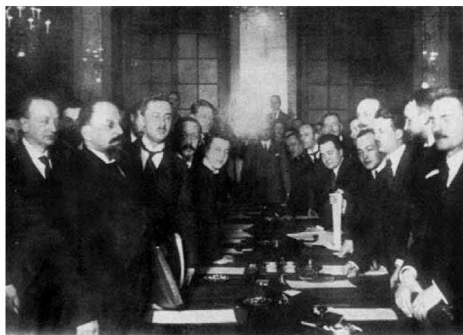
уроки у выдающего русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. И, хотя Л.Л. Оболенский не стал ни композитором, ни музыкантом, к этому виду искусства все последующие годы он был неравнодушен: несколько лет издавал и редактировал популярные серии оперных либретто и брошюр "Вопросы массовой музыкальной работы", писал статьи, в том числе, – о выдающемся русском композиторе, авторе опер «Юдифь» и «Рогнеда» Александре Николаевиче Серове.

Став юристом, Леонид Леонидович работал по линии Министерства финансов и – одновременно – увлёкся революционной деятельностью. С приходом Советской власти, в 1920 году, он получил назначение в Наркомат Иностранных дел и стал дипломатом высокого ранга.

Когда 12 июля 1920 года в Москве был заключён мирный договор с Литвой, то одним из уполномоченных от Правительства РСФСР, кто поставил под этим важным документом подпись, стал Леонид Леонидович Оболенский.

Ещё более важную дипломатическую роль он сыграл в подписании 18 марта 1921 года Рижского мирного договора, завершившего советско-польскую войну. Здесь Леонид Леонидович подписывал документы как заместитель руководителя российской делегации.

А в конце 20-ых годов XX века потом Госпожа Судьба снова даёт команду – и Леонид Леонидович



Рижский договор 1921 года,
крайний слева – Оболенский Л.Л.

Оболенский превращается из успешного дипломата в чиновника от культуры: в 1929 году его назначили начальником Главного управления по делам искусств Народного комиссариата просвещения РСФСР, а вскоре – директором Эрмитажа. В принципе, это его второе «Я», и он только-только начинает показывать миру свою творческую душу.

Как написал в одном из писем его сын, тоже Леонид Леонидович: *«...отец в музее ничего не успел продать и ничего переставить. Успел только покрасить Зимний в бирюзовый цвет, каковым он был до того, как его выкрасили в красно-коричневый, цвета запекшейся крови...»*. К сожалению, большего бывший дипломат Оболенский сделать не успел: он скончался от тяжёлого заболевания в сентябре 1930 года.

Первый редактор журнала «За рулём»

Один из шести детей Валериана Егоровича Оболенского, Валериан Валерианович Оболенский, с детства свободно владел немецким и французским языками. По окончании в 1905 году гимназии поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета, а в 1907 году стал членом партии большевиков. В качестве партийной клички он



Осинский-Оболенский Валериан Валерианович

взял фамилию погибшего на виселице во времена Александра II народника Валериана Осинского и с тех пор стал больше известен как Н. Осинский.

После победы Октябрьской революции он был назначен комиссаром-директором Государственного банка РСФСР и сыграл главную роль в наведении в нём порядка. Спустя некоторое время Осинский стал первым председателем ВСНХ РСФСР. В 20-ые годы в течение трёх лет он фактически был наркомом земледелия, потом – политическим представителем (послом) в Швеции. С 1926 по 1935 год возглавлял ЦСУ (Центральное статистическое управление), где боролся за достоверную отчётность, за что и был смещён.

Валериан Валерианович Оболенский (Осинский) в последние годы жизни руководил (по очереди – А.П.) Институтом Народного Хозяйства и Институтом Истории науки и техники. В 1937 году он был арестован по обвинению в анти-советской деятельности, а 1 сентября 1938 года – расстрелян. Одновременно с отцом арестовали и его сына Вадима Оболенского, его расстреляли раньше – в декабре 1937 года.

Оба – Валериан Валерианович и Вадим Валерианович Оболенские были реабилитированы в 1956 году.

Стоит, я думаю, сказать об одной человеческой черте Валериана Валериановича – он всегда старался защитить несправедливо обвиняемых, именно по его

просьбе органы на некоторое время оставили в покое известного экономиста Н.Кондратьева (*спустя несколько лет, правда, его, всё-таки снова арестовали – и расстреляли – почти в одно время с его защитником – А.П.*).

Кроме того, имелось у известного политического деятеля любимое занятие, хобби, как бы сказали сейчас. Валериан Оболенский страстно увлекался автомобильным делом, став одним из организаторов автомобилестроения в нашей стране (участвовал в строительстве Горьковского автозавода). Он отлично водил машину и не раз принимал участие в автопробегах 20-30-ых годов. Был председателем общества «Автодор» и первым редактором популярного и поныне журнала «За рулём». Валериан Валерианович написал несколько книг и множество статей по экономическим проблемам, автомобильному делу и (очень актуально ныне) коммунальному хозяйству.

Долгое время имена всех перечисленных мною Оболенских, вышедших из одного семейного гнезда, оставались забытыми или находились в глубокой тени. Сейчас они понемногу возвращаются к потомкам, поскольку вклад их в российскую историю и культуру ценен и значителен.

Священники Оболенские

Этот материал – продолжение темы, рассказ теперь уже о священнослужителях из Орловской губернии Оболенских. Значительную помощь мне в собирании сведений о служителях Божиих оказал Сергей Короленко из Санкт-Петербурга. Его прабабушка, Раиса Васильевна, в девичестве носила эту фамилию. Поиски Сергеем своих корней вывели его на Орловщину и на меня, и мы начали обмен имеющейся у нас информацией. Переписка и общение оказались взаимно полезными. Он обогатил меня, я кое в чём помог ему, а результатом стал вот этот очерк, продолжение рассказа о замечательной и красивой фамилии и не менее замечательных её представителях.

В одном из первых писем Сергей написал, что Оболенские – «*очень разветвлённый клан. Фамилия эта встречается по всей Орловской епархии, но чаще всего в Малоархангельском и Ливенском уездах. У меня выписано более 50 персон по «Орловским епархиальным ведомостям». Первые, о ком я знаю, упоминаются у Г.М.Пясецкого среди первых наборов в Севскую семинарию. Потом эти же два Михаила Оболенские упомянуты в Ревизских сказках Севского духовенства за 1811 год, где написано, что один рукоположен в Малоархангельск, а второй – в село Луковец Малоархангельского уезда. Интересно, что Оболенские уже в конце XVIII века пишутся с фамилией, что для того времени было достаточно редким явлением.*

А дальше Сергей назвал несколько имён, приведённых Гавриилом Пясецким в его «Материалах для истории Севской семинарии и духовных училищ Карачевского, Брянского, Орловского» («Орл. Епарх. Ведомости» за 1891год, № 18 и другие). Назову их и я:

«Никита Оболенский, Малоархангельской округи села Покровского священника Василия сын, 20 лет, с 1782г (в Семинарии) – очень прилежен, но успевает средственню;

Борис Оболенский, Малоархангельской округи села Вязового священника Даниила сын, 18 лет, с 1786г (в Семинарии) – великоросел и потому по учению мало надежен, поведения честнаго».

Внимательное чтение «Орловских епархиальных ведомостей» позволило расширить список Оболенских: в 1873 году умер «Малоархангельского уезда села Троицкаго на Липовце священник Дмитрий Оболенский»; в 1877 году умер дьякон села Рождественского Иван Оболенский, в 1889 году воспитанник 3-го класса Орловской Духовной семинарии Александр Оболенский был определен псаломщиком в село Красное Скарятино Малоархангельского уезда. Несколько священно- и церковнослужителей встретил я при изучении метрических книг церквей Малоархангельского уезда.

Трое из них оказались прямыми родственниками Сергея Короленко: Стефан, Василий и Николай Оболенские на протяжении почти столетия служили в Успенской церкви села Богородицкое (Успенское, Смирные тож). О них и пойдёт далее речь.



Послужной список священника Стефана Оболенского

Сергей Короленко нашёл в Российском Государственном Историческом Архиве формуляр священника Стефана Стефановича Оболенского (смотри скан, читатель, - А.П.), текст которого я процитирую:

«Священник Стефан Стефанов сын Оболенский, священнический сын, по окончании курса в Орловской Духовной Семинарии 1829 года июля 15 дня уволен с аттестатом второго разряда. Того же года 13 декабря Преосвященным Никодимом, Епископом Орловским и Севским, посвящён во священника к церкви Успения Божией Матери на настоящее место.

1855 года, Генваря 31 дня, указом Орловской Духовной Консистории за №622 за похвальное поведение и попечение о благоустройстве церковном объявлена признательность епархиального начальства.

1856 года избран и Епархиальным начальством утверждён ведомственным духовником, каковую должность и ныне проходит.

1859 года 18 декабря за долговременное при хорошем и честном поведении служению алтарю Господню и усердное назидание прихожан Слову Божию Преосвященным Поликарпом награждён набедренником.

В память минувших 1853 и 1856 годов получил бронзовый наперстный крест, 1863 года, июня 24 дня Всемиловейшие награждён фиолетовою скуфьёю, а 1874 года награждён фиолетовою камилавкою. 19 декабря 1875 года уволен по прошению за штат.

В семействе у него жена Параскева Иванова. Сын Александр обучается в 3 классе 2-ого Орловского уездного училища на содержании отца».

Получается, что Стефан Стефанович прослужил в одной и той же церкви 46 лет. Конечно, среди священников случались факты долговременного служения на ниве Божией, но чтобы в одном храме столько – такое было достаточно редким явлением. Успенский храм села Богородицкое (Смирные) Малоархангельского уезда (ныне – Покровского района – А.П.) располагался на достаточно ровной местности, на правом берегу небольшого ручья Невада. По рассказам местных жителей, церковь была очень красива. В Богородицком и рядом с ним располагались имения помещиков Киреевских, известных личностей в здешних местах. Судя по метрической записи Успенской церкви за 1850 год, которую я обнаружил в ГАОО, священник Стефан Оболенский не только просто общался с Киреевскими, но и был близок с ними.

Когда 22 мая 1850 года у батюшки и его супруги Параскевы родилась дочь Ольга, то её крестными стали помещик села Богородицкого, поручик Иван Николаевич Киреевский и помещица этого же села, жена лейб-гвардии прапорщика Николая Петровича Киреевского, Татьяна Киреевская. Возможно, именно по этой причине, Киреевские охотно и постоянно жертвовали средства на церковь (это заметило и епархиальное начальство, отметив одного из помещиков специальной грамотой).

После ухода Стефана Стефановича Оболенского за штат, его в Успенском храме сразу же сменил сын Василий, воспитанник Орловской Духовной Семинарии. В декабре 1875 года он был рукоположен во священника.



Раиса Васильевна Игрицкая
(Оболенская) с детьми

Василий Оболенский тоже всю свою жизнь прослужил в Успенском храме села Смирные, но он, к сожалению, не дотянул до отцовского возраста. Вот какую запись я нашёл в метрической книге: *«7 ноября 1905 года скончался, 10 числа – погребён села Богородицкого Успенской церкви священник Василий Стефанов Оболенский, 58 лет, от чахотки. Исповедовал и приобщал к святым таинствам священник села Никольского Димитрий Христофоров».*

Известно, что у Василия Стефановича Оболенского и его супруги родилось, по крайней мере, двое детей – дочь Раиса (родная прабабушка петербуржца Сергея Короленко) и сын Николай. Николай Васильевич Оболенский с декабря 1905 года сменил своего скончавшегося отца в должности священника Успенского храма, став, таким образом, третьим представителем одной семьи, прослужившей в одном и том же храме непрерывно, 88 лет (до прихода Советской власти). За короткое время младший из священников Оболенских сумел сделать карьеру на духовном поприще. К 1917 году он был духовным следователем 2-го благочиннического округа Малоархангельского уезда.

Сергею Короленко удалось найти в Сенатских объявлениях утверждённую Орловским Окружным судом купчую: *«...1907 года, января 12, священнику Н.В.Оболенскому от потомственного дворянина А.Н.Киреевского на продажу в Малоархангельском уезде при селе Богородицком, Успенское тож, земли 1 555 сажень, за 82 рубля».*

Один из фактов по Николаю Оболенскому посчастливилось обнаружить и мне в метрической книге Успенской церкви за 1912 год: у батюшки Николая и его супруги Надежды Александровны родилась 9 января дочь Мария (крещена 10 января 1912 года).

Восприемниками младенца стали потомственный Почётный гражданин Николай Александров Орлов и Серафима Александрова Орлова, дочь священника села Кунача Ливенского уезда. Возможно (моё предположение, сделанное на основании этой записи), что жена священника Н.В.Оболенского до замужества тоже носила фамилию Орлова.



Раиса Васильевна Игрицкая (Оболенская, в центре) с родственниками

Раиса, дочь Василия Стефановича Оболенского, вышла замуж за Брянского священника Льва Николаевича Игрицкого, выпускника Орловской Духовной семинарии 1894 года. Он был рукоположен во священника к Воскресенской церкви Брянска в 1900 году. Дочь Льва Николаевича и Раисы Васильевны Игрицких тоже звали Раиса (она – родная бабушка Сергея Короленко – А.П.). В селе Смирные, по семейным преданиям, нашёл свою будущую супругу и старший сын Раисы Васильевны, гостивший у родного дядюшки.

О послереволюционной судьбе священника Николая Оболенского совсем недавно мне удалось найти в Государственном архиве Орловской области документы (*ф. р-3, опись 2, ед. хр.63*), благодаря которым появилось вот это дополнение к очерку:

О том, как «раскулачили» священника Николая Оболенского

О «ликвидации кулачества как класса» в наших сёлах и деревнях я рассказывал много раз. Здесь же поведу речь только об одном семействе священника Николая Оболенского. Я процитирую найденные мною документы, ничего не меняя в грамматике и самих текстах, только чуть сокращая повторы. Документы идут в том же порядке, что и самой *единице хранения под №63*.

Прочти, читатель, эти документальные свидетельства жестокого времени, побудь на месте главного героя и членов его семьи, попробуй почувствовать, каково было им?

ГАОО, ф. р-3, опись 2, ед. хр.63

Дело №14

Выписки из протоколов Президиума Дросковского РИК о выселении лиц, лишённых избирательных прав, списки кулацких хозяйств, подлежащих выселению (2 февраля – 4 марта 1930 года)

Л.92 – 103

Личная карточка

Оболенский Николай Васильевич

Год и место рождения – 1879, с.Смирные

Состав семьи:

Жена – Надежда Александровна – 46 лет, Смирные

Оболенский Тихон Николаевич – 25 лет, проживает в Москве

Дочь Наталия Николаевна – 22 года, в Москве

Дочь Лидия Николаевна – 16 лет, неизвестно место

Вера Николаевна – 14 лет, тоже

Сын Николай Николаевич, 14 лет, Смирные

Русский священник, до революции имел земли 100 десятин, наёмных рабочих имел постоянных - двух, сезонных – до пяти, а также после революции имел наемных рабочих – одного и сезонных – одного.

Избирательных прав лишён как поп в 1925 году.

Занятия до революции – земледелие, служение в культе.

В старой армии не служил, но принимал активное участие во встрече деникинских банд.

За несдачу хлебных излишков в майско-июньскую хлебозаготовку был оштрафован, и продано имущество с торгов, и лишён земельного надела.

Собрание бедноты постановило: выселить Оболенского Николая Васильевича с семейством из пределов ЦЧО как крупного землепользователя, имевшего наемную силу и как священника, который через церковь старался

влиять на массы, чтобы таковые противодействовали мероприятиям Соввласти, встречал торжественно деникинские банды.

Подпись лица, проводившего выселение: П.Ма... (неразборчиво)

22 февраля 1930 года

Справка

Я, член комсомола Новиков Леонид Семёнович, даю настоящую справку в том, что кулак поп Оболенский Николай Васильевич во время нашествия банд Деникина устраивал корнавал по встрече таковых, а также во время служения молебна в волости Красную Армию и её руководителей партии проклинал таковых и называл варварами...

22. 02.1930

Выписка из протокола

заседания группы бедноты при Смирновском с/совете

Присутствовали: Харичиков И.С., Новиков Л.С. и ещё 9 человек.

Слушали:

О ликвидации кулачества как класса из пределов сплошной (коллективизации – А.П.) Смирновского с/с – докладчик тов. Харичиков И.С.

Постановили:

Оболенского Николая Васильевича изгнать с семейством как служителя культа из ЦЧО.

Выписка верна – секретарь Новиков.

Выписка из протокола

массового собрания бедноты и актива Смирновского общества с участием членов партии и членов комсомола от 5 февраля 1930 года.

Присутствовало 42 человека.

Председатель – Понютин И.Г.

Член Президиума Савичев Г.П.

Секретарь Афаносов В.И.

Слушали:

О ликвидации кулаков как класса из Смирновского общества

Постановили:

Оболенского Николая Васильевича как попу вредителя ходатайствовать перед РИКом о высылке из пределов ЦЧО с остальными членами семьи и конфискации имущества, а также просить РИК о розыске его детей, работающих на советской работе, сына – Оболенского Тихона Николаевича, Наталью, Надежду, Марию, каковых тоже выселить вместе с кулаками.

Выписка верна

Секретарь Новиков

Выписка из протокола

общего схода граждан села Смирные Дросковского района от 6 февраля 1930 года

Присутствовало 80 человек.

Слушали:

Утверждение решения группы бедноты о ликвидации кулачества как класса от 5 февраля 1930 года из пределов сплошной коллективизации Смирновского с/с

Докладчик – товарищ Новиков Л.С.

Постановление группы массовой бедноты утвердить – с изменениями.

***Выписка из протокола специально-секретного заседания
Президиума Дросковского Райисполкома Орловского округа
22 февраля 1930 года***

Слушали:

Материал о выселении из пределов в отделённые местности СССР Оболенского Николая Васильевича, село Смирные, Смирновского с/с

Постановили:

Как крупного землевладельца – злейшего эксплуататора и контрреволюционера – выселить за пределы ЦЧО со всюю семьёй.

Как сложилась судьба Николая Васильевича Оболенского и членов его семьи после 1930 года – ещё предстоит узнать.



Здесь находилась Успенская церковь села Смирные

К сожалению, от Успенской церкви села Смирные не осталось даже фундамента. А вот что касается памяти о её священнослужителях – тут всё нормально. Есть люди, которые сумели извлечь из тайников истории – по крупинцам – скрывавшиеся до поры факты, и теперь о батюшках из Успенского храма мы знаем уже достаточно много. И даже есть два фото. На них – Раиса Васильевна Игрицкая (Оболенская) в окружении своих родственников.

Павловы

Фамилия «Павловы» – одна из самых распространённых в России. По разным исследованиям, она занимает 15 или 17 место в общероссийском списке популярности. Только Героев Советского Союза с такой фамилией насчитывается 45 человек. Что касается Орловщины, то по данным историка, генеалога и краеведа Максима Оленева, Павловы на Орловщине делят 5-6 место с Захаровыми. Фамилии тех и других, как он подсчитал, встречаются в 23 населённых пунктах нашего края.

«Мал, да удал...»

Однако мне, на основании изучения «Книг Памяти», в которых содержатся списки погибших на фронтах Великой Отечественной войны орловчан, удалось выяснить, что на самом деле, фамилия Павловых гораздо более распространена на Орловщине. По крайней мере, в числе отдавших свою жизнь за Родину в 1941-1945 годах числятся 300 военнослужащих Павловых из 65 сёл и деревень нашего края. Только в двух районах области их нет в списках.

На первом месте по количеству Павловых, павших за свободу и независимость Отчизны - Должанский (72 человека), Колпнянский (42) и Ливенский районы (39 солдат, сержантов и офицеров). Что касается конкретных населённых пунктов, то больше всего представителей этой фамилии ушло на фронты войны из сёл Алексеевка (Должанский район) и Верхососенье (Покровский район).

Фамилия Павловы – как и многие другие, произошла от имени латинского происхождения, в основе которого - слово «*paulus*», что означает «*маленький*», «*малыш*». Павлом звали одного из самых известных апостолов Христа (*чаще его упоминают в паре с другим, по имени Пётр – А.П.*).

Что касается непосредственно фамилии, то у многих на слуху, прежде всего, имя сержанта Якова Павлова, командира защитников знаменитого Дома в Сталинграде во время героической обороны этого города. Но сержант Павлов стал не единственным Героем Советского Союза. Я уже упомянул, что их было четыре с половиной десятка.

От Белоруссии – до Белоруссии

Об одном из них, нашем земляке, лётчике Михаиле Никитовиче Павлове, и пойдёт далее речь. Он родился 11 июня 1919 года в деревне Липовец Ливенского уезда Орловской губернии (*ныне – деревня в Ливенском районе, в пяти километрах от Ливен – А.П.*).

Миша рано остался без родителей: умерла сначала мать, а через несколько месяцев и отец. После этого они с сестрой перебрались в соседнее село Успенское, к дяде. После окончания Успенской семилетней школы Михаил Павлов поступил в Азово-Черноморский сельскохозяйственный техникум (Ростовская область), где учился на агронома. Успев получить диплом, на короткое время приезжал в родные места, а в 1939 году его призвали в Красную Армию.

Через год Михаил Павлов закончил, в звании младшего лейтенанта, Красnodарское военно-авиационное училище штурманов и был направлен в 128 бомбардировочный авиаполк, базировавшийся в Белоруссии, в местечке Улла (Витебская область). Полк имел на вооружении 40 бомбардировщиков СБ (АНТ-40), в экипаж одного из них, стрелком-бомбардиром, и был назначен Михаил. В его обязанности входили: навигационное обеспечение полёта, расчёт элементов прицеливания для бомбометания, само бомбометание, радиосвязь и стрельба по воздушным целям.



Герой Советского Союза М.Павлов (крайний справа) со своими товарищами

В первый же день войны аэродром 128 авиаполка подвергся ударам немецких самолётов, в результате чего часть наших бомбардировщиков была выведена из строя, не успев даже взлететь. А всего за две недели первых боёв из 40 наших СБ в полку осталась ровно половина. Однако младший лейтенант Михаил Павлов, в составе своего экипажа, сумел не только уцелеть за это время, но и совершил 15 боевых вылетов на бомбардировку танковых колонн противника.

После переоснащения 128 авиаполка бомбардировщиками Пе-2, с конца декабря 1941 года, уже на Калининском фронте, он успешно бомбардирует фашистские колонны и позиции, несмотря на противодействие зенитной артиллерии противника и вражеских истребителей. В конце февраля 1942 года младший лейтенант Павлов был удостоен первой своей награды – ордена Красного Знамени.

За последующие шесть месяцев он довёл число своих боевых вылетов до 172-ух, успешно уничтожая гитлеровские объекты. Командир 128 бомбардировочного полка капитан Лаухин в представлении на награждение уже лейтенанта Павлова вторым орденом Красного Знамени, особо отметил его успех во время бомбёжки Смоленского аэродрома 27 августа 1942 года. Тогда были стёрты с лица земли завод, ангары и сгорело несколько вражеских самолётов.

Лётчик, найдя время в промежутке между заданиями, в письме сестре Александре 29 сентября 1942 года сообщил: *«Вчера у меня был радостный день, правительство мне вручило за мою боевую работу орден Красного Знамени. Теперь я дважды орденоносец... Я ещё сильнее со всей энергией буду гроить фашистских гадов до полного их уничтожения. До свидания. Твой брат М.Павлов».*



Герой СССР Павлов
Михаил Никитич

В 1943 году он продолжал бить врага не менее успешно. Тогда Михаилу Никитовичу довелось сражаться в родном орловском небе. 8 марта, уже будучи штурманом авиаэскадрильи своего полка, в качестве командира группы бомбардировщиков, он точно вывел товарищей на цель – посёлок Кромы. По его приказу позиции врага были подвергнуты удару с пикирования, в результате чего взлетел на воздух склад с боеприпасами, и сгорели 10 немецких автомашин.

На следующий день, 9 марта 1943 года, не менее удачной была бомбардировка немецких позиций у села Суры (Свердловского района – А.П.)

Очередной наградой для лейтенанта Павлова в апреле 1943 года стал уже орден Ленина. Таких лётчиков в полку, которые сражались бы с первого дня войны и ни разу не были сбиты и даже не ранены, оставались считанные единицы.

15 августа 1943 года, во время очередного боевого вылета, он умело разбомбил скопление живой силы и техники противника в посёлке Шаблыкино, чем предопределил его последующее занятие нашей пехотой. Освобождена была вскоре полностью Орловщина (вместе с нынешней Брянской областью), и пришло время Белоруссии, с которой начинался летом 1941 года боевой путь Михаила Павлова.

Трагический 213-й

Но 6 октября 1943 года Госпожа Удача, так долго благоволившая нашему земляку, изменила ему. В тот день группа «Пе-2» получила задание подвергнуть удару железнодорожную станцию Гомель, на которой скопилось большое количество вражеской техники. Наши лётчики, достигнув цели, с пикирования, разрушили железнодорожное полотно и станционные постройки, сожгли 50 вагонов с грузом и склад с горючим. А то, что произошло дальше, я опишу на основании слов командира 128-го Калининского бомбардировочного авиаполка, Героя Советского Союза, подполковника Воронкова: *«При выводе из пикирования прямым попаданием зенитной артиллерии был тяжело ранен лётчик. Стараясь дотянуть до своей территории, товарищ Павлов помогал раненому вести самолёт. Уже на своей территории лётчик потерял сознание и, свалившись на штурвал, погиб, врезавшись в землю. С ним вместе погиб и товарищ Павлов».*

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 года «за величайшее мужество, отвагу и героизм, проявленный в боях против немецких оккупантов, за 213 боевых вылетов», старший лейтенант Михаил Никитович Павлов и старший лейтенант Алексей Андреевич Свиридов (*тот самый лётчик – А.П.*), члены одного экипажа, были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза. Похоронили павших Героев в селе Перепись Черниговской области Украины.

Имя нашего земляка увековечено в Белоруссии (в Государственном музее истории Великой Отечественной войны), на Украине (улица в селе Перепись носит имя Михаила Павлова) и на родине, в Ливенском районе Орловщины (улицы Павлова есть в деревне Липовец, в селе Успенское и в городе Ливны).

«Захотелось увековечить...»

Так уж вышло, что Герой Советского Союза в 24 года героически погиб, не успев жениться и не оставив потомства. Но род Павловых не пресекся. В деревне Липовец продолжали жить двоюродные братья Михаила Павлова, а потом их дети и внуки.



Павлов Дмитрий
Николаевич

Об одном из них стоит сказать отдельно. Дмитрий Николаевич Павлов родился в 1957 году в селе Успенское Ливенского района. Закончив Ливенскую среднюю школу № 4, поступил в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. По выпуску из него офицером-политработником 20 лет прослужил в танковых частях Сибирского военного округа. Из Российской армии Дмитрий Николаевич Павлов ушёл в запас в звании подполковника. Сидеть без дела не стал – занялся (и успешно) предпринимательской деятельностью. Живёт он сейчас с семьёй на Алтае, в Барнауле.

Регулярно бывая во время отпусков в родных местах, Дмитрий Николаевич, видя проблемы земляков, стал им помогать. Сначала профинансировал благоустройство Святого источника в деревне Липовец, потом приобрёл компьютеры для местной школы. Узнав же подробности о своём героическом родственнике – Герое Советского Союза Михаиле Никитиче Павлове – по собственной инициативе, за собственные деньги организовал установку памятника ему в центре деревни Липовец. Вот как сам Дмитрий Николаевич вспоминал об этом моменте:

«Приехал маму провести, решил съездить, посмотреть свой родовой дом в деревне Липовец. Смотрю, а дом стоит на улице имени Пав-



Памятник М.Н. Павлову
в Липовце

лова. *Что-то екнуло в сердце. Захотелось увековечить Михаила Никитовича в бронзе.*

Потом была установка памятника ещё одному земляку-Герою – Анатолию Кузьмину. А последняя, на данный момент, благотворительная акция Дмитрия Николаевича Павлова – выпуск двух томов книги «Деревня Липовец – люди и судьбы». В ней – подробный рассказ об истории и о знаменитых уроженцах этого прославившегося в веках селения. И о Павловых, конечно, тоже. Вторым том издания был представлен землякам во время торжественного собрания в Липовецком Доме культуры совсем недавно – 28 сентября 2014 года. Липовчане в этот день отметили 235 лет своей деревне.

Побольше бы таких Павловых на земле Орловской.

Сапелкины на защите Родины

У Героя Советского Союза, уроженца деревни Вышний Туровец Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне – Покровского района – А.П.), Иван Фёдоровича Сапелкина – уникальная фронтовая биография. По окончании Борисоглебской военной авиационной школы имени Валерия Чкалова в 1941 году он, в силу какого-то странного стечения обстоятельств, оказался не за штурвалом самолёта, а в одной из воздушно-десантных частей, в составе которой и встретил начало Великой Отечественной войны.

Сухопутный лётчик Иван Сапелкин

В действующую армию Иван Сапелкин попал 15 августа 1942 года, а с 1 сентября того же года он сражается на Сталинградском фронте в 126-м гвардейском стрелковом полку 41-й гвардейской стрелковой дивизии (она была сформирована из десантников – А.П.), которая вела оборонительные бои на северо-западных подступах к Сталинграду.

В одном из сражений 6 сентября 1942 года Сапелкин был ранен и направлен в госпиталь. По всей видимости, по причине кратковременности его пребывания под Сталинградом, медалью за оборону города он награждён так и не был.

По излечении, как человека с военным образованием, его направили на курсы среднего политсостава. По окончании их гвардии лейтенант Сапелкин получил назначение на должность комсорга в 797 стрелковый полк 232 стрелковой дивизии Воронежского фронта.

До августа 1943 года дивизия вела оборонительные бои, а потом начала решительное продвижение на запад, приняв участие в Сумско-Прилуцкой наступательной операции. За отличия в освобождении города Сумы получила по-



Сапелкин Иван
Фёдорович

чётное наименование Сумской и с боями продолжала идти вперёд, освобождая населённые пункты Сумской, Черниговской и Киевской областей Украины.

Переправившись через Десну, дивизия передовыми подразделениями 26 сентября вышла к Днепру севернее Киева, напротив Вышгорода. В течение 3 – 5 октября она основными силами форсировала Днепр, захватив на правом берегу Днепра плацдарм в районе села Лютеж.

Наш земляк отличился как раз во время этих событий. Вот как был описан его подвиг в наградном листе:

«3 и 4 октября 1943 года гвардии старший лейтенант Сапелкин при форсировании реки Днепр проявил себя как смелый и мужественный командир.

Под исключительно сильным артиллерийским огнем противника тов. Сапелкин организовал и руководил переправой 1-го стрелкового батальона, а затем организовал эвакуацию раненых с правого берега реки Днепр.

4 октября 1943 года в момент причаливания к берегу в лодку, которой находились раненые бойцы, попал снаряд. Тов. Сапелкин бросился вплавь и спас тяжело раненного красноармейца».

По воспоминаниям однополчан, «поведение Сапелкина в бою представлялось им эталонным для комсорга: это был отчаянный, безумно смелый молодой офицер-политработник».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года гвардии старший лейтенант Сапелкин Иван Фёдорович стал Героем Советского Союза. Это была вообще его первая награда, но, несомненно, заслуженная. Правда, по замечанию тех же товарищей-однополчан, «испытание славой он не всегда выдерживал: ему нравилось проявлять героизм и там, где в этом не было необходимости, бравировать им». Но, по всей видимости, это было от молодости, ведь Герою на момент Указа едва исполнилось 22 года.

Несколько слов о фамилии

Фамилия «Сапелкин» - одна из самых распространённых в селе Трудки, деревнях Вышний Туровец и Вязоватое современного Покровского района. Сапелкины живут в здешних местах со второй половины XVII века, поселившись на окраинных землях Русского государства для охраны его границ. Спустя десятилетия они из служилых людей превратились сначала в однодворцев, а затем в государственных крестьян.

По поводу происхождения самой фамилии существует несколько версий. Лично мне наиболее убедительной кажется вот эта: она образована от прозвища «Сапелка», которое восходит к устаревшему слову «сопель». Так некогда называли духовой музыкальный инструмент, род свистковой флейты, свирели. Следовательно, прозвище «Сапелка» получил музыкант, владевший искусством игры на сопели либо мастер, занимавшийся изготовлением подобного рода музыкальных инструментов.

Очень правдоподобная версия, что фамилия «Сапелкин» произошла от «сапети», то есть «сопеть». Так могли назвать сладко посапывающего в своей

колыбельке малыша. Имя это закреплялось подчас на всю жизнь. И третий возможный вариант, - от крестильного имени Софон, через форму Сапон – Сапун.

Герой Советского Союза Иван Сапелкин – один из потомков служивых людей, который отличился во имя защиты Родины уже в годы Великой Отечественной войны. Но он не был единственным представителем своей фамилии, сражавшимся на фронте. Подсчитать, сколько точно Сапелкиных из наших краёв воевало, очень трудно, да, наверное, и невозможно. Тем более, что призывались они в Красную Армию не только из Покровского района Орловской области, но также из Москвы, Подмосковья и нескольких областей Украины, куда заносила судьба Сапелкиных в поисках лучшей жизни с конца XIX века по середине 30-ых годов века XX-ого.

Вместе с поляками

Только в «Книге Памяти» по Орловской области (Т.9. Покровский и Урицкий районы), вышедшей в Орёлиздате в 1998 году, значатся 26 погибших, умерших от ран в госпиталях, скончавшихся в немецких концлагерях и пропавших без вести Сапелкиных (*почти все – из Трудок, Вышнего Туровца и Вязоватого, населённых пунктов Вышинетуровецкого сельского поселения Покровского района – А.П.*).

К ним, без сомнения, нужно прибавить 10 человек Сапелкиных из числа мирных жителей (*в том числе пятерых детей – А.П.*), которые были казнены гитлеровцами во время оккупации села Трудки и деревень Вышний Туровец и Вязоватое в декабре 1941 – январе 1942 года.

Самая необычная судьба из всех погибших оказалась у Василия Ивановича Сапелкина. В офицерском звании поручика он служил во 2-м пехотном полку 1 Польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко и, будучи заместителем командира батальона, пропал без вести 7 августа 1944 года.

Стоит назвать в числе погибших воинов и единственную девушку – добровольца. 19-летняя Мария Сапелкина воевала телефонисткой в 73 стрелковой дивизии и погибла в конце октября 1943 года при освобождении Гомельской области Белоруссии.

От Орла и Курска – до Берлина

А теперь – о том, как отличились те Сапелкины, кто сумел выжить в страшном пекле войны. На сайте «Подвиг народа» я отыскал почти два десятка наградных листов на наших земляков.

Гвардии лейтенант, командир батареи 120-мм. миномётов 199 гвардейского стрелкового полка 67 стрелковой гвардейской Краснознамённой Витебской дивизии, Сергей Сапелкин воевал с апреля 1942 года. Участвовал в оборонительных боях под Сталинградом (*удостоен медали «За оборону Сталинграда» – А.П.*). А первый свой орден – Красной Звезды - гвардии лейтенант получил, отличившись в боях во время Курской битвы – за то, что *«4, 5 и 6 июля 1943 года взвод, которым командует тов. Сапелкин, в районе села Н-Черкасское Поньковского района Курской области, отражая атаки противника, уничтожил 1 пушку, 3 пулемёта и до двух рот пехоты противника».*

В июле 1944 года за прорыв сильно укреплённой обороны гитлеровцев на территории Белоруссии Сергей Сапелкин был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Осенью 1944 года 199 гвардейский стрелковый полк вёл освободительные бои на территории Прибалтики. В них снова отличился миномётный взвод гвардии лейтенанта Сергея Сапелкина. 5 октября *«...его батарея уничтожила 10 огневых пулемётных гнёзд, разбила 8 блиндажей, подавила две миномётных батареи и уничтожила до 90 человек немецкой пехоты»*. С 11 по 17 октября 1944 года миномётчики уничтожили до 70 гитлеровцев и подавили огонь миномётной батареи противника, уничтожили девять пулемётных гнёзд с прислугой. Такие блестящие наступательные действия взвода гвардии лейтенанта Сапелкина были отмечены редким для младших офицеров орденом – Александра Невского.

Двумя орденами Красной Звезды наградило командование командира огневого взвода 3 батареи 160 арtpолка 24 стрелковой дивизии младшего лейтенанта Алексея Сапелкина, орденами Красной Звезды – заместителя командира танкового батальона 163 отдельной Краснознамённой Смоленской танковой бригады, капитана Владимира Сапелкина, командира орудия СУ-85 4 батареи 1296 отдельного артиллерийского Калининчского полка лейтенанта Павла Сапелкина и орудийного номера 7 батареи 17 арtpолка 137 стрелковой дивизии красноармейца Ивана Сапелкина.

Орденов Славы III степени были удостоены: вожатый собак-истребителей танков 2-ого отдельного полка дрессировщиков собак специальных служб рядовой Павел Сапелкин, старший телефонист батареи 76мм. пушек 412 стрелкового полка 1 стрелковой дивизии, рядовой Алексей Сапелкин, стрелок 66 гвардейского стрелкового Краснознамённого полка красноармеец Андрей Сапелкин.

Андрей Фёдорович Сапелкин, названный мною последним, был младшим братом Героя Советского Союза, на фронте он оказался лишь в январе 1945 года. Однако честь и славу брата не замарал, *«показав в боях с немецкими захватчиками образцы мужества и отваги»*. 2 мая 1945 года, в бою за Штеттинский вокзал в Берлине, Андрей Сапелкин уничтожил 10 немцев, а 12 взял в плен. Орден Славы III степени украсил грудь гвардейца вскоре после Дня Победы.

Вот так сражались во имя Родины наши земляки Сапелкины, о подвигах которых я рассказал только малую часть...

Смирновы

Как ни удивительным будет для тебя, читатель, узнать, но самой распространённой фамилией в России является не «Иванов», в чём большинство уверено, а «Смирнов». Фамилия Смирнов – одна из самых старых на Руси, она возникла примерно в 16 веке, и носили её тогда дворяне. В последующие десятилетия и столетия обладателями звучной симпатичной фамилии стали лица всех остальных российских сословий.

От водочного короля до артиста Голливуда

В настоящее время эта фамилия настолько распространена, что существует даже общероссийское общественное движение «Смирновы России», члены которого объединились для того, чтобы оперативнее решать свои деловые и бытовые проблемы. Есть и газета под таким же названием.

За границей эту фамилию представил и прославил известный русский водочный король Пётр Смирнов, выпустивший водку под собственным именем, ставшим известнейшим брендом.

42 Смирновых (в том числе одна женщина – А.П.) были удостоены звания Героя Советского Союза, есть среди представителей этой фамилии Герои Социалистического Труда, известные писатели и учёные, режиссёры и артисты (кстати, родную бабушку голливудского киноактёра Ди Каприо звали Елена Смирнова – А.П.). Правда, на Орловщине, как ни странно, Смирновы не входят даже в двадцатку самых популярных фамилий. И, тем не менее, они живут во всех городах нашего края (только в Орле их насчитывается несколько сотен человек), населяют многие деревни и сёла.



Метрическое свидетельство Веры Смирновой

«Гигант русского резца»

Самый выдающийся из орловских обладателей этой фамилии, к сожалению, до сих пор остаётся одним из самых забытых деятелей нашей культуры. Борис Иванович Орловский (это его псевдоним, а родовая фамилия – именно Смирнов) прославился как знаменитый русский скульптор первой половины XIX века.

Он родился в 1791 году в селе Столбцкое (ныне – Покровского района) в семье дворовых людей помещицы Натальи Мацневой, которая спустя 10 лет продала всё семейство Смирновых помещику Шатилову в Тульскую губернию.

Борис рано проявил способности «к леплению из глины», что натолкнуло его хозяев на идею отдать своего крепостного «учиться рубить из мрамора», и вскоре он оказался в Москве в мастерской известного торговца мраморами Кампиони.

За 12 лет занятий резьбой по мрамору Борис Орловский (место прежнего жительства превратилось в его официальную фамилию – А.П.) стал лучшим мастеровым – мраморщиком и, чтобы освободиться от крепостной зависимости, «поднес государю императору бюст его, сделанный с отличным искусством».

Прославленный скульптор И.П. Мартос, для которого молодой мраморщик работал в 1821 году, увидел в нем незаурядное дарование и вместе с президентом Академии Художеств А. Н. Олениным принял участие в его судьбе. Сам император Александр I проникся заботой о талантливом юноше.

Помещик Шатилов согласился отпустить на волю искусного мастерового за 3000 рублей – и эту сумму ему заплатили немедленно. Так в 30 лет началась для Бориса Орловского вторая половина его жизни – короткая, наполненная учебой и работой жизнь свободного человека. Он учился: по индивидуальному плану – в Академии Художеств, шесть лет – у скульптора Торвальдсена в Италии, и уже в первых самостоятельных работах – «Парисе» и «Фавне, играющем на скрипке», в полной мере проявил свой талант.

Скульптурная фигура гренадера Карпа Варламова, созданная Орловским, настолько понравилась императору Николаю I, что тот установил одну статую в своих личных апартаментах, а второй экземпляр отослал своему тестю – прусскому королю Фридриху – Вильгельму.

Вершиной же творчества Бориса Ивановича Орловского стали фигура ангела на Александровской колонне, установленной на Дворцовой площади Санкт-Петербурга в честь 25-летия победы в Отечественной войне, и памятники выдающимся русским полководцам Кутузову и Барклаю – де – Толли.

Усилиями Е.С. Орловской, его вдовы, над могилой «гиганта русского резца» был установлен памятник, а в 1936 году останки Бориса Ивановича Ор-



Борис Иванович Орловский (Смирнов) - рисунок художника Маркова



Крестоносный Ангел на Александровской колонне (автор - Борис Орловский)

ловского перенесли со Смоленского кладбища в Некрополь Александроневской Лавры – пантеон деятелей культуры последних столетий.

Свой памятник скульптору оставил и Александр Сергеевич Пушкин, побывавший в 1836 году в его мастерской и написавший 10 строчек «Художнику»:

*«Грустен и весел вхожу, ваятель,
в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор
послушен тебе...»*

Да, мрамор всегда был послушен нашему земляку, лишь время ему не подчинялось. Но теперь и оно не властно над творениями великого скульптора Бориса Ивановича Орловского: его произведения до сих пор рядом с нами.

В посёлке Покровское, на родине выдающегося русского скульптора, в декабре 2008 года, одна из улиц нового микрорайона была названа именем выдающегося земляка.

Священники Корсунского храма

А теперь я расскажу об отце и сыне Смирновых, которые в течение 80 с лишним лет служили Богу и прихожанам Корсунской церкви села Корсунь, что просторно раскинулось когда-то на берегах небольшого ручья в северной части Малоархангельского уезда.

Храм с таким именем был в Орловской губернии один. Трёхпрестольный, каменный, изящной архитектуры, окрашенный в белую и красную краски, с белой крышей и такого же цвета куполами, с красивой кованой оградой вокруг, он вызывал у всех увидевших его в первый раз чувство умиления и желание немедленно обратиться к Всевышнему. Построена была Корсунская церковь на средства помещиков Вельяминовых-Зерновых, владевших имением в здешних местах ещё с середины 18 века. Большую помощь Владимиру Владимировичу Вельяминову-Зернову, известному русскому учёному-востоковеду, который завершал строительство, оказал настоятель Корсунского храма, отец Иоанн Смирнов, пользовавшийся огромным влиянием у своих прихожан. Именно он вдохновил в своё время на богоугодное деяние матушку Владимира Владимировича, Анну Яковлевну. Ей самой не удалось увидеть освящение храма, но дело родительницы продолжил и завершил её сын, при тесной поддержке и помощи отца Иоанна.

Священник Иван Иванович Смирнов уже свыше 40 лет был к этому моменту настоятелем Корсунской церкви, и таким событием он фактически мог подвести итог своего служения, поскольку через полтора года по проше-



Священник Леонид Смирнов

нию был уволен за штат, уступив 1 марта 1887 года своё намоленное место сыну Леониду, студенту Орловской духовной семинарии.

Молодым человеком двадцати с небольшим лет, Леонид Смирнов был рукоположен владыкой Орловским и Севским Макарием во священника Корсунской церкви, и за три десятилетия, пока не начались трагические революционные события, успел заслужить авторитет не меньший, чем у покинувшего мир земной его замечательного родителя. К отцу Леониду Смирнову корсунцы и жители приходских деревень приходили не только для крещения, венчания или отпевания, но и просто излить душу. Батюшка всегда находил слова утешения для страждущих и болящих. Успевал Леонид Иванович и с делами мирскими: родил и воспитал вместе с верной супругой Инной пятерых детей, которые уже при Советской власти сумели найти своё место в жизни.

К сожалению, в начале 30-х годов XX века Корсунская церковь была закрыта, а в годы Великой Отечественной войны полностью уничтожена. Батюшка Леонид скончался в 1942 году в посёлке Жуковка (ныне – Брянской области), так и не успев узнать о гибели своего любимого обиталища.

Несколько лет назад в селе Корсунь (ныне – Верховского района) воскресла из пепла новая, небольшая, пока – деревянная церковь. А с января 2014 года существует здесь монастырь. Многолетнее служение отца и сына Смирновых в Корсуни продолжили – после некоторого безбожного перерыва - их верные духовные последователи.

Фомкины

Трудно встретить в наше время человека, который бы хоть раз не услышал выражение «*Фома неверующий*». И практически всякий сразу понимает, что речь пойдёт о персонаже, которого очень трудно заставить поверить чему-нибудь, даже самому очевидному. Правда, не все знают, что возникло это выражение из евангельской легенды о том, как один из апостолов, галилейский рыбак Фома, не поверил в воскресение распятого Христа.

О Фоме без Ерёмы

Само имя (в переводе с арамейского) означает «*близнец*», и оно было очень популярно в России в XIX - начале XX века, особенно в провинции и на селе. Но в настоящее время встретить Фому в жизни – большая удача (*лично мне не доводилось – А.П.*). От этого апостольского имени произошло множество русских фамилий. Самая популярная, в том числе и на Орловщине – Фомины. Они встречаются практически в каждом районе области.

А вот Фомкины – гораздо более редкая фамилия. Деревня Головянка Залегощенского района (ныне исчезнувшая), посёлок Гусев и село Корсаково одноименного района, деревня Волково Мценского района, деревни Никуличи, Малорыбинка, Апухтино и посёлок Цуканы Свердловского района, деревня Елизаветино Малоархангельского района – вот, пожалуй, все населённые пункты, в которых компактно проживали её представители.

Я поведу речь о большом семействе Фомкиных из деревни Елизаветиной, что уютно расположилась когда-то в верховье ручья, впадающего в Неручь. Одна из местных жительниц рассказала мне легенду о возникновении этого населённого пункта.

В обмен на собаку

Итак, в самом конце XVIII века малоархангельская помещица, фамилия которой растворилась во времени, но зато осталось известным имя – Елизавета – обменяла одну из лучших своих охотничьих собак на пять семей крепостных крестьян, принадлежавших брянскому помещику Кокореву, и поселила их на территории Малоархангельского уезда, по обоим берегам безымянного ручья, правого притока реки Неручь.

Так было положено начало владельческой деревне, получившей название Елизаветина (Елисаветина – так писали тогда). Это было основное, главное имя деревни, но частенько и сами елизаветинцы, и соседи их называли населённый пункт ещё и Кокорево (что время от времени вызывало путаницу).

В XX веке, перед самой коллективизацией, число дворов в Елизаветиной превысило уже 50, а жителей насчитывалось 276 человек.

Было среди них несколько семей, носивших фамилию Фомкины – все близкие родственники. Предок их происходил как раз из числа тех крепостных, которых барыня Елизавета у брянского помещика на собаку обменяла.

У Петра Фомкина, продолжателя рода, и его жены Пелагеи, кроме дочерей, родилось четыре сына: Дмитрий, Андрей, Сергей, Илья. Они и положили начало многочисленному, разветвлённому семейству.

До 20-х годов XX века все Фомкины жили в родной деревне, крестьянствовали – особым богатством не отличались, но и не бедствовали. В период столыпинских аграрных реформ женился старший из сыновей, Дмитрий, и у него один за другим родилось три сына – Сергей, Андрей и Иван.

А в 1915 году призвали Дмитрия Фомкина в царскую армию, на Первую Мировую войну. Воевать довелось немного, в плен попал уроженец Елизаветиной, домой возвратился только в 1918 году, уже после двух революций. Нежеланные братья его семье пропасть не дали, всё это время помогали невестке и племянникам.

В годы гражданской войны уже в Красную Армию призвали Сергея Петровича Фомкина. Воевал он честно, служил добросовестно, а когда его в «органы» направили, — в Москве обосновался, да так осел крепко, что семье своей, остававшейся в деревне, решил помочь избавиться от лишних ртов. К этому времени младший брат Илья уже женился, двух детей имел, вот его-то семью и позвал к себе в Москву Сергей Петрович.

Так к концу 20-х годов XX века двое старших братьев Фомкиных в Елизаветиной продолжали хозяйствовать, а двое младших в Москве обосновались.

Защитники Родины

Когда началась Великая Отечественная война, призвали в июне-июле 1941 года в Красную Армию сразу четверых Фомкиных – Андрея, Ивана (детей Дмитрия Петровича), Леонида и Дмитрия (детей Ильи Петровича). Трое: Леонид Ильич, Дмитрий Ильич и Андрей Дмитриевич Фомкины – пропали без вести один за другим в 1941 - 1943 годах.

Из четверых ушедших первыми на фронт в живых остался один только Иван Дмитриевич («Судьба!» — как любил потом он говаривать). Старший сержант, командир орудия 4-ой батареи 909 артиллерийского полка 336 стрелковой Житомирской дивизии, он прошёл всю войну, был награждён орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». Вот выписка только из одного его наградного листа: *«В боях под деревней Холмищи Орловской области товарищ Фомкин своим орудием уничтожил миномётную батарею и подавил тяжёлую артбатарею противника. В боях под д. Векишино Калининской области участвовал в отражении танковой контратаки противника и своим орудием уничтожил один танк. Под д. Холм-Рогачёвский его орудие прямой наводкой уничтожило: два блиндажа, одну пулемётную точку и один наблюдательный пункт противника. Командир 909 артполка подполковник Гнедковский».*

День Победы старший сержант Иван Фомкин встретил в Чехословакии.

После освобождения в феврале 1943 года частями 148 стрелковой дивизии деревни Елизаветиной призвали на фронт и переживших оккупацию ещё двоих Фомкиных – Сергея Дмитриевича и Николая Андреевича. Им повезло – оба остались живы. Сергей Дмитриевич попал в пехоту, воевал вторым номером станкового пулемёта и уже в родном Малоархангельском районе получил тяжёлое ранение в руку. После госпитализации признанного инвалидом Сергея Фомкина

комиссовали, признав негодным к военной службе.



Кавалер медали «За отвагу»
Николай Фомкин

19-летний Николай Фомкин на фронт попал в самом конце войны. Красноармеец, автоматчик 745 стрелкового Станиславского полка 141 стрелковой Киевской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого дивизии, он участвовал в боях по освобождению Чехословакии. За два дня до Победы, «ликвидируя немцев, засевших в бункерах в селе Пасоглавки, 7 мая 1945 года, тов. Фомкин захватил в плен немецкого офицера», за что был удостоен медали «За отвагу».

Итог войны для семейства Фомкиных – трое пропавших без вести, один – инвалид, двое возвратились живыми и не искалеченными.

Председатели

Два вернувшихся домой фронтовика – Сергей Дмитриевич и Иван Дмитриевич Фомкины были (по очереди) председателями в елизаветинском колхозе

«Память Ильича», а все остальные члены их семейств работали там, куда пошлют. Вкалывали, не покладая рук, восстанавливая разрушенное хозяйство – и восстановили!

Прошедший всю войну Иван Фомкин зимой 1955-го года, спешил по председательским делам из Елизаветиной в Малоархангельск. Испугавшаяся чего-то лошадь вдруг понесла. Пытаясь успокоить её, Иван спрыгнул с саней и попытался остановить животину, но был буквально проткнут санной оглоблей. Пройдя всю войну, он за 4 года ни разу не был ранен, а тут такая нелепость в 30 лет! Тоже судьба!

Народный художник России



Александр Ильич Фомкин

После смерти Ивана Дмитриевича постепенно разъехались Фомкины из Елизаветиной – в соседние Малоархангельск и Глазуновку, в Москву. Нигде не затерялись – всюду смогли и на хлеб заработать, и себя показать. Самым известным из Фомкиных стал Александр Ильич – народный художник России, заслуженный художник РСФСР, профессор, кандидат искусствоведения, преподаватель Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова. В 60-80-е годы XX века он частенько приезжал в родную деревню – «на натуру» и набраться творческих сил. Провожал его всегда в Елизаветину

из Глазуновки Николай Андреевич Фомкин – мой тесть, сохранявший самую тесную связь с родиной: в старом сарае, сохранившемся с 50-х годов, он зимой держал несколько ульёв (к занятию пчёлами его ещё до войны приучил отец, и Николай Андреевич в последние годы жизни увлёкся пчёлами очень серьёзно).

Нет теперь в живых Александра Ильича Фомкина, скончался и намного раньше, чем сам предполагал, мой тесть-фронтовик. Но родовое место в деревне Елизаветиной с недавних пор снова обрело хозяев – там устроил себе дачу один из проживающих в соседнем Малоархангельске Фомкиных, родившийся здесь.



Картина А.И. Фомкина «Родина»



Картина А.И. Фомкина «В деревне»



Семейство Фомкиных у своего дома в д. Елизаветиной

Возвращение к корням



Памятная плита художнику А.И. Фомкину

И это правильно: надо всегда возвращаться к своим корням! И не просто возвращаться, а восстанавливать историческую память. Именно поэтому Виктор Иванович Фомкин, сын бывшего председателя елизаветинского колхоза Ивана Дмитриевича Фомкина и племянник народного художника России Александра Ильича Фомкина – на свои средства, с помощью односельчан и всех нодушных малоархангельцев, в 2009 году установил на родовой усадьбе памятный знак – камень, с мраморной плитой, увековечив известного

деятеля искусств. Мастеру замечательных пейзажей, многие из которых посвящены родным местам, Александру Ильичу Фомкину 8 сентября 2014 года исполнилось бы 90 лет. И его помнят – не только в Москве и в Суриковском институте, но и в родных местах.

А Виктор Иванович Фомкин, сделав благое дело, через пару лет в родной ревно памятный знак ещё одному знатному елизаветинцу поставил – генерал-лейтенанту И.Ф. Архипову. В 2014 году, узнав, что его одноклассник, Юрий Черкасов, член Орловского отделения Союза художников России, уже третий год на свои средства, сам, лично, восстанавливает разрушенную Покровскую церковь в малоархангельском селе Лески, решил помочь товарищу. И теперь уже двое одержимых трудятся во славу Божию и на восстановление исторической памяти. Думаю, у них получится, тем более что Фомкины начато хорошего дела никогда не бросают. Такие они, Фомы верующие!

И Бог им в помощь!



Виктор Фомкин у своего памятника в д. Елизаветино

Черниковы

Самая популярная фамилия в Покровском районе Орловской области – Черниковы. Её обладатели до недавнего времени проживали (а во многих местах и продолжают жить) в 14 населённых пунктах края: в сёлах Дросково, Липовец, Смирные, Верхний Жёрновец и деревнях Высокое, Гремячье, Лазаревка, Погонёво, Сетенёво, Теряево, Толмачёвка, Трубицыно, Шалимовка. В райцентре Покровское в настоящее время только в телефонной книге значатся шестеро Черниковых. Покровские представители этой фамилии в большом количестве имеются и на украинском Донбассе, куда, спасаясь от голода начала 30-ых годов, переехала примерно треть жителей многих наших сёл и деревень.

Фамилия охранный и служилый

Это, конечно, не означает, что Черниковых нет в других местах Орловщины. Обитают они в Колпнянском, Ливенском, Урицком районах, но – тем не менее – наибольший вклад в общее их количество вносил и вносит именно Покровский край. Вот поэтому речь далее пойдёт о Черниковых из Покровского района.

Перед тем, как начать рассказ собственно о них, пару слов посвящу происхождению фамилии. Стопроцентной уверенности в том, что дело обстоит именно так, у специалистов по именам нет, но многие филологи склоняются к

тому, что фамилия «Черников» ведёт своё начало от прозвища «Черник», которое – в свою очередь – было образовано от прилагательного «чёрный». Это прозвище могло указывать на внешние особенности основателя фамилии – чёрные волосы или смуглую кожу. Кроме того, поскольку у прилагательного «чёрный» имелось ещё и второе значение – «тёмный», «скрытный», «злой», прозвище «Черник» вполне могло служить оберегом, выполняя охранительную функцию для его носителя.

Черниковы – служилые люди Русского государства – поселились на территории Покровского района с начала 17 века. С течением времени они превратились в однодворцев, а потом – в государственных крестьян. Наибольшее число Черниковых из всех 14 вышеперечисленных населённых пунктов края долгие годы проживало в многонаселённой деревне Высокой. Одно время она имела второе название – Черникова, и в ней из 423 жителей по 10 переписи населения 1858 года свыше 350 человек составляли именно Черниковы.

Я думаю, найти на Орловщине другую фамилию, представители которой внесли бы бОльший вклад в разгром фашизма, будет очень трудно. Ведь на фронты Великой Отечественной войны ушли (по неполным данным) более 400 Черниковых из Покровского района, и 103 человека из них не вернулись в родные дома (36 человек, кстати, были из деревни Высокой).

Из этих 103 человек 46 погибли на полях сражений, 40 – пропали без вести, 8 – умерли от ран и 9 – скончались в фашистских концлагерях.

Отважная фамилия

Перечислять всю эту сотню (*настоящую, небесную, а не сочинённую на майдане – А.П.*) – не хватит газетного места, но о некоторых из Черниковых – павших защитников Отечества – стоит сказать обязательно.

Рядовой 241 стрелкового полка, уроженец деревни Высокое (*запомни эту деревню, читатель – А.П.*), Василий Дмитриевич Черников, героически погиб 30 июня 1941 года, на западной границе, в 20 километрах от украинского Тернополя. Он стал первым из Черниковых, отдавших жизнь за Родину в первые же дни войны. За ним, вначале с боями отступая к столице, а потом, гоня врага на Запад, уходили в небесную высь и другие его однофамильцы. Но уходили не просто так, а со Славой, отправляя в ад захватчиков.

Вот что написал командир 771 стрелкового полка 137 стрелковой дивизии подполковник Кади́ро о номере орудия взвода 45мм. пушек первого стрелкового батальона красноармейце Алексе́е Черникове, представляя его 8 августа 1943 года к медали «За отвагу»:

«...23 июля 1943 года, в бою за деревню Степановка Свердловского района Орловской области, при переправе через реку Неручь, самолётами противника были выведены из строя лошади. Красноармеец Черников с товарищами на руках вытащили орудия и следовали с ними вместе с батальоном на протяжении 30 километров. В бою за деревню Нахлёстово (Свердловского района – А.П.) с открытой позиции прямой наводкой подавили огонь двух пулёмётных точек противника и уничтожили 7 подвод с боеприпасами».

Уроженец села Липовец, артиллерист Алексей Васильевич Черников, погиб в бою 29 февраля 1944 года, освобождая Полесскую область Белоруссии.

Медали «За отвагу» был удостоен почти в это же время (15 августа 1943 года) гвардии старший техник-лейтенант Алексей Протасович Черников, сражавшийся в составе 210 танкового батальона 88 танковой бригады на Орловско-Курской дуге: *«Непосредственно в боевых порядках отремонтировал две 76мм. пушки (лично), тем самым обеспечил их участие в бою. По бездорожью, в сильные дожди, сумел обеспечить боеприпасами не только свои боевые машины, но и 209 танковую бригаду»*.

Погиб Алексей Протасович Черников тоже почти одновременно со своим тёзкой – 25 февраля 1944 года, у местечка Полонное Хмельницкой области Украины.

Гвардии сержант Анатолий Черников воевал в 115 гвардейском стрелковом полку 38 гвардейской стрелковой дивизии, которая в конце 1943 года вела тяжёлые бои, освобождая Украину. 22 декабря к позициям 1 стрелкового батальона 115 гвардейского стрелкового полка прорвались гитлеровцы. *«Командир пулемётного расчёта, гвардии сержант Анатолий Черников, отражая наступавшую пехоту противника, намного превосходящую в силе, умело отбивал их атаки, уничтожив при этом до взвода немецких солдат. Своим точным огнём он прикрывал отходящую нашу пехоту на следующий рубеж и сам, последним, вышел из окружения»*. Наградой командиру пулемётного расчёта стала медаль «За отвагу».

19-летний уроженец села Дросково, гвардии сержант Анатолий Фёдорович Черников, погиб через три месяца после совершения этого подвига, освобождая Волынскую область Украины.

Среди отличившихся покровских уроженцев Черниковых 14 человек носили имя Иван.

Старший лейтенант, командир стрелкового взвода 1022 стрелкового полка 269 стрелковой Рогачёвской дивизии, Иван Черников *«...в боях при прорыве обороны противника 24 июня 1944 года на реке Дзурь (Белоруссия), показал смелость, мужество и отвагу. Умело командуя взводом, первым ворвался в траншею противника, выбил его и сам лично захватил в плен одного офицера и трёх немецких солдат. В бою на реке Березине (Белоруссия) со взводом уничтожил две автомашины и взял в плен 25 немцев»*. 20 июля 1944 года за свои подвиги старший лейтенант Иван Климентьевич Черников был удостоен ордена Красной Звезды, а спустя 3 дня погиб – там же, в Белоруссии.

Гвардии старший сержант Михаил Черников был одним из немногих наших земляков, кто воевал в составе воздушно-десантных войск. *«В наступательных боях по расширению плацдарма на западном берегу реки Дунай (Венгрия) с 25 ноября 1944 года т. Черников (артиллерист 30 гвардейского воздушно-десантного полка – А.П.) проявил мужество и отвагу. В боях за деревню Вини подавил пулемётную точку противника и уничтожил до 20 гитлеровских солдат»*. Наградой храброму гвардии сержанту стал полученный им 9 января 1945 года орден Славы III степени. Спустя три недели Михаила Артамоновича Черникова не стало – он погиб в очередном бою у местечка Двета в Венгрии.

Косточки покровских однофамильцев погребены на огромной территории – от стен Москвы и Ленинграда до Будапешта и Берлина. Там, в столице фашистской Германии 27 апреля 1945 года отдал свою жизнь ради Победы, наверное, последний из Черниковых – Иван Иванович. Красноармеец 608 стрелкового полка 146 стрелковой дивизии, он успел повоевать полтора месяца. Похоронили уроженца д.Высокое Покровского района (*снова эта деревня – А.П.*), вместе с 12 его боевыми товарищами, погибшими в один день, в парке Берлинской психбольницы, на улице Херцбург.

Не всем уроженцам Покровской земли с такой фамилией, даже подходящим по возрасту к призыву в Красную Армию, довелось воевать. Некоторые из Черниковых по 12 и более часов трудились в тылу, работая на полях, на заводах, перевоза грузы к фронту.

Трудовая фамилия

Одним из наиболее отличившихся стал Сергей Игнатьевич Черников. Он родился 7 июня 1925 года в селе Верхний Жёрновец (*ныне – Покровского района – А.П.*). В годы Великой Отечественной войны был эвакуирован в город Канаш (Чувашия). После окончания технической школы Казанской железной дороги и Муромской школы по подготовке машинистов был оставлен «по брони» в тылу.



Герой Социалистического
труда Черников Сергей
Игнатьевич

Сначала Сергей работал кочегаром на паровозе, позже – помощником машиниста паровозного депо. Сколько разных нужных грузов перевёз он к фронту – трудно посчитать. После войны стал машинистом тепловоза, причём, такого класса, что за ним не могли угнаться и ветераны. Сергей Черников знал, что он трудится не только за себя, но и за тех парней, его земляков, которые один за другим легли в сырую землю.

В 1959 году, за выдающиеся успехи, достигнутые в деле развития железнодорожного транспорта, Сергею Игнатьевичу Черникову было присвоено звание Героя Социалистического труда.

В 1962–1980 годах он перешёл от вождения к обучению – стал машинистом-инструктором для молодых железнодорожников. Возглавляемая им бригада получила почётное звание коллектива коммунистического труда. Имя Сергея Игнатьевича Черникова в 1967 году было занесено в Почётную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

Скончался Герой Социалистического труда 23 мая 1992 года там же, в Канаше, где работал и жил. На родину, в село Верхний Жёрновец Покровского района, Сергей Игнатьевич неоднократно приезжал. В местной школе в музейном уголке есть материал, посвящённый знаменитому земляку.

Глава вторая

Герои Великой Отечественной

«Мы летали под Богом...» (Гавриил Гуськов)

В самом центре посёлка Нарышкино, рядом с шоссейной дорогой Орёл-Брянск, стоит памятник, на который всегда обращают внимание проезжающие мимо водители и пассажиры: молодой человек в лётном шлемофоне внимательно смотрит на них, живых, оттуда – из вечности.

Начало пути

Если кто-то из заинтересовавшихся остановится и подойдёт к памятнику поближе, то прочтёт на постаменте короткую надпись: *«Здесь захоронен наш земляк, лётчик-истребитель, Герой Советского Союза, гвардии лейтенант Гуськов Гавриил Гаврилович».*

Очень короткую, но замечательно яркую, можно сказать, огненную (с учётом войны и его профессии) прожил этот человек.



Гавриил Гуськов

Гавриил Гуськов родился 30 марта (по другим данным – 8 апреля – А.П.) 1923 года в деревне Шахово Урицкого района в семье железнодорожного рабочего. Закончив 7 классов в Архангельской средней школе (село Архангельское находится неподалёку от Шахово – А.П.), он работал счетоводом на Оболенской сплавной бирже Малоярославецкого

механизированного лесопункта (Калужская область – А.П.). В декабре 1940 года без отрыва от работы Гавриил стал заниматься в аэроклубе, по окончании которого добровольцем ушел в действующую армию. Учился в знаменитой Качинской военной авиационной школе лётчиков, когда началась Великая Отечественная война.

Гавриила Гуськова и его товарищей стали готовить по ускоренной программе и, даже не дав офицерских званий, летом 1942 года отправили в войска. Правда, ещё пару месяцев он находился на переподготовке в запасном полку (обучался полётам на «Яках» - А.П.), из которого в конце октября старший сержант Гавриил Гуськов был направлен в 875 истребительный авиационный полк, сражавшийся на Калининском фронте.

«Из боя выходит победителем»

Вся фронтовая жизнь Гавриила Гуськова уложилась менее чем в девять месяцев: 26 октября 1942 – 17 июля 1943 года. За это время он успел в составе

двух авиapolков повоевать на трёх фронтах – Калининском, Северо-Западном и Брянском.

Начинал летать и участвовать в боевых вылетах пилот Гуськов так решительно и резво, что его первый командир полка, майор Ковалёв, не успел вовремя отреагировать. Первое представление на награду старшему сержанту Гуськову он подписал только спустя четыре с лишним месяца, 12 марта 1943 года, когда на счету лётчика имелось уже 39 боевых вылетов и 8 сбитых самолётов противника.

Правда, надо отдать должное майору Ковалёву. Он высоко оценил своего подчинённого: *«Товарищ Гуськов имеет богатый опыт, который умело применяет в бою и передаёт товарищам. В бою решительный, находчивый. Несмотря на превосходящие силы противника, смело вступает в бой и из боя выходит победителем»*. Заслуги Гуськова командир полка посчитал достойными награждения орденом Ленина.

Но вышестоящее начальство решило, что сразу так отмечать лётчика, не имевшего даже медали, – это перебор. И потому Гавриилу Гуськову был вручён орден Боевого Красного Знамени.

Тогда майор Ковалёв, уязвленный понижением статуса награды для своего подчинённого, уже 16 марта 1943 года, после очередного успеха Гуськова, отправил ещё одно представление на него, обосновав свою просьбу:

«...15 марта 1943 года в районе Черенчицы сбил самолёт противника Ю-87. 16 марта 1943 года в районе Шелудьково в один день сбил два самолёта противника: Ю-87 и ФВ-190». За эти успехи лётчику был вручён орден Красной Звезды.

В апреле 1943 года получивший, наконец, офицерское звание младшего лейтенанта Гавриил Гуськов был переведён в другой полк – 65 гвардейский истребительный – и назначен там командиром звена.

Командир 65 гвардейского истребительного полка гвардии подполковник Зворыгин быстро оценил деловые качества Гуськова, увидел его в деле и уже 21 апреля 1943 года отправил на него представление: *«За 105 вылетов на боевое задание, за 10 сбитых самолётов противника, за мужество и героизм в воздушных боях с немецкими оккупантами достоин звания «Герой Советского Союза» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»*.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении высокого звания Гавриилу Гуськову последовал 24 мая того же года. Гуськов оказался самым молодым (20 лет!) из всех 35 наших земляков-лётчиков, удостоенных звания Героя за все годы Великой Отечественной войны.

В это время узнавший о награде командир звена 2-ой эскадрильи 65 ГИАП гвардии лейтенант Гуськов продолжал успешно громить врага уже на Брянском фронте.

В родном краю он в землю лёг...

17 июля 1943 года, спустя пять дней после начала развернувшейся на Орловской земле наступательной операции «Кутузов», в центральной советской

газете «Правда» была опубликована статья под заголовком «Бои над переправами».

В ней говорилось: *«Берега реки Оки неоднократно превращались в арену ожесточенных боев и сражений. Теперь они вновь стали полем битвы. Наши передовые части, форсировав реку, устремились на позиции врага. Противник старался помешать переправе, разбомбить ее. В тот момент, когда в воздухе патрулировала шестерка «ЯК-9», немцы бросили в бой 29 бомбардировщиков и 20 истребителей. Перед тем противник пустил «юнкерсов» под прикрытием четырех «ФВ-190», рассчитывая отвлечь наших истребителей, а тем временем проскочить в район переправы. Но вражеский замысел не удался. Герой Советского Союза гвардии лейтенант Гуськов расчетливо провел «юнкерсов». На большой скорости сбивает ведущего первой девятки, разбивает их компактный строй. Другую девятку настиг гвардии лейтенант А. А. Попов.*

Истребители не допустили бомбардировщиков врага в район переправы. Сбили четыре их машины, завязав с ними бой на подходе за 15 километров до переправы».

Так, благодаря газете, об одном из многочисленных подвигов нашего земляка Гавриила Гуськова узнала вся страна.

Бой, описанный в «Правде», происходил 13 июля 1943 года. И по итогам его, командир 65 ГИАП гвардии подполковник Зворыгин отправил представление на очередное награждение Гуськова.

Но – и это трагическое совпадение – как раз в день публикации, 17 июля 1943 года, выполняя очередное задание по прикрытию наземных войск над территорией Болховского района, командир звена 65 гвардейского истребительного авиаполка гвардии лейтенант Гавриил Гуськов погиб вместе с ещё тремя



Памятник Г. Гуськову
в Нарышкино

лётчиками, попавшими под удар тридцати гитлеровских самолётов. Долгое время он и его товарищи, не возвратившиеся с боевого задания, считались пропавшими без вести.

В 1964 году у деревни Бетово Болховского района на глубине 4-х метров были найдены обломки советского истребителя с останками пилота внутри. По № 1011 медали «Золотая Звезда» погибшего лётчика поисковики установили, что останки принадлежат Герою Советского Союза Гавриилу Гуськову. Он был похоронен со всеми военными почестями в центре посёлка Нарышкино Урицкого района Орловской области, на родной земле. На могиле Героя был воздвигнут памятник.

Гавриил Гаврилович Гуськов – единственный из уроженцев Орловщины Герой Советского Союза, кто и похоронен в том же районе, где он родился.

Имя Гавриила Гуськова присвоено улице в Нарышкино, материалы о Герое и его подвиге находятся в краеведческом музее Урицкого района.

Приказом Министра обороны СССР Г.Г.Гуськов был навечно зачислен в списки личного состава воинской части.

Я не знаю, кто 90 лет назад дал имя нашему Герою, родители или священник, ведь Гавриил – один из семи библейских архангелов, живущих где-то там, наверху.

У Владимира Высоцкого есть песня о лётчиках, строчку из которой можно прямо отнести к Гавриилу Гуськову:

«Мы летали под Богом, возле самого рая...!»

И вот уже 72 года прошло с тех пор, как навечно приземлился наш замечательный земляк, а мы вспоминаем и вспоминаем...

Александр или Алексей? (Герой Советского Союза А.И. Алёшкин)

На Орловской земле, в период ожесточенных боев по ее освобождению с конца 1941 по август 1943 года включительно, погибло 40 Героев Советского Союза. И лишь двое из них – уроженцы самой Орловщины. Мой первый рассказ был о лётчике Гаврииле Гуськове, а сейчас я поведаю о старшем лейтенанте, командире минометной роты 142 стрелкового полка 5 стрелковой дивизии А.И. Алёшкине.

В бою за Подмаслово

Сначала – о его подвиге. Наградной лист на Героя Советского Союза А.И.Алёшкина хранится в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске. В силу плохой сохранности текста он обычно цитировался с сокращениями. Предлагаю читателям впервые познакомиться с описанием подвига нашего земляка в полном объеме:

«В ожесточенных боях с немецко-фашистскими оккупантами на сильно укрепленный опорный пункт Подмаслово (тогда – Моховского, ныне – Залегощенского района – А.П.) 17.7.1943 года, во время наступления нашей части, минометным огнем зажег немецкий танк и уничтожил до роты немецких солдат и офицеров и два танковых пулемёта с расчётом, мешавших продвижению нашего подразделения.

Побитый противник предпринял одну за другой три ожесточенных контратаки. Товарищ Алёшкин проявил стойкость и героизм, отбил контратаки противника, нанеся врагу тяжёлые потери в живой силе и технике. Но враг, обозлённый неудачей, со-



Герой Советского Союза
А.И. Алёшкин

брал превосходящие силы – несколько рот пехоты, поддерживаемых артиллерийско-миномётным огнём и шестью танками, и предпринял третью (в документе именно так, хотя, по смыслу, эта атака должна быть четвертой – А.П.) ожесточенную контратаку. Завязался ожесточенный кровопролитный бой. Вышли из строя командиры взводов. Положение создалось критическое. В это время старший лейтенант Алёшкин принял правильное решение: выдвинулся впереди боевых порядков, личным примером мужества и героизма, с возгласами: «Умрем, но победим! За Сталина! Вперед!», повел бойцов в бой. Он первым ворвался в траншею противника и 4 гранатами уничтожил группу немецких автоматчиков – до 30 солдат и офицеров.

В этой неравной схватке погиб герой – старший лейтенант Алёшкин. Но он оказался победителем: враг дрогнул и отошел на свои исходные позиции. Только мужество и героизм, самопожертвование старшего лейтенанта Алёшкина ради победы над врагом воодушевило бойцов, которые последовали его примеру: бросились на врага и отбили ожесточённую, превосходящую по силам контратаку противника».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 года «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм» старшему лейтенанту Алёшкину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Тайны Алёшкина

Если читатель обратил внимание, то я пока не называл имени героя – только его инициалы: А.И. Это неспроста. Дело в том, что в разных документах Алёшкин значится то Александром, то Алексеем. Конечно, это похожие имена (да и происходящие от одного греческого, очень символичного в данном случае, слова - «защита», «защитник» - А.П.), но, все-таки, разные.

Путаница с именем старшего лейтенанта Алёшкина началась с момента его героической гибели. В списках безвозвратных потерь рядового и командного состава 5 Орловской стрелковой дивизии за период с 10 июля по 9 августа 1943 года он (под № 327 – А.П.) назван Александром Ивановичем. В списке безвозвратных потерь командного состава той же дивизии за период с 10 июля по 29 августа 1943 года под № 16 старший лейтенант Алёшкин также записан как Александр.

Наконец, в третьем извещении о смерти – «Приказе по Главному управлению кадров Народного Комиссариата Обороны об исключении из списков Действующей Армии» от 16 сентября 1943 года снова речь идет об Александре Алёшкине. Казалось бы, откуда могло тогда появиться другое имя?

Но оно появилось, причем, в том самом наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза, который я цитировал. Командир 142 стрелкового полка подполковник Фомин, описывая подвиг старшего лейтенанта Алёшкина, назвал его Алексеем. А может быть, писарь (в данном случае, машинистка – А.П.) ошибся. Но, так или иначе, Героем Советского Союза стал уроженец

села Чувардино Дмитровского района *Алексей* Иванович Алешкин. Так до настоящего времени он и значится в наградных документах Центрального архива Министерства обороны.

Не касаясь сути

В результате разночтения в первоисточниках появился разнобой и в литературе. Исследователи событий Великой Отечественной войны, не касаясь сути существовавшей проблемы, просто называли имя героя: или Алексей (как в «похоронках»), или Александр (как в наградном листе на присвоение звание героя).

В самой первой из орловских книг, посвященных Героям Советского Союза, «За землю родную» (Орел, 1963 год) Алешкин значится Александром. В орловских изданиях 1985 и 1995 года («Боевое созвездие орловцев» и «Бессмертный подвиг») он – уже Алексей. В капитальном труде советских военных историков, двухтомном биографическом словаре «Герои Советского Союза», выпущенном Воениздатом (1987 год) наш земляк назван Александром.

Так его звали и земляки-чувардинцы, и родная мама Варвара Федоровна, у которой Александр был старшим в большой семье из шести детей. Он родился в 1923 году (*кстати, точной даты его рождения мы не знаем – А.П.*). Закончил Чувардинскую семилетнюю школу. Недолгое время работал в сельском клубе.

Новая загадка

Как только началась война, Александра призвали в Красную Армию. Отучившись полгода на командных курсах, с ноября 1941 года Алёшкин непрерывно воюет. Летом 1943-го в ходе осуществления операции «Кутузов» его минометная рота в составе 142 стрелкового полка 5 стрелковой дивизии полковника Михалицына оказалась на одном из самых опасных участков – в районе Подмаслово. Там шли ожесточенные бои. О подвиге старшего лейтенанта я рассказал выше.

Похоронили Алёшкина в братской могиле, в овраге севернее деревни Подмаслово, вместе с павшими в том бою его товарищами - командирами взводов из 142 стрелкового полка: младшими лейтенантами Александром Прониным, Василием Татариновым, Петром Гонтарём, Кариним Жадигером и лейтенантом Яковом Крючковым.

И тут возникает новая загадка. Все шестеро лейтенантов в двух списках безвозвратных потерь по 5 стрелковой дивизии значатся погибшими в один день – 21 июля 1943 года, и похороненными в одном месте. Но в наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза датой смерти А.И.Алёшкина названо 17 июля. Снова ошибся командир полка Фомин или полковой писарь?

И это еще не все. В упоминавшемся приказе Главного управления кадров об исключении из списков действующей армии датой гибели Алёшкина назван еще один день - 27 июля 1943 года. Но, все-таки, думаю, надо ориентироваться

на главные документы в такого рода делах – на «Списки безвозвратных потерь личного состава», а в них дата героической смерти старшего лейтенанта Алёшкина, 21 июля 1943 года, названа дважды.

Вечная память

После войны останки солдат и офицеров, погибших в окрестностях Подмаслово и захороненных в братской могиле, в овраге севернее деревни, были перенесены в могилу в центре населенного пункта. Среди более чем семи сотен имен на отдельной плите выбито имя Героя Советского Союза *Алексея* Ивановича Алёшкина – и исправлять это, наверное, нет смысла.



Главное, чтобы о Герое помнили, как в былые годы на его родине, в Чувардино (Дмитровский район), когда в местной школе хранилась переданная сюда грамота о присвоении звания Героя Советского Союза А.И. Алёшкину. Пока существовала Чувардинская школа, ежегодно, в День Победы на школьной площадке проходил торжественный сбор пионерской дружины. Ученики давали клятву быть такими же храбрыми и верными Родине, каким был их односельчанин Александр Алешкин.

А на братской могиле в Подмаслово (Залегощенский район) ученики местной школы делали то же самое. Хотелось бы, чтобы память эта по отношению ко всем павшим за наше освобождение в 1941-1943 годах, в том числе и по отношению к Герою Советского Союза, орловчанину Александру Алёшкину, вот уже более 70 лет лежащему в родной земле, была вечной, ведь мы живем мирно благодаря ему и его погибшим товарищам.

Подвиг у деревни Семидворики (Виктор Яценевич)

В первый день Орловско-Курской битвы, 5 июля 1943 года, на Орловской земле погибло сразу четверо Героев Советского Союза. Одним из них был литовец Виктор Яценевич (я произношу его имя так, как оно названо в наградном листе, но в других документах он именуется как ЯценЕвичус или ЯценЯвичус – А.П.).

«Семи смертям не бывать...»

Вечером 5 июля 1943 года Советское Информбюро сообщило:

«С утра ... наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону»

Одним из таких участков на северном фесе битвы был стык между 167-м и 156-м полками 16-ой Литовской стрелковой дивизии, где немцы нанесли наиболее сильный удар. К 11 часам немецкие автоматчики прорвались к наблюдательному пункту 167-го полка, стрелки которого подпускали немецких автоматчиков на 20 метров к своим траншеям и уничтожали их залповым огнем в упор. Поле перед их траншеями было буквально завалено убитыми гитлеровцами. Но атаки повторялись. Бой носил ожесточенный характер, шли рукопашные схватки в окопах. Противник смог потеснить часть подразделений 156-го и 167-го полков и захватить Семидворики – ту часть деревни Панской (ныне - Глазуновский район – А.П.), которая была осво-

божена ещё во время нашего зимнего наступления 1943 года.

По воспоминаниям дивизионного разведчика 16-ой Литовской дивизии Шаломы Скопаса, советские позиции в районе Семидвориков занимала 190-ая отдельная штрафная рота. *«Немцы выставили напротив своих «штрафников». Там нейтральная полоса составляла метров семьдесят, а посередине «нейтралки» стоял колодец. «Штрафники с двух сторон как-то договорились между собой и друг друга...не трогали. Подходили к колодцу без особого страха и даже устроили «натуральный обмен» на «нейтралке» - наши оставляли на земле махорку, и взамен получали от немцев сигареты. До братания не дошло, но бдительность наших «штрафников» притупилась. Под утро, немцы, без выстрелов, быстро перемахнули нейтральную полосу и вырезали наших «штрафников» спящих в землянках. Так начинался этот прорыв в «Семидвориках», немцы зашли в стык между дивизиями. В 167-м стрелковом полку срочно*

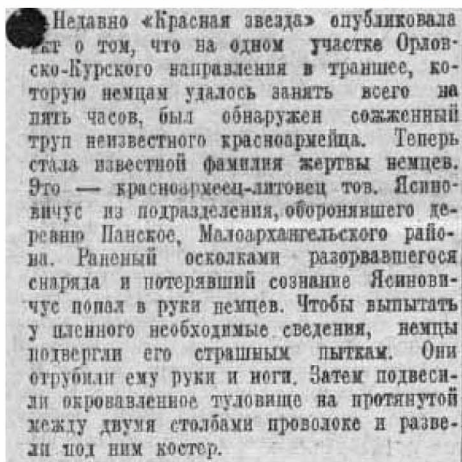


Герой Советского Союза
Виктор Яценевич

создали ударный отряд. И комбат Виленский со сводным отрядом возвратил назад утраченные позиции».

И вот тогда, в одном из отбитых у фашистов в Семидвориках блиндажей было обнаружено истерзанное тело неизвестного красноармейца. Первое сообщение об этом сделала газета «Красная звезда» в том же июле 1943 года.

«...На одном участке Орловско-Курского направления... был обнаружен сожжённый труп неизвестного красноармейца. Это – красноармеец-литовец товарищ Ясиновичус (именно так названа фамилия в газетном сообщении – А.П.) из подразделения, оборонявшего деревню Панское, Малоархангельского района. Раненый осколками разорвавшегося снаряда и потерявший сознание Ясиновичус попал в руки немцев. Чтобы выпытать у пленного необходимые сведения, немцы подвергли его страшным пыткам...».



Сообщение в газете «Красная Звезда»
о подвиге Виктора Яценевича

всю кисть правой руки искололи. Разрезали живот, вырезали половые органы и отрубили ноги. Все эти зверства гитлеровские бандиты проводили на костре.

Т. Яценевич, несмотря на пытки, остался верным воинской присяге и выполнил свой долг перед Родиной, гитлеровские бандиты не добились никаких сведений и не воспользовались телефоном, который был в исправности, а линия включена и действовала».

Представление на награду ушло в вышестоящие инстанции 12 июля 1943 года, но только спустя почти год (4 июня 1944 года – А.П.) последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Виктору Яценевичу посмертно звания Героя Советского Союза.

Победитель

Герой родился 18 мая 1924 года в Ленинграде в семье рабочего-литовца, обосновавшегося в северной столице на постоянное жительство. Литовец Ан-

Командир 156 стрелкового полка 16-ой Литовской стрелковой дивизии майор Кессель, в наградном листе на своего красноармейца, привёл некоторые подробности того, что фашисты сотворили с попавшим в их руки пленным:

«После того, как нашими войсками немецкие войска были выбиты из деревни Семидворики, нашими бойцами было найдено изуродованное тело Яценевича, повешенное на телефонном проводе в блиндаже за балку.

Как было установлено, немецкие изверги подвергли Яценевича зверским пыткам: кололи ему руки, ноги, тело, оторвали руку (левую) и

танас Яценевичус, проживая в Ленинграде, переделал на русский лад свои имя и фамилию, а родившийся у него сын был записан как Виктор Антонович Яценевич. Так его звали в средней школе и в ремесленном училище. Но когда в 1942 году Виктора Яценевича призвали в Красную Армию и направили в Литовскую дивизию, то там его имя и фамилию стали произносить по-литовски: Викторас Яценевичус. На фронт Виктор прибыл 13 мая 1943 года, а через пять дней новоиспечённому телефонисту роты связи 156 стрелкового полка исполнилось 19 лет.

До начала Орловско-Курской битвы Яценевичу удалось поучаствовать лишь в одном бое. 25 июня 1943 года подразделение 156 стрелкового полка 16-ой Литовской стрелковой дивизии вело разведку боем у деревни Никитовка (ныне – Свердловского района). Красноармеец Яценевич, будучи начальником направления связи, хорошо на протяжении всего боя, под обстрелом противника, исправлял многочисленные повреждения линии, чем обеспечил бесперебойную связь и управление боем.

5 июля 1943 года Виктор был назначен начальником направления связи на участке обороны 190 отдельной штрафной роты. Обслуживая телефон на переднем наблюдательном пункте, он до последнего момента передавал сведения о продвижении противника. А что случилось дальше – я уже рассказывал.

Имя Виктор, в переводе с латыни, – «победитель». Красноармеец Яценевич, преодолев страх смерти, до конца выполнил свой воинский долг и – победил!

Тайны Героя

В самом центре посёлка Глазуновка в 80-ые годы XX века был установлен бюст Герою. Местные жители по заслугам увековечили Виктора Яценевича в бронзе, потому что свой подвиг он совершил на территории их родного района, у деревни Панской. В советские годы около памятника детей принимали в пионеры, а молодёжь — в комсомол. Бюст сохранился, и за ним ухаживают, а вот с карты Вильнюса, к сожалению, давно исчезла улица Виктораса Яценевичуса, новые литовские власти вернули ей одно из старых названий — Базилиянская.

В наших краях имя Героя не забывают, но нам остаётся, всё-таки, уточнить, где же именно захоронены его останки? В списке безвозвратных потерь 156 стрелкового полка 16-ой Литовской дивизии красноармеец Яценевич значится погребённым в братской могиле в полукилометре западнее деревни Петровка Малоархангельского района (вместе с ещё семью погибшими 5 июля его товарищами из 156 стрелкового полка – А.П.).



Список погибших советских воинов на братской могиле в д. Панская

В сводном томе «Память о подвиге», выпущенном Орёлиздатом в 1998 году, в котором перечислены все погибшие на Орловщине 40 Героев Советского Союза, местом захоронения Виктораса Яценявичуса (Виктора Антоновича Яценевича) названа братская могила на высоте 206,6 у деревни Петровка Покровского района.



Памятник Виктору Яценевичу в Глазуновке

А совсем недавно имя Героя внесено в списки, помещённые на мемориальных плитах братской могилы деревни Панской Глазуновского района, той самой, у которой погиб героической смертью сын литовского народа и гражданин СССР Виктор Яценевич.

В некоторых интернетских статьях местом его захоронения и вовсе назван посёлок Глазуновка.

Думаю, работникам областного военкомата стоит дать по этому вопросу точный и окончательный ответ, чтобы не спорили между собой представители трёх соседних районов – в чьей же земле покоится Виктор Яценевич – Герой первого дня Орловско-Курской битвы.

Миномётчик Манзус Ванахун

5 июля 1943 года в 6 часов утра, после продолжительной артиллерийской подготовки и авиационных бомбардировок по советским войскам, гитлеровская армия развернула наступление на северном фланге Курской дуги. Главный удар наносился фашистами на Ольховатку – Поньры, а вспомогательный - на Малоархангельск.

Подвиг у хутора Согласный

Здесь силами германского 23-го армейского корпуса противник из района



Ванахун Манзус

Похвальное, Глазуновка пытался прорвать наши позиции на стыке 13-й и 48 армий. Участок фронта от хутора Согласный до села Протасово (Малоархангельский район – А.П.) защищали воины 148 стрелковой дивизии, поддерживаемые артиллеристами из 12-ой артиллерийской дивизии прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

Немецкие танки с десантом автоматчиков на броне и самоходные орудия выходили на высоты и, остановившись, открывали огонь по наблюдаемым целям и местам расположения советских средств противотанковой обороны. Потом атакой в лоб они штурмовали позиции наших батарей и орудий, ведя огонь с ходу или с коротких остановок. Приблизившись на 200 — 300 метров к позициям, танки делали короткую остановку и усиливали

огонь. Немецкие автоматчики соскакивали с брони, пытаясь с флангов просочиться на наши огневые позиции.

Артиллерия 12-ой артдивизии массированным заградительным огнём наносила противнику серьёзные потери. Пехота, тесно взаимодействуя с артиллерией, пропускала вражеские танки через свои боевые порядки, после чего орудия противотанковых опорных пунктов расстреливали их в упор. Орудиям противотанковой обороны помогали уничтожать танки противника бронебойщики. В это же время артиллерия и миномёты с закрытых позиций своим огнём отсекали пехоту врага от танков, огнём стрелкового оружия и штыковыми контратаками её уничтожали наши стрелки. Не добившись успеха в одной атаке, немецкие войска неоднократно предпринимали последующие.

Миномётчики 232-го миномётного полка, занимая высоты на юго-западной окраине хутора Согласный, вели интенсивный обстрел вражеской пехоты.

Во время очередной гитлеровской атаки наша пехота, находившаяся перед позицией 4-ой батареи полка, не выдержав натиска неприятельских танков, отошла назад, а миномётная батарея, потеряв связь с командиром дивизиона П.И.Коноваловым, осталась стоять на месте и продолжала вести огонь по врагу.

Немцы окружили её со всех сторон. Когда они приблизились к позициям миномётов почти вплотную, наши расчёты стали отбиваться от нападающих фашистов автоматами, винтовками и гранатами. Большими силами немцы атаковали левый фланг батареи, где находился расчёт сержанта Манзуса Ванахуна, пытавшегося безрезультатно связаться с соседним расчётом сержанта Бердникова.

Миномётчики расчёта отчаянно отбивались, отстаивая свой рубеж, но один за другим выходили из строя. Командир остался последним. Вот как в наградном листе описал последние минуты героического боя сержанта полковник Колотиллов, командир 11 миномётной бригады: *«Когда кончились патроны, расчёт отбивался гранатами. Расстреляв патроны, т. Ванахун бросил в фашистов гранату, которая не взорвалась. Свыше десятка немецких солдат бросились к окопу с целью захватить миномётный расчёт и оружие.*

Видя неизбежность захвата миномёта и пленения, т. Ванахун выждал момент, когда в окоп бросилось больше десятка фашистов, взял мину, сорвал колпачок взрывателя и, ударив её об опорную плиту, взорвал все находившееся в окопе, уничтожив взрывом миномёт, мины, вооружение и более десятка нападавших фашистов.

Смертью героя погиб т. Ванахун, уничтожив своим расчётом до 50 фашистов и не дав своего оружия в руки врага».

Сержант-миномётчик в бою у хутора Согласный без колебаний согласился отдать свою жизнь во имя Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 года Манзус Ванахун был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Китай – Киргизия – Орловщина: путь Героя

На воинском мемориале в селе Протасово (оно находится в восьми километрах от Малоархангельска – А.П.), где захоронено более трёх с половиной тысяч павших советских воинов, на отдельной плите значится: «Здесь 5 июля 1943 года, героически защищая Родину, пал смертью храбрых командир миномётного расчёта 232 миномётного полка 12 арт. дивизии РВГК Герой Советского Союза Манзус Ванахун».

Он стал одним из сорока погибших и захороненных на Орловской земле Героев.



Памятная плита на воинском мемориале в селе Протасово

По национальности Манзус Ванахун – дунган. В провинциях Китая, главным образом в северо-западных, их насчитывается более 35 млн. человек. Наука еще не знает точного ответа на вопрос, откуда и как пришли в Китай дунгане. Существуют предположения, что предки дунган были арабскими воинами. Они слились с народом Китая, но сохранили при этом мусульманскую религию.

Судьба дунган была полна мрака и горя. В течение веков находились они под неимоверным гнетом разных правителей и не раз поднимались на борьбу против своих поработителей.

Крупнейшее из восстаний вспыхнуло в Северо-Западном Китае в 1862 г. На подавление его были брошены императорские войска, но восставшие более десяти лет отражали атаки правительственных войск. В конце концов, понеся огромные потери, обескровленные, измученные, дунгане решили найти спасение в России.

В декабре 1877 года, переправившись через горы, более тридцати тысяч участников восстания поселилось в так называемое Семиречье – на территории Киргизии и Казахстана. Среди них был и дед Манзуса Ванахуна.

С 1882 года он с семьёй жил на окраине Пишпека (в те годы – уездного центра Семиреченской области Российской империи – А.П.), занимался сельским хозяйством.

Здесь в 1907 году и родился



Дом-музей Манзуса Ванахуна

Манзус Ванахун. Учиться ему довелось недолго и немного. После революции вместе с братьями переселился он из Пишпека в село Милянфан (*ныне – Кантский район Кыргызстана – А.П.*), где братья стали рисоводами (*название села в переводе на русский язык – «рисовая долина» - А.П.*). С организацией в селе товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) Манзус вступил в ТОЗ, а потом - в колхоз имени Фрунзе, организованный в 1932 году.

В декабре 1942 года Ванахун был призван в ряды Красной Армии. Прошёл обучение по воинской специальности миномётчика, затем окончил школу младших командиров и получил звание сержанта. Был назначен командиром расчёта 120-миллиметрового миномёта в 232-й миномётный полк 11-й миномётной бригады 12-й артиллерийской дивизии, формировавшейся в Челябинской области.

В январе 1943 года дивизия была отправлена на Брянский фронт, где вошла в состав 48-й армии и была дислоцирована в Орловской области, в районе города Малоархангельск, в окрестностях которого совершил Манзус Ванахун свой подвиг и остался навеки здесь, далеко от родной Киргизии.

Мы помним

На родине память единственного дунгана – Героя Советского Союза – чтят: его именем названы школа, улица в посёлке городского типа Кант и одна из пограничных застав. В селе Милянфан установлен памятник Ванахуну и создан музей, посвящённый ему.



Школа имени Манзуса Ванахуна в селе Милянфан

В Чуйской области Кыргызстана в мае 2008 года широко отметили и 100-летие со дня рождения земляка. В праздновании юбилея приняли участие официальные лица, представители государственных и общественных организаций и зарубежные гости.

В 80-ые годы прошлого века при Малоархангельском доме пионеров существовал поисковый отряд, члены которого отыскиали многих ветеранов, участвовавших в боях на территории

Малоархангельского района. С ними, а также и с родственниками погибших на орловской земле была организована поисковиками активная переписка.

Благодаря ей завязалась дружба малоархангельских ребят с учениками из школы имени Манзуса Ванахуна. А в 1982 году на День Победы ребята из села Милянфан, вместе с дочкой Героя и его внуками, посетили Малоархангельск и побывали на месте боёв 1943 года. В тот же день приезжали и однополчане героя — минометчики 232-ого минометного полка.

С тех пор прошло уже более 30 лет. Но память о подвиге Манзуса Ванахуна по-прежнему жива на Орловской земле.

Герой Сталинграда и Орла (Григорий Складар)

Из 40 погибших на Орловщине во время её освобождения в 1941-1943 годах Героев Советского Союза 6 человек были украинцами. Я расскажу об одном из них – уроженце Днепропетровской области Григории Аникеевиче Складаре.

В боях под Сталинградом

Он родился в 1917 году на станции Шмаково (Криворожского городского совета Днепропетровской области – А.П.) в семье рабочего. Окончил 10 классов. Работал весовщиком, учетчиком, сцепщиком вагонов на железнодорожной станции.



Герой Советского Союза
Григорий Складар

В 1938 году Григорий Складар был призван в Красную Армию. По окончании интендантской школы его назначили начальником финчасти одного из артиллерийских полков Харьковского военного округа. Но оставаться тыловиком молодой командир не захотел и после прохождения переподготовки в 1941 году, буквально за месяц до начала войны, перешёл на строевую должность.

С 23 июня 1941 года Григорий Складар – на фронте, командует последовательно стрелковым взводом и ротой. В марте 1942 года был ранен. После излечения некоторое время он являлся помощником начальника штаба 1155-го стрелкового полка 343-й стрелковой дивизии, а в конце 1942 года капитан Складар принял командование 1-м батальоном 1315-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии, которая вела кровопролитные бои под Сталинградом, в

Городищенском районе.

Была там господствующая над местностью высота Казачий Курган (высота 126,7), которую гитлеровцы превратили в неприступную, как им казалось, крепость. Около месяца 173 стрелковая дивизия пыталась её захватить.

28 декабря 1942 года, во время очередной попытки, 1-ый стрелковый батальон 1315 стрелкового полка под командованием капитана Складара сумел первым достичь вершины Казачьего Кургана, закрепился там, обеспечив выполнение задачи всей дивизии.

А потом в течение трёх суток батальон успешно отражал яростные контратаки противника. Только за первый день было отбито девятнадцать атак. За три дня боёв бойцы Складара уничтожили более двухсот солдат и офицеров противника, несколько танков и огневых точек противника.

В последующих боях, наступая в направлении на город Сталинград, 1-ый стрелковый батальон отличился ещё несколько раз, особенно 12 и 15 января 1943 года при освобождении села Карповка и хутора Дубинин (ныне - Городи-

ицкий район Волгоградской области), где было уничтожено до двух рот пехоты противника и взято в плен свыше 100 гитлеровцев.

Наградой за эти бои умелому, опытному и бесстрашному Григорию Скляру стал орден Красной Звезды.

В боях под Орлом

В марте 1943 года отличившаяся в Сталинградском сражении 173 стрелковая дивизия стала 77-ой гвардейской, а в конце апреля её направили на северный фас Курской дуги, где намечалась не менее ожесточённая битва.

12 июля 1943 года 221 гвардейский стрелковый полк (*именно так после получения дивизией гвардейского звания стал именоваться бывший 1315 стрелковый полк – А.П.*) успешно форсировал реку Оку в районе деревень Сивково-Фетищево и вместе с соседними 218 и 215 гвардейскими стрелковыми полками стал буквально прогрызаться сквозь глубоко эшелонированную и насыщенную огневыми средствами полосу обороны противника.

Расстояние в 3-4 километра, от одной болховской деревни до другой, гвардейцы преодолевали с тяжёлыми потерями, за сутки или даже двое. 10 километров от Оки до посёлка Одониток 221 гвардейский стрелковый полк шёл почти неделю.

И вот здесь, как когда-то под Сталинградом, гвардии капитан сумел в полной мере показать свои замечательные воинские умения:

«...Товарищ Скляр осуществил тщательно продуманный и смелый маневр обхода противника во фланг, завершённый стремительным ударом. 3-я рота батальона Скляра с боем заняла высоту 208,9, расположенную на левом фланге противника, занимавшего деревню Кривцово. Заняв высоту, 3-я рота ударила по деревне и в результате неожиданного и сильного напора противник отступил. Заняв деревню, 3-я рота сумела быстро закрепиться. 28 человек роты прочно удержали завоёванные позиции, отразив три яростные контратаки противника.

В другом бою две роты батальона Скляра, отражая контратаки 12 вражеских танков с десантами автоматчиков и 600 человек пехоты, нанесли противнику тяжёлые потери, уничтожив свыше 300 немецких солдат и офицеров, подбив 7 танков, из них три танка типа «тигр». Измотав врага, подразделения Скляра перешли в контратаку, заставив врага отойти, и закрепились на новом рубеже.

В этом бою товарищ Скляр пал смертью храбрых».

Представление на присвоение звания Героя Советского Союза, отрывок из которого я процитировал, командир 221 гвардейского полка гвардии майор Петухов подписал 29 июля 1943 года. 30 июля его утвердил командир 77 гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Аскалепов, а 1 сентября – командующий войсками Брянского фронта генерал армии Попов.

Но Указ о присвоении последовал только 4 июня 1944 года. С чем связано такое промедление – понять трудно.

Впрочем, это не единственная загадка в жизни и героической смерти гвардии капитана Григория Склера. Датой его гибели в наградном листе значится 19 июля 1943 года, но в «Списке безвозвратных потерь 77 гвардейской стрелковой дивизии за период с 10 по 20 июля 1943 года» напротив его фамилии стоит – «...погиб 18 июля 1943 года под д. Одониток Болховского района. Похоронен восточнее деревни Одониток 2 км».

В послевоенный период останки Героя Советского Союза Склера и его товарищей перенесли из обезлюдевшей деревни Одониток в братскую могилу в соседнем посёлке Дубровский. Там сейчас покоится прах более тысячи советских солдат и офицеров, погибших во время наступательной операции «Кутузов».

Имя Григория Аникеевича Склера носит улица на его родине – в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Жаль, что на болховской земле имя Героя, отдавшего жизнь за её освобождение, не увековечено.

Подвиг на Оке (Николай Зверинцев)

Иногда само место рождения человека как будто ведёт его к совершению подвига. Герой Советского Союза, освободитель Орловщины, Николай Зверинцев появился на свет в Тульской области, в селе Монастырщино – том самом, где, по преданию, были похоронены русские воины, павшие в Куликовской битве.

В километре от села сливаются Непрядва и Дон, именно здесь совершили переправу русские войска накануне сражения. В окрестностях села Монастырщино расположена Зеленая Дубрава - легендарный лесной массив, где ждал своего часа Засадный полк, решивший исход битвы. Как же можно было, проведя в Монастырщино хоть и небольшую часть своего детства, не пропитаться духом русских чудо-богатырей?

С поля Куликова – на поле битвы за Орёл

Николай Зверинцев прожил в этом легендарном селе (ныне – Кимовского района Тульской области – А.П.) несколько лет, а после смерти отца они с матерью-учительницей переехали в Ефремовский район. Здесь Коля закончил Никольскую семилетнюю школу и перед самой войной, как комсомольца-активиста, его направили в село Пожилино для работы секретарём местного сельского совета. Вместе с ним переехала его мать, Ольга Евгеньевна, которая стала работать в Пожилинской семилетней школе. Вскоре началась Великая Отечественная война. Секретарь сельсовета несколько раз ходил в военкомат, прося, чтобы его призвали в действующую армию и направили на фронт, где уже сражался старший брат Зверинцева.

В феврале 1942 года Николай добровольцем вступил в Красную Армию. На фронте оказался в апреле 1942 года. Вскоре получил и первое боевое кре-

щение. Был назначен комсоргом второго батальона 858-го стрелкового полка 283-й стрелковой дивизии.

283 стрелковая – одна из наиболее отличившихся при освобождении Орловщины воинских частей. И одна из тех, что наступая на самых опасных участках, понесла наибольшие потери.

По воспоминаниям командира дивизии, полковника Коновалова, в 2 часа дня 19 июля 1943 года от командующего 3 армией, генерала А.В.Горбатова, он



Герой Советского Союза
Николай Зверинцев

получил приказ: *«С рубежа Аввакумовский – Арсентьево нанести удар в направлении Доброводы – Первый Воин, перерезать шоссе Мценск – Орёл и главными силами выйти к Оке»*, которую тут же нужно было быстро форсировать, создав плацдарм на её западном берегу.

283 стрелковая дивизия, не имея усиления, тем не менее, успешно начала наступление. 20 июля она, вместе с 342 стрелковой дивизией, освободила Мценск, из которого гитлеровцы, опасаясь окружения, начали отход на другие рубежи.

21 июля 1943 года, в короткий перерыв между боями, младший лейтенант Зверинцев написал очередное и, как оказалось, последнее письмо своим родным (*оно хранится в фондах Орловского краеведческого музея – А.П.*):

«Здравствуйте, мама, Василий Петрович, бабушка, Надя и Лилия!

Шлю свой горячий привет с фронта. Сегодня собрался написать письмо, правда, все делается на ходу, под свист снарядов и вой бомб. Сейчас идем в бой с гитлеровцами. Мы уже прошли ряд освобожденных сел... Фашисты удирают. Желаю всего хорошего в жизни и работе...

Целую, Коля. Привет всем, всем...».

«Нам некуда отступать! Ни шагу назад!»

В этот день, 21 июля 1943 года, 283 стрелковая дивизия возобновила наступление, и на пути её продвижения начались кровопролитные, ожесточённые схватки с отчаянно сопротивлявшимися гитлеровцами. В нескольких из них участвовал младший лейтенант Николай Зверинцев. События последнего дня в жизни 19-летнего офицера отразил в наградном листе его командир полка, подполковник Груздов:

«21 июля 1943 года второй батальон вышел к реке Ока. Противник открыл сильный огонь из всех видов оружия, самолёты врага непрерывно висели над боевыми порядками батальона, обстреливая их с воздуха, сбрасывая сотни килограммов бомбового груза, преграждая путь к переправе.

Подразделения, приблизившись вплотную к водной переправе, залегли, прижатые огнём врага. Отважный комсорг, младший лейтенант Зверинцев

Н.М., выдвинувшись в боевые порядки роты, которая по приказу была направляющей, и с возгласом: «Вперёд за Родину! За Сталина!» бросился в воду. Подвиг Зверинцева воодушевил комсомольцев, следовавших за своим комсоргом. За комсомольцами последовал и весь личный состав подразделения. Брод был глубокий, вода доходила до плеч. Но ни вода, ни губительный огонь противника не смогли остановить продвижение наших подразделений. Один за другим бойцы поднимались на западный берег реки, открывая ответный огонь по врагу. Цепи противника дрогнули и, неся потери, начали отступать.

Батальон, переправившись, овладел деревней Сорочий и закрепился. Враг, перегруппировав свои силы, подтянув танки и при поддержке своей артиллерии и самоходных пушек, перешёл в контратаку, пытаясь вернуть утерянное и отбросить наши подразделения на восточный берег реки. Младший лейтенант Зверинцев принял деятельное участие в отражении контратаки противника, беспрерывно воодушевляя личный состав подразделения.

Первая атака была отбита, за ней последовали вторая, третья. Потеряв пять танков и сотни солдат и офицеров, не переставая, враг рвался к реке. Боеспособы закончились, их не успели подбросить через реку. Между обороняющимися и контратакующими завязалась рукопашная схватка. И снова товарищ Зверинцев появился там, где решался исход боя. Подбадривая своих товарищей голосом, отважный комсорг призывал к бесстрашной борьбе: «Нам некуда отступить! Ни шагу назад! Я с вами!»

Зверинцев с автоматом в руках наносил смертельные удары по вражеским бандам. В огне горящих танков и зданий посёлка разгорелась жестокая борьба, бойцы и командиры, воодушевлённые подвигом своего отважного комсорга, стояли грудью и не отступили ни на шаг.

Более десяти трупов вражеских солдат и офицеров лежало вокруг отважного Зверинцева, и свыше 100 гитлеровцев было уничтожено подразделениями батальона. Задача была выполнена.

В этой последней схватке вражеская пуля пронзила грудь героя. Слабевшим голосом смертельно раненного, т.Зверинцев снова призвал своих комсомольцев: «Ни шагу назад! Отомстите за меня, за всех павших в этом бою!» Огонь ненависти и беспощадной мести поднялся в груди бойцов, услышавших о смерти своего вожака. Усилились удары по врагу. Враг был рассеян, позиция удержана.

Так прославил себя комсорг, младший лейтенант Зверинцев Н.М., который достоин присвоения звания Героя Советского Союза».



Памятник
Н.М. Зверинцеву

Командир 2-ого стрелкового батальона 858 стрелкового полка, капитан Каминский, отправил матери Николая, Ольге Евгеньевне, сообщение:

«Дорогая мамаша! С глубоким прискорбием извещаем Вас о смерти Вашего дорогого и любимого сына Николая Зверинцева... 21 июля 1943 года в бою за станцию Старая Отрада Мценского района Орловской области во время переправы через реку Ока он был тяжело ранен и умер на руках наших связистов Беляева, Равизова, Галихова... Спасибо, мамаша, что воспитали такого храброго сына, который отдал все для Родины, даже свою молодую жизнь. За эту жизнь отомстим. Его могила западнее станции Старая Отрада»...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» младший лейтенант Николай Зверинцев посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В послевоенные годы останки Николая Зверинцева были перезахоронены в братскую могилу в селе Отрадинском, Мценского района, где у здания средней школы сооружен обелиск. Имя Героя высечено также в Туле, на памятнике тулякам — Героям Советского Союза

В селе Пожилино, где до войны жил и работал Николай Зверинцев (Ефремовский район Тульской области – А.П.), каждый год 9 мая на стадионе проходит традиционный футбольный турнир, посвященный памяти Героя, на который приезжают футбольные команды из сельских поселений Ефремовского и Каменского районов.

Одна из улиц села Пожилино названа именем Николая Михайловича Зверинцева.

«Презирая смерть...» (Алексей Ломакин)

12 июля 1943 года, измотав противника в недельных оборонительных боях, армии Западного и Брянского фронтов начали Орловскую наступательную операцию. И хотя наступлению советских войск предшествовала мощная артподготовка и авиаудары, гитлеровцы оказали ожесточённое сопротивление.

«Своим телом прикрыв амбразуру...»

Кровопролитные бои в первый же день развернулись на всех участках, в том числе и на правом фланге Брянского фронта, где в составе 61 армии генерала П. А. Белова пробивалась с севера на Орёл прославленная 77 гвардейская стрелковая дивизия.

Полки дивизии занимали позиции восточнее Болхова, напротив находившихся за Окой деревень Фетищево (Фотищево) и Сивково. В составе 215 гвардейского стрелкового полка этой дивизии сражался гвардии красноармеец, стрелок Алексей Ломакин. Вместе со своими товарищами он, после завершения

мощной 30-минутной артподготовки рванулся в атаку, и, пока противник не очухался, гвардейцы быстро преодолели Оку. Но дальше наступление остановилось.

Вот что впоследствии написал командир 215 гвардейского стрелкового полка, гвардии подполковник Серёгин:

«12 июля 1943 года, когда батальон, переправившись через реку Ока, продвигался вперёд, товарищ Ломакин совершил героический поступок. В бою за овладение деревней Сивково продвижению наших частей препятствовал вражеский пулемёт. Товарищ Ломакин, презирая смерть, приблизился к вражескому пулемёту и своим телом прикрыл амбразуру, выведя, таким образом, из строя вражеский пулемёт.



Герой Советского Союза
Алексей Ломакин

Своим героическим поступком товарищ Ломакин дал возможность боевым порядкам продвинуться вперёд, пожертвовав собственной жизнью.

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Рядовой стрелок Алексей Максимович Ломакин большинству своих однополчан годился в отцы, поскольку родился 1 сентября 1897 года в деревне 2-е Дьяконово Курской губернии (ныне - Курчатовский район Курской области) в семье крестьянина.

С 12-ти летнего возраста Алексей вместе с отцом плотничал по разным городам и сёлам. В 1-ю Мировую войну остался без родителей. Участвовал в боях Гражданской войны.

Когда в 1930 году в селе Дьяконово был создан колхоз, то первым его председателем избрали Алексея Ломакина. Более 10 лет проработал он в этой должности.

В ноябре 1941 года, когда оккупанты уже вступили в пределы Курской области, Касторненский райвоенкомат призвал Ломакина в Красную Армию. Вместе с воинской частью под ударами врага отходил он на восток. Пришлось Алексею участвовать в Сталинградской битве, а в мае 1943 года он прибыл на Брянский фронт. О том, что случилось дальше, я уже написал.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии рядовому Алексею Максимовичу Ломакину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Тайны рядового Ломакина

В «Списке безвозвратных потерь рядового и командного состава 77 гвардейской стрелковой дивизии за период с 10 по 20 июля 1943 года» рядовой Алексей Ломакин значится убитым 12 июля 1943 года в бою при деревне Фетищево (Фотищево) Болховского района и похороненным на восточной окраине

этой деревни вместе с тремя десятками своих товарищей из 215 гвардейского стрелкового полка. В этом же «Списке» есть трое погибших в бою у деревни Сивково, которые похоронены в братской могиле в полутора километрах от Сивково. Но все трое бойцов – из соседнего 218 гвардейского полка и погибли они 14 июля.

Почему же в наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза командир 215 гвардейского стрелкового полка Серёгин местом героической гибели своего красноармейца назвал именно деревню Сивково?

Гвардии подполковник писал представление на отличившегося бойца не по «горячим следам», не в июле или августе, а уже 3 октября 1943 года, когда 215 гвардейский стрелковый полк блестяще переправился через Днепр и захватил плацдарм на его правом берегу. Вот в этот момент, готовя наградные листы на очередных отличившихся на переправе солдат, вспомнил Серёгин (или ему напомнили) об Алексее Ломакине, отдавшем свою жизнь на орловской земле. Но, по всей видимости, место гибели своего «Матросова» командир полка вспомнил неточно.

Кандидатура на Героя была достойная, и с представлением согласились все вышестоящие начальники, включая командующего Центральным фронтом генерала армии К.К.Рокоссовского.

В послевоенные годы деревня Фетищево (Багриновского сельсовета Болховского района) обезлюдела, и останки бойцов из здешней братской могилы перенесли в соседнее село Чегодаево. Там в настоящее время и значится захороненным Герой Советского Союза Алексей Ломакин.

Подвиг рядового оценён по заслугам. Его имя навечно внесено в списки 215 гвардейского стрелкового полка, на плацу этой воинской части ему установлен памятник.

На родине Алексея Максимовича, на мемориале Героев Курской области, установленном на Красной площади в городе Курске, на одной из плит выбита фамилия Ломакина. В родном селе Дьяконово (Курчатовский район Курской области) имя Героя носят улица и средняя школа. Не забыли о подвиге курянина и болховчане: одна из улиц города носят имя Алексея Ломакина.

Танкист Василий Ломакин

Среди 40 погибших на Орловской земле, во время её освобождения в 1941-1943 годах, Героев Советского Союза есть только два однофамильца. И, так уж вышло, что носят они символическую для нас фамилию – Ломакины. Именно такие герои ломали хребет фашистскому зверю на Орловщине, а потом добивали его в Берлине. О первом из Ломакиных, гвардии рядовом, я уже рассказывал. Этот рассказ – о танкисте, полковнике Василии Андреевиче Ломакине.

Уроженец Царева

Родился он 28 декабря 1899 года в многонациональном городке Царева (тогда – Астраханской губернии, ныне ставшем селом в Ленинском районе Волгоградской области) в семье крестьянина. По окончании горного училища работал Василий прессовщиком на одном из предприятий. В августе 1918 года призвали Ломакина в ряды Красной Армии, в составе которой он принял активное участие в Гражданской войне. Военная служба оказалась по душе бывшему прессовщику, и Василий Ломакин связал с ней всю свою последующую жизнь. Окончил несколько курсов комсостава и Военную академию им. М. В. Фрунзе.



Герой Советского
Союза
Василий Ломакин

Кадровым офицером, преподавателем танкового дела, Василий Андреевич Ломакин встретил начало Великой Отечественной войны. Много раз просил он направить его в действующую армию, но начальство не отпускало: надо было готовить танкистов в тылу. И только в сентябре 1942 года направили, наконец-то, Ломакина в действующую армию. Обрадовался он, да рано – пришлось ещё полгода ждать непосредственного участия в боях.

15 июня 1943 года полковник Василий Ломакин был назначен командиром 195 танковой бригады 15 танкового корпуса 3 танковой армии (командующий – генерал Павел Рыбалко). Бригада, как и положено по штату, кроме роты управления, состояла из двух танковых батальонов (под номерами 424 и 425), оснащённых танками Т-34 и Т-70, мото-стрелково-пулемётного батальона, истребительно-противотанковой артиллерийской и зенитной батареей, роты технического обеспечения и медико-санитарного взвода. Это большое и сложное воинское хозяйство численностью свыше трёх тысяч человек всего лишь за месяц руководства полковник сумел сплотить и организовать личный состав подразделений на выполнение боевых задач.

3 танковая армия тогда находилась во втором эшелоне, завершая своё реформирование в районе Плавска, и ей предстояло принять участие в Курской битве в том случае, если бы случилась задержка наступления общевойсковых армий.

К 18 июня длившаяся уже неделю Орловская наступательная операция достигла своего апогея. Под натиском советских войск гитлеровцы отходили – но только на новые рубежи. Каждый день наступления давался большой кровью, стрелковым частям требовалась хотя бы небольшая передышка и свежие силы, способные поддержать ослабевавшее давление армий Брянского фронта.

Три дня из жизни полковника

Именно в этот момент Ставка Верховного Главнокомандования и передала в его состав 3-ю танковую армию. Уже в ночь на 17 июля ее корпуса начали выдвижение в районы, находившиеся в 8—10 километрах от села Алешня.

195 танковая бригада под командованием полковника Ломакина тоже оказалась здесь. 19 июня 1943 года началось участие как самой этой части, так и её командира в Орловской наступательной операции.

Чтобы нарастить силу удара общевойсковых армий, командующий войсками фронта М. Попов приказал 3-й гвардейской танковой армии завершить прорыв обороны противника и развить наступление на запад, в направлении шоссейной и железной дорог Орёл-Мценск. После артиллерийской подготовки и ударов авиации 19 июля 1943 года корпуса первого эшелона армии перешли в наступление. Вскоре танкисты под огнем врага переправились через реку Алешня, где упорное сопротивление противник оказал соседней 113-й танковой бригаде. Поэтому сразу была введена в бой в тот же день 195-я танковая бригада полковника В. А. Ломакина.

Вот как развивались события дальше, согласно документам архива Министерства обороны. Обнаружив разрыв в обороне врага за рекой Алешня, танкисты устремились вперед. Рота капитана И. М. Кравченко из 425 танкового батальона атаковала село Гусево, в котором захватила немецкий танк, шесть 75-мм пушек, два станковых пулемёта, пять грузовых автомобилей и уничтожила около 50 гитлеровцев *(интересно, что среди танкистов, отмеченных наградами за освобождение этого села, оказался и командир орудия танка Т-34, младший сержант Андрей Гусев – авт.)*.

В этот же день танкисты 425 батальона, продвигаясь на запад, освободили деревню Зыбино и село Бортное, в котором не только были уничтожены два десятка фашистов, но и захвачены 10 исправных немецких танков. Танк Т-70 под командованием лейтенанта Антона Соборникова, давя оккупантов, 19 же числа ворвался в соседнюю деревню под названием Вольная Украина так внезапно, что противник в панике бежал, оставив 20 автомашин, штабной автобус с документами и 5 мотоциклов.

Роты под командованием старшего лейтенанта Александра Гвоздева и лейтенанта Фёдора Марченко из 424 танкового батальона 19 июля освободили деревню Козинка *(уничтожены одна самоходка, станковый пулемёт и до 70 гитлеровцев, захвачены танк, батарея 75мм пушек, самоходка и 10 фашистов – авт.)*.

Это был первый и достаточно удачный для 195 танковой бригады полковника Ломакина день. Хотя, конечно, несколько своих танков бригада потеряла подбитыми и сожжёнными. Выслав вперёд разведчиков, Ломакин, не теряя темпа, вёл бригаду вперёд, на запад, к шоссейной и железной дорогам Орёл-Мценск.

21 июля 1943 года танкисты 425 танкового батальона, освободив по пути ещё несколько населённых пунктов, вышли к цели, поставленной командованием. Первыми на шоссе Мценск-Орёл в районе деревни Казначеево вырвались танки, управляемые механиками-водителями Дмитрием Титкиным и Андроником Бабаяном. Дороги были перерезаны, а во время скоротечного боя здесь уничтожены фашистская самоходка, автомашина, блиндаж и около 30 гитлеровцев.

Казалось, надо закреплять успех, но командующий фронтом отдал приказ 3 танковой армии развернуться на 180 градусов и двигаться к посёлку Становой Колодезь, перерезать уже там железную дорогу Орёл-Змиёвка. И 195 танковая бригада повернула на юг.

«Сгорел в танке вместе с экипажем...»

22 июля бои разгорелись с новой силой. Враг закрепился у села Семеновка. Полковник Ломакин «всё время находился в боевых порядках бригады, лично руководил атакой и уничтожил много живой силы и техники противника» (из наградного листа на присвоение В.А. Ломакину звания Героя Советского Союза – авт.). Но враг открыл по танкистам ураганный артиллерийский огонь. Один из вражеских снарядов попал в командирский танк, он остановился, а после второго попадания загорелся. Можно лишь догадываться, что было дальше. «Товарищ Ломакин в боях за деревню Семёновка погиб смертью храбрых – сгорел в танке вместе с экипажем...» (снова цитирую выписку из наградного листа – авт.).

Так закончился очень короткий героический путь полковника Ломакина. Он длился всего лишь четыре дня – с 19 по 22 июля 1943 года. Или три – до 21 июля. Дело в том, что в большинстве документов датой гибели командира 195 танковой бригады названо 22 июля, но в наградном листе, о котором я упоминал, написано – «Убит 21.7.1943г».

За эти дни, в ходе Орловской наступательной операции, танковая бригада



Памятник на месте
гибели Василия Ломакина
в д. Семёново Залегощенского
района

под командованием В. А. Ломакина уничтожила до двух батальонов вражеской пехоты, 20 танков, 25 орудий, 7 самоходных пушек, до 60 грузовиков с войсками и грузами, захватила 20 исправных танков, 12 орудий и много другой боевой техники.

И ещё одна загадка. Местом захоронения во всех немногочисленных документах о полковнике Василии Ломакине названа могила в селе Семёновка Залегощенского района Орловской области. Однако населённого пункта с таким названием в этом районе нет. Существует деревня Семёново в Ломовском сельском поселении, но там нет братской могилы.

Я хотел уточнить место захоронения с помощью электронного сайта «Мемориал.Ру», и – самое удивительное: полковник Василий Андреевич Ломакин не значится в списках безвозвратных потерь. Где же были, всё-таки, захоронены сожжённые останки его самого и членов

его экипажа и на мраморной плите какой из братских могил должно быть выбито золотом: «Герой Советского Союза Василий Ломакин»? Это, наверное, предстоит узнать.

Звание Героя было присвоено полковнику посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года. В его родном селе Цареве в Волгоградской области одна из улиц носит имя Ломакина: он это заслужил.

«Гвозди бы делать из этих людей...» (Леонид Моченков)

Из 40 Героев Советского Союза, погибших на Орловщине во время её освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1941-1943 годах, 9 человек ушли в вечный покой на территории Залогощенского района. У каждого из них была своя жизнь и своя героическая смерть. Мой рассказ – об уроженце Вологодской земли Леониде Ивановиче Моченкове.

Пастух, сапожник, пионервожатый, политрук



Герой Советского Союза
Леонид Моченков

Он появился на свет 21 апреля 1913 года в семье рабочего, проживавшего в деревне недалеко от города Череповца. С названием этого населённого пункта есть небольшой вопрос. Почти во всех официальных документах местом рождения Леонида Моченкова значится деревня Большие Углы (ныне – в составе сельского поселения Воскресенское Череповецкого района – А.П.). Но в «Именном списке офицерского, сержантского и рядового состава, умерших от ран в период боевых действий в госпиталях 3 Танковой Армии в период с 17 июля по 20 августа 1943 года» родиной капитана Моченкова названа деревня Горка. Таких населённых пунктов в упомянутом Воскресенском поселении Череповецкого района целых два. Вполне возможно, писарь местом рождения сделал в документе эту деревню

потому, что в ней проживала единственная родственница Леонида Моченкова, сестра Вера. Но Большие Углы или Горка – в любом случае, наш Герой – уроженец Череповецкого района Вологодчины.

В раннем детстве Леонид лишился родителей и воспитывался у родственников. В их хозяйстве пас скот, овладевал сапожным ремеслом. В школе учился до 6 класса, а потом пошёл зарабатывать себе на хлеб в Череповецкую обувную артель «Красный Октябрь». Увлёкся здесь общественной работой, вступил в комсомол. Как одного из активистов Леонида направили пионервожатым в 24-ю школу города Череповца.

В 1935 году его призвали в армию. Служил Моченков в Вологде, в конном дивизионе. А через год, как отличник боевой и политической подготовки, по

комсомольской путевке Леонид уехал на учебу в Ленинградское военно-политическое училище. По окончании его в 1938 году политрук Леонид Моченков получил назначение в одну из воинских частей на Дальнем Востоке.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны часть, в которой служил молодой командир, была переброшена на запад. С 1 октября 1941 года политрук Моченков сражается, защищая Москву, и 27 октября в одном из сражений на дальних подступах к столице Леонид Иванович в первый раз был ранен. После излечения в госпитале и короткого отдыха в родном Череповце он снова едет на фронт.

В боях под Воронежем

С марта 1942 года политрук роты автоматчиков 1144 стрелкового полка 340 стрелковой дивизии Леонид Моченков воюет на Брянском фронте, на территории Землянского района Воронежской области. На подступах к Воронежу летом 1942 года шли тогда жестокие бои, в которых уроженец Вологодчины в начале июня был во второй раз ранен, а в июле отличился, проявив мужество и героизм.

Командир 1144 стрелкового полка подполковник Буйновский очень эмоционально в наградном листе описал один из подвигов Леонида Моченкова:

«...В его боевую практику вписан исключительный по своей решительности боевой эпизод борьбы с немецкими захватчиками. 20 июля 1942 года т.Моченков возглавил танковую атаку на противника. Организовав для этой цели взвод автоматчиков, т.Моченков смело выдвинулся на танках в тыл врага. Несмотря на то, что пехота, следовавшая за танками и долженствовавшая закрепить продвижение и успех танков, отстала у переднего края своей обороны, т. Моченков бесстрашно прошёл серьёзную линию обороны противника, отчаянно поражавшего наших смельчаков непрерывным артиллерийским, миномётным и автоматным огнём.

Наибольшую смелость и отвагу проявил сам т.Моченков, который вместе с младшим лейтенантом Голубенко, младшим лейтенантом Гришиановым и двумя бойцами на одном из танков вышел в тыл врага на целый километр вперёд.

По пути следования танка обратно на свою территорию танком подбита одна противотанковая пушка, подавлено гусеницами несколько растерявшихся фашистов. Одновременно с этим т.Моченков вместе со своей группой под не прекращавшимся автоматным огнём уничтожил сопротивлявшихся врагов, уничтожив лично 3 фашистов, окружил прислугу пушки в числе 8 человек, заставил их сдаться в плен.

При численном превосходстве фашистов т.Моченков с небольшой группой в 5 человек окружил и взял в плен 18 фашистов, уничтожил до трёх десятков врагов – их тех, кто отстреливался и пытался спастись бегством, в том числе уничтожен один офицер.

В этой операции т.Моченков взял в плен 26 немецких фашистов и уничтожил до 30 врагов, которые сопротивлялись»...

Подполковник Буйновский, завершая описание подвига политрука, хода-тайствовал о вручении ему ордена Ленина. Но вышестоящее начальство в тяжёлом 1942 году не баловало высокими наградами подчинённых. И потому приказом по 38 армии политрук Леонид Моченков был удостоен ордена Красного Знамени.

«Воодушевлял бойцов личным примером отваги и героизма...»

Весной 1943 года отличившегося в боях под Воронежем и отметившего на фронте своё 30-летие офицера направили в 3-ю гвардейскую танковую армию. Он был переведён из политработников в командный состав и назначен командиром мотострелкового батальона 106-й танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса.

Капитан Леонид Моченков проявил исключительное мужество и героизм в боях на Орловской земле. Его подвиги, совершённые в течение нескольких дней июльского наступления, описал в наградном листе на присвоение ему звания Героя Советского Союза командир 106 танковой бригады гвардии подполковник Шахметов:

«19 июля 1943 года, при прорыве немецкой обороны у деревни Кобяково (Залегощенский район – А.П.), командуя батальоном, т.Моченков всё время находился в боевых порядках батальона, тем самым обеспечив успешный прорыв линии обороны противника и продвижение подразделения вперёд.. В этом бою батальоном было уничтожено до 180 солдат и офицеров противника, лично сам т.Моченков уничтожил 5 солдат и 2 офицеров.

В бою за д. Сычи (того же района – А.П.)... обеспечивал быстрое продвижение наших частей вперёд и уничтожил до 200 солдат и офицеров противника.

В бою за Субботинский (Залегощенского района – А.П.) тов.Моченков с группой десантников пробрался в тыл противника, успешно атаковал его и обратил в бегство, при этом уничтожено до 150 солдат и офицеров. В этом бою сам был ранен в ногу. Несмотря на ранение, т.Моченков не покидал поле боя, продолжал руководить батальоном и сам лично уничтожил 10 солдат и 2 офицеров противника.

Ведя наступательные бои в районе д.Грачёвка, т.Моченков получил тяжёлое ранение и обратно, несмотря на приказ командования, не ушёл с поля боя, продолжая руководить, шёл в первых рядах, воодушевляя бойцов личным примером отваги и героизма.

В этом бою т.Моченков в третий раз был ранен и эвакуирован в госпиталь, где и скончался».

Вот такая запись была сделана в «Именном списке офицерского, сержантского и рядового состава, умерших от ран в период боевых действий в госпиталях 3 Танковой Армии в период с 17 июля по 20 августа 1943 года»: «Моченков Леонид Иванович, гвардии капитан, командир батальона 106 гвардейской танковой бригады, ранен 23 июля 1943 года, скончался от ран в тот же день, похоронен в юго-восточной части леса у села Трехонетово» (Залегощенский рай-

он – А.П.). Вместе с гвардии капитаном в период с 23 июля по 1 августа в этой братской могиле было похоронено ещё 20 скончавшихся от тяжёлых ранений бойцов и командиров.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года Л.И.Моченкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В мае 1966 года на Вологодчине, в Череповце, появилась улица его имени. Мемориальные доски в честь Героя были установлены на этой улице и на здании проходной Череповецкой спичечной фабрики.



Улица Мочёноква в Череповце



Мемориальная доска на улице
Мочёноква в Череповце

На Орловщине (в Орле или Залегощи) имя Героя пока не увековечено. Но очень бы этого хотелось, ведь в апреле 2013 года Леониду Ивановичу Моченкову исполнилось 100 лет со дня рождения.

Русский и украинец: навеки вместе (Иван Пименов и Фёдор Резник)

Есть в райцентре Тросна братская могила, в которой покоится прах более тысячи советских солдат и командиров, погибших во время жестоких боёв летом 1943 года, в самый разгар Орловско-Курской битвы. Среди фамилий сотен павших, выбитых на памятных плитах, значатся здесь имена двух Героев Советского Союза, двух артиллеристов – Ивана Пименова и Фёдора Резника. О них и будет мой рассказ.

Двое из одной батареи

Украинец Фёдор Резник родился 19 июня 1920 года в селе Любимовка (ныне – село Квитовское) Херсонской области. В ноябре 1939 года его призвали в Красную Армию. Великую Отечественную войну Фёдор встретил старшим сержантом-артиллеристом, а с августа 1942 года он уже воюет - на Сталинградском и Донском фронтах.

Иван Пименов родился в 1924 году в селе Урено-Карлинское Карсунского района Ульяновской области, но в 1935 году переехал с родителями в зерносовхоз «Зилаирский» Баймакского района Уфимской области (ныне это террито-

рия Башкирии – А.П.). После окончания 6 класса работал Иван в совхозе трактористом, а летом 1942 года он, по призыву Баймакского райвоенкомата, ушёл в Красную Армию.



Герой Советского Союза
Фёдор Резник

В октябре того же года рядовой Пименов оказался в действующей армии, в только что сформированной на Юго-Западном фронте 1-ой артиллерийской дивизии резерва Верховного Главнокомандования. Весной 1943 года за отличия в боях часть стала именоваться гвардейской. Иван Пименов сражался наводчиком одного из орудий в её 167 гвардейском лёгком артполку. «Лёгкий» в данном случае понятие относительное, поскольку на вооружении полка состояли отлично зарекомендовавшие себя в первые годы войны 76мм. пушки.

А командиром соседнего артиллерийского расчёта, в той же 5-ой батарее (каждая из них состояла из четырёх орудий – А.П.) был украинец, старший сержант Фёдор Резник.

Артбатарея – как фронтовая семья, жизнь каждого члена которой в бою или походе напрямую зависит от умелых и самоотверженных действий товарищей. В 5-ой батарее 167 лёгкого артполка было именно так. Рядовой Пименов знал командиров соседних орудий, а старший сержант Резник – всех бойцов из четырёх расчётов.

«Стрельба прямой наводкой...»

К началу Курской битвы 1 гвардейская артиллерийская дивизия, входившая в состав 70 армии Центрального фронта, оказалась на одном из самых опасных участков, в месте нанесения гитлеровцами первого мощного удара – в районе населённых пунктов Самодуровка и Тёплое (ныне – Поныровский район Курской области – А.П.).

8 июля 1943 года позиции 167 гвардейского лёгкого артиллерийского полка атаковало несколько десятков гитлеровских танков. Только на 5-ую батарею двигалось до 30 фашистских бронированных машин. Что произошло далее, описал в наградном листе на своего подчинённого командир 167 артполка, гвардии подполковник Бутко:

«...В момент, когда немецкие танки пошли в атаку, командир орудия 5-ой батареи, гвардии старший сержант, Резник выкатил на руках своё орудие на открытую огневую позицию, для стрельбы прямой наводкой (в условиях непрерывной бом-



Герой Советского Союза
Иван Пименов

бёжки с воздуха и сильного артиллерийского и миномётного обстрела района наших огневых позиций).

Прямым попаданием из танка противника у орудия товарища Резника был насквозь пробит щит и выведен из строя один орудийный номер. Несмотря на это, товарищ Резник продолжал вести губительный огонь по вражеским танкам.

В итоге боя товарищ Резник уничтожил два танка врага (в том числе один танк Т-6 «Тигр»). Кроме этого, он огнём из своего орудия в этом бою уничтожил до взвода пехоты противника.

10 июля 1943 года 5-ая батарея 167 гвардейского лёгкого артполка, была переброшена под село Молотычи (Фатежского района Курской области – А.П.), и, не успев как следует окопаться, оказалась на совершенно открытой позиции. В этот момент на неё тремя волнами пошли в атаку вражеские танки. Артиллеристы начали ожесточённо и храбро отбиваться, отличившись уже в полном составе.

Командир орудия 5-ой батареи, старший сержант Резник снова «в условиях сильной бомбёжки с воздуха и непрерывного артиллерийского и миномётного обстрела, выкатил своё орудие на открытую огневую позицию и прямой наводкой сжёг два немецких средних танка и подбил один танк».

Не менее храбро дрался расчёт соседней пушки.

«Наводчик орудия 5-ой батареи Пимонов (так написана фамилия в наградном листе – А.П.) в ожесточённом бою с немецкими захватчиками проявил исключительное мужество и героизм...Он прямой наводкой расстреливал немецкие танки и подбил, и сжёг 4 танка врага. Товарищ Пимонов был в бою ранен, но оставался на своём посту, громил врага и его технику. Атаки вражеских танков были отбиты».

За эти два кровопролитных июльских дня, два артиллериста из одной батареи за свои подвиги были удостоены первых наград: Иван Пименов стал кавалером ордена Отечественной войны 2-ой степени, а Фёдор Резник получил, с перерывом с один день, сразу два ордена Красной Звезды.

Гвардейцам-артиллеристам повезло в первую, самую страшную неделю операции «Цитадель»: они умело и храбро отбили атаки врага, остались живы и вскоре в составе 1-ой гвардейской артиллерийской дивизии перешли в наступление, освобождая территорию Троснянского и Кромского районов Орловской области.

Помнили... Помним... Не забудем?

Но тут судьба изменила удачливым ранее воинам. 19 июля 1943 года, при прорыве обороны гитлеровцев у деревни Новые Турыи (Троснянского района), погиб в бою старший сержант Фёдор Резник. А через три дня, при отражении фашистской танковой контратаки в районе села Тросна, был убит красноармеец Иван Пименов. Обоих товарищей из 5-й артиллерийской батареи 167 гвардейского лёгкого артполка похоронили в братской могиле деревни Новые Турыи. В списке безвозвратных потерь 1-ой гвардейской артиллерийской дивизии от 24

августа 1943 года они значатся почти рядом - под номерами 45 (Резник Ф.Г.) и 48 (Пименов И.Т.).

В послевоенный период останки бойцов и командиров из братской могилы в деревне Новые Турьи были перенесены в братскую могилу села Тросна, где в настоящее время и покоятся. Есть одна загадка в захоронении Ивана Тимофеевича Пименова, поскольку он же значится погребённым в братской могиле села Протасово Малоархангельского района (*но с датой смерти – 22 июня 1943 года*). Скорее всего, эта запись сделана по ошибке.

8 сентября 1943 года, одним и тем же Указом Президиума Верховного Совета СССР, артиллеристы-гвардейцы из 5-ой батареи 167 гвардейского артполка 1 гвардейской Глуховской артиллерийской дивизии прорыва РГК были удостоены за свои подвиги звания Героя Советского Союза (*посмертно*).

Память Героев увековечена на их родине. На здании средней школы в селе Урено-Карлинское Карсунского района Ульяновской области установлена мемориальная доска в честь Ивана Тимофеевича Пименова. Его именем названы улицы также улицы в городе Баймаке (Башкирия) и в родном селе.

Бюст Героя Советского Союза Фёдора Григорьевича Резника установлен в селе Квитковом Ивановского района Херсонской области Украины, а мемориальная доска в память о славном земляке была торжественно открыта на здании средней школы в селе Фрунзе Ивановского района Херсонской области, где он учился.



Братская могила в селе Тросна

Над братской могилой в селе Тросна, где покоится прах гвардейцев, шефствуют учащиеся местной школы. Биографии Ивана Пименова и Фёдора Резника размещены на официальном сайте администрации Троснянского района – в числе 33 Героев, погибших на знаменитом Соборовском поле.

Русский и украинец, отдав свои жизни во имя общей Победы над фашизмом, вот уже свыше 70 лет лежат вместе в сырой и плодородной земле Орловщины. Наверняка, Иван Пименов и Фёдор Резник даже не подозревали, что эту Победу можно забыть, а потом ещё и разделиться по национальному признаку. Или лишь новая большая война заставит снова вспомнить о единстве?

Братья Овинниковы

Последним городом Орловщины, освобождённым от немецко-фашистской оккупации, стал Дмитровск. Для гитлеровцев этот основанный Дмитрием Кантемиром населённый пункт являлся важным опорным узлом обороны на юго-западном направлении. Пять дней на подступах к Дмитровску шли кровопролитные бои, пять дней несколько дивизий 65 армии (командующий – генерал

П.Батов), 102 стрелковая дивизия 70 армии (генерал И.Галанин) и брошенный им на помощь 29 гвардейский отдельный танковый полк прорыва (командир – гвардии полковник П.Тезиков) буквально прогрызали мощные укрепления противника. И 12 августа 1943 года эти части, наконец-то, избавили Дмитровск от власти Третьего рейха.

Погодки из Чернавы

В ходе боёв на подступах к городу и внутри него отличились многие бойцы и командиры Красной Армии. Некоторые из них остались навечно лежать в пропитанной потом и кровью истории дмитровской земле. Среди самых-самых отличившихся были братья Овинниковы – Сергей и Николай.

Погодки (Сергей – 1922-ого, Николай – 1923-ого года), они появились на свет в Рязанской губернии, в селе Чернава (ныне – Милославского района Рязанской области – А.П.), в обычной крестьянской семье.

Старший, Сергей, закончив 10 классов, успел около года поработать заведующим сельским Домом культуры в родном селе, младший трудился в колхозе. Обоих братьев призвали в армию одновременно – в январе 1942 года, а уже с февраля оба оказались на фронте, в одной части – 314 артиллерийском полку 149 стрелковой дивизии. Старший, как и положено,



Герой Советского Союза
Сергей Овинников

был выше по званию и должности – сержант, командир орудия, а Николай, младший сержант, стал наводчиком орудия. Первое время братья воевали в разных батареях этого артполка, и оба по отдельности успели отличиться.

Командир орудия Сергей Овинников, участвуя в августе 1942 года в боях за деревню Гринские Дворы (Орловская область), уничтожил со свои расчётом 3 немецких танка, 5 противотанковых орудий, 9 автомашин с солдатами и офицерами и два наблюдательных пункта, *«чем не дал возможности двум немецким артдивизионам вести огонь по нашей наступающей пехоте».*

В марте 1943 года, в боях за деревню Брянцево (ныне – Дмитровский район Орловской области – А.П.), *«его орудие прямой наводкой участвовало в отражении двух атак противника, что обеспечило нашей пехоте закрепление отбитой у противника деревни...».*

Наводчик орудия Николай Овинников, в августовских боях 1942 года под деревней Громоздово (Орловская область), когда во время сильнейшего вражеского артобстрела был выведен из строя весь расчёт, и он остался один у орудия, продолжал вести огонь и отразил атаки противника. В боях под деревней Аннино (Орловская область) Николай Овинников отличился вновь, уничтожив прямой наводкой три вражеских наблюдательных пунктов и самоходное орудие...

«Подожди, братишка...»

Но, так уж вышло, что ни одного из братьев за эти подвиги никак не наградили. А в конце весны 1943 года, незадолго до начала Орловско-Курской битвы, по просьбе матери братьев, Любови Павловны, и их собственному желанию, командир 314 артполка подполковник Фелицын определил их в одну, 4-ую, батарею и в один орудейный расчёт.

А теперь слово самому комполка:

«В боях за город Дмитровск-Орловский командир дивизиона приказал сержанту Овинникову как лучшему и смелому командиру орудия выехать на прямую наводку для уничтожения огневых точек в городе, которые мешали продвижению нашей пехоты. Товарищ Овинников лично стал наводить и прямым попаданием в дом уничтожил находящееся там орудие противника. В это время противник открыл сильный миномётный огонь. Не обращая внимания на опасность, он перенёс огонь на церковь, откуда стрелял немецкий пулемёт. Пулемёт был уничтожен. Всего же, с помощью брата-наводчика, им было уничтожено 6 пулемётных точек и три наблюдательных пункта противника. Миномётным огнём был смертельно ранен Николай Овинников. Умирая, брат просил воды, сержант Овинников ответил: «Подожди, братишка, надо отбить контратаку немцев».

Когда весь расчёт выбыл из строя, сержант Овинников, обливаясь потом, продолжал действовать один, сам подносил снаряды, сам наводил и стрелял. Контратака была отбита. После стрельбы Овинников стал орудие откатывать в овраг, в этот момент разрывом снаряда противника оборвалась жизнь сержанта Овинникова.

Решили по-братски?

Наградные листы на братьев Овинниковых командир 314 артполка, подполковник Фелицын писал на следующий день после освобождения Дмитровска, 13 августа 1943 года. Старшего, Сергея Михайловича, он посчитал достойным звания Героя Советского Союза, а младшего, Николая Михайловича, представил к награждению орденом Ленина.

В этот же день оба представления прочитал командующий артиллерией 149 стрелковой дивизии, полковник Сапаров. С предложением по старшему брату он согласился, а по Николаю Овинникову написал: *«Так же, как и брат, достоин представления к высшей правительственной награде – званию «Герой Советского Союза».*

С тем, что оба брата заслужили своей героической смертью право стать Героями, подтвердили своими резолюциями на наградных листах и другие вышестоящие начальники: командир 149 стрелковой дивизии полковник Орлов (18 августа), командующий артиллерией 18 стрелкового корпуса полковник Колов (25 августа), командир 18 стрелкового корпуса генерал-майор Иванов (31 августа), командующий артиллерией 65 армии, генерал-майор Бескин (9 сентября).

Но мнения всех вышеперечисленных полковников и генералов были отброшены решением командующего войсками 65 армии генерала Павла Батова, который 9 сентября 1943 года приказом по армии наградил младшего сержанта Николая Овинникова орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Чем это можно объяснить – не знаю, возможно, генерал посчитал его подвиг менее значимым, чем то, что сделал Сергей Овинников.

Наградной лист же по старшему брату ушёл выше, в Москву, и 29 сентября 1943 года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР – *«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм»* присвоить звание Героя Овинникову Сергею Михайловичу, командиру орудия 4-ой батареи 314 артполка 149 стрелковой дивизии.

Командующий войсками 65 армии, может быть, и не желая того, разделит подвиг двух братьев-Героев. Но похоронили их вместе, в центре города Дмитровска, в братской могиле, в которой лежат более 700 советских солдат и офицеров, отдавших свои жизни во имя освобождения дмитровцев.

Подвиг уроженцев Рязанщины стал известным не только в 65 армии, но и во всесоюзном масштабе. *"В сержанте Сергее Михайловиче Овинникове и младшем сержанте Николае Михайловиче Овинникове воплотились лучшие черты русских артиллеристов - отвага, находчивость, стремление к подвигу"*, - писали "Известия" в октябре 1943 года.



Братское захоронение в
Дмитровске

Именем братьев названы улицы в городе Дмитровск-Орловский и в их родном селе Чернава Мило-славского района Рязанской области, на этих улицах установлены мемориальные доски. В селе Чернава воздвигнут памятник братьям Овинниковым. Орудие отважных бойцов после их героической смерти было передано лучшему расчёту дивизиона и прошло с боями до Германии, а после войны передано Центральному музею Вооружённых сил в Москве, где экспонируется и в настоящее время.

Младший брат погибших Героев, офицер запаса Анатолий Овинников, в силу возраста не воевавший, считает несправедливым то, что вклад в победу братьев, погибших в один день, был оценен по-разному. Анатолий пытался восстановить справедливость и уравнять их заслуги. Его поддержали несколько ветеранских организаций.

Однако обращения в различные государственные и правительственные органы, в том числе, в Управление президента РФ по государственным наградам и в Главное управление кадров Министерства обороны РФ, положительных результатов не дали. Ответом оттуда стали официальные письма с жесткой формулировкой: *"По прошествии более чем полувека-*

вого срока с окончания войны дать объективную оценку заслуг не представляется возможным".

Может быть, и у дмитровцев есть мнение по этому поводу?

Но, в любом случае, Герой Советского Союза Сергей Овинников и кавалер ордена Отечественной войны I степени Николай Овинников – Герои для нас в равной степени, ведь братья отдали за освобождение Орловщины свои жизни. И нам об этом просто надо помнить.

Один – на три страны (Николай Яшин)

Среди орловчан-Героев Советского Союза - довольно много разведчиков, но таких, как Николай Яшин, больше нет: он – единственный, кто всю войну, вплоть до своей героической смерти, командовал взводом конной разведки. Да к тому же старший лейтенант Яшин имел и соответствующую профессиональную подготовку: закончил в 1942 году Тамбовское кавалерийское училище.

От Нижней Гнилуши – до «Марса»

Наверное, даже дата его рождения – 23 февраля 1922 года – как бы определяла будущую связь нашего земляка с военной службой. Впрочем, сам Николай, родившийся в большой орловской деревне с не очень благозвучным названием – Нижняя Гнилуша (в настоящее время – в составе Ленинского сельского поселения Малоархангельского района, в 9 километрах от Малоархангельска – А.П.) до поры - до времени не подзревал о переменах в своей судьбе, хотя эти перемены уже начались во второй половине 30-ых годов XX века.



Герой Советского Союза
Николай Яшин

Тогда Николай Яшин переехал вместе с родителями на Украину. А вот в каком именно месте они там поселились – источники расходятся: в одних называется Макеевка Донецкой области, в других – Семёновка Черниговской области (это города), а третьи называют колхоз имени Воровского в одном из районов Николаевской области. Кстати, в пользу

последней версии говорит то, что 19-летнего рабочего Яшина призвали в 1941 году в Красную Армию именно оттуда.

Год Николай отучился в Тамбовском кавалерийском училище, а с октября 1942 года молодой лейтенант воюет на Калининском фронте, командуя взводом конной разведки в составе 830 стрелкового полка 238 стрелковой дивизии. Довелось Яшину хлебнуть лиха в неудачной наступательной операции «Марс» под Ржевом (Вторая Ржевско-Сычёвская стратегическая наступательная

операция – А.П.), в которой погибло более 70 тысяч советских солдат и офицеров. Понесла большие потери здесь и 238 стрелковая дивизия (более 9 тысяч убитыми и ранеными – А.П.).

Дивизии – звание, разведчику – медаль

Дивизию вывели во второй эшелон, где она в течение трёх месяцев доукомплектовывалась, а 7 июля 1943 года получила приказ готовиться к наступлению. 17 июля 238-я стрелковая вступила в бой в ходе Орловской наступательной операции и несколько дней сражалась на реке Олешня, а затем теснила врага севернее Орла, продвигаясь на Хотынец и Карачев. Впереди своего 830 стрелкового полка шла конная разведка старшего лейтенанта Яшина, определяя уязвимые места обороны противника.

В боях за Карачев 14-15 августа 1943 года отличилась как сама 238-я стрелковая дивизия, получившая почётное наименование *Карачевской*, так и командир взвода конной разведки Николай Яшин, заслуживший тогда свою первую награду – медаль «За отвагу». Вот как был описан его подвиг в наградном листе:

«Командир конной разведки, старший лейтенант Яшин во время боёв с немецкими захватчиками за город Карачев 14-15 августа проявил себя смелым и отважным командиром – разведчиком. Все задачи, поставленные перед разведкой, он выполнял точно и в срок, несмотря на сильный огонь противника. Когда была порвана связь с батальоном во время уличных боёв, старший лейтенант Яшин получил задачу и с честью выполнил её. Командование батальона продолжало наступательные действия по очистке от противника западной окраины города Карачев»...

«Встретился, уничтожил, захватил, доставил...»

Прошло чуть больше месяца. 238-я стрелковая Карачевская дивизия, освободив от оккупантов несколько западных районов Орловской области (*ныне – территория Брянской области – А.П.*), вышла на границу Белоруссии. 1 октября 1943 года, выполняя задачу по разведке позиций противника по маршруту движения 830 стрелкового полка в районе западнее деревни Латыпино, старший лейтенант Яшин со своими разведчиками *«у опушки леса встретился с засадой противника в количестве 15 человек».*

Реакция командира взвода оказалась мгновенной: *«...быстро оценив обстановку и приняв решение, он в конном строю бросился на засаду противника. В результате решительного и смелого налёта засада противника была деморализована: 3 немецких солдата были взяты в плен и 2 убиты, а остальные в панике разбежались».*

Командир 830 стрелкового полка майор Сметанин за эту операцию и трёх ценных плененных, давших показания, представил Николая Яшина ко второй медали «За отвагу». Но командир 238 стрелковой дивизии генерал-майор Красноштанов повысил статус награды для своего офицера – до ордена Красной Звезды (приказ по дивизии последовал 19 ноября 1943 года).

С ноября и в течение всего декабря 1943 года 238 стрелковая дивизия, участвуя в Гомельско-Речицкой операции, вела тяжёлые и безуспешные бои, пытаясь форсировать Днепр. Весной 1944 года дивизию перебросили севернее, на подступы к крупному белорусскому городу Могилёву. Вначале на этом участке 238-я Карачевская стояла в обороне, время от времени разведывая позиции противника.

В одной из таких вылазок снова отличился старший лейтенант Яшин, который с 10 мая 1944 года, в дополнение к своей должности командира взвода конной разведки, стал ещё выполнять и обязанности офицера разведки 830 стрелкового полка (*офицер разведки – это координатор всей разведывательной деятельности в части, от его работы зависит успешность наступления полка – А.П.*).

В ночь с 9 на 10 мая разведчики 830 стрелкового полка, «во время ночных поисков ворвались в траншею противника, завязав гранатный бой. Уничтожили свыше 10 немецких солдат и захватив трофеи: станковый пулемёт МГ-42 и два автомата. Будучи командиром взвода конной разведки, старший лейтенант Яшин возглавлял эту операцию (после выбытия из строя офицера разведки полка – А.П.)».

Ещё раз полковая разведка под командованием нашего земляка отличилась в ночь с 26 на 27 мая 1944 года в районе деревни Красница, когда, «проводя вторичный ночной поиск, с боем ворвалась в немецкую траншею, уничтожила свыше 15 гитлеровцев и захватила в плен немецкого солдата, который был доставлен в штаб в качестве «языка».

Приказом командующего 50 Армии генерал-лейтенанта Болдина от 4 июня 1944 года старший лейтенант Яшин за эти успешные разведоперации был награждён орденом Красного Знамени (*доставленные им пленные позволили уточнить расположение вражеских сил в районах планировавшейся Белорусской наступательной операции – А.П.*).

Могила – в Могилёве

23 июня 1944 года началась операция «Багратион» - одна из крупнейших в истории Великой Отечественной войны. Красная Армия приступила к освобождению Белоруссии. В составе 50 Армии приняла участие в этом и 238 стрелковая дивизия, а уж разведка, как всегда, шагала впереди.

Разведчики уточнили расположение немецких войск на подступах к Могилёву, выяснили всё о заминированных мостах, и потому 27 июня старший лейтенант Яшин со своими бойцами в числе первых форсировал Днепр. А далее, «руководя всей разведкой, выявлял расположение противника и его ог-



Памятник в Могилёве

новые средства... Взвод разведки не только обнаружил расположение и силу противника, но навязывал ему бои, выбивая его с укреплений и преследуя врага»... Однако, хоть гитлеровцы в самом Могилёве оказались в кольце, они отчаянно сопротивлялись. Уличные бои в городе продолжались два дня.

По воспоминаниям бывшего командира 830 стрелкового полка, подполковника Смурыгина, важнейшую роль в захвате важного опорного пункта гитлеровцев в Могилёве, железнодорожного вокзала, сыграли именно разведчики старшего лейтенанта Яшина. К тому же, они ещё и спасли жизнь командира полка, когда его штаб окружили немцы во время контратаки. Яшин со своими молодцами ударил во флаг противнику, да так, что они побежали.

И как жаль, что чуть позже, спустя несколько мгновений, не имевший за два года боёв ни одного ранения, «...старший лейтенант Николай Яшин 28 июня 1944 года погиб смертью храбрых»... В один день с ним героически пали ещё четверо офицеров 830 стрелкового полка – командир сапёрного батальона капитан Владимир Белов и командиры стрелкового, сапёрного и пулемётного взводов, лейтенанты Дмитрий Ложкин, Николай Семёнов и Михаил Разумцев. Всех пятерых похоронили в братской могиле в 250 метрах от северной окраины Могилёва.

Славяне помнят!

За героизм и мужество, проявленные при освобождении города, 28 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. Одним из них стал Николай Иванович Яшин (*Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года – А.П.*).



Памятник в Малоархангельске

О подвигах славного разведчика не забыли три братские славянские страны. На Украине, в городе Семёновка Черниговской области, где проживала в послевоенные годы его мать, Анна Ивановна, на Аллее Героев установлен портрет Николая Яшина.

В Белоруссии, в городе Могилёве, на пилоне моста через Днепр в центре города (Ленинский район), размещена величественная мемориальная доска с его барельефом.

И, наконец, на родине Героя, в Малоархангельском районе, Николаю Ивановичу Яшину установлены сразу два памятника. Первый – у Дома культуры в деревне Александровка Ленинского сельского поселения. Второй – в Парке Победы города Малоархангельска.

Славяне помнят своих Героев!

Освобождая Крым (Иван Машкарин)

24 марта 2015 года исполнилось 70 лет Указу Президиума Верховного Совета СССР о присвоении (посмертно) звания Героя Советского Союза майору Ивану Николаевичу Машкарину. 24 мая средняя школа № 12 города Орла отменила 50-летие принятия Советом Министров РСФСР постановления о присвоении ей имени Героя, а в сентябре исполнилось 50 лет со дня установки мемориальной доски в честь И.Н. Машкарина на здании этой школы. И, наконец, в декабре 2015 года жители 909 квартала города Орла, возможно, вспомнят, что 30 лет назад Орловский городской Совет принял решение о присвоении одной из улиц нового микрорайона имени Героя Советского Союза Машкарина.

Выпускник Орловского бронетанкового училища

В общем, если б жив был Иван Николаевич, он, наверное, порадовался бы тому, как в родных местах увековечили его память. Я убеждён, что накануне 70-летия Великой Победы стоит вспомнить о жизни и подвигах нашего замечательного земляка.



Доска на школе № 12

Родился Иван Машкарин 15 декабря 1921 года в деревне Бутово (ныне – Котовского сельского поселения Урицкого района – А.П.), учился в школе в соседней деревне Апраксино (к настоящему времени исчезнувшей – А.П.), а потом переехал в Орёл, к отцу, который жил там со своей второй семьёй. Тогда как раз на самой окраине города открылась новая школа № 12, в 7 класс которой и поступил Иван Машкарин.

За короткое (чуть больше года) время учёбы в ней он успел не только познакомиться с городскими сверстниками, но завёл друзей, вместе с которыми активно участвовал в общественной жизни школы: играл в футбол, волейбол, занимался фотографией, стал инициатором разбивки большого (около гектара) сада, а в 1937 году Ивана Машкарина избрали секретарём школьной комсомольской организации.

Казалось бы, у парня открывались все перспективы для успешной учёбы и получения среднего образования. Но в 1938 году Иван Машкарин круто меняет свою судьбу и, не закончив 8 класса, поступает в Орловское бронетанковое училище (кстати, первое такого рода учебное заведение в СССР – А.П.).

По окончании его в 1941 году молодого лейтенанта направляют в 16 механизированный корпус 12 армии Киевского особого военного округа. Там, на территории Каменец-Подольской области Украины, и встретился Иван Машкарин с войной, с первых дней которой он участвует в боях.

«Обратил противника в бегство...»

В начале зимы 1941-1942 года, уже в звании старшего лейтенанта, командуя взводом в 27 танковом батальоне 27 танковой бригады, Машкарин отличился в оборонительных сражениях на подступах к столице. Вот что написал об этом командир 27 танкового батальона майор



Машкарин – цветной портрет в школе № 12 г. Орла

Локтионов: *«Товарищ Машкарин, участвуя в боях 12.11.1941 года за населённые пункты Марьино и Скирманово (это сейчас Рузский район Московской области – А.П.), со своим взводом уничтожил до роты пехоты противника. Несмотря на ураганный огонь противника, он неоднократно выходил из своего танка, чтобы помочь своим экипажам устранить неисправности. Сам лично, своей машиной, прикрыв отход машины своего военкома из-под огня противника.*

19.11. 1941 года, в бою за населённый пункт Горюны (Рузский район Московской области – А.П.) товарищ Машкарин своим личным примером воодушевлял в бой личный состав. В то время, когда машины взвода были подбиты противником, товарищ Машкарин, отлично маневрируя своим танком, ворвался в село Горюны, уничтожил до 20 немецких солдат и офицеров, а остальных обратил в бегство, чем обеспечил то, что наша пехота зашла в село».

Приказом войскам Западного фронта от 17 января 1942 года старший лейтенант Иван Машкарин за эти подвиги был награждён орденом Красного Знамени.

В августе 1942 года, уже в составе 184 танкового батальона 248 танковой бригады он храбро сражается на территории Калужской области, у деревни Савинки, где его экипаж уничтожил *«...2 блиндажа, 3 миномёта, 55мм. орудие, 50 человек пехоты противника, взорвал склад с боеприпасами, разбил 9 ручных пулемётов».* Наградой танкисту стал орден Отечественной войны I степени.

«На Безымянной высоте»

К лету 1943 года капитан Машкарин становится командиром 432 танкового батальона 101 танковой бригады, которой пришлось сражаться на одном из самых опасных участков развернувшейся Курской битвы – на Поньоровском направлении. В боях за деревню Бобрик, на Безымянной высоте, северо-восточнее д.Молотычи Курской области (*деревня Бобрик находится в Никольском сельском поселении Троснянского района – А.П.*), батальон Машкарина *«уничтожил танков противника – 38 штук, из них танков Т-VI («Тигр») – 6 штук, самоходных орудий – 15, противотанковых орудий – 14, автомашин – 10, до 40 пулемётных точек, 15 пулемётных батарей, 10 повозок с различными грузами, солдат и офицеров противника 300 человек.*

Руководя лично атаками в составе батальона, одновременно своим танком уничтожил: сжёг 5 танков, подбил 3 танка «Т-VI» («Тигр»), самоходных орудий – 3, противотанковых орудий – 3, автомашин – 2, солдат и офицеров – до 50 человек.



Герой Советского Союза
Иван Машкарин

Несмотря на превосходящие силы противника, товарищ Машкарин отбил их с большими для него потерями».

Командир 101 танковой бригады полковник Курдупов представил своего офицера к ордену Ленина, хотя, наверное, поскромничал: за такое количество уничтоженной живой силы и техники противника Иван Машкарин вполне мог быть удостоен и звания Героя Советского Союза. Но с представлением согласились все – включая командующего Центральным фронтом, генерала армии, Константина Рокоссовского. Правда, в дополнение к ордену отличившийся на поле боя капитан получил ещё и раньше срока очередное звание майора.

Осенью 1943 года 101 танковая бригада и её 432 танковый батальон вели жестокие бои по освобождению Запорожской области Украины. В них снова отличился майор Машкарин. Не буду перечислять количество единиц техники и число солдат и офицеров противника, уничтоженных его танками. Орден Богдана Хмельницкого III степени в конце ноября 1943 года украсил грудь нашего земляка.

«...Первый ворвался в оборону противника»

Последний свой подвиг майор Машкарин совершил весной 1944 года во время освобождения Крыма. Цитирую наградной лист: *«В период подготовки к Крымской операции товарищ Машкарин и днём, и ночью готовил батальон к решительным действиям против Крымской группировки врага...В результате умело проведённой подготовки и чёткого руководства 432 батальон форсировал Сиваш в установленное время и в полной боевой готовности сосредоточился на исходных позициях.*

11 апреля 1944 года 432 танковый батальон стремительной атакой, первый ворвался в оборону противника, прорвал её и овладел совхозом Кирк-Ишунь (с 1948 года – посёлок Володино в составе Джанкойского района Республики Крым – А.П.), что дало возможность главным силам 19 танкового корпуса без промедления и потерь преследовать и уничтожить немецко-румынские войска. В результате боя за совхоз Кирк-Ишунь батальоном было уничтожено: пушек разного калибра – 13, миномётов – 6, пулемётов – 12, ПТР – 5, мотоциклов – 20, повозок – 150, солдат и офицеров – до 10 000 человек. С помощью батальона взято в плен 2310 солдат и офицеров, захвачено 950 лошадей и 15 тракторов. Майор товарищ Машкарин героически руководил батальоном и

личным примером воодушевлял все экипажи на решительные действия. Он сам лично своим танком в этом бою уничтожил: пушек – 6, миномётов – 2, пулемётов – 4, повозок – 18 и до 150 солдат и офицеров противника.

В этом жестоком бою майор, товарищ Машкарин пал смертью храбрых... Достоин высшей правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза».

Посмертные тайны Героя

Указа Президиума Верховного Совета СССР пришлось ждать очень долго – почти год. И это – не единственная загадка в судьбе нашего прославленного земляка.

Начну с фамилии. Везде в предыдущем тексте о Герое я писал её через «А» - МАшкарин. Но на самом деле Иван Николаевич с детства и до поступления в Орловское Бронетанковое училище подписывался как МОшкарин. И так было вплоть до войны и появления наградных листов на него. В трёх из них Иван Николаевич значится МОшкариным, в двух, в том числе на присвоение звания Героя – МАшкариным (*конечно, постарались «всезнающие» писари – А.П.*).

Такая же путаница в семи извещениях о смерти майора-танкиста: в четырёх он написан как МОшкарин, в трёх – как МАшкарин. Решающим моментом при сохранении сегодняшнего произношения фамилии стал наградной лист на присвоение звания Героя Советского Союза, и с того времени неправильный вариант закрепился в истории.



Памятная плита в Нарышкино, на Аллее Героев



Плита на Воинском кладбище Симферополя

Теперь о месте его захоронения. В «Именном списке безвозвратных потерь начальствующего состава 101 танковой бригады 19 танкового Перекопского корпуса с 10 по 20 апреля 1944 года» командир 432 танкового батальона, майор Иван Николаевич МОшкарин, погибший в бою 11 апреля, значится похороненным в «2 км. юго-западнее Зептюп 1-ый Сивашского района Запорожской об-

ласти Украины». Как ни пытался я найти населённый пункт с таким названием на территории современной Украины и в Крыму – мне это не удалось.

Но уже к апрелю 1945 года прах Героя Советского Союза Ивана Машкарина



Бюст Героя
в музее школы № 12

на числится погребённым на Воинском кладбище города Симферополя – в более чем 100 километрах от места первоначального упокоения. Почему так произошло? Единственное разумное предположение, что останки могли быть перенесены после публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года. Кстати, на памятной плите на Воинском кладбище Симферополя написана родовая фамилия Героя – «МОшкарин».

Такая вот судьба выпала нашему замечательному земляку. Огромный материал о жизни и подвигах Ивана Николаевича Машкарина хранится в музее школы № 12, которым руководит учитель высшей категории Андрей Шевяков. Автор благодарит Андрея Викторовича за консультативную помощь при написании данного очерка.

Жизнь – за Севастополь! **(Иван Дубинин)**

9 мая – дата для города русской воинской славы Севастополя и его жителей особая, двойная: севастопольцы не только, вместе со всей Россией, отмечают в этот день Победу в Великой Отечественной войне, но и празднуют освобождение города от немецко-фашистских захватчиков. Вначале, читатель, история.

Подвиг десантников

Ранним утром 9 мая 1944 года от скалистого берега Северной бухты Севастополя отчалила небольшая лодка. В ней находились лейтенант Александр Земков и пятеро бойцов его сапёрного взвода 70-го гвардейского стрелкового полка 24-ой гвардейской стрелковой дивизии полковника Колесникова.



Герой Советского Союза
Иван Дубинин

Этому небольшому десанту, состоявшему из добровольцев, как и двум другим из соседних полков, была поставлена командованием сложная, почти невыполнимая, смертельно опасная задача: переправиться через полуторакилометровый залив на его противоположную (южную) сторону, занятую гитлеровцами, закрепиться там, а затем вызвать на себя

огонь артиллерии противника, чтобы наши артиллеристы сумели засечь фашистские батареи и уничтожили их до начала наступления основных сил 2-ой гвардейской армии.

Дело в том, что эта армия под командованием генерала Захарова (по первоначальному плану) не должна была участвовать в штурме Севастополя, ей отводилась вспомогательная, отвлекающая роль. Но в силу сложившихся обстоятельств – своих удачных действий и отчаянного сопротивления гитлеровцев на главном направлении – 2-я гвардейская вышла на подступы к городу раньше других армий 4-ого Украинского фронта. Перед полками 2-ой гвардейской, сразу за Северной бухтой, открылась панорама Севастополя. Командующий 4-ым Украинским фронтом генерал Толбухин дал «Добро» на участие армии в штурме Севастополя. Но переправляться на виду у противника, под его непрерывным артогнём, на вспомогательных плавсредствах (а других просто не имелось, поскольку не ставилась первоначально перед армией задача освободить город) было просто безумием. Вот тогда-то и родилась мысль послать вначале на ту сторону десанты.

Шлюпка под прикрытием темноты благополучно миновала середину пути, когда гитлеровцы заметили её и открыли ураганный огонь. Лодку от тяжелых столбов воды, поднимавшихся со всех сторон, кидало, как щепку.

Гвардейцам повезло, и через несколько минут отчаянной работы веслами они оказались уже в не простреливаемом из-за крутого берега пространстве, а вскоре шлюпка уткнулась носом в бревно разбитого причала.

Быстро выбравшись на берег и выгрузив коробки с патронами и ящики с гранатами, командир группы и его бойцы осмотрелись.

Вдоль берега шла железнодорожная ветка, на одном из путей стояло несколько разбитых вагонов. Впереди чернела глубокая воронка от тяжелой авиабомбы, а слева высокой грудой лежали железнодорожные шпалы.

Бойцы Висовин и Соценко заняли позицию возле них, Дубинин с Романовым – у вагонов на путях, а сам лейтенант Земков залег у края воронки, установив между камнями ручной пулемет.

Немцы выскочили прямо на позицию Земкова. Очереди лейтенанта из ручного пулемета и автоматные – Дубинина и Висовина с флангов уничтожили более десяти фашистов сразу.

А потом началось то, ради чего замышлялся десант: немецкие пушки и минометы открыли по гвардейцам такой плотный огонь, что разрывы снарядов и мин слились в один сплошной грохот.

Вжавшиеся в землю десантники заметили вспышки оружейных выстрелов с нашего берега – заработала артиллерия 2-ой гвардейской армии, начавшая бить по вражеским позициям.

Когда немецкий артобстрел закончился, на склоне высоты показались гитлеровцы. Их было не меньше роты. Атаку пришлось отбивать гранатами. Потом был второй, не менее жестокий, артобстрел – и третья атака. Еще артобстрел – и четвертая атака. И каждый раз, оставляя на склоне высоты десятки убитых, гитлеровцы отползали обратно.

Почти все десантники были ранены. Во время второго артобстрела засыпало землей и контузило Ивана Дубинина и Якова Романова. Товарищи вовремя пришли на помощь, откопали и привели в себя Дубинина, а Романова посчитали мёртвым. Но с началом третьей атаки гитлеровцев Яков пришёл в себя и сумел в очередной раз защитить спины друзей от зашедшего им в тыл неприятеля.

Десантники должны были продержаться полтора часа. Они продержались три...

Когда спустя три часа основные силы 24 гвардейской дивизии начали переправу через Северную бухту, артиллерия противника ей почти не мешала, поскольку была практически полностью подавлена: десанты свою роль сыграли.

О подвиге гвардейцев, которые первыми начали бой в Севастополе, рассказала вскоре дивизионная газета, а политработники 2 гвардейской армии их примером вдохновляли на подвиги новых героев.

Всем членам десантной группы: Александру Земкову, Якову Романову, Константину Висовину, Александру Соценко и Ивану Дубинину указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

На месте боя гвардейцев вначале была установлена скромная деревянная пирамида, а позже на их могиле установили мраморную мемориальную плиту, которая увековечила подвиг десантников.

Казалось бы, на этом должна и завершиться история подвига, но остались в ней некоторые неясные моменты.

Ты вправе спросить, читатель, откуда стали известны подробности боя гвардейцев-сапёров, если все они погибли?

Да, извещения о героической гибели десантников были отправлены их родственникам. К примеру, отец командира группы – Фёдор Яковлевич Земков, проживавший в Саратовской области, получил письмо из части: «Ваш сын, гвардии лейтенант, командир сапёрного взвода Земков Александр Фёдорович, убит 9 мая 1944 года при форсировании Северной Севастопольской бухты».

Однако весной 1945 года лейтенант Александр Земков подал о себе весть. Контуженный в последней атаке и потерявший сознание он, оказывается, был захвачен в плен, перевезён уходившими из Севастополя немцами в Румынию, откуда, едва поправившись, вскоре бежал и воевал вновь – уже в составе другой воинской части. Благодаря Александру Фёдоровичу и стали известны подробности того героического боя за Севастополь 9 мая 1944 года. А писатель – фронтовик Александр Вольф, в середине 80-ых годов XX века встречавшийся с Земковым, рассказал всей стране о его подвиге (*очерк «Александр Земков» вошёл в книгу Вольфа «Рядом с нами», изданную Политиздатом в 1986 году – А.П.*).

Обычная биография Героя

А теперь – об одном из пяти Героев чуть подробнее, поскольку Иван Владимирович Дубинин – наш земляк. О месте его рождения придётся сказать от-

дельно, поскольку в разных источниках названы два населённых пункта (оба – в Покровском районе Орловской области – А.П.), где он, якобы, родился – *Николаевка* и *Николаевское*. Но села или деревни под именем Николаевское в нашем крае никогда не существовало. Деревня Николаевка имелась (она прекратила существование к середине 80-ых годов XX века), но Иван Дубинин родился совсем не там.

Многодетная крестьянская семья Владимира Афанасьевича и Веры Ивановны Дубининых всю жизнь прожила в селе Никольском (похоже, не правда ли, но это совсем другой населённый пункт, находящийся от Николаевки в 25 километрах – А.П.). У них-то, 25 мая 1914 года, и родился сын Иван. Закончив Кромскую семилетнюю школу (*прошу, читатель, не путать с посёлком Кромь, деревня под названием Кромская находится рядом с селом Никольское у нас, в Покровском районе – А.П.*), Иван Дубинин, отличавшийся с детства мастеровитостью, начал работу плотником в родном селе.

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ 124

ЗАПИСЬ АКТА О БРАКЕ № 32

№ 78 м-ца 1938 г. (Первый экземпляр)

Свободный брак	Дубинин	Борзёнок
Свободен до брака	Дубинин	Борзёнок
Имя	Иван	Анна
Отчество	Владимирович	Андреевна
Православность	Русин	Русская
Возраст	Николаевское 24 лет	Николаевское 20 лет
Свободен до брака	В браке не состоял, холост, разведен (подчеркнуть)	В браке не состояла, холост, разведена (подчеркнуть)
Число детей	Имеет — детей	Имеет — детей
В брак не вступил брак	Вступил	Вступила

В архиве Покровского районного ЗАГСа, в книге записей гражданского состояния по Смирновскому сельсовету (сейчас – Покровского района, а тогда – Дросковского района Курской области – А.П.) за 1937 года обнаружил я запись о рождении в селе Никольское 6 февраля девочки – Веры Дубининой. Отцом её был записан Дубинин Иван Владимирович, которому исполнилось тогда 22 года, а матью названа Борзёнок Анна Андреевна, 18 лет. Кстати, фамилию матери секретарь сельсовета записал вначале как Дубинина, но потом зачеркнул её, исправив на Борзёнку. На следующей странице записи есть этому объяснение – девочка «рождена без регистрации брака, но фактически родители живут совместно».

Об отце, Иване Владимировиче, секретарь записал, что специальность его – «плотник», и в настоящее время он служит в РККА (для молодых читателей объясню – Рабоче-Крестьянская Красная Армия – А.П.).

С 1936 по 1938 год Дубинин действительно проходил срочную службу, и, скорее всего, дочь свою так и не увидел, поскольку в декабре 1937 года, в десятимесячном возрасте, Верочка умерла от воспаления лёгких, а он сам лишь поздней осенью 1938-ого, отслужив, возвратился в родное Никольское.

Любили друг друга Иван и Анна, и общее горе сплотило их ещё больше. В ноябре 1938 года секретарь Смирновского сельского совета уже официально зарегистрировал брак «Ивана Владимировича Дубинина, 24-ёх лет, столяра, проживающего в селе Никольское, и Анны Андреевны Борзёнок, 20-и лет, домохозяйки из того же села». По какой причине молодые вскоре покинули

родные места, я не знаю, но, скорее всего, как и подавляющее большинство, - в поисках лучшей доли.

Некоторое время Дубинины жили в городе Зугрэсе (Донецкой, а тогда – Сталинской области Украины – А.П.), где Иван работал в военизированной охране, но его всё-таки тянуло к работе по любимой специальности «плотника – столяра», а судьба привела покровчан в Черниговский район Запорожской области (есть там и до сих пор райцентр Черниговка – А.П.), где в селе под названием Пастия они перед войной обосновались. Налаживалась жизнь у молодой семьи, родилась и росла здоровенькой вторая дочь, но... Началась Великая Отечественная война.

Почему не был призван Иван Дубинин в действующую армию в первые же дни (его возраст подлежал мобилизации – А.П.), мы, наверное, теперь не узнаем. Пришлось Дубининым почувствовать на своих спинах все «прелести» фашистских новых порядков.

В первых числах октября 1943 года 24 гвардейская стрелковая дивизия освободила райцентр Черниговку и часть населённых пунктов Черниговского района Запорожской области. Иван Дубинин в числе многих других пополнил основательно поредевшие гвардейские полки. Учить его основам военного дела не было необходимости (как-никак два года срочной службы за плечами имелось), и вскоре рядовой автоматчик 70 гвардейского полка стал одним из лучших во всей дивизии.

Освобождал Запорожскую и Херсонскую области, а когда 24-ую гвардейскую перебросили в Крым, отличился при освобождении Евпатории (вместе со всей дивизией, которая получила почётное наименование Евпаторийской – А.А.). Получил тогда проявивший мужество автоматчик Дубинин свою первую награду - медаль «За отвагу».

Ну а потом... потом было наступление на Севастополь, с рассказа о котором я и начал...

Изучая списки безвозвратных потерь 24-ой гвардейской дивизии за период с 27 апреля по 10 мая 1944 года (они размещены на сайте OVD.memorial.ru архива Министерства обороны России в интернете – А.П.), и найдя в них фамилию Ивана Дубинина, я с удивлением увидел, что датой его смерти там значится не 9, а 10 мая. И тогда я понял, что нашёл подтверждение тому, о чём читал в



Памятная мемориальная плита на могиле Героев

нескольких источниках, описывавших тот героический бой десантников и в чём сильно сомневался: Иван Дубинин, единственный из десантников, был жив и продолжал биться с гитлеровцами вплоть до подхода своих, пере-

правившихся через залив, товарищей. Он присоединился к ним, участвовал затем в полном освобождении Севастополя, и только на следующий день, когда город праздновал Победу, наткнулся где-то на шальную фашистскую пулю. Обидно!

Похоронили его вместе с другими павшими гвардейцами, в общей братской могиле, в селе Бельбек (оно находится на одноименной, самой полноводной реке Крыма, в 28 километрах от Севастопольского вокзала, неподалёку от которого бился героический десант – А.П.). В августе 1945 года татарское название населённого пункта поменяли на русское, и в настоящее время это село Фруктовое, административно входящее в Нахимовский район города-героя Севастополя (это кажется странным, но, кроме Фруктового, ещё более двух десятков окрестных сёл тоже числятся в подчинении у города – А.П.).

В братской могиле села спят вечным сном более 1700 советских солдат, павших при штурме Севастополя. Среди них - украинцы Висовин и Соценко, русские – Романов и Дубинин – Герои Советского Союза.

Уроженец села Никольское Покровского района Орловской области Иван Владимирович Дубинин не дожил до своего 30-летия двух недель. В 2014 году ему исполнилось бы 100 лет, но уже семь десятилетий его нет рядом с нами. Его подвиг всегда и неразрывно останется в истории Великой Отечественной войны связанным с днём освобождения Севастополя.

Они всегда будут вместе – Герои: город и человек!

Старший сержант Казаков (неизвестные страницы биографии Героя)

17 апреля 2008 года Львовский городской совет принял решение о переименовании улицы имени выдающегося русского писателя Ивана Тургенева в улицу «Героев Украинской Повстанческой Армии».



**Василий Иванович
Казаков**

22 мая 2008 года, во время торжеств по случаю Дня города, в районном центре Львовщины, Старом Самборе, местные власти организовали и сами приняли активное участие в возложении цветов и венков к могилам воинов Украинской Повстанческой Армии.

30 ноября того же года в городе Старый Самбор с большой помпой состоялось открытие девятого (возможно, даже и десятого) памятника лидеру Организации украинских националистов Степану Бандере. Памятник установили на центральной городской площади.

И такого рода акции (а названные – лишь небольшая их часть) в последние годы на Западной Украине происходили и происходят постоянно.

«Здесь место русской культуры занимает бандеровщина», - заявил, комментируя перечисленные факты, председатель Правления Объединения «Русское содружество» Сергей Провоторов. «Это очередное нагнетание русофобской и антирусской истерии, которое оборачивается погромом всемирно известной русской культуры», - добавил он.

Прошлое и настоящее в судьбе нашего земляка

Казалось бы, какое отношение к нам, покровчанам, имеют вышеупомянутые, неприятные, но далёкие от наших краёв события?

Ну, во-первых, как-никак, речь идет о братьях-славянах. А во-вторых, за освобождение Западной Украины отдали свои жизни многие наши земляки.

Подробности судьбы одного из них, Героя Советского Союза, уроженца села Липовец, Василия Ивановича Казакова, мы и попытались выяснить, изучая опубликованные за последнее время документы.

Старшего сержанта, командира орудия 7 батареи 348 артиллерийского полка 141 стрелковой дивизии Василия Казакова, погибшего в августе 1944 года на территории тогдашней Дрогобычской области, похоронили как раз на одной из площадей Старого Самбора. Эту площадь и близлежащую улицу вскоре назвали именем Героя, на могиле которого был установлен достойный его подвига памятник.

Мы долго и упорно пытались выяснить, сохранилось ли всё это сейчас – площадь имени Казакова, улица имени Казакова, обелиск на его могиле.

В ходе поисков узнали, что через два месяца после проведения упоминавшегося выше Дня города, 23-27 июля 2008 года, в Старом Самборе случилось сильнейшее наводнение: разлившийся Днестр полностью залил центральную часть города, подтопив 150 частных и 14 многоквартирных домов, залил все канализационные коллекторы, разрушив три скважины, выведя из строя три глубинных насоса и три станции управления ими, повредив 16 километров дороги с твёрдым покрытием, уничтожив железнодорожное полотно и снеся мост. В результате паводка городу был нанесён ущерб на сумму 5 351 тысяча гривен.

Особо не рассчитывая на поддержку областного и украинского правительства, администрация Старого Самбора обратилась с письмами о финансовой помощи к администрациям многих соседних городов – но от плана по установлению памятника Степану Бандере, намеченного на конец ноября 2008 года, так и не отказалась.

А вот о могилах советских солдат, погибших свыше 70 лет назад при освобождении города и пострадавших от наводнения, никто из старосамборских чиновников не вспомнил.

Но ведь одного имени Василия Казакова для небольшого западно-украинского городка, в котором во время оккупации многие местные жители были уничтожены гитлеровцами, уже достаточно было бы для нормальных людей, чтобы к освободителям от фашизма относиться с соответствующим уважением. Для нормальных – да, но не для националистов: ведь многие из их духовных отцов служили не просто в немецкой армии, а в дивизии СС «Галичина»,

оставившей о себе кровавую память расправами над мирными жителями оккупированных территорий.

Уроженец села Липовец Покровского района

Василий же Казаков мужественно и храбро воевал два с лишним года и с самими фашистами, и с их пособниками из числа украинских националистов. Поэтому – однозначно – им – его – любить не за что!

Но мы своего Героя чтить и помнить должны!

Он родился 15 сентября 1923 года в бедной крестьянской семье. По воспоминаниям одноклассников, рос подвижным, любознательным и смелым мальчиком. В семилетнем возрасте Вася Казаков поступил в Перехоженскую семилетнюю школу. *«Бахилы, длинный, подпоясанный верёвкой пиджак, холщовые брюки – вот та одежда, в которой он ходил, и которая не мешала ему хорошо учиться и быть примером в поведении»*, - таким Василий остался в памяти одноклассницы Веры Филатовой.

После окончания семилетки Казаков покинул родные места. Окончив ремесленное училище, работал слесарем на одном из московских заводов *(отсюда, кстати, путаница в его биографии: несколько справочных изданий называют его уроженцем Московской области, да и призван он был в Красную Армию Пушкинским райвоенкоматом Москвы – А.П.)*.

Путь Героя на войне

С июля 1942 года Василий Казаков участвует в боях Великой Отечественной войны. Рядовой наводчик, а потом – старший сержант, командир орудия 7 батареи 348 артиллерийского полка 141 стрелковой дивизии, он в течение года отличился во многих боях, заслужив сначала медаль «За боевые заслуги», а позже – и орден Красной Звезды. Побывал во многих фронтовых переделках, летом 1943 года его даже посчитали пропавшим без вести после одной жестокой схватки. Но... обошлось тогда!

Осенью 1943 года 141 стрелковая дивизия, под огнём противника переправившись через Днепр, начала жестокие бои по расширению плацдарма севернее Киева, на правом берегу реки. Именно тогда наступили звёздные, героические часы и дни сержанта Казакова.

7 октября противник силою свыше батальона пехоты при поддержке 18 танков перешёл в контратаку в районе села Страхолевье (Чернобыльский район Киевской области). 7 батарея, в которой воевал Казаков, прикрывала шоссе – шоссейную дорогу, шедшую к переправам через Днепр.

Из своего орудия, выдвинутого на прямую наводку, подпустив танки врага на расстояние 600 метров, сержант открыл огонь и третьим выстрелом подбил головную фашистскую машину. Однако немецкие танки, ведя ожесточённый огонь, продолжали движение вперёд. Расчёт среднего орудия батареи полностью вышел из строя. Казаков выслал своего наводчика и двух оружейных номеров для обслуживания этого орудия, а сам продолжал с помощью одного

бойца вести огонь по приближающимся танкам. Меткими выстрелами сержанту удалось подбить ещё два.

Оставшиеся немецкие танки, не выдержав такого отпора, отстреливаясь, отползли назад. Вместе с уничтоженными машинами на поле боя осталось до 60 вражеских солдат и офицеров.

14 октября 1943 года, в районе села Ротичи, отражая атаку пехоты противника, наступавшего при поддержке 8 танков, Василий Казаков подбил ещё один средний танк и уничтожил свыше 20 гитлеровцев.

141 стрелковая дивизия, отличившаяся в боях на подступах к Киеву, после освобождения столицы Украины была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени и получила почётное наименование «Киевская».

А доблестный воин этой дивизии, Василий Казаков, за проявленные мужество и героизм, уничтожение большого количества живой силы и техники противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года, стал Героем Советского Союза.

К этому времени, пройдя долгий боевой путь по территории восточных и центральных районов Украины, 141 стрелковая выходила к бывшей польско-советской границе.

Дрогобычская трагедия

В середине июля 1944 года началась знаменитая Львовско-Сандомирская наступательная операция, в которой, в составе 1 гвардейской армии, начала путь дальше на запад и 141 Киевская, ордена Богдана Хмельницкого II степени, стрелковая дивизия. Её 348 артиллерийский полк, отличившийся 27 июля при освобождении города Станислава (теперешнего Ивано-Франковска), получил своё имя собственное и стал называться Станиславским. Герой Советского Союза Василий Казаков, вместе с товарищами по 7 батарее, внёс свою немалую лепту, изгоняя гитлеровцев из этого старинного, многое повидавшего, города.

Но смерть самого В. И. Казакова неожиданна и трагична. Артиллерист, погибший от собственного снаряда – что может быть нелепее и страшнее? А произошло это так. 14 августа 1944 года на одной из площадей западно-украинского города Дрогобыча хоронили члена Военного Совета 1 гвардейской армии, генерал-майора Ивана Васильевича Васильева, погибшего в бою с гитлеровцами в окрестностях города. Хоронили со всеми полагающимися воинскими почестями: для салюта из боевых орудий были откомандированы в Дрогобыч лучшие артиллеристы из воинских частей, входивших в состав армии.

Когда гроб с телом генерала опускали в могилу, раздался артиллерийский салют – и одни похороны мгновенно превратились в другие. Во время залпа произошёл взрыв снаряда в стволе орудия, которым командовал старший сержант, Герой Советского Союза Василий Казаков. Он был убит на месте.

Командующий 1 гвардейской армией, будущий Маршал Советского Союза и Министр обороны СССР А.А.Гречко, руководивший похоронами, приказал процедуру погребения генерал-майора Васильева довести до конца здесь же, в Дрогобыче, а погибшего Героя Советского Союза Василия Казакова похоро-

нить в другом городе, Старом Самборе, расположившемся у самого подножия Карпатских гор, в 50 километрах от Дрогобыча.

О трагедии было приказано забыть, и в большинстве документов по факту гибели В.И.Казакова сохранившиеся записи гласят: *«Погиб 14 августа 1944 года в бою за город Старый Самбор»*, хотя, согласно хронике освобождения, этот районный центр Львовской области (в годы войны – Дрогобычской) был освобождён уже 8 августа.

И лишь в приказе №100 по 348 артиллерийскому полку осталась правдивая информация: *«Командир орудия 7 батареи, Герой Советского Союза, старший сержант Казаков Василий Иванович убит 14 августа 1944 г. в гор. Дрогобыч, на похоронах члена Военного Совета генерал-майора Васильева, во время отдачи воинских почестей (салюта)»*.

В июне 1945 года гвардии генерал-майор Васильев, по совокупности его фронтовых заслуг, посмертно, был удостоен звания Героя Советского Союза. На его могиле в Дрогобыче установили памятник, а в областном центре, Львове, чуть позже появились улица генерала Васильева и городской парк его имени.



Памятный знак
односельчанам
в селе Липовец

Как и в случае с Василием Казаковым, так и здесь, мы не уверены, что имя Героя сохранили не слишком благодарные, националистически настроенные, власти современного центра всего национализма на Украине. Уж если им Тургенев помешал!

Недавно мы посетили село Липовец, родину Василия Казакова. Экскурсоводом у нас был его племянник, Юрий Григорьевич Мишин. Мы побывали на родовой усадьбе Казаковых, от которой, к сожалению, давно никаких следов не осталось. Родители Василия успели в послевоенные годы узнать о сыне – Герое и погордиться им.

Но оба они умерли в начале 60-ых годов XX века, не успев увидеть памятник, созданный усилиями председателя местного колхоза имени Суворова Нины Егоровны Мишиной. Всем землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной, был в селе установлен гранитный обелиск-пирамида, на боковых гранях которой высекали благодарные жители Липовца имена защитников Отечества.

И первым в этом скорбном списке стоит ***Герой Советского Союза Казаков Василий Иванович.***

Мы – своих – помним!

Что касается тех, кто на Западной Украине сейчас властвует, что ж – время всё расставит по своим местам: и пособники, и защитники фашистов обязательно окажутся на суде Божьем.



Памятник на могиле
В.И. Казакова
в г. Старый Самбор

Однако на Западной Украине живут ведь не одни националисты, но и те, кто понимает суть происходящих событий. В поиске сведений о Василии Казакове нам помогли киевлянин Вадим Ткаченко (его мать – уроженка Покровского района) и журналистка из Старого Самбора, которая очень оперативно отозвалась на просьбу узнать судьбу памятника В.Казакову на одноимённой площади.

Эта площадь в центре города называется теперь Рынок, а останки Василия Ивановича и памятник с его могилы перенесены на городское кладбище. (См. фотографию журналистки Елены Лаврик из Старого Самбора).

Пулемётчик Егор Трактаев

14 февраля 1944 года командир 1348 стрелкового полка 399 стрелковой дивизии, полковник Горбунов подписал приказ №60/н о награждении отличившихся воинов своей части. Среди шести бойцов, удостоенных медали «За боевые заслуги», значился в документе и красноармеец Егор Иванович Трактаев, повозочный комендантского взвода.

«Доставлял боеприпасы на переднюю линию...»

Комполка отметил его за то, что «в боях с октября 1943 года по февраль 1944 года, в Гомельской и Полесской областях, под огнём противника» он «доставлял боеприпасы на переднюю линию, а прикреплённых к нему лошадей довёл до хорошей упитанности».



Герой Советского Союза
Егор Трактаев

Вот так, возможно, и не сделав ни единого выстрела, но проведя на передовой пять месяцев, получил свою первую награду наш земляк, Егор Иванович Трактаев, будущий Герой Советского Союза. Уроженец Дмитровского края, закончив в родных местах пять классов, он за несколько лет до войны переехал в большой посёлок Лопандино соседнего Комарического района (тогда – Орловской, а ныне – Брянской области – А.П.) и устроился на местный сахарный завод. Трудился трактористом, женился, ладил семейную жизнь. Но началась война. Почему Егора Трактаева не призвали в первые же её дни – сказать теперь трудно, ведь его возраст (1912 года

рождения) подпадал под мобилизацию. А в октябре 1941 года Комаричский район уже был оккупирован фашистами.

После освобождения в сентябре 1943 года села Лопандино частями 48 армии Егор Трактаев был призван в одну из её дивизий – 399-ю стрелковую. В ней – повозочным комендантского взвода и начался его боевой путь. Но, по всей видимости, уход за лошадьми, хоть и делал это красноармеец Трактаев добросовестно, не очень удовлетворял его.

«Огнём из ручного пулемёта...»

Уже к лету 1944 года в составе своего 1348 стрелкового полка Егор Иванович воюет в качестве пулемётчика. И воюет блестяще: за полтора месяца, уничтожив более полусотни гитлеровцев, Трактаев удостоился сразу трёх орденов.

«При отражении контратаки противника 20 июля 1944 года западнее 800 метров деревни Камень Волковысского района Белостокской области (ныне – в составе Гродненской области Белоруссии – А.П.) огнём из ручного пулемёта уничтожил до 25 фашистских солдат и офицеров, что способствовало отражению контратаки противника». Наградой за этот подвиг Егору Трактаеву стал орден Красной Звезды.

«В бою 22 июля 1944 года за деревню Трещётки Бельского района Белостокской области (ныне – Бельский повят Белостокского воеводства Польши – А.П.) товарищ Трактаев выдвинулся вперёд и, хорошо замаскировавшись, огнём из своего пулемёта поддерживал наступающие роты. В этом бою тов.Трактаев уничтожил 15 фашистов и подавил огонь одной пулемётной точки противника». Нашему земляку вручили вторую Красную Звезду.

«При отражении контратаки противника 28 августа 1944 года под деревней Гронды Острув-Мазовецкого уезда Белостокского воеводства тов. Трактаев с ручным пулемётом выдвинулся вперёд боевых порядков пехоты и меткими очередями встречал наступающих фашистов. В этом бою уничтожил 15 фашистских солдат и офицеров. Тем самым способствовал отражению двух контратак противника». Приказом частям 399 стрелковой дивизии младший сержант (да, уже младший сержант – А.П.) Егор Трактаев был удостоен ордена Славы III степени.

«Противник был в панике...»

А ровно через неделю, совершил дмитровец тот подвиг, за который он был представлен к званию Героя Советского Союза. Вот как описал мужественные и умелые действия своего бойца командир 1348 стрелкового полка майор Королёв: *«В бою 4 сентября 1944 года при форсировании реки Нарев около деревни Дроздово Острув-Мазовецкого уезда Белостокского воеводства, когда наши подразделения подошли вплотную к реке, и начался штурм вражеской обороны, вражеским снарядом был ранен командир роты. Тов. Трактаев принял на себя командование ротой и под градом пуль на лодке установил свой пулемёт и вёл огонь по фашистам».*

Когда был достигнут западный берег, Трактаев установил пулемёт на удобной позиции и поддерживал форсирование реки остальным десантом на лодках. Когда все бойцы его роты достигли западного берега, он поднял их на штурм вражеских траншей. Не выдержав натиска, противник был в панике, и траншеи оказались в руках смельчаков. Бешеные фашисты неоднократно переходили в контратаки, но, понеся большие потери в живой силе, откатывались назад. Лично Трактаев уничтожил более десятка фашистов. Подвиг Трактаева обеспечил форсирование реки своему батальону.

С тем, что Егор Иванович достоин звания Героя, согласились все вышестоящие начальники, включая командующего 48 армией, генерал-полковника Прокофия Романенко (*утвердительную визу на наградном листе он поставил 26 сентября 1944 года – А.П.*). Но прошёл месяц, другой, третий, а Указа Президиума Верховного Совета СССР всё не было.

«Принял командование на себя...»

Тем временем уже старшина Егор Трактаев в боях с 10 по 16 октября 1944 года на территории Польши (*Макувский уезд Ваиавского воеводства – А.П.*) отличился в очередной раз:

«При форсировании реки Ожиц он со своим взводом первым форсировал реку и прикрывал форсирование остальных подразделений. Когда противник переходил в контратаки, тов. Трактаев активно участвовал в отражении их и сам лично огнём из ручного пулемёта подавил огневую точку и уничтожил 8 немецких солдат.

Когда противник вывел из строя офицерский состав роты, тов. Трактаев принял командование ротой на себя и умело ею командовал, продолжая очищать плацдарм от противника.

В бою 16 октября, воровавшись с ротой в траншею противника, будучи сам ранен, ручной гранатой уничтожил четырёх фашистов».

Тут внимательный читатель скажет, что впору было представлять нашего земляка снова к званию Героя. Но – ждали решения высшего начальства по предыдущему документу. И потому за отличия в боях при форсировании реки Ожиц (*9 километров юго-восточнее польского города Макув-Мазовецки – А.П.*) старшина Егор Трактаев приказом частям 42 стрелкового корпуса №104/н от 11 ноября 1944 года был удостоен ордена Отечественной войны II степени (*четвёртый орден за четыре неполных месяца – Герой так Герой! – А.П.*).

А потом наступил 1945-ый – Год Великой Победы и последний год жизни Егора Трактаева, о которой нам почти ничего не известно. 399-я стрелковая дивизия, в составе 48 армии 3 Белорусского фронта участвовала с 11 февраля в Восточно-Прусской наступательной операции, и к последней неделе марта вышла к заливу Фришесс-Хафф (Висленский).

В марте 1945 года у старшины Трактаева случилось сразу два радостных события. В Международный женский день (*да, наш Герой родился именно на эту дату – А.П.*) он отметил своё 33-летие, а 24 марта вышел, наконец-то, Указ

Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Егору Ивановичу Трактаеву звания Героя Советского Союза.

Но получить Золотую Звезду нашему земляку так и не довелось.

Тайны Трактаева

В мартовских, временно оборонительных, боях 1945 года 399 стрелковая дивизия, к сожалению, тоже несла потери. В списке из 12 человек безвозвратных потерь рядового и сержантского состава 399 стрелковой дивизии от 22 апреля 1945 года (*документ выставлен на сайте ОБД «Мемориал. Ру» - А.П.*) под №1 значится Герой Советского Союза, старшина миномётной роты, ТрОктаев Егор Иванович. Кстати, по причине ошибки писаря, заменившего «А» на «О», я долго не мог отыскать среди погибших фамилию нашего земляка. В строке документа «Когда и по какой причине выбыл» - короткая и страшная для конца войны запись: «Пропал без вести 31.03.1945 года».

Именно такая похоронка пришла в апреле 1945 года в посёлок Лопандино Комарического района Орловской области, где проживала жена Героя – Наталья Гавриловна Трактаева. Пропавшим без вести Егор Трактаев значился по официальным документам вплоть до 1961 года, до уточнения списков Героев Советского Союза при подготовке к изданию фотоальбома. Решением начальства из Главного Управления кадров Министерства обороны СССР было решено «переучесть» его погибшим. А вот на основании каких документов это было сделано – не известно. В любом случае, в официальной биографии Героя теперь значится – «погиб в бою 31 марта 1945 года», но ни места захоронения, ни памятника Герою «где-то в Восточной Пруссии» (*ныне – территория Калининградской области России – А.П.*) не имеется.



Памятник
в селе Лопандино

Есть вопросы и по конкретному месту появления на свет нашего земляка. Авторы книги «Бесмертный подвиг» (Орёл, 1995 год) утверждают, что Трактаев родился в д. Бычки (*это центр современного Соломинского сельского поселения Дмитровского района – А.П.*), а в двухтомном энциклопедическом словаре «Герои Советского Союза» (Москва, Воениздат, 1987-1988 годы) сказано, что родиной Егора Ивановича Трактаева является село Работьково (*Бородинское сельское поселение того же района – А.П.*). Но названные населенные пункты находятся в разных направлениях от города Дмитровска и между ними не меньше 30 километров. Я, при подготовке очерка, позвонил в оба сельских поселения Дмитровского района. И в Бородинском, и в Соломинском мне сказали, что лиц с фамилией «Трактаев» в их деревнях и сёлах в настоящее время нет.

Кстати, фамилия такая оказалась вообще исключительно редкой. На сайте ОБД «Мемориал. Ру» значатся только трое погибших Трактаевых. И все трое –

из Соломинского сельского совета Дмитровского района, где расположена д.Бычки. Так что, вероятно, по месту рождения нашего Героя правы авторы книги «Бессмертный подвиг».

К сожалению, на родине Егора Трактаева его память не увековечена. А вот в посёлке (с 2004 года – село) Лопандино Комарического района Брянской области есть улица его имени. А на памятнике землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной, первой значится там фамилия Трактаева.

Это подтвердили мне в администрации Лопандинского поселения и послали по моей просьбе фото этого памятника.

Думаю, и дмитровцы как-то откликнутся на увековечение памяти своего Героя-земляка.

Артиллерист Николай Минаев

Своей первой награды – ордена Отечественной войны II степени – командир 3 дивизиона 349 артиллерийского полка 119 стрелковой дивизии капитан Николай Минаев был удостоен 10 сентября 1943 года. Он сам и его артиллеристы отличились тогда в ходе Смоленской стратегической наступательной операции.

«Уничтожил, подавил, отразил...»



Николай Минаев

Вот как командир 349 артполка подполковник Каретников описал в наградном листе действия офицера: *«В бою 18-19 августа 1943 года за деревни Нестеры-Горки, что в 7 километрах юго-западнее железнодорожной станции Павлиново (ныне – Спас-Деменский район Калужской области – А.П.), управляя огнём своего дивизиона, уничтожил 81мм. миномётную батарею четырёх-миномётного состава с их расчётами в деревне Нестеры. Уничтожил артиллерийский наблюдательный пункт противника на отметке 244,3. Подавил одну артиллерийскую батарею 105мм. четырёх-орудийного состава на юго-западе деревни Горки и отразил огнём своего дивизиона две контратаки противника по направлению деревни Горки и высоты 243,3, уничтожил до роты пехоты противника».*

Комполка Каретников посчитал, что за такой подвиг капитан Минаев заслужил орден Красной Звезды. Но командующий 21 армией генерал-лейтенант Крылов своим приказом изменил эту награду на более высокую – орден Отечественной войны II степени. Кто знает, может быть, генерал внимательно изучил документы на командира 3 дивизиона: ведь за плечами уроженца Мценского района Николая Минаева к этому времени было

почти семь лет службы, два года боёв, тяжёлое ранение, полученное 4 июля 1942 года – и ни одной награды.

«Лично повёл артиллеристов в контратаку...»

В октябре – ноябре 1943 года 119 стрелковая дивизия и её 349 артполк вели тяжёлые бои по освобождению населённых пунктов Полоцкого района Витебской области Белоруссии. В течение недели – с 31 октября по 6 ноября капитан Минаев отличился несколько раз, показав *«беззаветную храбрость, смелость и умение управлять огнём дивизиона»*. Особенно жестокий бой с участием его 3 дивизиона произошёл 6 ноября 1943 года в районе населённого пункта Слобода-Липова (в 10 километрах северо-восточнее железнодорожной станции Дретунь Полоцкого района – А.П.). Снова предоставляю слово командиру 349 артполка подполковнику Каретникову:

«...Капитан Минаев, отражая контратаку пехоты и танков противника в направлении Слобода, лично руководил огнём трёх орудий прямой наводки, расстреливая в упор пехоту противника, уничтожив при этом один танк противника и свыше роты солдат и офицеров. При подходе пехоты противника по лесу непосредственно к огневым позициям дивизиона капитан Минаев лично повёл артиллеристов в контратаку и отбросил наступающего противника».

Комполка представил своего офицера к ордену Красного Знамени. Но вышестоящее начальство статус награды опять изменило: командующий артиллерией 4 ударной армии генерал-майор артиллерии Александров 6 декабря 1943 года вручил капитану Минаеву орден Отечественной войны I степени.

«Вызвал на себя огонь батарей...»

Сражения на витебской земле для 349 артполка затянулись до лета 1944 года, когда уже ставший майором командир 3 дивизиона отличился снова – *«...в боях на подступах к городу Полоцк проявил мужество и героизм»*. Под умелым командованием Минаева его артиллеристы за два дня, несмотря на сильный огонь вражеской артиллерии и миномётов, подавили и уничтожили 5 ручных, 3 станковых пулемёта, 2 артиллерийских и 5 миномётных батарей, 2 орудия противотанковой обороны и до роты солдат и офицеров противника.

Приказом командующего войсками 4 ударной армии от 18 августа 1944 года майор Минаев был, наконец-то, удостоен ордена Красного Знамени.

С осени 1944 года 1-ый Прибалтийский фронт начал осуществление Рижской стратегической операции, прорывая оборону противника и наступая на рижском, а чуть позже – и на мемельском направлении (Мемельская наступательная операция). В ходе этого наступления 4-я ударная армия, в состав которой входили 119 стрелковая дивизия и её 349 артполк, наносила вспомогательный удар в направлении Акмяне – Мажейкяй (*Литовская ССР – А.П.*).

Наступление развивалось достаточно успешно, но на этом фоне, по воспоминаниям командующего 1-ым Прибалтийским фронтом, маршала Советского Союза И.Х.Баграмяна (Мемуары «Так шли мы к победе», Москва, Воениздат, 1988, стр.537-538 – А.П.) *«...общий успех на фронте иногда приводит к притму-*

плению бдительности. Отступающий противник кое-кому начинает казаться безнадежно слабым. За такое пренебрежение приходилось порой расплачиваться кровью. В этот день была наказана беспечность подразделений 119 стрелковой дивизии, которые, с ходу овладев станцией Виекиный, не закрепились на достигнутом рубеже.

Воспользовавшись этим, многочисленные группы фашистских автоматчиков при поддержке 37 танков, штурмовых орудий и бронетранспортёров внезапно атаковали нашу пехоту, занявшую станцию, и окружили её.

Как разворачивались события дальше, цитирую командира 349 артполка подполковника Егорова, который видел всё собственными глазами и остался жив:

«В 8 часов утра 9 октября противник силами двух батальонов пехоты при поддержке 10 самоходных орудий, 12 танков и 15 бронетранспортеров атаковал наши боевые порядки с тыла, замкнув сплошным огнем кольцом стрелковые подразделения, находящиеся в районе станции Виекиный. Все имевшиеся противотанковые средства пехоты были выведены из строя. Вражеские танки, а за ними пехота бросились на наши траншеи.

Когда танки и пехота подошли к траншее, майор Минаев вызвал на себя беглый огонь батарей всего артиллерийского полка. Под шквальными разрывами своих снарядов майор Минаев в течение полутора часов вел губительный огонь, принимая на себя удар всей массы танков, самоходных орудий и автоматчиков противника. Он обеспечил выход в безопасное место целого стрелкового полка.

Там, где погиб тов. Минаев, поле боя было усеяно более, чем 170 трупами вражеских солдат и офицеров. В результате прямых попаданий подбито 3 танка и 1 бронетранспортер с пехотой. Атака вражеских танков была сорвана, и остатки гитлеровцев бежали. Ценой своей жизни майор Минаев спас жизнь сотням советских бойцов и командиров».



Бюст в Мценске

Так закончился боевой путь нашего земляка, уроженца деревни Лыков Хутор Мценского района, Николая Гавриловича Минаева.

«Достоин!...»

14 октября 1944 года наградной лист на него, подписанный командиром 349 артиллерийского полка подполковником Егоровым, ушёл по вышестоящим военным инстанциям. Комполка не сомневался, что майор Минаев достоин звания Героя Советского Союза (посмертно). С ним согласился и командир 119 стрелковой дивизии полковник Дударенко (ведь благодаря героизму майора Минаева и его бойцов дивизия была спасена – А.П.).

Однако трое более высоких по чиnam генералов, включая командующего войсками 4 ударной армии, гвардии генерал-лейтенанта Петра Малышева, поставили на наградном листе заключения, что погибший майор Минаев достоин ордена Ленина. Награда, конечно, высокая, - но не Звезда Героя. С такой резолюцией и получил наградной лист командующий 1-ым Прибалтийским фронтом генерал армии Иван Баграмян. Он – вместе с членом Военного Совета фронта, генерал-лейтенантом Рудаковым, 7 января 1945 года принял решение окончательное: командир 3 дивизиона 349 артиллерийского полка 119 стрелковой дивизии майор Николай Минаев *«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза»*. Указ Президиума Верховного Совета СССР по этому решению последовал 24 марта 1945 года.



Памятная плита на братской могиле

райвоенкоматом он был призван в Красную Армию, в октябре 1944 года – героически погиб при освобождении Литвы. 8 лет Николай Минаев служил и воевал, так и не успев создать семью, но успев очень многое сделать для своей Родины.

В Мценске установлен бюст Герою, именем Николая Минаева названа одна из улиц города. К сожалению, до сих пор не известны день и месяц его появления на свет. Зато известен год: в 2015-ом исполняется 100 лет со дня рождения героического артиллериста, отдавшего ради нашей Победы свою жизнь.

Погибших в один день 9 октября 1944 года шестерых офицеров 349 артполка (двух майоров, двух капитанов и двух лейтенантов) похоронили в братской могиле на станции Виекшнай. В послевоенные годы их останки были перенесены на братское кладбище в город Акмяне Шяуляйского района Литвы. Здесь, среди более чем тысячи советских солдат и командиров, и покоится прах нашего земляка, майора Николая Минаева.

«Тот, кто брал Берлин...» (Порфирий Жучков)

Порфирий Иванович Жучков – единственный из наших земляков - Героев Советского Союза, кто погиб непосредственно в столице фашистской Германии. Случилось это 27 апреля 1945 года, во время жесточайших боёв в самом центре Берлина. Но прежде чем поведать о последнем подвиге Героя, я расскажу о том, что успел за 33 прожитых года Порфирий Жучков. И в этой его биографии – пока множество загадок.

Порфириевы тайны

Начну с даты рождения будущего Героя. Во всех источниках о нём называется только год – 1912, но число и месяц до сих пор остаются не известными. Что касается места рождения, то в «Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном в 1987-1988 годах Министерством обороны СССР, и в книге «Бессмертный подвиг» (Орёл, 1995) сказано, что появился на свет Порфирий Жучков в селе Войново, ныне Болховского района. Однако в наградном листе на присвоение старшему лейтенанту Жучкову звания Героя Советского Союза и на сайте администрации Болховского района говорится, что родился он в городе Болхове. На мой вопрос по этому поводу родной внук Героя, Олег Волков, проживающий в настоящее время в Воронеже, уверенно заявил, что дед родился, всё-таки, в селе Войново *(кстати, болховчане гордятся тем, что это ещё и родина выдающегося советского диверсанта, личного врага Гитлера, полковника Ильи Старина – А.П.)*.



Герой Советского Союза
Порфирий Жучков

Порфирий закончил семь классов, потом – Болховский педагогический техникум и начал работать учителем, а потом стал директором Краснознаменной школы *(село Знаменское находится в 20 километрах от Болхова – А.П.)*. В это же время женился, родилась дочь Александра.

Но в 1935 году судьба директора сельской школы внезапно делает крутой поворот, причины которого пока нам тоже не известны *(возможно, он был административно выслан за пределы Орловщины – А.П.)*. Очередное место работы Порфирия Ивановича Жучкова оказывается на Дальнем Востоке. Но и тут нет единства в источниках. В большинстве сказано, что он работал начальником топографической партии в Ивановском районе Амурской области и жил в селе Черемхово этого же района. В райцентре Ивановка в настоящее время имеется мемориал, на котором среди земляков – Героев Советского Союза - названо имя Порфирия Жучкова.

Но у Олега Волкова, упоминавшегося мною внука Героя, есть на руках документ - копия регистрационного бланка члена ВКП(б) Порфирия Жучкова, из которой видно, что он с сентября 1935 по май 1941 года находился в посёлке Оротукан, *(тогда Хабаровского края, ныне – Магаданской области – А.П.)* и работал старшим топографом районного геолого-разведывательного управления. То есть, должность, в общем-то, совпадает, а вот с конкретным географическим местом работы – непонятные различия, ведь между селом Черемхово и посёлком Оротукан – не одна сотня километров. И это – не последняя тайна нашего в биографии нашего земляка.

Война. Первая кровь

А в мае 1941 года старшего топографа Порфирия Жучкова Болховский райвоенкомат призвал в Красную Армию. Почему Болховский – тоже не понятно, ведь призывник в это время был на Дальнем Востоке. Единственное разумное объяснение – Порфирий Иванович приезжал на родину в отпуск или же возвратился после пяти лет отсутствия окончательно, отбыв срок административной ссылки.

С началом Великой Отечественной войны красноармеец Жучков воюет в составе 120 стрелковой дивизии, той самой, которая была сформирована в Орле и Ливнах в 1940 году. Вместе с нею довелось Порфирию Ивановичу принять участие в боях на Смоленском направлении, в одном из которых, 1 августа 1941 года, он был тяжело ранен.

Выздоровление оказалось долгим, и проходило в глубоком тылу – в Измайловском госпитале на территории Барышского района Ульяновской области. Порфирия Жучкова на некоторое время даже признали негодным к строевой службе, и он, подлечившись, устроился на работу в школу учителем математики, проработав по своей первой профессии почти год (*кстати, ульяновцы тоже считают орловца Жучкова своим Героем – А.П.*).

Мастер переправ: на Днестре, Нетце и Одере

В конце 1942 года, после очередной медкомиссии, бывший директор школы и топограф вновь отправился в действующую армию, в батальон связи 986 стрелкового полка 230 стрелковой дивизии.

Более года Порфирий Жучков воевал простым телефонистом, и летом 1943 отличился во время боёв на Воронежском фронте. 22 июля он получил второе ранение (*оно оказалось лёгким – А.П.*), а 14 августа – первую награду, медаль «За боевые заслуги» – за то, что «*под ливнем пулемётного огня противника восстанавливал бесперебойную связь батальона с подразделениями*».

Вскоре после выздоровления отличившегося ефрейтора отправили на курсы политработников, по окончании которых Жучков получил звание младшего лейтенанта и возвратился в свой полк, но уже в качестве парторга отдельного сапёрного батальона.

Как все настоящие политработники времён войны, он убеждал бойцов не только словом, но и личным примером. В апреле 1944 года лейтенант Жучков отличился при организации десантной переправы через реку Днестр перед селом Варницы (*в районе города Бендеры Молдавской ССР – А.П.*). В течение трёх суток подряд, находясь под ураганным пулемётным и артиллерийским огнём противника, парторг батальона сумел обеспечить переправу всего 988 стрелкового полка, с артиллерией и боевыми обозами. Наградой лейтенанту Жучкову стал орден Отечественной войны II степени.

Так же блестяще он сумел справиться с организацией переправ для полков дивизии уже на территории Германии – через реки Нетце и Одер. На груди

Порфирия Ивановича засиял второй орденом Отечественной войны, только уже I степени.

А спустя пару месяцев войска 5 ударной армии генерала Берзарина, в составе которой сражалась 230 стрелковая Сталинская дивизия, приняли участие в Берлинской наступательной операции.

«Взорвал 9 баррикад...»

Фашисты, готовясь к обороне, создали мощнейшую систему укреплений как на подступах к Берлину, так и внутри него. Мало того, что сами здания столицы Третьего рейха превратились в настоящие доты, так ещё и на улицах были построены баррикады (из дерева, камня, рельсов и железа), имевшие до двух с половиной метров в высоту и до двух метров в толщину.

Центральный же сектор Берлина, охватывавший основные государственные и административные учреждения, в том числе рейхстаг и имперскую канцелярию, в инженерном сооружении был подготовлен ещё более тщательно. По его периметру немецкие инженерные войска создали свыше 400 железобетонных сооружений толщиной от одного до трёх метров.

Девять подобных капитальных и трудно разрушаемых артиллерийским огнём *«баррикад»* находилось на улице Вальдштрассе, вдоль которой шло наступление 986 стрелкового полка 230 стрелковой Сталинской дивизии. Уничтожить бетонные преграды врага было поручено взводу под командованием старшего лейтенанта Порфирия Жучкова.

В его штурмовую группу вошли пять автоматчиков, пулемётчик, два снайпера, 3 сапёра и химик. Главная задача состояла в том, чтобы под огнём противника сапёры смогли подобраться вплотную к очередной баррикаде, заложить несколько противотанковых мин в разных местах и осуществить её подрыв. Сам старший лейтенант с остальными бойцами взвода обеспечивал подход взрывников к баррикадам.

За несколько часов боя на улице Вальдштрассе *(в наградном листе она значится как «Вальштрассе» - А.П.)* штурмовая группа Порфирия Жучкова сумела взорвать 9 баррикад, тем *«самым дав возможность для продвижения полка вперёд...При выполнении боевой задачи старший лейтенант Жучков погиб смертью Героя».*

Уже через день, 29 апреля 1945 года, командир 986 стрелкового полка, подполковник Смыков, подписал наградной лист на присвоение нашему земляку звания Героя Советского Союза. Семь вышестоящих начальников согласились с представлением, но Указ Президиума Верховного Совета СССР последовал только 15 мая 1946 года, то есть к первой годовщине Победы в Великой Отечественной войне, когда были подняты из архивов документы на не награждённых героев.

Что касается места захоронения Порфирия Жучкова – то это его последняя, уже посмертная тайна. Наш земляк не значится в списке безвозвратных потерь 230 стрелковой дивизии. Единственный раз о месте его погребения сказано в более позднем документе – «Справке Главного управления кадров НКО СССР»

от 17 декабря 1945 года, в которой написано, что «Тов. Жучков П.И. убит 27 апреля 1945 года и похоронен в городе Кюстрин» *(в настоящее время это польский Костиш-на-Одре, на самой границе с Германией – А.П.)*. Но как и почему тело героически погибшего в Берлине старшего лейтенанта было отправлено, да ещё в разгар боёв, за 80 километров для погребения – не известно.

Мало того, ещё более запутали ситуацию уже польские власти, организовавшие в 1953 году перезахоронение в Костишине, в результате которого мы сейчас не знаем, где же лежат останки нашего мужественного земляка. Внук Героя, Олег Волков, пытается в настоящее время это выяснить.



Болховский педагогический колледж и памятная доска на его здании.



Памятная плита на Аллее Героев в Болхове.

На родине, в Болхове, память Порфирия Жучкова увековечена памятными плитами – на здании Болховского педагогического колледжа, в котором он учился в 30-ые годы, и на воинском мемориале в центре города.

Трагедия над Нишем

В сентябре 2014 года своих родственников в селе Верхососенье Покровского района навестила местная уроженка Нина Киселёва (в девичестве – Пятина). Жена военного, в настоящее время проходящего службу по контракту в Сербии, она приехала в отпуск и привезла с собой копии документов, в которых

упомянут уроженец её родного села, лётчик Дмитрий Кривоногих. Участник Великой Отечественной войны, он погиб осенью 1944 года у югославского города Ниш, где в братской могиле его и похоронили рядом с товарищем. События, к которым имел отношение наш земляк, едва не привели тогда к разрыву антигитлеровской коалиции.

«И принял он смерть от огня своего...»

А теперь, читатель, познакомься с историей, случившейся 7 ноября 1944 года в окрестностях упомянутого города, уже освобождённого советскими войсками.

На здешнем аэродроме базировался 866 истребительный авиаполк 17-й воздушной армии, уже отличившийся во многих схватках. В составе полка летали опытные лётчики, на счету которых было по несколько десятков боевых вылетов и сбитые вражеские самолёты.

Пилоты отдыхали в ожидании очередного задания, и оно не замедлило появиться. С утра из Ниша (он находится на реке Нишава, к юго-востоку от столицы Сербии Белграда – А.П.), по направлению на запад, начала передвижение к фронту колонна частей 6 гвардейского стрелкового корпуса, входившая в состав 3-ого Украинского фронта. Подразделения уже растянулись по шоссе на несколько километров, когда вдруг в воздухе показалась группа из 12 незнакомых самолётов.



Наш «Як-9»



Американский «Лайтнинг»

Не теряя времени, первая «четвёрка», в строю растянутого пеленга, зашла на колонну и, сбросив сначала бомбы, с высоты 100 метров открыла пулёмётный огонь. Две другие «четвёрки», дожидаясь очереди, ходили над полем боя на высоте 1500 метров.

Советские зенитчики из состава ПВО аэродрома Ниш уже определили, что атакуют нашу колонну американские тяжёлые истребители «Лайтнинг» (двухфюзеляжные, двухмоторные, с утолщениями посередине фюзеляжей и с опознавательными знаками в форме круга – А.П.), но дожидаться, пока американцы израсходуют весь свой боевой запас, не стали. Зенитчики открыли огонь по самолётам, сразу же сбив один из «Лайтнингов», который упал в километре севернее аэродрома.

Через 10 минут после начала событий, в 13.00, с аэродрома Ниш взлетела первая пара советских истребителей «Як-9»: ведущий – лейтенант Кривоногих, ведомый – младший лейтенант Шипуля. Наши лётчики пошли на сближение со штурмующими колонну четырьмя самолётами «Лайтнинг». Вот как описал следующие события в боевом донесении начальник штаба 866 ИАП:

«Два самолёта «Лайтнинг» перешли в атаку на пару Кривоногих. Младший лейтенант Шипуля произвёл атаку по самолёту «Лайтнинг», зашедшему на повторную атаку наших наземных войск, и с первой же атаки зажёг его, последний с углом 40 градусов врезался в землю в 500 метрах севернее аэродрома Ниш, где и сгорел.

Лейтенант Кривоногих, отбиваясь от атаки двух самолётов «Лайтнинг», с вертикального маневра зажёг одного из них, который горящим упал в 8-10 километрах севернее аэродрома Ниш, на горе в лесном массиве.

При последующей атаке лейтенант Кривоногих зашёл в хвост следующему самолёту «Лайтнинг», по которому открыла огонь наша зенитная артиллерия. Попад в разрывы снарядов зенитной артиллерии, самолёт лейтенанта Кривоногих задымился, сделал переворот и с углом 80-85 градусов врезался в землю в 3 километрах северо-восточнее аэродрома...

В 13.05 с аэродрома взлетели 6 наших самолётов Як-9: командир авиаэскадрильи капитан Бондарь, командиры звеньев, старшие лейтенанты Сурнев, Железнов, Поциба и лётчики, лейтенант Жестовский и младший лейтенант Сердюк...

В 13.10 взлетела последняя пара Як-3 под управлением ведущего, капитана Колдунова и ведомого, лейтенанта Красюкова»...

Второй группе из шести Яков также пришлось вести бой с американскими истребителями, и только третьей удалось прекратить эту скоротечную, но жестокую схватку союзников между собой. Вот как это описано в том же донесении:

«Капитан Колдунов, вылетев, набрал высоту 2000 метров и пристроился к группе из 12 «Лайтнингов», которые подходили к аэродрому с курсом 100 градусов. Качиванием, он дал знать, что это свой самолёт и стал указывать на свой аэродром. Самолёты «Лайтнинг» огня не вели и, развернувшись, ушли с курсом 240 градусов. В это время подходила с запада ещё группа до 60 самолётов «Лайтнинг», которая встретилась с первой группой, развернулись и пошли курсом по направлению на запад. Капитан Колдунов отошёл от группы и произвёл посадку на свой аэродром».

Извинения были приняты

Все события – от начала бомбёжки колонны американцами до окончания воздушного боя – длились не более 35 минут. Наши наземные потери составили 21 человек. Среди погибших оказался гвардии генерал-лейтенант, командир 6 гвардейского стрелкового корпуса Григорий Котов. Григорий Петрович до этой злосчастной бомбардировки прошёл гражданскую войну, участвовал в событи-

ях на Халхин-Голе, в советско-финской войне, в Великой Отечественной был с первого дня, а нашёл вечный покой от атаки американского «Лайтнинга».



Генерал Котов – командир 6-го гвардейского

Что касается воздушных потерь, то результаты оказались такими: 5 сбитых американских самолётов и три «Яка», один из которых подожгли свои зенитчики. Два советских лётчика – лейтенант Дмитрий Кривоногих и младший лейтенант Виктор Шипуля – погибли, их трупы были обнаружены в одном – двух километрах северо-западнее города Ниш.

Лётчик с третьего сбитого «Яка», лейтенант Анатолий Жестовский, получив несколько ранений, сумел выпрыгнуть с парашютом и благополучно приземлиться. Погибших лётчиков похоронили в братской могиле рядом с аэродромом города Ниш.

Командование ВВС США вынуждено было принести извинения советскому командованию за случившееся, назвав это «досадным инцидентом». А 14 декабря 1944 года уже посол США в СССР Аверелл Гарриман – от имени президента США Рузвельта и генерала армии США Маршалла – тоже извинился *«по поводу несчастного случая, происшедшего на Балканах»*.

После этого, не желая вносить раскол в антигитлеровскую коалицию, об инциденте у города Ниш замолчали на долгие годы, а документы по событию засекретили. Только в последнее время о Нишской трагедии стали говорить и писать открыто. Но информация, всё равно, не была полной.

Орловчане в Сербии – пользы для...



Ниш. Памятник жертвам агрессии НАТО

И только в этом году, на запрос в Подольский архив Министерства обороны, пришёл подробный ответ, в котором были приведены копии сразу несколько документов: оперативной сводки штаба 17 Воздушной армии от 7 ноября 1944 года, донесения начальника штаба 6 гвардейского стрелкового корпуса, боевого донесения штаба 866 ИАП и других. Они и позволили нарисовать полную картину происхо-

дивших 7 ноября 1944 года событий. Но вопрос о том – что произошло: несчастный случай или заранее спланированная союзниками провокация – остаётся до сих пор открытым.

Запрос в Подольский архив был сделан Российско-сербским гуманитарным Центром, созданным на основе Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий и официально открытым 25 апреля 2012 года. В 2014 году руководителем Центра с российской стороны был назначен известный на Орловщине генерал В.В.Сафьянов.

Резиденция Российско-сербского гуманитарного Центра находится в городе Ниш, рядом с тем самым аэродромом, вокруг которого и происходили описанные события. Братская могила погибших лётчиков Д.П.Кривоногих и В.М.Шипули – тоже расположена неподалёку. Вот почему Виктору Викторовичу Сафьянову захотелось получить более подробную информацию о событиях ноября 1944 года.

Из архивного ответа генерал узнал, что один из лётчиков, лейтенант Дмитрий Кривоногих – уроженец села Верхососенье Покровского района Орловской области. И бывает же такое – в Российско-сербском гуманитарном Центре оказался офицер, жена которого – тоже уроженка Верхососенья. Вот тогда-то, перед отпуском, были вручены Нине Киселёвой копии документов – для дальнейшей их передачи в сельскую администрацию по месту рождения погибшего Дмитрия Кривоногих.

Теперь в селе Верхососенье знают о героической жизни и трагической гибели своего земляка. Так уж вышло, что в Красной Армии Дмитрий Петрович был с июня 1941 года, а на фронт попал только в феврале 1944 года. За 9 месяцев, отведённых ему фронтовой судьбой, лейтенант Кривоногих успел совершить 53 боевых вылета и провести 12 воздушных боёв, в которых сбил 4 вражеских самолёта. Ордена Красной Звезды и Красного Знамени украшали грудь лётчика уже к началу сентября 1944 года, а потом случился бой 7 ноября – и сбитый американский самолёт, за который наград уже не было. Была братская могила в городе Нише, где лежат уже 70 лет рядом погибшие в одном бою ведущий и его ведомый.

В городе Нише есть ещё один скромный памятник – жертвам бомбардировок самолётов НАТО в 1999 году. Тогда непокорную Югославию американцы буквально вдавливали в землю. Долгое время я думал, что это – исключительное событие. Но, оказывается, американцы бомбили Ниш и советские войска за 45 лет до этого, а потом, видно, вспомнили, что славянская территория осталась разбитой не до конца. И продолжили...

А уж оправдывать свои действия защитой демократии они наловчились...

Герой без звания (Валентин Балабанов)

Гвардии старший сержант Валентин Балабанов, уроженец села Алешня Мценского района, ушёл на фронт осенью 1941 года. Большую часть своего долгого и тяжёлого военного пути прошагал он в составе прославленной 13 гвардейской стрелковой дивизии знаменитого генерала Родимцева, командуя орудием в 1-ом дивизионе 32 гвардейского артполка.

Отличился гвардеец в многодневных кровопролитных боях на улицах Сталинграда (медаль «За оборону Сталинграда»), при освобождении Кировоградской области Украины (медаль «За отвагу»), во время форсирования Вислы (медаль «За отвагу»), во время форсирования Днестра (орден Красного Знамени).

До вступления 13 гвардейской стрелковой на территорию Германии Валентин Балабанов четырежды был ранен и снова возвращался в родную часть.

В последней декаде января 1945 года дивизия получила приказ форсировать Одер, создать плацдарм на его правом берегу, а затем захватить город Линден и принять участие в блокировании окружённого немецкого гарнизона в городе Бреслау.

Первым переправился через Одер 24 января батальон гвардии капитана Петра Казакова из 42 гвардейского стрелкового полка. Огневую поддержку ему оказывал гвардии старший сержант Валентин Балабанов, который умудрился своё орудие и личный расчёт доставить на другую сторону большой реки вместе со стрелковым батальоном. Переправиться удалось только им – остальные батальоны немцы отсекали шквальным огнём.

После этого начался многочасовой бой нескольких десятков бойцов из отряда Казакова, при поддержке их огнём орудия Балабанова, с контратаковавшими наши позиции гитлеровцами.

18 ожесточённых попыток предприняли фашисты, пытаясь сбросить десант в Одер. И 18 раз гвардейцы отбрасывали противника на исходные позиции. Вот как описал подвиг своего старшего сержанта в том бою командир 32 гвардейского артиллерийского полка гвардии подполковник Агеев:

«Товарищ Балабанов огнём прямой наводки из орудия уничтожил 1 танк «Т-6», до 60 гитлеровцев, 6 пулемётов и 1 бронетягач. Два раза гитлеровцы стремились окружить орудие т.Балабанова, но все атаки были отбиты.

Когда в районе с.Линден (это не село, а город Линден в земле Гессен – А.П.) пьяные эсэсовцы в количестве до 90 человек с двумя танками и 1 самоходным орудием пошли в последнюю контратаку, т.Балабанов, презируя смерть, с возгласом: «Гвардейцы не отступают! Во имя Сталина по гитлеровцам огонь!» Сам, лично стреляя из орудия прямой наводкой, уничтожил 1 танк «Т-6», самоходное орудие, а шрапнелью уничтожил до 70 гитлеровцев и 4 пулемёта. Атака была отбита, село Линден было взято нашей пехотой, тем самым было обеспечено захват и расширение плацдарма на реке Одер.

За исключительное мужество в борьбе с немецкими захватчиками, за овладение плацдармом за р.Одер и проявленные при этом отвагу и героизм тов. Балабанов достоин представления к присвоению звания «Герой Советского Союза».

28 января 1945 года».

30 января о подвиге героя узнала и оперативно написала газета «Орловская правда»:

«Первый Украинский фронт. Бесстрашно сражается с немцами командир орудия, гвардии старший сержант Валентин Сергеевич Балабанов. На его счету 8 истреблённых немецких танков, свыше 20 бронетранспортёров. Старший сержант Балабанов В.С. – уроженец Орловской области».

2 февраля 1945 года с предложением о присвоении гвардии сержанту звания Героя согласились командующий артиллерией 13 гвардейской стрелковой дивизии гвардии подполковник Киселёв, командир дивизии, гвардии полковник Комаров и начальник штаба дивизии, гвардии подполковник Мешканов.

16 февраля 1945 года командующий артиллерией 32 гвардейского стрелкового корпуса (*в его состав входила 13-ая гвардейская стрелковая дивизия – А.П.*), гвардии полковник Ципилев, написал, что Валентин Балабанов *«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза»*,

18 февраля свою подпись с такой же резолюцией поставил бывший командир дивизии, а в это время – уже командир 32 гвардейского стрелкового корпуса, Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант Александр Родимцев.

А потом прошло 10 дней, прежде чем командующий артиллерией 5 гвардейской армии, гвардии генерал-майор Полуэктов выразил своё мнение: *«Достоин правительственной награды – ордена Красного Знамени»*. И написал он это без объяснения причин. Генерал-лейтенант Родимцев, под началом которого сержант Балабанов сражался ещё в Сталинграде, без сомнений посчитал, что его героический артиллерист достоин звания Героя, а командующий артиллерией 5 гвардейской армии (*в нижестоящем генеральском звании*) вдруг пересмотрел предложение Родимцева. Объяснить это трудно. Остаётся только предполагать.

Одна из версий – что к званию Героя за этот же бой был представлен (посмертно) гвардии капитан Пётр Казаков, погибший 24 января 1945 года, и возможно, вышестоящее начальство решило ограничиться только его кандидатурой (*кстати, первое представление на присвоение звания Героя Советского Союза П.И. Казакову было ещё в ноябре 1943 года, но тогда гвардии лейтенант вместо Золотой Звезды получил орден Красного Знамени – А.П.*)

Но – что интересно – подписи командующего войсками 5-й гвардейской армии, нашего земляка, гвардии генерал-полковника Жадова, в наградном листе Балабанова нет. То есть, фамилия Жадова напечатана, но живой подписи от неизвестного числа марта 1945 года не имеется. Почему? Тоже загадка.

И в результате – приказом 5 гвардейской армии от 28 марта 1945 года гвардии старший сержант Валентин Балабанов получил свой второй орден

Красного Знамени, уравнившись по количеству таких наград со своей 13-й гвардейской, дважды Краснознамённой, стрелковой дивизией.



Благодарность Валентину Балабанову от Верховного Главнокомандующего

Дважды «краснознамённый» и дважды «отважный» Валентин Балабанов войну закончил в Праге 9 мая 1945 года. Демобилизовавшись, гвардеец возвратился на родину. Жил в Мценске. В 60-ые годы, будучи в Москве, встретился однажды Валентин Сергеевич случайно со своим командиром полка Агеевым. И тот уверенно сказал, что Балабанов точно награждён Звездой Героя, но о награждении мог и не узнать – по причине нахождения в госпитале (*получил тогда старший сержант последнее, пятое ранение – А.П.*).

Дважды гвардеец (28 мая и 4 июля 1970 года) обращался в Москву, в Главное Управление кадров Министерства обороны СССР, но ответов по существу Валентин Сергеевич так и не дождался, всё ограничилось отписками. Причём, одна из них была достаточно издевательской:

«Тов. Балабанову В.С.

Г.Мценск, Орловской области, улица Ефремовская, д.6.

Валентина Сергеевна!

Окончательный ответ на Ваше письмо задерживается в связи с проверкой по архивным документам.

Начальник отдела генерал-майор Бобков».

Скончался Герой без звания в 1973 году, не дожив и до 50 лет: сказались его пять фронтовых ранений. Дочь Валентина Сергеевича, Лариса Валентинов-

на Балабанова, много лет пыталась восстановить справедливость, добиваясь в различных инстанциях присвоения (уже повторно) для своего отца звания «Героя России» (посмертно). Последний раз она обращалась к депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Николаю Дмитриевичу Ковалёву накануне 65-летия освобождения Орловщины от немецко-фашистских захватчиков, в 2008 году:

«Этим самым мы отдадим дань мужеству и героизму 17-летнего добровольца Орловской земли, участника героических боёв под Сталинградом и Прохоровкой, боёв за освобождение Чехословакии и Праги...».

Ответы Ларисе Балабановой от вышестоящих начальников и организаций были отрицательными: *«Есть Указ Президента Российской Федерации №442 от 2 марта 1994 года, которым определено, что пересмотр награждения с целью повышения степени награды не производится».*

Так что гвардии старший сержант, артиллерист, амчанин Валентин Балабанов до сих пор остаётся кавалером двух орденов Красного Знамени и двух медалей «За отвагу». Справедливо ли это? Решай сам, читатель.

Р.С. После публикации этого очерка летом 2014 года в газете «Орловская губерния» на родине героя, в селе Алешня, была установлена мемориальная доска в его честь. Положено начало увековечиванию памяти Валентина Балабанова — он это заслужил!

Глава третья Это было в Орле

Статский советник Бельский (история с фотографиями)

Так уж выходит иногда в нашей жизни, что ты оказываешься там, где совсем и не собирался быть. Так и мне в декабре 2014 года пришлось в течение недели знакомиться с учреждением, которое редко кто любит посещать по доброй воле, - в областной клинической больнице.

Знакомство в областной больнице

После небольшой, но необходимой операции, 8 дней я провёл в палате №5 хирургического отделения (7-й корпус, 4-й этаж). За это время пришлось убедиться в том, как много в области людей, нуждающихся в экстренной медицинской помощи (все кровати во всех палатах всегда были заняты), и какие опытные и человечные специалисты отдают здесь больным свои силы и знания ежедневно и ежечасно. Впрочем, эта отдельная тема, но она, тем не менее, связана и с основным содержанием моего рассказа.



Павел Петрович Бельский (слева) в своём кабинете в кадетском корпусе - с воспитанниками

Одним из шести обитателей нашей палаты №5, моим соседом справа, оказался житель города Орла, ветеран труда, Леонид Николаевич Николаев. Самый пожилой из прооперированных пациентов (отметил в 2014 году своё 75-летие), он оказался человеком с биографией обычного орловского «дитя войны», которую частично рассказал мне он сам, а дополнила его жена, Людмила Григорьевна, посещавшая мужа дважды в день –

с утра и под вечер.

Из воспоминаний детских лет помнятся Леониду Николаевичу немецкие военнопленные, которые строили один из корпусов областной больницы (тогда – имени МОПРА) и на которых он с друзьями-пацанами часто прибегал смотреть – не столько их работу, сколько их обеденный перерыв (*питание бывших оккупантов было получше, чем у послевоенных мальчишек Орла, по крайней мере, так им казалось – А.П.*).

Отучился Лёня год в первом классе, а потом уехал к двум своим бабушкам (по отцовской линии) в Хотынец, где одна работала медсестрой в больнице, а другая принимала заказы на дому как портниха. Родная бабушка, Евгения Павловна Николаева-Бельская, отбыла ссылку где-то в Сибири и вернулась на ро-

дину. Но в Орле ей поселиться запретили, и потому Евгения Павловна с незамужней и бездетной сестрой Александрой Павловной уехала в сельскую местность. К ним, одиноким старушкам, и приехал в Хотынец внук, чтобы подкормиться. В Орле у родителей в это время было тесно и голодно. Вот об этих бабушках и всём семействе Бельских и пойдёт далее речь.

Сразу хочу сказать, что Леонид Николаевич Николаев не много что о них знает, но зато в его семье сохранились старинные фотографии, с помощью которых, а также благодаря интернетским источникам, я сумел выяснить некоторые любопытные моменты семейной истории Бельских.

Преподаватель из Бахтина кадетского корпуса

Итак, в конце 70-ых годов XIX века прибыл на службу в Орёл по окончании (с отличием) Московского Университета очень молодой преподаватель Павел Бельский. Поселился он на съёмной квартире в доме Максимова на 2-ой Курской улице и начал преподавать математику в Орловской духовной семинарии. С конца 90-ых годов, в дополнение к основной работе, Павел Петрович стал приватным (приходящим) преподавателем математики и физики в Орловском Бахтина кадетском корпусе. А потом и вообще перешёл в кадетский корпус на штатную должность.

За три десятка лет Бельский вырос в чинах от кандидата университета до статского советника *(то есть, до чина полковника в сравнении с военной службой – А.П.)* и заработал непререкаемый авторитет не только среди кадет, офицеров и коллег-преподавателей, но и в самом Орле. С 1912 года вплоть до революции Павел Петрович избирался гласным Орловской городской Думы, в которой был членом двух комиссий – трамвайной и по народному образованию. Одно время он ещё заведовал метеостанцией при кадетском корпусе.

Устроилась в Орле и семейная жизнь Бельского: он счастливо женился, появились один за другим дети.

(Здесь мне придётся сделать вставку-дополнение. Когда 11 февраля 2015 года очерк «Статский советник Бельский» был опубликован в газете «Орловский вестник», и в тот же день он был выставлен на сайте «Мастера», я писал в нём о двух сыновьях - Александре и Леониде - и трёх дочерях Павла Петровича. Но уже 15 февраля я получил электронное письмо от представителя семейства Бельских, праправнука Павла Петровича – Дмитрия Офицерова Бельского. Он сообщил, что знает точно о двух других сыновьях своего прапрадеда – Андрее и Алексее, но о названных мною ему ничего не известно. Получилось, что всего у П.П.Бельского родилось семеро детей. И дальнейший рассказ о них я продолжу уже с учётом присланных мне Дмитрием Бельским сведений – А.П.)

По мере продвижения в чинах и повышения заработной платы материальный достаток в семье Бельских рос, и Павел Петрович смог позволить себе приобрести собственный домик на Свербеевской улице (рядом с Кадетским корпусом).

Все дети получили хорошее образование. Один из сыновей, Александр, после окончания Орловского Бахтина кадетского корпуса и военного училища на-

чал службу подпоручиком в 144 пехотном Каширском полку (он базировался в Брянске). Другой сын – Леонид закончил Медико-хирургическую академию и тоже начинал службу по военному ведомству, в том же Каширском полку, но затем перешёл на статскую должность в Орле.

Дочерей звали – Элеонора (Елена), Евгения и Александра. Все они закончили в Орле женскую гимназию. Так получилось, что одна из дочерей, Элеонора (Елена) умерла в девические годы, в 1916 году. Две другие сестры дожили до 60-ых годов, хотя Евгении Павловне довелось побывать в ссылке.

По слухам, сам Павел Петрович Бельский после революции эмигрировал. Его сын Леонид до войны работал врачом-окулистом в Орловской областной больнице. Об Александре Бельском сведений нет.

О двух других сыновьях сообщаю со слов Дмитрия Офицера-Бельского. Оба они стали военными. Андрей Павлович Бельский служил в Персии, участвовал в Первой Мировой войне, попал в плен. После возвращения на родину стал участником гражданской войны на стороне белых, умер в 1931 году. Алексей Павлович служил военспецом, преподавал тактику в Казанском танковом училище, стал генерал-майором. Его потомки живут в Иркутске.

А вот все женщины из семьи Бельских лежат рядом – в соседних могилах на Троицком кладбище: Мария Михайловна (жена Павла Петровича) и три её дочери: Элеонора, Евгения, Александра.

Да, стоит обязательно упомянуть и ещё одно имя – Александра Андреевича Бельского. Внук Павла Петровича и сын Андрея Павловича, он родился в Орле 18 января 1921 года и стал известным советским литературоведом, доктором филологии, англистом, одним из основателей и деканом филологического факультета Пермского университета. После смерти отца его воспитывал дядя – Алексей Павлович Бельский.

А теперь, уважаемый читатель, познакомься со снимками из семейного архива Бельских-Николаевых.



Павел Бельский с женой и первыми детьми



Мария Михайловна Бельская



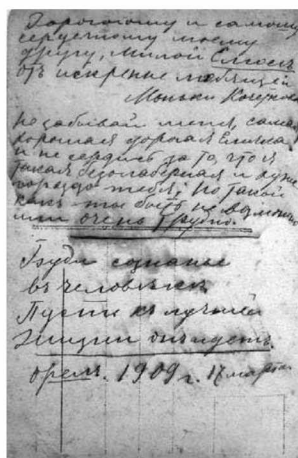
Тёща Павла Петровича Бельского



Дети Бельских



Подруга Элеоноры Бельской - Моня Кочеткова



Текст письма Мони Кочетковой на её фотографии

Переводчик «Калевалы» в Орле

Начну, читатель, с маленькой историко-литературной справки. В 1835 году финский языковед и врач Элиас Лённрот опубликовал созданную им на основе карельских и финских народных сказаний поэму (героический эпос) под названием «Калевала».

Находки в семейном архиве

50 песен (рун) этого огромного произведения повествовали о стране, в которой жил и действовал богатырь Калев и его сыновья. «Калевала» - это место жительства Калева, отсюда и название эпоса.

В 1849 году Лённрот выпустил в свет более полное, расширенное и исправленное издание «Калевалы», и с того времени слух о произведении пошёл по всей «Руси Великой». Однако 40 лет не находилось человека, который рискнул бы перевести замечательную поэму на русский язык, чтобы наш читатель смог оценить этот шедевр в полной мере.

Но в 80-ые годы XIX века такой герой явился, и звали его Леонид Петрович Бельский. Он не просто однофамилец статского советника Павла Петровича Бельского, о котором я рассказывал в предыдущем очерке, он – его родной брат. И узнать об этом мне удалось благодаря той самой коллекции старинных фотографий из семейного архива Николаевых-Бельских, о которой я продолжу рассказ.

На одном из снимков (смотри, зритель – А.П.) – молодой, симпатичный юноша, с короткой стрижкой под «ёжик» и модными усами.



Леонид Петрович Бельские в годы молодые (но, возможно, это Андрей Павлович Бельский)

ке из семейного архива, на котором представлено всё семейство Бельских (ознакомьтесь с ним, читатель – А.П.).

Я, возможно, так никогда бы и не узнал, кто это (фото было без каких-либо подписей – А.П.), если бы не обнаружил после длительных поисков в интернете очень похожий снимок – но уже мужчины зрелого возраста (взгляни на него, читатель – А.П.).

Его причёска, посадка головы и взгляд не оставили у меня никакого сомнения, что на двух разновременных снимках – один и тот же персонаж: писатель Леонид Петрович Бельский.

Окончательное подтверждение этому я нашёл ещё на одном снимке



Леонид Петрович Бельский (взрослые годы)



Семья статского советника Павла Бельского

В первом и втором ряду представлены здесь жена Павла Петровича Бельского, его теща и дети. А вот сзади, в третьем ряду стоят братья Бельские. О крайнем слева нам не известно ничего, даже имени, крайний справа – сам Павел Петрович, преподаватель Бахтина кадетского корпуса. А в центре стоит наш нововывявленный герой, Леонид Бельский – точно в таком же виде, каким он представлен и на двух предыдущих фотографиях. Леонид явно моложе других братьев, да и росточком пониже. Фото, по всей видимости, было сделано в Орле во время одной из встреч братьев *(правда, после письма ко мне Дмитрия Офицерова-Бельского, появились некоторые сомнения, что указанный мною персонаж именно Леонид Петрович, поскольку на него был очень похож Андрей Павлович Бельский, один из сыновей преподавателя Бахтина кадетского корпуса и родной дед Дмитрия – А.П.)*.

«Подвиг, заслуживающий признательности...»

А теперь – некоторые подробности биографии Леонида Петровича Бельского. Он появился на свет в небольшом уездном городе Коротояк *(ныне – село в Воронежской области – А.П.)* 15 (27 – по новому стилю) апреля 1855 года и был младшим из трёх братьев в семье чиновника канцелярии воронежского губернатора. После переезда семьи Бельских в Воронеж Леонид три года проучился в здешнем уездном училище.

О том, как и почему в 1866 году он оказался в Москве – сведения из разных источников расходятся. По одним данным – семья Бельских просто переехала во вторую столицу в связи с переменой места службы отца. Другие источники говорят, что родители умерли, и Леонид, следом за братьями, поселился в Москве у родственников.

Здесь он продолжил обучение в Петропавловском немецком училище, а потом в знаменитой Московской четвёртой гимназии, которую закончил в 1874 году одним из лучших учеников, с серебряной медалью.

В том же году Леонид Бельский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Любимым учителем его стал здесь выдающийся русский языковед и фольклорист Фёдор Иванович Буслаев, благодаря которому Леонид увлёкся народным творчеством.

После окончания университета в 1878 году Леонид Бельский зарабатывал на хлеб насущный преподаванием русской словесности в гимназиях (родной 4-ой, Поливановской, в гимназии Креймана), в Московском университете, учительском институте, Николаевском сиротском институте, Высших женских курсах, но успевал заниматься научным (стал магистром русской словесности) и литературным творчеством (дебютировав в 1887 году стихотворной «Сказкой о царевне-лягушке»).

В 90-ые годы Бельский публикует произведения для детей в журналах «Детский отдых» и «Детское чтение», внимание литературоведов привлекают его блестящие очерки о русских поэтах – А.Майкове, А.Кольцове. В.Жуковском и других.

Но более всего Леонид Бельский прославился как первый переводчик на русский язык «Калевалы». Вдохновил Леонида на это его любимый учитель Фёдор Иванович Буслаев. Несколько лет ушло у энтузиаста на изучение финского языка – и ещё пять – на перевод «Калевалы». Результатом стало появление в 1888 году в журнале «Пантеон литературы» полного перевода поэмы. На следующий год «Калевала» вышла отдельным изданием.

Перевод был замечен коллегами: Императорская Академия наук присудила Леониду Бельскому за него Малую Пушкинскую премию, он был избран членом-корреспондентом Финского Литературного общества и действительным членом Общества любителей русской словесности. А знаменитый поэт Валерий Брюсов написал тогда в газете «Русские ведомости», что «...перевод 22 тысяч стихов, притом, с языка, по своему строю совершенно чуждого русскому, есть, несомненно, подвиг, заслуживающий признательности нашего общества».

По всей видимости, этот подвиг начал осуществляться Леонидом Бельским как раз в годы регулярного посещения им Орла.

В апреле 2015 года исполнилось 160 лет со дня его рождения и ровно 100 лет с момента выхода в свет второго, исправленного и дополненного издания эпоса «Калевала» (последнего прижизненного, поскольку автор перевода скоропостижно скончался в декабре 1916 года).

Леонид Петрович Бельский писал стихи, рассказы (в основном, детские), издавал стихотворные переложения русских сказок и очерки о русских поэтах, но в истории нашей литературы он навсегда останется, прежде всего, как автор классического перевода «Калевалы», по которому поэму и до сих пор изучают русскоязычные читатели.

Я думаю, мы должны гордиться тем, что и Орёл, в некоторой степени, причастен к этому важному событию.

Орловский приют генерала Гончарова

Губернская газета «Орловский вестник» 6 марта 1902 (в №62) на первой странице поместила короткую информацию - некролог: *«Жена и дети извещают о кончине генерал-лейтенанта Феодора Осиповича Гончарова, последовавшей 5 сего марта»*. На следующий день в газете появилось дополнительное извещение, подписанное вдовой покойного, Марией Адамовной, что *«Вынос тела в Петропавловский собор состоится в пятницу, 8 марта, а погребение будет на Троицком кладбище»*.

Родом из Одессы

В последний путь проводить своего бывшего командира пришли все офицеры из квартировавших в Орле 141 пехотного Можайского и 142 пехотного Звенигородского полков. И не надо было вышестоящему начальству отдавать по этому поводу приказ, поскольку за годы командования 1-ой бригадой 36 пе-

хотной дивизии Фёдор Осипович Гончаров заслужил не просто непререкаемый авторитет, но также искреннее уважение подчинённых. И было за что!

Фёдор Гончаров родился в 1830 году в Одессе, в семье столоначальника Карантинной конторы, которая в первой половине XIX века контролировала черноморское побережье от проникновения на него чумы и холеры с турецких торговых судов. Титулярный советник Осип Гончаров, женился по большой любви на 18-летней Елизавете Гинкуловой, дочери настоятеля Свято-Николаевского собора в Овидиополе (что рядом с крепостью Аккерман). Красавица-молдаванка, «брюнетка с чёрными глазами», она подарила мужу двух детей и скончалась в возрасте 22 лет, когда младшему из сыновей, Степану, не исполнилось ещё и года.

На смерть супруги безутешный Осип Гончаров сочинил стихи:

*«Твой – в небесах бессмертный дух,
а прах сей камень покрывает.
Кто ж без тебя, мой милый друг,
меня в сей жизни утешает?
Одни тобой рожденные сыны –
твой образ драгоценный».*

Детей с младенчества воспитывали дедушка и бабушка, а после их смерти – одесский родственник, тем более, что вскоре ушёл из жизни сам отец, так и не смилившийся с потерей любимой жены.

Ранен под Чолоком

Учились братья Гончаровы в Одессе, в престижном Ришельевском лицее. Фёдор Осипович, закончив его по юридическому отделению в 1851 году, сразу же поступил на военную службу в Литовский пехотный полк. В его составе Фёдор Гончаров стал участником Восточной (Крымской) войны, отличившись летом 1854 года в сражении с турками под Чолоком.

Чолок – это река в Закавказье, впадающая в Черное море. В мае 1854 года значительный турецкий отряд (около 12 тысяч – А.П.) двинулся от Батума на Озургеты, имея в виду конечной целью Кутаис. Навстречу им направились русские войска (10 тысяч штыков при 18 орудиях) под начальством князя Андронникова. 2 июня они беспрепятственно заняли город Озургеты, откуда турки отошли на сильную оборонительную позицию за рекой Чолок. Их силы, с прибывшими подкреплениями, возросли к 4 июня до 30 тысяч человек. И, несмотря на это, князь Андронников решился атаковать неприятельскую позицию. Оборона турок была упорна, они переходили в контратаки, при отражении которых важную роль сыграли два батальона стрелков Литовского полка. В одном из них храбро дрался с турками и был ранен подпоручик Фёдор Гончаров.

Противник уступил отчаянному натиску наших войск и обратился в бегство, бросив свой лагерь, всю артиллерию (13 орудий с зарядными ящиками), выучный транспорт из 500 мулов и казну.

Командир Можайцев и звенигородцев

После окончания Крымской войны Фёдор Гончаров продолжил службу на Кавказе, к окончанию которой был отмечен серебряной медалью «За покорение Кавказа 1859-1864» и Черным крестом с мечами «За службу на Кавказе» (1864 год).

К 1870 году он дослужился до чина полковника и стал командиром Воронежского резервного батальона. Спустя несколько лет такую же должность Гончаров занимал в Полтаве, а в конце 80-ых годов XIX века, получив генеральское звание, Фёдор Осипович был назначен командиром 1-ой бригады 36 пехотной дивизии. Эта воинская часть Российской Императорской армии, входившая в 13 армейский корпус, базировалась на территории Орловской губернии. Её 2-ая бригада (143 пехотный Дорогобужский и 144 пехотный Каширский полки) квартировала в Брянске, а штаб 1-ой бригады (141-ый пехотный Можайский и 142-ой пехотный Звенигородский полки) находился в губернском Орле.

Вот здесь и провёл последние годы жизни Фёдор Гончаров – вначале командуя 1-ой бригадой, а последние три года находясь в запасе. Несмотря на приличный возраст (под 70 лет – А.П.), Фёдор Осипович, ни в чём не уступал более молодым подчинённым. К тому же, он умел с ними обращаться, поэтому авторитет генерал-лейтенанта был непререкаем. Этому, конечно, способствовали его боевой опыт и награды (шесть российских орденов). Живя в Орле, Фёдор Осипович стал орловским дворянином.



Ришельевский лицей (дом Вагнера) в Одессе

Жена и дети генерала

А теперь пришла пора поговорить о семейной жизни храброго генерала. 30 апреля 1865 года в Симферопольском кафедральном соборе он венчался с дочерью командира Селенгинского пехотного полка Марией Адамовной Саба-

шинской. Брак по любви оказался очень крепким и многодетным: 11 сыновей и дочерей родилось у супругов в течение 17 лет. Трое детей – Фёдор, Мария и Евгения – умерли в детстве или в молодые годы. Младшая из дочерей, Евгения Фёдоровна, скончалась 27 августа 1897 года (в 19 лет) и стала первой из Гончаровых, похороненных в Орле на Троицком кладбище.

Пятеро сыновей – Михаил, Александр, Николай, Степан, Митрофан, следуя отцу, стали профессиональными военными, а четверо из них, как и батюшка, начинали служить в Литовском полку.

Самый младший, Митрофан Фёдорович Гончаров, закончив кавалерийское училище, в чине корнета, в составе 51 Драгунского Черниговского полка, отправился на русско-японскую войну. Во время разведки, при переправе через р. Тайдзыхе под Ляояном (29 июля 1904 года), он погиб геройской смертью. 1 июля 1908 года его прах перевезли в Орел и захоронили рядом с матерью (*Мария Адамовна пережила мужа всего на два года – А.П.*), отцом и сестрой на Троицком кладбище. Где именно их могилы – отыскать теперь едва ли возможно.

Непосредственно с Орлом оказалась связана жизнь ещё двух дочерей генерал-лейтенанта. Анна Фёдоровна Гончарова («брюнетка с чёрными глазами») вышла замуж за сына предводителя Малоархангельского уездного дворянства – Константина Александровича Мейера. Венчание их проходило 5 мая 1895 года в церкви Бахтина кадетского корпуса. А потом молодые уехали по месту службы мужа в Самарскую губернию. Там у них родился единственный сын – Георгий (Юрий) Константинович Мейер, ставший, кстати, первым внуком генерала Гончарова. Он тоже впоследствии избрал военную карьеру, участвовал в гражданской войне на стороне белых и в 1920 году эмигрировал за границу. Прожил там долгую жизнь, оставив после себя мемуары, в которых большое место уделил Орлу и Орловщине.

Юлия Фёдоровна Гончарова («светлая блондинка с голубыми глазами») училась в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц. Она стала женой Петра Африкановича Сафонова, потомственного орловского дворянина, младшего сына «старинного приятеля» И.С.Тургенева Африкана Васильевича Сафонова, того самого, кому принадлежал одно время знаменитый дом Лизы Калитиной на Верхне-Дворянской улице (*ныне – улица Октябрьская, д.1 – А.П.*). Юлия Фёдоровна Сафонова служила классной дамой в Николаевской женской гимназии, начальницей которой была старшая сестра её мужа, Зинаида Африкановна. У П.А. и Ю.Ф. Сафоновых было трое детей, первый сын, Кирилл, умер в младенчестве в 1907 году, и его похоронили там же, где уже покоились его дедушка и бабушка, – на Троицком кладбище Орла.

О Михаиле Фёдоровиче Гончарове, старшем из всех детей генерала, стоит сказать отдельно. Он дослужился до полковника, а потом вышел в отставку. Увлекался археологией и писанием «Семейной хроники» Гончаровых, благодаря которой и стали известны многие подробности, о которых ты, читатель, узнал.

Я же выражу слова признательности члену Историко-родословного общества (Москва) Г.В.Ровенскому, исследование которого по родословию дворян Гончаровых было использовано мной при написании данного очерка.

Р.С. И напоследок. Как ни удивительно, хотя генерал-лейтенант Фёдор Осипович Гончаров никакого отношения не имел к Наталье Николаевне Гончаровой, жене Александра Сергеевича Пушкина, но именно в архиве генерала оказались стихи великого поэта «Я жил тогда в Одессе пыльной». Советую прочесть их, читатель. Пушкинский образ грязного, но мирного города, где

*«...ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин
И грек, и молдаван тяжёлый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке Морали»,*

поневоле заставит нас вспомнить Одессу сегодняшнего дня. И сравнение это будет не в пользу современной...

Тринадцать из тридцать седьмого (история одной орловской семьи)

Прежде, чем я, читатель, начну очередной рассказ, несколько вступительных слов. Дело в том, что спустя несколько дней после публикации предыдущего очерка «Орловский приют генерала Гончарова» в газете «Орловский вестник» 26 ноября 2014 года, получил я обычное письмо, от которых уже отвык. Было оно от незнакомой мне орловчанки Ольги Михайловны Михайловой. Она писала, что прочла с удовольствием мой очерк о генерале Гончарове и со-



Ольга Михайловна
Михайлова

общила, что её родной дед, Семён Емельянович Милешко, служил в упоминавшемся мною 142 пехотном Звенигородском полку. Ольга Михайловна заявляла, что у неё имеется фотография деда и некоторые документы по его семейству. Это меня очень заинтересовало, мы созвонились, а спустя короткое время состоялась наша первая встреча на квартире Михайловой в Орле. Потом их было ещё несколько. А результатом долгих и очень познавательных бесед со старожилкой стали несколько новых очерков, которые я и

предлагаю твоему вниманию, дорогой читатель.

Для начала посмотри на эту фотографию, сделанную неизвестным фотографом летом 1937 года. На ней – большая семья жителя Орла, отставного подполковника Семёна Милешко (он – в центре, с внуком Славиком – А.П.). С правой стороны от внука и мужа – жена Семёна Емельяновича – Анна Семёновна (в девичестве – Нецветаева – А.П.). Остальные персонажи на старой фотографии – их дети, зятья и внуки.



Семья подполковника Милешко

Из Малороссии до Орла. Звенигородский полк

Как читатель легко может догадаться, Семён Милешко – не коренной орловчанин. Он родился в Малороссии (на Украине), в селе под старинным городом Каменцом-Подольским. Точная дата его появления на свет нам неизвестна. Отец Семёна был механиком на сахарном заводе, принадлежавшем местному «сахарному королю» (*вполне возможно, что одному из знаменитых братьев Терещенко – А.П.*). В детстве Сеня дружил с одним из сыновей сахарозаводчика, и уж чего-чего, а сладкого продукта напробовався вдоволь. Уже в старости, когда его, как деда, внучка Оля спрашивала, почему он совсем без зубов, Семён Емельянович отвечал, что слишком много сахара когда-то ел.

Но от сладкой жизни скоро остались лишь воспоминания: умерли в одночасье один за другим отец и мать. Семья стала бедствовать. А неподалёку стояла какая-то воинская часть, и Семёна в 12 лет родственники решили отдать туда в качестве воспитанника (*так в те годы называли будущих «сынов полка» – А.П.*). Но поскольку детям малороссиян воспитанниками по закону было стать невозможно, Семён «превратился» в русского (не меняя самой фамилии) и оставался таковым до конца жизни. Украинскую речь от него с тех пор никто не слышал.

Как удалось Семёну Милешко поступить потом в военное училище и закончить его, мы, наверное, уже не узнаем. Но он получил чин подпоручика и продолжил службу в Киеве. Женился, родился сын Николай. А потом случилась трагедия в жизни Семёна Милешко: жена ему изменила, когда он находился со своей частью в походе.

Брак супругов был расторгнут духовной консисторией. Сын Николай остался с отцом, но на Семёна Милешко священник наложил 10-летнюю епитимию (*запрет – А.П.*) на повторное супружество.

В середине 1880-ых годов Милешко получил назначение в 142 пехотный Звенигородский полк, с которым отныне оказалась связана вся его жизнь. Некоторое время служба проходила в Ельце, а в последующие годы – в Орле, где сын Николай поступил в Орловский Бахтина кадетский корпус, готовясь, по примеру отца, к военной карьере.

За почти два десятилетия службы Семён Емельянович Милешко вырос в чинах до подполковника, командуя вначале 9 ротой 3 батальона Звенигородского полка, а в последний год перед уходом в отставку – 4-ым батальоном. Как командира и человека его уважали младшие офицеры и солдаты.

Жёны, дети, дома Семёна Милешко

В Орле Семён Емельянович Милешко нашёл и вторую свою «половину», женившись на Александре Петровне Кукоб. У них с супругой родилось четверо детей: сын Владимир и дочери – Вера, Татьяна и Гали (*да, именно так, Гали, есть, оказывается и такое православное имя, обозначающее «куница», «ласка» - от греческого – А.П.*).

К сожалению, счастливый брак продлился меньше 10 лет: в 1908 году Александра Петровна скончалась от тяжёлой болезни. Но через год нашлась женщина, рискнувшая выйти замуж за вдовца с четырьмя несовершеннолетними детьми. Анна Семёновна Нецветаева была из известного орловского священнического и очень многодетного рода. О четверых детях мужа она стала заботиться как о своих собственных, тем более, что была образованной и воспитанной девушкой со специальным образованием: 16 лет трудилась за границей, в Германии, гувернанткой у русских, живших там постоянно. Вернувшись в Россию, Анна Нецветаева приехала к родителям в Орёл и работала в одной из частных женских гимназий, в которую привёл однажды своих дочерей овдовевший Семён Емельянович Милешко. В 1909 году они поженились, а в 1910 году у новой супружеской пары родился сын Александр.

А теперь о том, где жила семья Милешко. Некоторое время они снимали жильё, но вскоре обзавелась своим собственным. Причём, в отношении первого дома, на Михаилоархангельской улице (рядом с храмом, со стороны Орлика), дело обстояло так. Племянник Семёна Емельяновича, Василий Масинёв, тоже офицер Звенигородского полка, женился на дочери орловского купца Григорьева, и тот – бесплатно – отдал Милешко – как родственнику - для жилья полностью второй этаж своего большого дома.

Посмотри, читатель, на фотографию. Обычно, при взгляде на данный снимок, все говорят, что на нём – известная в Орле Михаило-Архангельская церковь. Да, так оно и есть. Но храм находится на заднем плане, а на переднем хорошо виден каменный двухэтажный дом. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1916 год» (страница 16) сказано, что это дом Милешко. На самом деле здание никогда не принадлежало этому семейству. Но, видимо, звание и должность Семёна Емельяновича сказались – и дом получил его имя. Может, это правильно и символично: дети офицера рождались именно здесь.



Храм Михаила Архангела и дом Милешко на берегу реки Орлик

А к 1916 году семья Милешко покинула это гостеприимное жилище, переселившись на 1-ую Пушкарную, 32. Семён Емельянович, сумев накопить небольшой капитал и имея приличную офицерскую пенсию, купил здесь, в глубине двора, одноэтажный, но достаточно просторный деревянный дом. Имелись при нём небольшой двор и земельный участок. И если двухэтажное здание у храма Михаила Архангела не сохранилось (*его разобрали во время строительства капитального Тургеневского моста – А.П.*), то дом №32 по 1-ой Пушкарной цел, и в нём продолжают жить. Правда, уже совсем другие люди (*посмотри, читатель, на фото*).



Дом 32 по улице 1-я Пушкарная, г. Орёл

От дифтерита, тифа и НКВД

Старший из сыновей Милешко, Николай, после Орловского Бахтина и Киевского Владимирского кадетских корпусов (*в Киеве жила его мать, та самая, первая жена Семёна Емельяновича*), закончил военно-артиллерийское училище, получил звание подпоручика и служил в 1909 году в 33 артиллерийской бригаде.



Михаил Алексеевич
Михайлов

Благополучно первое время складывалась и судьба детей Семёна Милешко от второго брака. Старшие получили приличное гимназическое образование, все три дочери вышли замуж, а сын Владимир закончил – в продолжение учёбы в Орле – медицинский факультет Московского университета.

Беды в семействе начались в годы гражданской войны. Сначала умер от дифтерита младший из сыновей – Александр. Старший сын от второго брака, Владимир, врач одной из частей Красной Армии, заразился тифом и скончался где-то в прифронтовой полосе.

Умер в 1928 году один из внуков, а в 1933 году отправился в вечный покой зять Семёна Емельяновича, Михаил Михайлов, оставив вдовой младшую дочь Гали с четырёхлетней внучкой Олей.

Ну а потом пришёл 1937 год. И была вот эта фотография, которую ты, читатель, рассмотрел в самом начале. Семья тогда собралась, как никогда, – в полном размере, и решили увековечить памятное событие.

Но когда все, кто на снимке, получили его – каждый свой экземпляр – то кто-то вдруг подсчитал, что на фотографии – ровно 13 человек, и, не сдержавшись, воскликнул: «Плохая примета!»

Примета стала сбываться очень скоро: друг за другом были арестованы, как «враги народа», зятя Семёна Емельяновича Милешко. Муж его средней дочери Татьяны, Андрей Григорьевич Павлоградский, помощник бухгалтера обувной мастерской промкомбината (*на общем снимке – сидит, крайний справа – А.П.*), особой «тройкой» УНКВД по Орловской области, 15 ноября 1937 года был приговорён к расстрелу, и в тот же день в Орле приговор привели в исполнение.

Николая Андреевича Рыжика, мужа Веры, старшей дочери Семёна Емельяновича Милешко, та же «тройка» приговорила к расстрелу 8 декабря 1937 года. С жизнью бухгалтер финансово-экономического техникума простился через четыре дня. Две малолетних дочери остались без отца.

Арестовывали в те страшные дни и самого Семёна Емельяновича. Жена собрала ему узелок, не надеясь на то, что они уже когда-то свидятся. Но через два дня отставной подполковник вернулся. Почему так случилось – мы уже не узнаем. А вот два однополчанина Милешко, которые регулярно навещали его

дом на 1-ой Пушкарной, чтобы сразиться в преферанс, - бывшие штабс-капитаны Пармен Артемьев и Борис Барт, были расстреляны.

Спустя два года, в 1939-ом, старуха-смерть, всё-таки, добралась и до последних взрослых мужчин с этой «проклятой» фотографии. В Киеве скоропостижно скончался Николай Милешко - самый старший (от первого брака) из сыновей Семёна Емельяновича Милешко, бывший офицер-артиллерист. Для главы семейства это стало последним ударом: жена, дочери и внуки проводили его к месту вечного покоя на Крестительское кладбище.

Могила отставного подполковника и всех погребённых рядом членов его семьи не сохранились: спешно отступая из Орла в начале августа 1943 года, по этой части Крестительского кладбища, прямо по захоронениям, прошли немецкие танки.

Милешкина память

К настоящему времени из чёртовой дюжины лиц на снимке 1937 года оста-



Подполковник
Семён Милешко

лись в живых два человека. Посмотри, читатель, на фото: в правом верхнем углу стоит восьмилетняя девочка с бантом на голове. Это Оля Михайлова, ныне – ветеран войны и труда Ольга Михайловна лова. В 2014 году она отметила своё 85-летие, но сохранила отменную и очень живую память. Большой частью именно от неё я узнал всё то, о чем ты, читатель, прочитал в первом очерке.

Одну из стен квартиры Ольги Михайловны украшает большой портрет деда, подполковника Семёна Милешко, помещённый в симпатичную, под старину, раму.

С фотографии я начал эту историю – фотографиями и закончу.

142-й пехотный Звенигородский полк и его офицеры

О том, что Орёл – «город первого салюта», знают многие в нашей стране уже 70 лет. А в 2007 году Орёл стал ещё и одним из трёх первых «городов воинской славы России». Подавляющее большинство россиян, да и самих орловчан уверены, что эти почётные звания областной центр заслужил за отличия в Великой Отечественной войне. В основном, так оно и есть, но воинская слава и доблесть Орла создавалась многие годы и даже десятилетия.

Спасти полковое знамя

Отдельные страницы героической истории города связаны с воинскими частями, дислоцировавшимися в Орле во второй половине XIX – начале XX ве-

ка. Одной из них был 142 пехотный Звенигородский полк, входивший в состав 36 пехотной дивизии. О нём я и поведу далее речь.

Коротко скажу об истории полка. Он был сформирован 13 октября 1863 года из трёх батальонов Якутского полка, а наименование 142 пехотного Звенигородского получил 25 марта 1864 года. Через полтора десятка лет полк стал четырёхбатальонным. В русско-турецкой (1877-1878) и русско-японской (1904-1905) войнах участвовать ему не довелось.



Василий Масинёв
(фото 1899 года)

Зато с началом Первой Мировой 142 пехотный Звенигородский попал в страшную «мясорубку» во время Восточно-Прусской операции. Полк под командованием полковника Венецкого входил тогда в состав 2-ой армии генерала Самсонова. В сражении с немецкими войсками при Танненберге (26-30 августа 1914 года) эта армия потерпела тяжёлое поражение. 142 пехотный Звенигородский полк вместе с несколькими другими частями оказался в окружении, отчаянно сопротивлялся и потерял убитыми большинство своих солдат и офицеров.

Когда возникла угроза пленения оставшихся в живых, то они (известны имена двух героев) пытались любой ценой сохранить полковые регалии. Поручики Лапин и Исаев сорвали знамя с древка, разрезали полотнище на части и поделили его между офицерами, которые и хранили знамя в плену, так же был спасен Георгиевский крест со знаменем. Его выломали из наверхия древка, и один из офицеров полка пронес его через весь плен.

В декабре 1914 года в лагере Оснабрюк немцы нашли на пленном поручике Исаеве кусок полотнища, с надписью «С нами Бог». Но Исаев даже под пытками не стал давать немцам никаких показаний. Этот фрагмент знамени вплоть до 1945 года хранился в Берлинском Цейхгаузе и был возвращен на Родину только в конце Второй мировой войны. Большую же часть полотнища спасли и после Первой мировой войны вывезли из Германии в Россию, где в 1919 году куски полкового знамени были представлены в штаб Добровольческой армии и впоследствии сданы в русский храм в Белграде. Здесь они хранились до 1945 года.

Дядя и племянник

А теперь о других офицерах-звенигородцах, чьи фамилии стали мне известны благодаря знакомству с внучкой одного из них, жительницей Орла, Ольгой Михайловной Михайловой. В её маленькой уютной однокомнатной квартире по улице Комсомольской на почётном месте висит портрет человека в мундире подполковника Российской императорской армии. Это родной дед Ольги Михайловны – Семён Емельянович Милешко.

Уроженец Малороссии, в середине 1880-ых годов Милешко получил назначение в 142 пехотный Звенигородский полк, с которым отныне оказалась связана вся его жизнь. Некоторое время служба Семёна Емельяновича проходила в Ельце, а в последующие годы – в Орле. Как командира и человека его уважали младшие офицеры и солдаты.

Незадолго до начала Первой мировой войны Милешко вышел в отставку, поселившись со своей большой семьёй в купленном на военные накопления домике по 1-й Пушкарной улице.



Василий Масинев со
старшей дочерью Гали
(1909 год)

В 142 пехотном Звенигородском служил и родной племянник подполковника С.Е.Милешко – Василий Масинёв. В 1899 году он поступил в полк вольноопределяющимся, через три года получил офицерский чин и занимал в полку должность начальника вьючно-пулемётной команды. В самый канун Первой мировой войны Василий Прохорович был произведён в капитаны и в этом чине отправился на фронт. В сражении под Танненбергом Масинёв попал в плен и пробыл в нём почти четыре года. По возвращении в Орёл он добровольно вступил в Красную Армию. Служил, правда, в нестроевых частях - делопроизводителем Орловского губвоенкома, потом - завхозом отдела снабжения 55 стрелковой дивизии, а в 1920-ом году - начальником 32 этапного участка Южного фронта и Северо-Кавказского фронтов.

Во время долголетних военных скитаний бывший капитан царской армии нашёл свою вторую половину – выпускницу медицинского факультета французского университета Сорбонна Веру Ботезат, которая работала врачом в одном из госпиталей Красной Армии. Вместе с нею Василий Прохорович вернулся в Орёл, в свой дом, построенный им на Болховской улице за несколько лет до начала Первой Мировой войны.

Катками – по судьбам, танками – по могилам

В Орле, после окончания гражданской войны, «осели» на постоянное жительство и ещё два бывших офицера 142 пехотного Звенигородского полка - штабс-капитаны Пармен Артемьев и Борис Барт. Первый служил в полку командиром 11 роты, второй – адъютантом командира 4 роты. Всем звенигородцам пришлось встраиваться в советскую действительность.

Самый старший из них, Семён Емельянович Милешко, заработавший в императорской армии хорошую военную пенсию, сразу же после революции её лишился и был вынужден сначала подрабатывать в советских учреждениях, а потом занялся садом и огородом возле собственного дома. И надо сказать, достаточно успешно: большую часть продуктов питания для семьи он выращивал

сам, иногда даже кое-что продавая на рынке. Три его дочери, благополучно выйдя замуж, тоже, вроде бы, устроили свою жизнь.

Василий Масинёв, племянник Семёна Емельяновича, трудился начальником отдела в службе сборов Орловско-Витебской железной дороги, а потом несколько лет работал счетоводом в разных организациях Орла.

По словам Ольги Михайловны Михайловой, дядя с племянником и их семьи тесно общались друг с другом, благо их дома находились неподалёку.

Иногда в гости к Семёну Емельяновичу Милешко приходили поговорить и сыграть партию-другую в преферанс два вышеупомянутых бывших офицера, его товарищи по полку – Пармен Парменович Артемьев и Борис Павлович Барт. Они служили в советских учреждениях Орла и были значительно моложе отставного подполковника Милешко, но это не мешало им ни в беседах, ни за карточным столом.

Казалось бы, жизнь всех «бывших» понемногу наладилась, но так только казалось. С середины 30-ых годов начался новый этап поиска «врагов народа». В 1937 году были арестованы два зятя Семёна Емельяновича Милешко – Андрей Григорьевич Павлоградский, помощник бухгалтера обувной мастерской промкомбината, и Николай Андреевич Рыжик, бухгалтер Орловского финансово-экономического техникума. Оба они особой «тройкой» УНКВД по Орловской области были приговорены к расстрелу. Приговоры привели в исполнение немедленно.

Арестовали в том же году и однополчан Милешко, которые регулярно навещали его дом на 1-ой Пушкирной, - бывших штабс-капитанов, уроженца Ливен Пармена Артемьева и смолянина Бориса Барта. Они тоже были расстреляны.

Семён Емельянович в те дни готовился к худшему. Жена собрала ему узелок заранее. Отставного подполковника вскоре действительно арестовали и увезли в неизвестном направлении. Но через два дня Милешко вернулся. Старуха-смерть с косой прошла мимо. Почему так случилось – мы уже не узнаем, видно, как-то сумел Семён Емельянович повлиять на допрашивавших его работников НКВД, а может, и возраст сказался – ведь было ему уже далеко за 70.

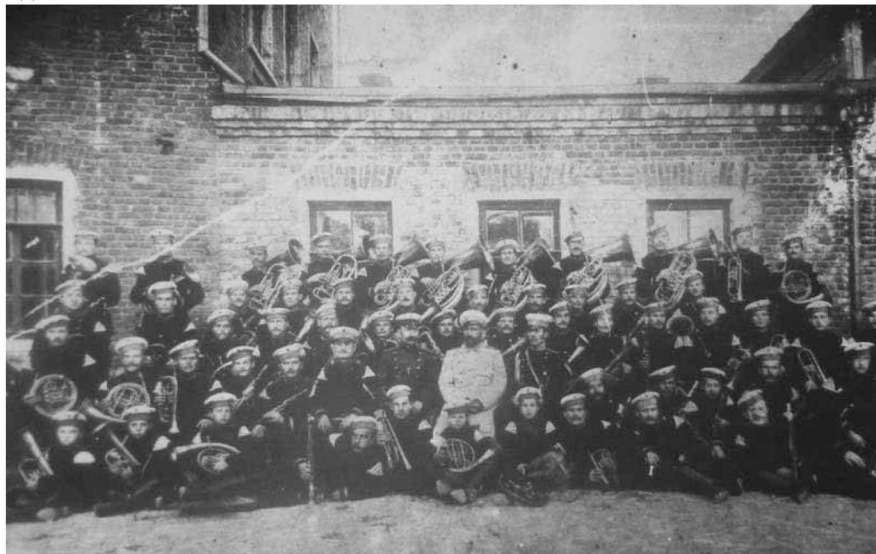
Правда, после таких испытаний бывший подполковник «протянул» недолго: он скончался в феврале 1939 года. Похоронили С.Е.Милешко на Крестительском кладбище Орла. Его могила, как и захоронения всех погребённых рядом членов его семьи, не сохранились: спешно отступая из Орла в начале августа 1943 года, по этой части кладбища прошли немецкие танки.

Василий Масинёв – последний из звенигородцев

Василию Масинёву, последнему их четырёх звенигородцев-офицеров, повезло больше, чем товарищам. В таких случаях говорят, что «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Заболела в 1931 году его жена Вера Александровна, сама прекрасный врач-диагност и лекарь. Ей потребовалось срочно поменять климат. И семья Масинёвых, бросив собственный дом в Орле (если точнее, передав его бесплатно местным властям с условием проживания в одной из

комнат сестры Василия Прохоровича), переехала сначала в Геленджик, а потом в Подмоскowie. Так бывший капитан исчез из-под пристального наблюдения всевидящего ока НКВД. И благодаря этому не был арестован, остался жив и умер собственной смертью в феврале 1955 года. Похоронили Василия Прохоровича Масинёва на Бутовском кладбище в Москве, рядом со скончавшейся ранее женой.

Где могилы расстрелянных в 1937 году Пармена Артемьева и Бориса Барта – один Бог знает.



Оркестр 142-го Звенигородского полка

Подробности биографий и фотографии славных звенигородцев я получил от тех, кто бережно хранит их память – от Ольги Михайловны Михайловой и Веры Андреевны Поповой – внучек – соответственно - Семёна Емельяновича Милешко и Василия Прохоровича Масинёва.

О том, как сложилась судьба потомков офицеров-звенигородцев – отдельный рассказ.

Как американский авиаконструктор свою сестру и племянницу в Орле от голода спас

Есть в самом центре Орла здания, которые мало кто видел, и потому они мало кому известны. Одно из них, о котором и пойдёт речь далее, находится во внутреннем дворе, образованном домами на пересечении улиц Горького и Ленина. Почтовый адрес этого объекта – улица Ленина, д.37а. Вот он на снимке, сделанном мною совсем недавно.



Дом № 37а по улице Ленина

Дом на Болховской

Дом одноэтажный, но достаточно приличных размеров, с небольшим крыльцом по центральному входу. На первый взгляд – выглядит симпатично, поскольку совсем недавно отремонтирован (*по крайней, мере, снаружи – А.П.*). В настоящее время строение явно принадлежит какой-то организации, но какой именно – уточнить мне не удалось.

Историю этого здания и жизни некоторых его обитателей мне рассказала Ольга Михайловна Михайлова. Дополнительные подробности я узнал из книги профессора Вадима Михеева «Петербургские крылья Америки», с которой я познакомился тоже благодаря Ольге Михайловне.

По её словам, дому на бывшей Болховской (*ныне – улице Ленина – А.П.*) – чуть больше 100 лет, построен он был незадолго до начала Первой Мировой войны одним из офицеров 142 пехотного Звенигородского полка, Василием Прохоровичем Масинёвым, племянником родного деда Ольги Михайловны и – значит, её родственником тоже.

Поручик Масинёв, начальник выочно-пулемётной команды Звенигородского полка, уроженец Малороссии, удачно женился в Орле на дочери местного купца Михаила Григорьева (*имя её нам пока неизвестно – А.П.*). Некоторое время молодожёны жили в доме тестя, на Кромской улице. А потом, подкопив денег к полученному ранее приданому, Василий Масинёв решил выстроить собственный дом на Болховской улице. Купил небольшой земельный участок, и дело закипело. Где-то к 1912 году жильё было готово. Василий Прохорович благоустроил и двор, посадив несколько плодовых деревьев и разбив небольшой фонтан – старался для своих маленьких дочек. Эх, если б знал поручик, до чего доведёт его любовь к красоте!

Вера

Летом 1914 года началась Первая Мировая война. Василий Масинёв в составе полка отбыл на фронт. История участия 142 пехотного Звенигородского в боях оказалась короткой и трагической. В августе 1914 года, во время Восточно-Прусской операции полк, входивший в состав 2-й армии генерала Самсонова, попал в окружение и был практически полностью разгромлен. Большая часть солдат и офицеров погибла, а некоторые, в числе которых оказался и поручик Масинёв, попали в плен.

Василий Прохорович находился вначале в одном из австрийских лагерей, а потом был определён к какому-то из местных хозяев. У него научился пленный офицер мастерству краснодеревщика, да так, что и после революции с помощью этой профессии на хлеб зарабатывал.

В 1918 году возвратился на родину поручик. Здесь судьба и свела его с врачом, которая вначале в силу профессиональных обязанностей, а потом из-за возникшей симпатии ухаживала за приболевшим поручиком тщательнее и внимательнее, чем за другими ранеными и больными. Звали эту молодую женщину Вера Ботезат.

Когда Василий Масинёв узнал историю её жизни, он долго потом не уставал удивляться. Вера родилась в семье бессарабского потомственного дворянина Александра Ильича Ботезата и законной его жены Надежды Львовны (*в девичестве – Рабутовской, потомственной русской дворянки – А.П.*).

Ботезаты принадлежали к одному из старейших и знатнейших молдавских родов, основатель которого, турецкий воин, перешёл на службу к православному князю Молдавии и принял христианство (*фамилия «Ботезат», в переводе с молдавского, означает «крещёный» – А.П.*). Молдавский государь пожаловал Ботезату имение около города Яссы.

Потомок этого крещёного турка, Александр Ильич Ботезат, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и слыл полиглотом. Свободно владея семью языками, Александр Ильич служил в Министерстве иностранных дел Российской империи, вначале – в России, а потом за рубежом.

Вскоре после рождения первенца – сына Георгия, Ботезата перевели в русскую дипломатическую миссию во Францию. Вот там, в Париже, у молодой четы одна за другой появились на свет две дочери – Нина (1884 года) и наша героиня Вера (1886 года рождения).

Некоторое время Ботезаты жили вполне благополучно, брат и сёстры учились в престижных парижских школах. Но в 1900 году от сердечной болезни скоропостижно скончался Александр Ильич. Вдове и детям пришлось вернуться в Россию.

Было очень трудно Надежде Львовне рассчитывать на то, что удастся дать сыну и дочерям хорошее образование. Однако нашёлся хороший знакомый, кишинёвский промышленник и меценат, Егор Рыжкан-Дерожинский, который давал стипендии талантливым студентам и гимназистам. К нему и обратилась

Надежда Львовна Ботезат. Меценат встретился с детьми, побеседовал с ними и, восхищённый их знаниями и талантом, выделил деньги для обучения.

Дочери поступили в Сорбонну: Нина – на математический факультет, Вера – на медицинский. Спустя несколько лет они благополучно получили дипломы о высшем образовании и вернулись в Россию. С началом Первой Мировой войны Вера Ботезат оказалась в качестве врача в одном из госпиталей, а спустя некоторое время повстречала свою судьбу в лице Василия Масинёва.

Василий Прохорович благополучно добрался до Орла, и здесь ему сообщили страшную весть. Младшая дочь Наталья, играя однажды во дворе своего дома, подошла чересчур близко к воде, упала в фонтан и утонула. Жена не вынесла трагедии и вскоре тоже скончалась. Старшую дочь забрал на воспитание дед, Семён Емельянович Милешко. Как уж дальше разворачивались события – точно не известно, но только Вера Ботезат, ещё находившаяся в Орле, узнала об этих событиях. А спустя некоторое время Василий Масинёв предложил ей стать его женой.

Поселились супруги в том самом доме на улице Болховской. Но разгоралась уже вся гражданская война, и бывший офицер Звенигородского полка с женой-военврачом отправились добровольцами в Красную Армию. Кидало их по многим фронтам, по городам и весям, но выжили, уцелели Масинёвы. По окончании гражданской войны супругов демобилизовали. В 1921 году у них родилась дочь Ирина.

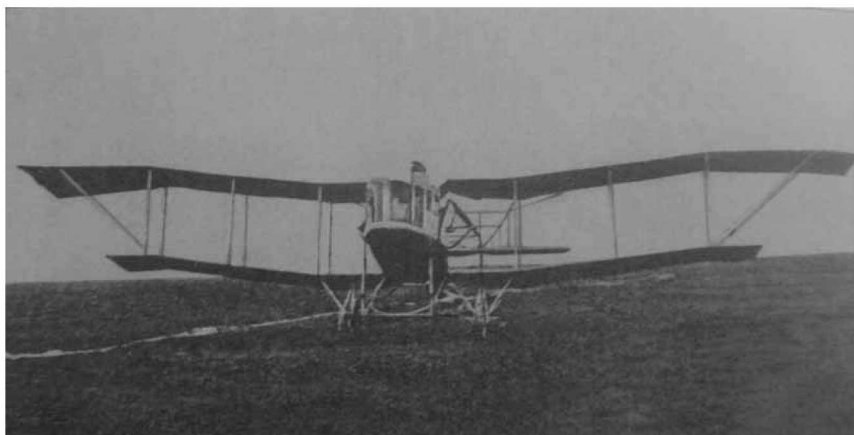
Георгий - спаситель

И поехало тогда семейство на родину мужа – в Орёл. Жильё здесь у них имелось. Но в губернском городе в начале 20-ых годов были большие проблемы с продовольствием, можно сказать, «царствовал» настоящий голод. Нехватка витаминов сказывалась на здоровье маленькой Иры. И тут семью Масинёвых спас старший брат Веры – Георгий Ботезат. О нём стоит обязательно сказать несколько слов, потому что он был выдающейся личностью, до недавнего времени совсем забытой на родине.

До революции Георгий сумел получить, обучаясь в нескольких учебных заведениях в России и за рубежом, высшее техническое образование и стал одним из пионеров русской авиации. В годы Первой Мировой войны он входил в состав Управления Военно-воздушного флота Военного Министерства России.



Георгий Ботезат
(фото 1905 года)



Истребитель Ботезата

В годы гражданской войны Георгий Ботезат эмигрировал в США, где сравнительно быстро добился признания. Преподавал в нескольких университетах, а в практическом плане крупнейшие его успехи – постройка первого в ВВС США вертолётa и создание фирмы по выпуску промышленных вентиляторов, которые поставлялись в американскую армию.

Георгий Александрович, не создав семьи и будучи очень непритязательным в личной жизни, всегда покровительствовал оказавшимся в нужде. Узнал он и о проблемах сестры Веры и её семьи.



Георгий Ботезат с сёстрами
Ниной и Верой

В начале 20-ых годов XX века в РСФСР действовало благотворительное Американско - российское общество (АРО). С его помощью американцы имели возможность подкармливать голодающих в России родственников. Эмигранты переводили в Страну Советов валюту, за которую родственники получали в специальных пунктах продукты питания.

Василий Прохорович Масинёв ежемесячно ездил из Орла в Москву, откуда возвращался с пакетами муки, крупы, жиров и сухого молока для маленькой дочки. Ирина Васильевна Попова (Масинёва) потом вспоминала, что «...благодаря дяде Жоржу, которого я никогда не видела, я и выжила».

Первое время Георгий Ботезат слал сёстрам частые и длинные письма, в которых рассказывал о своём американском житье-бытье, писал, как скучает и ждёт встречи. К концу 20-ых годов в Советской России опустился «железный занавес», связь с заграничными родственниками могла закончиться тюрьмой и, опасаясь за сестёр, американский авиаконструктор Ботезат разом оборвал переписку.

Некоторое время он ещё присылал сестре Вере посылки с дорогими вещами, но вскоре из-за высоких пошлин и этот способ помощи родным стал для них недоступен.

Георгий Александрович Ботезат скончался в феврале 1940 года, так и не увидев больше ни сестёр, ни племянницы Ирины.

Три служительницы Эскулапа

В этом материале речь пойдёт о трёх представительницах прекрасного пола из семейства участника Первой Мировой и гражданской войн, офицера 142 пехотного Звенигородского полка, Василия Масинёва.

Из Парижа – в Орёл

Его жена, Вера Александровна (Ботезат – в девичестве – А.П.), происходила из старинного бессарабского дворянского рода. Завершив учёбу на престижнейшем медицинском факультете университета Сорбонна в Париже, она возвратилась на родину и с началом Первой Мировой войны добровольно ушла в армию в качестве врача. Несколько лет моталась Вера с госпиталями по фронтам, спасая раненых и больных. Где-то под Дербентом в 1920 году, Вера познакомилась с вернувшимся в Россию из германского плена бывшим капитаном 142 пехотного Звенигородского полка Василием Масинёвым. Кроме участия в сражениях и почти четырёхлетнего плена, ему довелось хлебнуть ещё и семейного лиха по полной программе.



Вера Александровна Ботезат-Масинева

Вера Ботезат и Василий Масинёв пришли по сердцу друг другу, и Василий Прохорович ничего не стал скрывать из своего недавнего прошлого.

Вера Ботезат, после откровений своего нового знакомого, ещё более прониклась доверием к бывшему капитану. Вскоре они поженились, и некоторое время вместе служили в одном из подразделений Южного фронта. В городе Георгиевске под Ставрополем, куда была переброшена их часть, 10 июля 1921 года родилась у молодожёнов дочь Ирина.

По окончании гражданской войны супруги Масинёвы приехали в Орёл и поселились в том самом доме на Болховской. Старшую дочь Гали Василий Прохорович забрал у дяди, и с этих пор его жена, Вера Александровна, воспитывала её как свою родную.

10 лет прожили Масинёвы в Орле. Василий Прохорович работал в советских учрежде-

ниях, а его жена, талантливейший врач-диагност и лекарь, стала основным кормильцем семьи. Старшая дочь, Гали, закончив Первую Орловскую Советскую девятилетнюю школу имени Ломоносова, поступила на медицинский факультет Саратовского университета. Конечно же, сказалось здесь сильнейшее влияние приёмной матери – Веры Александровны.



Семья Масинёвых в Орле (1925-1926 год)

Эвакогоспиталь № 2929

К сожалению, к началу 30-х годов хозяйка семейства сама стала испытывать большие проблемы со здоровьем, часто болела, и ей потребовалась смена климата. Поэтому в 1931 году Масинёвы перебрались вначале в Геленджик, а потом – в Подмоскowie, в посёлок Кратово Раменского района. Вокруг посёлка располагались хвойные лесонасаждения, образующая особый прохладный микроклимат, поэтому здесь ещё с дореволюционных времён стали селиться дачники, среди которых уже в советские годы оказалось множество известных личностей: писатели, артисты, режиссёры, Герои Советского Союза. В таком вот окружении и жила семья Масинёвых.

Вера Александровна работала в Раменском роддоме, а любящий муж – был рядом, на должности счетовода. Старшая дочь, Гали, получив диплом врача, работала в одной из больниц Подмоскowie, а младшая, Ирина, по примеру мамы и сестры, поступила в 1-ый Московский мединститут. Так все три представительницы семьи Масинёвых оказались на службе по охране здоровья советских граждан.

В первые же дни Великой Отечественной войны на фронт была мобилизована Гали Васильевна Масинёва (*во всех официальных документах она значилась привычным для писарей и кадровиков именем Галина – А.П.*). Служила она начальником медицинской части в эвакогоспитале под №2929, который первое время располагался в городе Орехово-Зуево, а после переместился в Гжатск

(современный город Гагарин в Смоленской области – А.П.). К концу войны эвакуогоспиталь №2929 подчинялся командующему 3 Белорусским фронтом и ещё дважды менял дислокацию, базируясь в городах Вильно (Вильнюс, столица Литвы – А.П.) и Инстенбурге (Восточная Пруссия, современный город Черняховск в Калининградской области – А.П.).



Майор медслужбы
Гали Васильевна
Масинёва

Гали Васильевна Масинёва, со своим саратовским медицинским образованием, не подвела маму *(уже не буду писать – «приёмную» - А.П.)*, закончившую Сорбонну. Начав войну в звании капитана медицинской службы, она закончила её майором в том же эвакуогоспитале и в той же должности. Четыре года Масинёва являлась бессменным председателем врачебной комиссии, проверив свыше 4000 раненых, почти половина из которых вновь ушла на фронт – сражаться с врагом.

Обладая огромным авторитетом среди медперсонала и больных, Гали Васильевна в любых условиях *(особенно это было нелегко в первые месяцы войны – А.П.)* умела организовать лечебную, приёмо-сортировочную и эвакуационную работу своего госпиталю на 2000 раненых так, что никогда в работе её подчинённых не наблюдалось сбоев.

Медицинская часть под руководством Масинёвой умудрялась ещё и проводить обучение медицинских сестёр, санитарок и инструкторов лечебной физкультуры. Гали Васильевна вполне по заслугам была награждена в начале медалью «За оборону Москвы», а к концу войны – орденом Красной Звезды.

Довелось майору медицинской службы в составе своего госпиталя ещё и на Дальнем Востоке побывать, где громили Японию. Здесь ЭГ-2929 фактически превратился в спецгоспиталь, поскольку перешёл на обслуживание военнопленных – сначала японцев, а потом немцев и интернированных лиц. И только в 1947 году Г.В.Масинёва была демобилизована. Все послевоенные годы она работала детским врачом в Подмоскowie, заслужив множество благодарностей и добрых отзывов от родителей вылеченных ею детишек. Скончалась Гали Васильевна Масинёва в 1994 году, в возрасте 85 лет.



Ирина Васильевна
Попова

Последний приют

Младшей её сестре, Ирине Васильевне (Поповой – в замужестве), на фронте побывать не довелось. Но и в тылу тяжёлой работы в качестве медработника хватало. Закончив 1-ый Московский институт, Ирина Васильевна первое время трудилась врачом-

гинекологом в Раменском роддоме, сменив там свою замечательную маму, Веру Александровну, а последние 20 лет – в спецполиклинике Лётно-исследовательского института (ЛИИ) в городе Жуковском. Душевным отношением к людям и высоким профессионализмом Ирина Васильевна снискала уважение и любовь своих пациентов. Свою единственную дочь она назвала в честь бабушки – Верой. Умерла Ирина Васильевна на 92-ом году жизни.

Все три верные служительницы Эскулапа – мама, Вера Александровна Масинёва, и обе дочери – нашли вечный покой на Бутовском кладбище в Москве (*район Южное Бутово, территория Бутовского природного лесопарка – А.П.*).

Мужчины из рода Масинёвых воевали, защищая Родину, а женщины – спасали жизни защитников. Вечная память им всем память!

Орёл в судьбе гетмана Скоропадского

Об этом человеке – море разлитое информации на просторах интернета, огромное количество книг и статей в периодических изданиях, и потому я не буду подробно перечислять его звания, регалии, заслуги и тому подобное.

Остановлюсь лишь на нескольких, как мне кажется, существенных моментах неординарной биографии Павла Петровича Скоропадского.

Особа, приближённая к императору

24 года он прослужил в Российской Императорской армии, пройдя путь от корнета Кавалергардского полка до генерал-лейтенанта, командующего 34 армейским корпусом в Первую Мировую войну. Участвуя в русско-японской войне 1904-1905 годов, был награждён Золотым оружием «За храбрость», а за два десятилетия беспорочной службы удостоился десятка орденов.

Павел Петрович был особой, приближённой к императору (генерал-адъютант Николая II), но, будучи по происхождению из старинного дворянского малороссийского рода (*его прапрадед – брат гетмана И. Скоропадского во времена Петра I, пришедшего вместо предателя Мазепы – А.П.*), проявил активность вскоре после Февральской революции и быстро стал одним из самых известных военных и политических деятелей зарождавшегося украинского независимого государства.

Скоропадский первым начал проводить украинизацию частей разлагавшейся царской армии, надеясь, таким образом, повысить их боевой дух, а позже он же формировал украинскую национальную гвардию.

Пик деятельности Павла Петровича пришёлся на последние числа апреля 1918 года, когда он устроил государственный переворот, свергнув правительст-



Скоропадский и его жена

во Центральной Рады и став гетманом – при поддержке немецких оккупационных войск, занимавших к этому времени многие районы Украины.

Немецкая составляющая биографии Скоропадского очень существенна. Так уж вышло, что родился он на территории Германии (3 мая 1873 года – в городе Висбаден земли Гессен – А.П.), в Первую Мировую войну, как русский генерал, храбро воевал с германцами, но в 1918 году, во времена своего гетманства, пользовался их покровительством – до тех пор, пока они не заподозрили в нём слишком большое стремление к независимости.

Поэтому, по свидетельству одного из современников гетмана, лично встречавшегося с ним незадолго до отречения, бывшего депутата Государственной Думы Н. В. Савича, *"...немцы в последний момент перед эвакуацией выпустили против гетмана и его правительства петлюровские и галицийские банды, желая тем подложить свинью союзникам. ...Они поняли, что ... сам Скоропадский такой же самостийник, как и любой русский человек подмосковного района"*.

Брошенный покровителями, Скоропадский 14 декабря 1918 года отрекся от должности гетмана Украины и удалился в эмиграцию. Вплоть до своей смерти Павел Петрович проживал на территории Германии. Скончался бывший гетман Украины 26 апреля 1945 года в монастыре Меттен (Бавария) после ранения, полученного при бомбардировке американской авиацией железнодорожной станции Платлинг близ Регенсбурга, где в этот момент находился Скоропадский. В 50-ые годы 20 века его прах перезахоронили в Оберстдорфе (ныне – известный горнолыжный курорт на юго-западе Баварии, одно из самых красивых мест в Альпах – А.П.).



В форме гетмана

Семья и дом

А теперь, уважаемый читатель, - о личной жизни Павла Скоропадского и его связи с Орловщиной.

11 января 1897 года, 23-летний, тогда ещё поручик, будучи «адъютантом Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка», взял в жёны 18-летнюю Александру Дурново, представительницу известного в нескольких губерниях России (в том числе и на Орловщине) дворянского рода. Брак состоялся вопреки первоначальной воле отца невесты, генерала от инфантерии Петра Дурново, который хотел для своей единственной и горячо любимой дочери более солидного жениха. Но спустя несколько месяцев генерал смирился, увидев, как нежно молодые относятся друг к другу. Не только красивая, но ещё и умная, начитанная, в меру ироничная, Александра замечательно дополняла мужа. Они пронесли свою любовь через всю их 48-летнюю совместную жизнь.

Шестеро детей родилось у Скоропадских в счастливом браке – Мария, Елизавета, Пётр, Данила, Павел (умер в три года) и Елена. Павел Петрович служил и воевал, и потому всю тяжесть заботы о детях взяла на себя Александр Петровна. В зимнее время года Скоропадские жили, в основном, в Санкт-Петербурге, а на лето уезжали в свои имения в Тростянец или Положки (Черниговская губерния).



Семья Скоропадских

Но время от времени Александра Петровна с детьми проживала, как ни удивительно, в Орле, где у Скоропадских был собственный двухэтажный дом на улице Гостиной, напротив городской думы. Как и когда семейство стало орловскими домовладельцами – пока не известно. Скорее всего, недвижимость в губернском городе приобрёл отец Павла – Пётр Иванович Скоропадский. В 1906 году в доме Скоропадских, на втором этаже, находилась первоклассная гостиница «Берлин»

(в годы Первой Мировой войны переименованная в «Белград» - А.П.).

По всей видимости, в один из таких приездов Скоропадским пришлось задержаться в Орле на более продолжительное время. Доказательства этому я нашёл в Государственном архиве Орловской области, в фонде 492 (опись 1, единица хранения 1). Среди десятков «Свидетельств об окончании гимназий, училищ и других учебных заведений» имеется в фонде *«Выпись из метрической книги за 1899 год под №288, выданная из церкви Святых Праведников Захария и Елисаветы, что при Кавалергардском Ея Величества полку», выданную 31 декабря 1899 года в городе Санкт-Петербурге».*

В ней сказано, что 14 ноября 1899 года у адъютанта Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка поручика Павла Петровича Скоропадского и законной его жены Александры Петровны, урождённой Дурново, оба православного вероисповедания, родилась дочь Елизавета *(вторая по старшинству – А.П.)*. Восприемниками девочки (крестными отцом и матерью) стали родные дедушка и бабушка – генерал от инфантерии Пётр Павлович Дурново и вдова действительного статского советника Мария Андреевна Скоропадская. В какой именно женской гимназии обучалась в Орле Елизавета Скоропадская – мне пока выяснить не удалось. А вот по времени – это было в период Первой Мировой войны, в которой участвовал Павел Скоропадский.

А потом начались события двух подряд революций, гражданская война в центре России и на её национальных окраинах. Связи между главой семейства

и женой с детьми в таких условиях не было никакой. И только когда Павел Скоропадский стал гетманом Украины, он начал энергичные поиски семьи, которые, в конце концов, увенчались успехом.

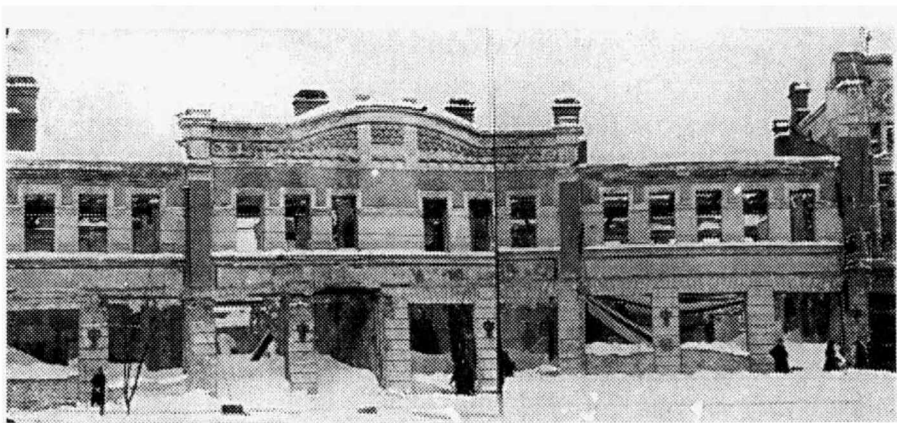
Адъютант Скоропадского, полковник Зеленовский, в мае 1918 года разыскал Александру Петровну и детей в Орле и настоятельно порекомендовал ей немедленно уехать вместе с детьми из города. Совет был принят, и с большими приключениями – через Петроград – Александра Скоропадская сумела добраться до Киева, где семья, наконец-то, после долгого перерыва, объединилась. Так – уже навсегда – Скоропадские попрощались с Орлом.

Что касается их орловского дома, то в короткий период нахождения в городе деникинцев (13-20 октября 1919 года) в нём находился их штаб. После революции здание занимали Дворец Труда, Тогсин (универмаг).



Дворец труда

Во время оккупации Орла гитлеровцами в Доме Скоропадских размещалось одно из их карательных учреждений. Отступая из города в августе 1943 года, гитлеровцы взорвали здание. Долгое время считалось, что от него сохранились только подвал и фундаменты. Но несколько лет назад выяснилось, что значительная часть стен дома Скоропадских, всё-таки, сохранилась, и при восстановлении здания в послевоенный период их лишь достроили новыми элементами – колоннами, портиками и другими в стиле неоклассицизма. В настоящее по адресу улица Гостиная, 4 размещается Орловская банковская школа (колледж).



Гостиница «Берлин» после войны, 1944 г. Сейчас на этом месте Банковская школа.

В назидание потомкам

В заключение, уважаемый читатель, - две цитаты. Вот первая из них:

«...Узкое украинство - исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут объедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов - четыре польского или немецкого происхождения...».

И второе высказывание: *«Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила, знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и губительным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении».*

Не помешало бы современным украинским политическим «деятелям» почаще обращаться к этим мыслям Петра Скоропадского и прочитывать их на сон грядущий - возможно, не возникло бы той кровавой бойни, которую они устроили собственному народу.



Книга о Скоропадских

Новогодние приключения мещанина Дрыкина в Орле

История, которую я хочу, читатель, тебе поведать, случилась в славном губернском городе Орле в промежуток между Рождеством и Новым Годом сто с лишним лет тому назад. Именно в этот период рождественских каникул и отпусков орловчане активно отдыхали. Кроме прочих, одним из любимых массовых развлекательных мероприятий 1909 года, оказались костюмированные балы - маскарады с ценными призами за лучшие и оригинальные костюмы.

Принцы и богатыри, Красные Шапочки и феи

Все активнее в те годы стали пропагандироваться специальные чисто детские рождественские маскарады. Мальчики наряжались морскими разбойниками, сказочными принцами или русскими богатырями. Девочки были преимущественно принцессами, Красными Шапочками (уже тогда!), феями. Популярны были "народные" мотивы: по бальной зале порхали маленькие цыганочки и индийские или восточные красавицы. Приложение к журналу "Нива" ("Парижские моды") предлагало для юных леди костюмы "в стиле Louis XV", наряды Коломбины, Шахматной Королевы и даже такого удивительного персонажа, как Пьерина (или Пьеретта) - этакого женского варианта Пьеро, а для мальчиков просторный, но изящный костюм маленького клоуна, состоящий из блузы и широких панталон палевого атласа. Не менее живописными были и балы-маскарады с участием контингента постарше.

Один за другим такие карнавалы прошли в клубе приказчиков, в Орловском дворянском и Орловском купеческом собраниях, в Бахтина кадетском корпусе и Александровском реальном училище.

С размахом провело, к примеру, костюмированный бал 28 декабря Орловское купеческое собрание. Вход сюда составлял: для мужчин – 1 рубль, для дам – 60 копеек, но от желающих не было отбоя, поскольку за лучшие костюмы обещали вручить сразу 12 ценных призов: золотые мужские и женские часы, два золотых перстня, золотые серьги, брошь, браслет, жетон, булавка, серебряные портсигар, портмоне и подстаканник.

Последнюю неделю декабря орловчане развлекались по полной программе – и не забывали читать газеты, журналисты которых выискивали самое интересное в жизни праздного города. Вот такое сообщение появилось в «Орловском вестнике» в те рождественские дни:

«Приключение в духе Декамерона»

Третьего дня полицией 1-ой части была задержана скромная на вид монашенка по подозрению в том, что «случайно» захватила чьи-то 10 рублей. Монашенка была доставлена в участок, где жене городского было предложено обыскать её. Каково же было изумление и ужас жены стража, проводившей обыск, когда тут-то обнаружилось, что пред нею стоит не монашенка, а переодетый в женское монашеское платье ...мужчина. По дальнейшем исследовании, задержанная «монашенка» оказалась тульским мещанином Иваном

Александровым Дрыкиным. Некоторое время Дрыкин, скрытый под тем же скромным одеянием, под видом спасающейся россиянки, жил в местном женском монастыре. Да, оказывается, туляки выдумали не один только самовар, а пошли в отношении проявления своей изобретательности и дальше».

А теперь о подробностях, оставшихся за рамками этого сообщения и выяснившихся в полицейской части только некоторое время спустя. Прежде всего, стоит сказать, что в ходе тщательного обыска, сделанного уже после разоблачения Ивана Дрыкина, участковый надзиратель обнаружил в его монашеском одеянии и исподнем белье (перечисляю) не 10, а 120 рублей (трёх-, пяти- и десятирублёвыми ассигнациями), а также золотые мужские и золотые женские часы, серьги, булавку, запонки и массивный портсигар (все эти вещи тоже оказались золотыми) и большую медную кружку для сбора подаяний. Кстати, нательный крест на задержанном был не скромным деревянным, как положено простым монахам и монашенкам, а тоже золотым.

Ни первый, ни второй допросы Ивана Дрыкина ни к чему не привели: он упрямо твердил, что это его собственные вещи, доставшиеся по наследству от орловской бабки-купчихи, к которой он и приехал в Орёл.

«Украли, господа!»

На вопрос о монашеском одеянии тульский «умелец» заявил, что это подарок той самой бабушки, родная сестра которой была монахиней Орловского женского монастыря.

Тем временем, пока продолжалось двухдневное разбирательство с Дрыкиным, в полицейскую часть один за другим явились и оставили заявления: представители Орловских гильдий приказчиков и купцов, секретарь Орловского Дворянского собрания, офицер-воспитатель Бахтина кадетского корпуса и надзиратель Александровского реального училища.

Когда становой пристав 1-ой части прочёл все эти бумаги и переговорил с заявителями, то у него буквально «глаза полезли на лоб». Оказалось, что во всех перечисленных местах и учебных заведениях, в которых проходили костюмированные балы-маскарады, в течение вечера обязательно появлялась скромно одетая монашка, просившая подаяние на нужды женского монастыря.

Разгорячённая танцами и представлениями публика не отказывала в богоугодном деле, и везде «скромница» набирала полную кружку мелочи, а то и ассигнацию кто-нибудь ей бросал. Потом на монашку переставали обращать внимание, продолжая веселиться, а к концу бала, когда народ забирал одежду из гардероба, стали раздаваться то там, то здесь удивлённые и возмущённые крики: «Украли, господа!»

А в Орловском купеческом собрании, где только-то собирались начать процедуру награждения за лучшие маскарадные костюмы, выяснилось, что пропала большая часть приобретённых для победителей ценных призов. Здесь тоже, как и в предыдущих случаях, неподалёку от места происшествия была замечена скромница-монашка.

Иван Дрыкин в роли молитвенницы настолько уверенно себя чувствовал, что на бале в Александровском реальном училище (пятом по счёту в его маршруте те дни) рискнул поучаствовать даже в конкурсе костюмов и получил от организаторов в подарок серебряный подстаканник.



Свято-Введенский женский монастырь

Как монашка надзирателем стала

Становой пристав Подгорецкий устроил заявителям и мещанину Дрыкину очную ставку. Для этого он заставил туляка снова надеть так любимое им монашеское одеяние. Все пятеро представителей пострадавших уверенно сказали, что у них на балу была именно эта скромница-просительница, а когда им представили настоящий облик мошенника, то удивлению приказчика, купца, дворянина, офицера и надзирателя не было предела.

Вещи, найденные у Дрыкина в ходе обыска, пристав показал заявителям, и большинство предметов было ими опознано.

«Ну что, Дрыкин, отправляю тебя завтра на отсидку, пусть там с тобой уже другие разбираются, - сказал усталый, но довольный Подгорецкий, проводив последнего заявителя, - ты, кажется, проходишь ещё тот!»

Был поздний вечер 31 декабря, когда становой пристав с чувством выполненного долга отправился домой, где, наконец-то, можно было позволить себе

выпить бутылочку пива (крепких напитков Подгорецкий принципиально не признавал).

Семейное новогоднее застолье Подгорецким удалось в полной мере: посидели, поговорили, поздравили себя, ребятишек и хороших соседей и, умиротворённые, отправились на боковую.

Но около трёх часов пополудни в дверь дома станового пристава позвонили (*новомодный звонок Павел Петрович установил совсем недавно – А.П.*). Прибежал со съезжей (*это камера для арестованных при полицейской части – А.П.*) дежуривший в ту ночь городской Кошеверов. Обходя свою территорию, заметил он, что дверь полицейской части открыта. Заглянул, а там...

Что там – увидел через полчаса и Подгорецкий. Дежуривший ночью надзиратель, охранявший Ивана Дрыкина, был найден запертым в камере на его месте, со связанными руками и ногами, с кляпом во рту и только в нательном белье. Как всё произошло – надзиратель Суханов рассказал в подробностях. Оказалось, что Дрыкин, несмотря на тщательный обыск, умудрился где-то на теле спрятать несколько ассигнаций и уговорил надзирателя отметить Новый год (дал и сверх того, что стоит бутылка). А когда Суханов вернулся из трактира и подошёл к решётке, протягивая руку с вином, то потом сразу же отключился от сильного удара. Очнулся только через час, уже в камере, без одежды, оружия и ключей, доставшихся Дрыкину в качестве трофея вместо отобранного у него ранее.

Куда направился теперь уже не монашенка, а *лжеснадзиратель Дрыкин*, орловским полицейским выяснить не удалось. Информация о сбежавшем арестанте ушла в соседние губернские полицейские управления, но следы артиста-туляка так и затерялись на необозримых российских просторах.

Станового пристава Подгорецкого после этих событий на некоторое время понизили в должности, и с тех пор он всегда встречал каждый последующий Новый Год только на рабочем месте – в полицейской части, строго следя за своими подчинёнными.

Глава четвёртая Лица орловских дворян

Графы Мусины-Пушкины

О том, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин бывал на Орловщине, знают очень многие. Другие - слышали или даже читали о его встрече с генералом Ермоловым. Некоторые вспомнят ещё и легенду (особенно любят её в Малоархангельске), как Александра Сергеевича приняли у нас за ре-визора, а он потом этот сюжет подарил Николаю Васильевичу Гоголю. Так родился бессмертный «Ревизор».

«От лошадиного удара умре без покаяния...»

А вот о том, что другие Пушкины, с приставкой Мусины, из того же обще-го с великим поэтом рода, были ещё и орловскими помещиками, я думаю, не знает почти никто из наших земляков. Лично я обнаружил это совершенно слу-чайно и, удивительное дело, при изучении метрических книг Михаило-Архангельской церкви города Малоархан-гельска за 1790-1792 годы (*Государственный архив Орловской области, ф.101., опись 1, ед. хранения 1949 – А.П.*).

Мало того, что чтение такого рода доку-ментов само по себе увлекательное занятие. Чего стоит, к примеру, такого рода запись: *«11 мая 1797 года бывшего города Малоар-хангельска купец Илья Григорьев от лошади-ного удара умре без покаяния и погребён по христианской должности»*. И было этому купцу, ненароком подвернувшемуся под ло-шадиное копыто, всего 26 лет.

Или вот ещё одна запись – декабря 1797 года: *«города Орла мещанин Семён Горбунков утоп и по христианской должности погребён»*. Трудно сказать, где зимой в Малоархан-гельске (*там и реки-то настоящей нет, только ручей – А.П.*) умудрился найти место для такой смерти 35-летний тёзка известного персонажа «Бриллиантовой руки», но, видно, очень старался – или наоборот – крупно не повезло.



Мусина-Пушкина Елизавета
Фёдоровна

«Маму для графа? Пожал-те в Костюрино!»

А теперь, перехожу, собственно, к главному предмету разговора - графам Мусиным-Пушкиным. В метрической книге Михаило-Архангельской церкви за 1790 года эта фамилия мне встретилась трижды – в январе, августе и октябре.

Во втором и третьем случаях речь шла о рождении детей у крепостных крестьян графа Мусина-Пушкина: 28 августа 1790 года – у крестьянина Николая Степанова родился сын Прохор, 27 октября 1790 – у крестьянина Дениса Фёдорова родилась дочь Прасковья.

Но лучшей находкой оказалась для меня первая по времени запись: *«27 января 1790 года графа Алексея Семёновича Мусина-Пушкина крестьянин сельца Богородского Сергей Злизунов понял поручика Семёна Ергольского крепостную девку Марфу Кириллову, оба – православного вероисповедания и первым браком»*. В этой записи названы не только имя-отчество графа Мусина-Пушкина, но и его владение – сельцо Богородское. На всякий случай объясню читателям, что слово «*понял*» в данном контексте в XVIII веке означало – «*взял в жёны, женился*».

Итак, граф Алексей Семёнович Мусин-Пушкин оказался орловским помещиком, хотя в справочной литературе о нём обычно говорится только о его имениях в Московской и Тульской губерниях (Московский и Богородицкий уезды). Покопавшись в генеалогическом древе графа, мне удалось найти любопытную информацию. Оказывается, его отец, Семён Петрович (по другим источникам, Семён Львович – А.П.) Мусин-Пушкин, был женат трижды. О жёнах его известно очень мало, но фамилию первой мы знаем: Костюрина. Имя-отчество её историкам выяснить пока не удалось, но именно она – мать Алексея Семёновича. А в метрических книгах Михаило-Архангельской церкви города Малоархангельска мне встретился в записях и помещик по фамилии Костюрин, и деревня с таким же именем. Деревня существует до сих пор и находится рядом с Малоархангельском, к востоку от него, почти у самой трассы на Колпну.

И наверняка, это не просто совпадение. Мусины-Пушкины, породнившись с Костюриными, стали владельцами здешнего имения, которое в документах XVIII века чаще называлось сельцо Богородское.

«Его стараниями пополнен Эрмитаж...»

А теперь, я думаю, настала пора сказать несколько слов об Алексее Семёновиче Мусине-Пушкине. Известный русский дипломат XVIII века, посланник в Великобритании и Швеции, действительный тайный советник, граф Священной Римской империи, он свыше 30 лет представлял интересы России на международной арене. Начиная с чина поручика при русском посольстве в Вене, потом был резидентом в Данциге, чрезвычайным посланником в Гамбурге и, наконец, с середины 60-ых годов XVIII века наступает пик его карьеры: посланник (в ранге полномочного министра) в Великобритании, потом – в Швеции.

В Лондоне Мусин-Пушкин жил в наёмном



Мусин-Пушкин
Алексей Семёнович

посольском доме на Гроссвенор-стрит, где радушно принимал многих русских путешественников. Что касается собственно качеств дипломата, то, по отзывам современников, в анализе политической ситуации Алексей Семёнович был слаб. Он однажды даже вызвал гнев Екатерины II, не уведомив её об объявлении Испанией войны Англии, и императрица узнала об этом из газет. А вот донесения Мусина-Пушкина Екатерине II, касавшиеся государственных учреждений и промышленности Англии, царица прочитывала внимательно и с гораздо большим интересом, особенно приводимые дипломатом статистические таблицы.

Важную роль Алексей Семёнович сыграл и в приобретении Россией коллекции британского премьер-министра Роберта Уолпола. В декабре 1778 года через Мусина-Пушкина к императрице обратился его внук Джордж Уолпол, граф Орфорд, с предложением купить собрание деда — известного коллекционера. Несмотря на поднятую в английском парламенте кампанию с целью покупки картин в национальную собственность, через два месяца они были приобретены Екатериной II за 40 тысяч фунтов. Коллекция Уолпола обогатила собрание Эрмитажа картинами Рубенса, Ван Дейка, Иорданса, Рембрандта, работами Пуссена и других мастеров. При его содействии для Екатерины II были также приобретены «Сервис с зелёной лягушкой» Веджвуда и изделия фабрики Боултона.

Умер Алексей Семёнович Мусин-Пушкин в 87-летнем возрасте, не оставив наследников. Его имения и дома в Москве перешли под управление второй жены (первая рано скончалась), Елизаветы Фёдоровны, (*в девичестве - Шарлотта-Амалия-Изабелла Вартенслебен - А.П.*).

Когда в 1835 году скончалась и она, все имения по её завещанию были переданы Ивану Петровичу Мусину-Пушкину, племяннику мужа.

Герой Бородин и благотворитель

Об Иване Петровиче стоит сказать отдельно, поскольку он, унаследовав все имения дяди, (10 деревень в Богородском и Московском уездах, каменный дом в Москве на Мясницком бульваре, и другие владения, в том числе и в Малоархангельском уезде Орловской губернии), тоже стал орловским помещиком.

Иван Мусин-Пушкин рано лишился родителей и воспитывался в доме дядюшки-опекуна — Алексея Семёновича, оказавшись для приёмных родителей благодарным воспитанником и настоящим сыном.

Иван Петрович служил в Лейб-гвардии Измайловском полку, участвовал в его составе во многих сражениях и войнах, за отличия в которых был награждён несколькими орденами и золотой шпагой с надписью «За храбрость». За мужество в Бородинском сражении был пожалован штабс-капитаном и награждён орденом Святого Владимира с бантом (полк выстоял в каре на Семеновских высотах под жестокими ударами 400 орудий и отразил нападения тяжелой кавалерии).

20 мая 1816 года он получил звание полковника, а 21 декабря того же года был уволен «с мундиром» в отставку «по болезни». Имея своё большое состоя-

ние и получив наследство от тётушки, Иван Петрович устроил замечательную усадьбу Старо-Никольское в Подольском уезде и построил каменную церковь Святого Николая Чудотворца в селе Оболдино Московского уезда. Денег на благотворительность он не жалел. Умер Иван Петрович Мусин-Пушкин в 1863 году, похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря.

В Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии ни Алексей Семёнович, ни Иван Петрович Мусины-Пушкины внесены не были. Зато в эту главную дворянскую книгу губернии вписаны граф Алексей Павлович Мусин-Пушкин и его жена Любовь Александровна. В каких родственных связях находились они по отношению к героям моего рассказа и чем отличились – это уже отдельная история.

Чичерины: от Сибири до Парижа

Во всех справочниках и энциклопедиях герой войн с Наполеоном, генерал от кавалерии, кавалер многих российских и иностранных орденов, награждённый золотым оружием «За храбрость» (с алмазами), Пётр Александрович Чичерин, назван дворянином Тульской губернии. А между тем это не совсем так, поскольку обширные его имения находились также в Малоархангельском уезде Орловской губернии, и он, с таким же правом, может считаться нашим земляком.

Сибирский губернатор - «батюшка» или «самодур»?

Причём, Пётр Александрович не был первым из Чичериных, кто имел земельные владения на Орловщине. По всему левобережью речки Фошни (*современная территория Покровского и Колпнянского районов – А.П.*), уже в середине XVIII века, располагались деревни и земли Дениса Ивановича Чичерина, генерал-поручика, сибирского губернатора в течение 18 лет.

Это была чрезвычайно колоритная и противоречивая личность. Современники Дениса Ивановича донесли до нас сведения о его облике и образе жизни в Тобольске, Чичерин «...был росту среднего, красив лицом, ловок и телосложения крепкого; хотя вспылывал до бесконечности, однако горячность его была непродолжительна, и, имея сердце доброе, сам изыскивал случаи быть полезным тем, которых оскорблял своею необузданною горячностью. Вставал в 4 часа утра, приступал немедленно к трудам звания своего; просителей принимал без доклада и каждому старался оказать услугу».

За 18 лет управления губернией Денис Иванович Чичерин немало сделал для ее благоустройства. В Тобольске он открыл геодезическую школу, положив тем начало регулярным землемерным работам и Сибири. Учредил аптеку, начал оспопрививание. В 1776 году им был построен каменный госпиталь и открыт работный дом для ссыльных и преступников. Он покровительствовал открытию в том же году банковской конторы с капиталом в 1 миллион рублей ас-

сигнациями. При Денисе Ивановиче Чичерине была заселена и тем облегчена дорога от Тобольска до Иркутска, начиналось заселение и освоение Барабинской степи, Алеутские острова стали владением России. Быстрые и решительные меры, предпринятые Чичериным в самом начале пугачевщины, пресекли распространение ее на Сибирь. За заслуги в управлении обширнейшим краем Денис Иванович Чичерин был награжден орденом Святой Анны I степени, орденом Святого Александра Невского и чином генерал-поручика.

Своими заботами о благоустройстве городов и готовностью помогать бедному населению он стяжал себе добрую память и был известен под именем "*батюшки Дениса Ивановича*", одновременно многие считали его *«державным князьком и самодуром»* – за заведённые им порядки как в общественной, так и в частной жизни сибиряков.

Губернатор, к примеру, имел обыкновение заходить в дома мещанские и смотреть, что жена варит мужу на обед. Если в избе было грязно, не прибрано, или Денису Ивановичу не нравилось качество кушанья, то хозяйку тут же выводили во двор и секли розгами сопровождавшие его гайдуки.

Особенно не терпел губернатор праздно шатающихся людей и скота на улицах. Мирно роющихся в земле свиней, оказавшихся без присмотра, забирали на гауптвахту, бездельников арестовывали и без суда сажали на цепь.

Как писали современники строгого губернатора: *"Денис Иванович, как истый сын своего века, зачастую переходил пределы всякой законности, благоразумия и гуманности, и добивался желаемого неслыханными строгостями, граничившими с беспощадной жестокостью"*.

Известный бытописатель XIX века Михаил Пыляев в своей книге «Замечательные чудачки и оригиналы» так написал о последних годах жизни бывшего сибирского губернатора:

«По получении отставки (1780 год – А.П.) жил он в орловской деревне, в с. Ильинском, где вначале не бросал своей прежней пышной жизни, но, наконец, деревня стала ему скучна, он сделался угрюмым, задумчивым, начал чуждаться людей, заперся в свой кабинет, никого не видал и умер в 1785 году, отвергая пищу и все услуги своей дворни».

Земельные владения Дениса Ивановича в наших краях унаследовал его сын, Александр Денисович Чичерин, именем которого стала называться деревня, в которой он поселился, - Александровка. Долгое время у населённого пункта имелось и второе название – Чичерина (ныне – д.Александровка в Топковском сельском поселении Покровского района – А.П.). У Александра Денисовича и его жены, урождённой графини Девиер (родственницы светлейшего князя Меншикова – А.П.), родилось семеро сыновей, одним из которых и был герой войн с Наполеоном Пётр Александрович Чичерин.



Чичерин Пётр Александрович

Командир лейб-гвардии Драгунского полка

Появившись на свет 10 февраля 1778 года, отрок Петруша 8 апреля 1785 года был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, из которого 1 мая 1789 года переведён был вахмистром в лейб-гвардии Конный полк, где за 6 лет из корнетов добрался до полковников (1803 год). Эти, авансом полученные звания, Пётр Чичерин с блеском отработал в последующих боях и сражениях, почти непрерывно следовавших друг за другом в течение четверти века.

Начинал он с Аустерлица (декабрь 1805 года). Потом были бои при Гейльсберге и Фридланде (1806-1807 годы). За отличие в последнем Пётр Чичерин награждён был орденом Св. Георгия 4-го класса – *«в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении... против французских войск, где, находясь у прикрытия батарей, с примерною твёрдостью выдерживал действия неприятельской артиллерии, отдавая всякое на батареи наши покушение неприятеля»*.

А 12 декабря 1809 года полковник Пётр Чичерин стал командиром лейб-гвардии Драгунского полка, которым командовал потом в течение 16 лет – беспримерный случай в истории русской императорской гвардии!

С этим полком, в составе 1-й бригады гвардейской кавалерийской дивизии 1-ого резервного кавалерийского корпуса 1-й Западной армии, Пётр Чичерин встретил начало Отечественной войны. Участвовал и отличился *«в делах при Вилькомире, Витебске, Смоленске, Бородине»*. С сентября 1812 года полк находился в составе партизанского отряда генерала Дорохова. За проявленные 4-6 ноября 1812 года в бою под Красным *«отличную храбрость и мужество»* Пётр Чичерин пожалован был 6 декабря 1812 в генерал-майоры и удостоен 3 июня 1813 ордена Св. Георгия 3-го класса.

Воронные кони лейб-гвардии Драгунского полка в конце декабря 1812 года вошли в Европу, а их хозяева-драгуны, под умелым командованием генерал-майора Чичерина, во время Заграничного похода русской армии отличились в сражениях при Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге. В Битве народов под Лейпцигом (16-19 октября 1813 года), во встречном конном бою, Пётр Чичерин получил ранение французским палахом в щеку.

Оправившись от раны, он вернулся в строй и участвовал в сражении при Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа.

После окончания Отечественной войны и Заграничных походов Чичерин продолжил службу. Участвовал в войне с турками в 1828—1829 годах, в подавлении польского восстания 1831 года. 22 апреля 1834 он получил чин генерала от кавалерии.

Украденная княжна

А теперь немного о личной жизни военачальника. Красавец-мужчина, Пётр Александрович пользовался большим вниманием женского пола, но никому из светских дам не отдавал предпочтения, пока однажды, на рождественском балу 1809 года, в промежутке между очередными войнами и походами, не влюбился драгун-полковник без памяти в танцевавшую там красавицу, Александру Сал-

тыкову, жену статского советника. Она, к тому же, была ещё и дочерью знаменитого князя Алексея Куракина.

Томиться и ожидать, страдая, Пётр Чичерин не стал. Он поступил, как привык это делать на войне – быстро и решительно. В один из дней просто увёз свою возлюбленную из дома мужа. Какой переполох тогда поднялся в свете – трудно представить. Николай Салтыков пытался вернуть жену, но ничего у него не вышло, хотя развод супруге он так и не дал.

Пришлось членам новой семьи жить не венчанными – большой грех по тем строгим временам. Князя Куракины прервали всякие отношения не только с генералом, но и с княжной Александрой Алексеевной. Но молодожёны не обращали внимания на сплетни и пересуды. Их счастье продлилось 10 лет, родились один за другим шестеро детей – понятно, что незаконнорожденные. А когда младшему из сыновей, названному в честь отца, исполнилось два года, княжна Александра Куракина скоропостижно, в 31 год, скончалась.

Горе Петра Чичерина было безмерно. Чуть уменьшил его император Александр I, специальным указом причислив всех детей своего боевого генерала к дворянству – уже после смерти их матери.

Петру Александровичу пришлось одному поднимать на ноги, воспитывать и давать образование двум дочерям и четырём сыновьям, трое из которых пошли по его стопам – стали военными. А отношения Петра Чичерина с князьями Куракиными потихоньку наладились, и отобранная ими ранее часть наследства княжны Александры Алексеевны была возвращена её сыновьям Петру и Павлу. Они стали владельцами имения в селе Алексеевском и деревне Натальиной (*Малоархангельский уезд Орловской губернии – А.П.*).

Генерал от кавалерии Пётр Александрович Чичерин пережил жену почти на 30 лет – он скончался в 1848 году, похоронили его, по завещанию, рядом с любимой супругой, на кладбище Свято-Троицкой Сергиевой пустыни под Петербургом.



Куракина (Чичерина)
Александра Алексеевна

Один день Ивана Михайловича (как орловский прапорщик Козаков Париж брал)

18 ноября 2012 года в селе Луковец Малоархангельского района прибавилось достопримечательностей: после 67-летнего изгнания на своё место, туда, где стояла когда-то красивейшая Покровская церковь, усилиями местных

энтузиастов, возвратился надгробный камень с могилы генерал-майора и кавалера Петра Ивановича Козакова.

Память возвращается...

Когда весной 1955 года в этом населённом пункте прогремел сильный взрыв, многим жителям на короткое время показалось, что в их ещё не успевшее восстановиться селение вновь пришла война. Но оказалось, что здесь по чьему-то изуверскому решению просто уничтожали храм Божий – чтобы не напоминал он о «проклятом прошлом».

Вместе с Покровской церковью разрушены были тогда и расположенные с нею рядом старинные фамильные склепы, в одном из которых хоронили своих родственников местные помещики Козаковы. Надгробная плита одного из них, генерал-майора Петра Козакова, оказалась потом на долгие годы заброшенной и заваленной мусором на задворках Луковецкого гражданского кладбища. Куда же исчезло надгробие его отца, выяснить до сих пор не удалось. А очень хотелось бы, поскольку Иван Михайлович Козаков был личностью воистину легендарной. О нём даже спустя 100 с лишним лет после его смерти с восторгом говорят местные жители как об участнике Отечественной войны 1812 года и знаменитом орловском охотнике.

Впрочем, их живописные и красочные воспоминания, как ни удивительно, подтвердил сам герой с помощью опубликованных когда-то в журнале «Русская старина» собственных записок под названием «Поход во Францию 1814 года». Из них, дополненных биографическими заметками его внука, генерала Александра Безгина, и материалами Государственного архива Орловской области, я и почерпнул я сведения, о которых сейчас поведаю читателю.

Иван Козаков – настоящий гвардеец

Иван Михайлович Козаков родился в сельце Котельном Новосильского уезда 27 апреля 1797 года в семье, которую хорошо знали многие орловские и тульские дворяне, да и при царском дворе она была известна. Отец его, Михаил Андреевич, был на короткой ноге с самим генералом Ермоловым.

В 12-летнем возрасте Иван Козаков поступил в Пажеский корпус и быстро стал в этом привилегированном учебном заведении одним из лучших учеников, которому доверили обслуживать лично Императора Александра I и его семью.

По окончании учёбы в июне 1813 года камер-паж Козаков был произведен в прапорщики гвардии и назначен в



Этой медалью был награждён Иван Козаков

прославленный лейб-гвардии Семеновский полк. Через Орёл, Чернигов, Бобруйск и Гродно 16-летний прапорщик добирался до назначенного места. То, что молодой офицер — не из робкого десятка, Иван Козаков доказал уже на пути к действующей армии.

Между Черниговом и Бобруйском, где почти вся дорога шла лесами, его пытались ограбить местные разбойники. Вот как вспоминал об этом Иван Михайлович: *«Стало темнеть, лес сделался гуще, как вдруг из кустов выскочила темная фигура и схватила за повод коренную лошадь, которая уперлась и стала пятиться назад. Выхватив пистолет, я закричал: пусти или убью. Разбойник начал свистать, из чащи послышался шум; тогда я выстрелил, фигура отшмыгнула в лес; я выскочил из повозки с саблей и другим пистолетом, бросился за ней; однако оклик сопровождающего дядьки: — куда вы, в лесу вас убьют, садитесь скорее — меня образумил — и то, правда, — ускорим!».*

К началу сентября 1814 года из резерва было создано две сильные роты для пополнения убыли, понесенной русской армией в Кульмском сражении. Командиром одной из рот численностью 350 человек назначили прапорщика Козакова. 16-летний офицер благополучно, не потеряв ни единого человека, за два месяца довёл свою часть через Польшу и Германию до Рейна, где и присоединился к действующей армии.



Русская армия вступает в Париж (19 марта 1814)

Шампанское от генерала Ермолова

Первое сражение для прапорщика состоялось уже на территории Франции, под городом Бриенном 17 (29) января 1814 года. А следующей битвы Ивану Козакову пришлось дожидаться два месяца. Вечером 17 марта 1814 года он получил приказ явиться на следующее утро в распоряжение генерала Ермолова. Вот как об этом вспоминал прапорщик в своих записках:

«18 марта рано утром явился я к Ермолову: — К вашему превосходительству от лейб-гвардии Семеновского полка на ординарцы прислан. „Как ваша фамилия?“ — Прапорщик Казаков. „А, любезный, ты из камер-пажей, да я и с отцом твоим знаком — смотри — будем нынче хлопотать и трудиться, а

завтра, может быть, и отдых — и в Париже побываем". — Да, ваше превосходительство, если не убьют. „Ну, это кому что придется".

Исторический день взятия Парижа врезался в память Козакова до мельчайших подробностей, которые и много лет спустя вспоминал он как ярчайшие моменты в своей долгой жизни.

Русско-пруссские полки быстро продвигались от окраин французской столицы к центру, тесня наполеоновские войска, а прапорщик на коне, десять часов непрерывно, под сильным обстрелом противника, мотался между Императором Александром I и генералом Ермоловым к переднему краю наступления, доводя до командиров полков полученные им от начальства приказы и распоряжения.

Трижды в течение дня прапорщик Козаков был на волосок от гибели. Вначале он вместе со своим конём чуть не попал под колёса французской пушки, которую, спасаясь бегством, тащила бешено мчавшаяся четвёрка лошадей. Во второй раз Козакова спас генерал Ермолов, когда ординарец в очередной раз докладывал о выполнении задания. Алексей Петрович, из-за оглушительной стрельбы не слыша доклада, приказал прапорщику подъехать поближе, и в это время вражеское ядро разорвалось на том месте, где несколько секунд назад находился Козаков. При этом были убиты трое гвардейцев.

Третий эпизод случился в самом конце сражения, около 16 часов пополудни, когда стрельба уже почти затихла, и вот-вот должна была состояться сдача города. С высокой трёхъярусной башни неожиданно началась прицельная оружейная пальба, под которую угодил уже не только Козаков, но и сам генерал Ермолов с охранением. Один казак был ранен, но к счастью, стрельба быстро прекратилась. Победу прапорщик Козаков отметил стаканом французского шампанского, которым угостил его генерал Ермолов (*правда, осушил Иван Михайлович только половину — не пил он к этому времени ещё совсем — А.П.*).

«Не знаю, как другие, но я был очень рад, что остался жив и не ранен и что буду в Париже», - так написал Иван Михайлович об итогах дня 18 марта 1814 года.

Из Парижа – в Малоархангельск

В Париже Козаков побывал на следующий день, когда русские войска торжественно вступили во французскую столицу, а вечером исполнял обязанности начальника караула во время спектакля «Триумф Траяна» в театре Гранд-Опера, на котором присутствовал Александр I. А потом ещё почти три месяца бывший ординарец Ермолова наслаждался заграничной жизнью, квартируя у одного приветливого парижанина по фамилии Дюпюитрен.

Летом 1814 года прапорщик Козаков морем возвратился с полком на родину и продолжил военную службу. Выйдя в отставку в 1827 году в чине подполковника, он поселился в малоархангельском имении Алексеевка (Козаковка). С 1830 по 1842 год Иван Михайлович четырежды избирался малоархангельским уездным предводителем дворянства. В 1855 году И. М. Козаков, из-

бранный начальником малоархангельского ополчения, сформировал дружину из местных ратников и привел ее в Крым.

Иван Михайлович среди малоархангельских дворян и обывателей пользовался огромным авторитетом – как за свои деловые и человеческие качества, так и за познания в охотничьем деле. Скончался автор записок о взятии Парижа 7 октября 1883 года, простудившись на охоте с борзыми, с которыми он вскачь только что лично загнал волка. Шёл Ивану Михайловичу Козакову тогда 87-ой год.



Надгробие генерала Петра Ивановича
Козакова



Надпись на могильной плите

Николай Воейков – адъютант генерала Ермолова

Для начала, читатель, - отрывок из «Завещания»: *«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. По неизречённому милосердию Божию, сохраняя рассудок и память в здоровом их состоянии, я, нижеподписавшийся Генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов, духовное это завещание моё написал и подписал собственною моею рукою.*

Почитаю благотворением согласившихся быть исполнителями завещания моего Господ, уволенных от службы: Гвардии Полковника Ивана Васильевича Лихачёва, Гвардии Капитана Николая Павловича Воейкова и надворного Советника Николая Павловича Шимановского...».

На службе России: воеводы, послы, стряпчие, стольники

Алексей Петрович Ермолов, выдающийся военный деятель России, наш земляк, написавший эти слова за несколько лет до ухода из мира земного в мир небесный, своими душеприказчиками определил трёх людей совершенно разных чинов и званий. Но всех названных персон объединяло одно: генерал их давно и хорошо знал, ценил и – конечно же, не сомневался в их исключительной порядочности.

Мой рассказ – об одном из представителей этой замечательной троицы, гвардии капитане Николае Павловиче Воейкове.

Русский дворянский род Воейковых происходит, по преданию, от приехавшего в Москву (возможно, из Польши – А.П.) в 1384 году Воейко Войцехо-

вича из Тернова, в крещении Прокопия, у которого родилось два сына: Михаил и Степан. Оба они, как и отец, были боярами при московских великих князьях в XVI и XVII веках.

В дальнейшем Воейковы служили воеводами, думными дворянами, послами, стряпчими, стольниками. Многочисленный этот род (*к концу XIX века только представителей мужского пола насчитывалось уже более 500 человек – А.П.*) был записан в Дворянские родословные книги Владимирской, Вологодской, Калужской, Курской, Московской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Смоленской губерний.

В Орловской губернии Воейковы имели поместья в Орловском (село Архангельское на Сычах и сельцо Юшино) и Карачевском уездах (село Хотынец).

Выпускник училища колонновожатых

Что же касается биографии моего героя, Николая Павловича Воейкова, то в

ней – множество тайн и тёмных пятен. Начну с того, что место его рождения историкам пока не известно. Относительно даты рождения у исследователей нет единства: называют 1797 и 1800 годы.

В большинстве источников написано, что Николай Воейков – из дворян Медынского уезда Калужской губернии. Но это не совсем так, поскольку до подачи прошения в 1844 году в Орловское Дворянское депутатское собрание сам он сообщал, что происходит из дворян Московской губернии (*об этом заявлении – речь впереди – А.П.*).

Что касается службы

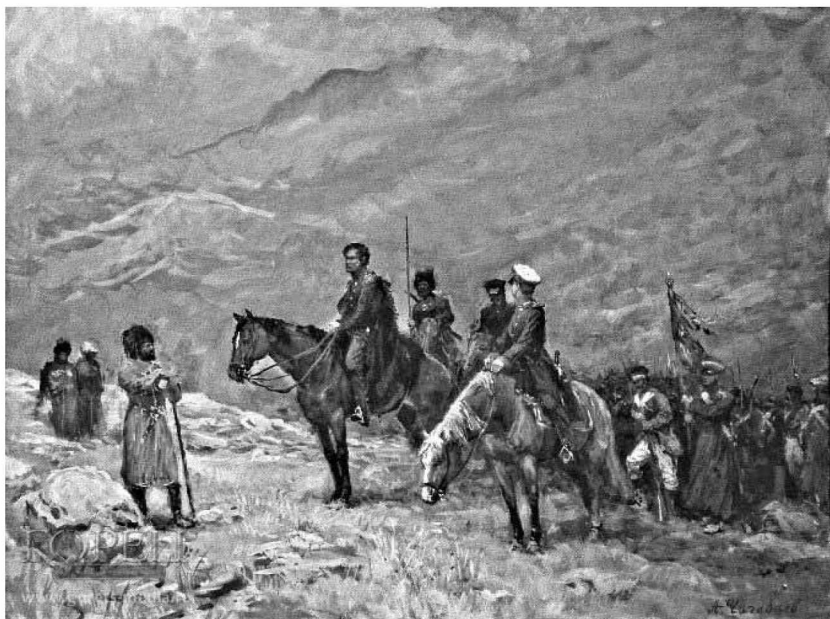
Н.П.Воейкова, то в его формуляре записано, что он вступил в неё *«колонновожатым 1815 года июля 15 в Свиту Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части, произведён прапорщиком 1816 августа 30»*.

И как раз в этот момент в судьбе Николая Воейкова начинаются крутые перемены. Генерал-лейтенант Ермолов, назначенный императором Александром I в 1816 году командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе, попросил одного из своих помощников, Николая Муравьёва, выбрать в созданном его отцом московском училище колонновожатых двух грамотных воспитанников. Ермолов всесторонне готовил сопровождение для своего посольства, направляемое в Персию.

Будучи в Осташеве (*ныне – Волоколамский район Московской области – А.П.*), где проводились летние занятия колонновожатых, Муравьёв остановил



свой выбор на Николае Воейкове и Евдокиме Лачинове. Юноши эти были хорошо образованы, прилежны, расторопны, отличались свободомыслием и веселым нравом. Предложение о поездке они приняли с радостью и на Кавказ прибыли одновременно с Николаем Муравьевым в первых числах октября 1816 года. Здесь и произошло знакомство двух выпускников училища колонновожатых (на всякий случай скажу, что оно готовило будущих офицеров Генерального штаба Русской императорской армии – А.П.) с прославленным героем Отечественной войны 1812 года.



Выборжанин Валерий – картина «Ермолов на Кавказе»

Кавалер ордена Льва и Солнца

В это время Ермолов получил известие о том, будто турки усиленно вооружаются и сговариваются о чем-то с персиянами; можно было ожидать внезапных нападений. Отправка посольства в Персию задержалась, и командир Грузинского корпуса решил, чтобы подчинённые не сидели без дела, отправить их для производства первой инструментальной съемки местности от Моздока до Тифлиса, чего никто еще не делал. Экспедицию возглавил штабс-капитан Николай Муравьев, а в числе трёх других её членов оказался Николай Воейков.

Работа по съемке была сопряжена с опасностью, воинственные горцы поджидали всюду, поэтому экспедицию сопровождал отряд из ста человек пехоты и тридцати казаков при двух орудиях. Тем не менее, вдали от высшего начальства, в окружении величественной красоты Кавказа, молодые люди не только успевали работать, но и общались, не скованные никакими уставами. Именно здесь, по-видимому, Николай Воейков оказался вовлечённым в свободолюби-

вые разговоры, которые привели его затем в тайную организацию будущих декабристов.

Следом за первой съёмкой местности последовала вторая – уже в пограничных, ещё более опасных районах. Но и с этим заданием молодые офицеры справились блестяще.

Генерал Ермолов оказался доволен проделанной работой, и особенно понравившегося ему прапорщика Воейкова он сделал своим адъютантом. И ни разу потом Алексей Петрович не пожалел о своём решении.

Когда, после долгих проволочек, русское посольство под руководством Ермолова, наконец-то, 17 апреля 1817 года отправилось в Персию, то в составе 200 человек посольских работников, обслуживающего персонала и охраны не последнюю роль играл адъютант Ермолова Николай Воейков.

19 мая в Тавризе состоялась встреча Ермолова с наследником персидского престола Аббас-Мирзой, а в июле – переговоры с самим шахом Фетх-Али в его летней резиденции. Миссия завершилась успешно: были решены спорные пограничные и территориальные вопросы, установлены дипломатические отношения с Персией. Довольный император Александр I по возвращении Ермолова на родину удостоил его звания генерала от инфантерии. Адъютанта же Воейкова отметил сам шах, пожаловав прапорщику орден Льва и Солнца III степени с алмазами.

«Не был, не знал, не слыхивал...»

За почти три последующих года службы на Кавказе Николай Воейков рекомендовал себя умным, храбрым, исполнительным и инициативным офицером. Впрочем, одна из инициатив могла, в конечном счёте, стоить ему карьеры и даже жизни. Прапорщик Воейков стал активным членом Тифлисской офицерской артели, которая поддерживала тесные связи с тайными декабристскими обществами, был лично знаком со многими будущими участниками восстания на Сенатской площади.

Впрочем, эта сторона его деятельности была скрыта для начальства, которое в феврале 1820 года за отличия в службе перевело его в Гвардейский генеральный штаб. Там Николай Воейков тоже не затерялся, но ему очень хотелось вернуться к Ермолову, который тоже скучал по своему расторопному и умному адъютанту. В результате, в конце августа 1821 года подпоручик Воейков был переведён в Лейб-гвардии Московский полк, с назначением вновь адъютантом своего любимого генерала.

В этой должности Николай Павлович оставался до конца службы, хотя в чинах вырос к маю 1825 года до штабс-капитана. Но генерал Ермолов не хотел менять своего надёжного и преданного адъютанта на кого-то другого.

В декабрьские дни 1825 года штабс-капитан Воейков находился в отпуске в столице и непосредственного участия в событиях на Сенатской площади не принимал. Однако после арестов и допросов первых декабристов, 9 января 1826 года его тоже отправили в крепость: фамилию Воейкова как участника тайного общества назвал Павел Пестель.

По мнению историка Павла Ильина, автора исследования «Новое о декабристах» (СПб, 2004 год), в котором он подробно останавливается на судьбе штабс-капитана Воейкова, прямых доказательств его членства в тайных организациях у Следственного комитета имелось более, чем достаточно, но случилось невероятное. Следователи, по каким-то, неведомым нам причинам, рассматривали только возможность участия Воейкова в тайной организации, созданной на Кавказе, в Грузинском корпусе Ермолова. А поскольку быстро стало ясно, что такой организации просто не существует в природе, то уже 20 февраля 1826 года штабс-капитан Николай Воейков был освобождён с «оправдательным аттестатом».

Наверняка сыграла здесь роль собственная позиция штабс-капитана, который на следствии твёрдо заявил: *«В тесных связях со членами тайного общества я не был ни с кем, а что же касается до существования тайного общества, я никогда не знал и никогда ни от кого об этом не слыхивал, в чём по чистой совести имею честь уверить».*

Честь для себя – сохранил, память о себе - оставил

И больше никаких претензий властей к нему не было. Кто или какие обстоятельства так направили ход расследования, чтобы «обелить» невысокого по чину и должности офицера – до сих пор является тайной. Остаётся осторожно предположить, что такой персоной мог быть генерал Ермолов, который после оправдания своего адъютанта лично поздравил его.

Впрочем, тем не менее, военную карьеру Николай Воейков продолжать не стал (и это тоже кажется странным – ведь оправдан же?). 7 ноября 1826 года он был *«уволен от службы по болезни с мундиром».*

Но отношения отставника с действовавшим генералом от инфантерии (а потом и кавалерии) ничуть не испортились. Воейков и Ермолов продолжали общаться и встречаться. Когда вскоре после смерти своего отца Алексей Петрович Ермолов задумал продать родовое имение Лукьянчиково, то он предложил эту сделку своему верному адъютанту, зная, что с его стороны никаких подводхов не будет.

Кстати, именно вскоре после приобретения Лукьянчиково отставной штабс-капитан обратился с прошением в Орловское Дворянское депутатское собрание зачислить его в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, и в декабре 1844 года Николай Павлович Воейков стал орловским дворянином. Кроме Лукьянчиково (95 душ крепостных крестьян), у него было имение и во Мценском уезде (107 душ).

И отправляться в последний путь генерал Ермолов решился только тогда, когда доверил все подробности своих похорон верным людям, одним из которых стал отставной штабс-капитан Воейков. У меня нет сомнения, что Николай Павлович всё сделал, как надо, и проводил полководца с почестями.

Умер штабс-капитан Воейков спустя 10 лет после своего командира, до конца жизни сохранив честь мундира, оставив после себя мемуары и добрую память у сослуживцев, жены и детей.

Упокоившийся во Мценске (генерал Павлищев)

11 февраля 1899 года ежедневная губернская газета «Орловский вестник» сообщила, что 10 февраля в Орле умерла вдова генерал-лейтенанта Анна Фёдоровна Павлищева. В короткой информации говорилось также, что прощание с покойной состоится на её квартире, в доме Офросимовой по улице Садовой. Вынос тела состоялся 13 февраля, после чего усопшую доставили на железнодорожный вокзал, откуда поездом её привезли в Мценск. А 14 февраля она была похоронена на территории Мценского мужского монастыря.

Когда я прочитал эту короткую информацию, то подумал: «А почему именно во Мценске нашла Анна Фёдоровна свой последний приют? Почему не в Орле, где жила и умерла?» Но после того, как я познакомился с биографией её известного мужа-генерала, всё стало на свои места.

«Павел Иванович Павлищев родился в 1795 году в селе Метлинцах Подольской губернии в небогатой дворянской семье. Его отец, ротмистр Иван Васильевич Павлищев, командовал эскадроном в Мариупольском гусарском полку, в составе которого участвовал в кампаниях против Наполеона в 1805, 1807 годах, отличившись в кровавых битвах под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау, Фридланде. Именно в этот полк 14 мая 1810 года и поступил Павел по окончании домашнего образования.

12 декабря 1811 г. он был произведён в корнеты, а уже в следующем же 1812 году принял участие в отражении нашествия Наполеона в Россию и затем в Заграничных походах 1813—1814 гг.. Участвуя в разных делах, Павел Павлищев явил личную храбрость: 14 августа 1813 года — в генеральном сражении на берегах Кацбаха, 23 числа того же месяца при Гохкирге, 16 сентября под Мейсеном, и, наконец, с 4 по 7 октября в знаменитой Лейпцигской битве, за что 14 декабря того же года получил орден св. Анны 3-й степени.

Переведённый 25 апреля 1814 г. в лейб-гвардии конно-егерский (впоследствии драгунский) полк, Павлищев произведён был 10 июля в поручики за оказанное мужество в сражениях 17 января под Бриеном и 20-го под Ла-Ротьером; участие же его в разгроме французской пехоты 13 марта под Фер-Шампенуазом доставило ему на другой день Высочайшее благоволение.

Возвратившийся в Россию по заключении мира полк расположился в Новгороде, где и простоял до 1828 г., и в этот период времени Павлищев дошёл в последовательном порядке до чина подполковника.

Турецкая кампания 1828 г. вновь вызвала Павлищева на поле брани. Переправясь через Дунай, он находился 11 сентября при блокаде Варны, 29 сентября - при её покорении, а с 30 сентября по 4 октября при преследовании турок от этой крепости до Камчика, и, наконец, 24-го октября переправился через Дунай для обратного похода в Россию.

Затем, 2 января 1831 г., уже в чине полковника, он был направлен со своими сослуживцами против восставших поляков. Этот год доставил ему новые отличия за дела: под Кусковым, Тыкочином, Тополовом, при Остроленке (где за

участие в разбитии у реки Нарев польской пехотной колонны получил 22 августа золотую саблю с надписью «За храбрость») и за штурм Варшавы (польский знак отличия за военное достоинство «*Virtuti militari*»).

Назначенный 6 декабря 1833 г. командиром Каргопольского драгунского полка, Павлищев прослужил на этом посту до 1838 г., а 15 апреля того года получил должность командующего 1-й бригадой 1-й драгунской дивизии, и 6 декабря 1836 года пожалован был орденом св. Георгия 4-й степени за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах. 1 января 1839 г. он был произведён в генерал-майоры с утверждением в должности командира вышеупомянутой бригады.

С наступлением Венгерской кампании 1849 г. Павлищев перешёл 11 июля границу Царства Польского у Томашева, следовал в Галиции до Дрогобыча, и был в боях в Трансильвании, а оттуда вернулся обратно в пределы России 7 сентября через местечко Радзивилов, и за этот поход получил 1850 г. два ордена: 17 февраля — св. Анны 1-й степени с императорской короной и 27 ноября — св. Владимира 2-й степени.

Определённый 16 февраля 1851 г. командующим 5-й лёгкой кавалерийской дивизией, Павлищев, с производством его 8 апреля в генерал-лейтенанты, получил 25 декабря 1852 г. должность инспектора гвардейских запасных эскадронов; с 27 декабря 1853 г. был командующим помянутыми эскадронами и с 18 января 1855 г. — 1-й гвардейской резервной кавалерийской дивизией, а с 26 августа 1856 г. по 24 декабря 1861 г. — помощником командующего резервами гвардейской кавалерии.

24 декабря 1861 г. он по болезни был зачислен по армейской кавалерии и в запасные войска, а в 1863 г. уехал за границу для излечения от постигшей его мучительной нервной болезни. Но лечение не помогло, и 14 августа он скончался на водах в Ахене. Тело его перевезено было в Россию и предано земле во Мценском уезде Орловской губернии.

Павел Иванович Павлищев женат был на А. Ф. Афросимовой, имел двух сыновей и четырёх дочерей».



Мценский Петропавловский мужской монастырь (фото начала XX века)

Эту сведения о генерал-лейтенанте Павлищеве я почерпнул из интернет-ской энциклопедии «Википедия». Правда, фамилия жены там написана через «А», но этот известный орловский дворянский род во многих документах именовался и через «О», и через «А». Во всяком случае, это именно она, Анна Фёдоровна, названа женой (в биографии) и вдовой генерал-лейтенанта (в газетном некрологе). Именно она завещала похоронить себя рядом с мужем, на территории Мценского Петропавловского мужского монастыря. Что и было сделано в середине февраля 1899 года.

В описании кладбища этого монастыря в разных источниках названы представители известных мценских дворянских родов, похороненные здесь: Шеншины, Протасовы, Шеины, Кривцовы. Назван среди упокоившихся и один генерал – Н.А.Белый. Однако упоминаний о том, что у стен монастырского Покровского собора покоятся генерал-лейтенант П.И.Павлищев и его жена, нигде до настоящего времени не было. Но, получается, с историей славного города Мценска связана биография (наверное, какая-то часть жизни и, по крайней мере, смерть) известного русского полководца XIX века, кавалера орденов Святой Анны 1-ой и 3-ей степени, ордена Святого Георгия 4-ой степени, ордена Святого Владимира 2-ой степени и Золотого оружия «За храбрость».

К сожалению, от бывшего величия Петропавловского мужского монастыря мало что сохранилось. Нет сейчас монастырского кладбища, утрачены могилы. И только память напоминает нам о прошлом и о людях, которые когда-то жили.



Сохранившиеся строения Мценского Петропавловского мужского монастыря

Р.С. И., в дополнение к рассказу о самом генерале.

Брат Павла Ивановича, Николай Иванович Павлищев, был тайным советником и известным историческим писателем, мужем родной сестры А. С. Пушкина Ольги Сергеевны. Мемуары их сына и племянника П. И. Павлищева

Льва Николаевича являются ценным источником для биографии и истории творчества А. С. Пушкина и его окружения.

Приложение

ГАОО, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 58, л. 101

Протоколы Дворянского Депутатского Собрания

Павлицев Павел Иванович, генерал-майор и кавалер

Женат на Анне Фёдоровне, имеет детей: Николая, Фёдора, Наталью, Елизавету, Екатерину, Ольгу и Лидию.

Все определены во дворянстве Дворянским Депутатским Собранием 1 августа 1847 года в 3 часть родословной книги и Указом Герольдии 14 мая 1856 года за №2970. Утверждены в дворянстве с перенесением из 3-ей в 1-ую часть (журнал с перенесением 31 мая 1856 года)

Казины

Фамилия Казиных, во многом, знаковая для Покровского района Орловской области. На нашей территории имелись до недавнего времени два населённых пункта под названием «Казинка» (просто Казинка и Малая Казинка), названные по фамилии этих помещиков. Имя-отчество одного из них, штабс-капитана, мне стало известно лет 15 тому назад, когда с помощью одного из моих учеников, Виктора Ланина, на кладбище села Вязовое, была обнаружена надгробная плита с его могилы. Когда создавалась уличная экспозиция Покровского районного краеведческого музея, этот памятник мы перевезли (*было тяжело, но получилось*) из Вязового в Покровское, и вот уже почти десять лет она находится на Памятной Дворянской аллее (*теперь – у одного из зданий Покровского техникума по улице Советской, д.20*).

Но долгое время имя штабс-капитана Ивана Ивановича Казина у меня никак не связывалось больше ни с какими другими именами, пока, наконец, я не заглянул в Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии.

Там обнаружил я семейство, родоначальником которого был Иван Яковлевич Казин, (правда, без даты рождения), фамилию которого продолжили два сына – Михаил и Иван. У Михаила тоже дата рождения оказалась не зафиксирована в Алфавитном Указателе, а вот у Ивана она имелась – 7 января 1801 года.

Спустя несколько лет (если быть точным, то в 2010 году) в Государственном архиве Орловской области я работал с протоколами Малоархангельского уездного суда за 1811 год и совершенно неожиданно наткнулся на знакомые фамилии.

Цитирую выписку из этого дела:

«1811 года, сентябрь, 11 дня.

Слушали прошение малоархангельского помещика, порутчика, Ивана, Яковлева сына, Казина, при коем, представляя на отданное им детям своим, сыновьям: регистраторам – коллежскому Михайле, губернскому Николаю, не-

дорослю Ивану, и дочери – девице Любви в вечное их владение из движимого и недвижимого своего имения, как-то, крестьян, написанных по скаскам пятой ревизии – Малоархангельской округи, в селе Верхососенье, дошедших ему по наследству после смерти родителя его, помещика Якова Григорьевца сына Казина...»

Согласно этому документу, выяснилось, что помещик Иван Яковлевич Казин имел имение и крестьян в селе Верхососенье, а досталось ему «движимое и недвижимое» имущество от его отца – Якова Григорьевича Казина. Получается, что Казины были помещиками села Верхососенье уже в середине XVIII века, а может, и раньше.

Кроме того, из дела выяснилось, что кроме известных мне уже сыновей Михаила и Ивана у Ивана Яковлевича имелось ещё двое детей – Николай и Любовь.

Всем четверым своим детям Иван Яковлевич Казин судебным путём выделил движимое имущество – крепостных своих крестьян, проживавших в селе Верхососенье: Михайле – Семёна Филиппова с женою его Федосьей (перечень включал ещё несколько имён); Николаю – Авериана, Михайлова сына; Ивану – Тимофея, Сергеева сына с женой. Дочери Любви были выделены крестьяне, имевшиеся у родителя в Орловской округе. Суд определил всем детям просителя дать копии документов и ввести их во владение.

Так на нашей Покровской земле стало шириться и ветвиться семейство помещиков Казиных. Но корни их владений остались в селе Верхососенье, где они продолжали жить весь XIX и начало XX века. Однако, кроме помещиков Казиных в том же селе Верхососенье проживали ещё и однодворцы с такой же фамилией.

В протоколах Малоархангельского уездного суда содержатся документы о земельном споре, который был рассмотрен судом весной 1819 года.

Цитирую отрывок:

«14 мая Малоархангельской округи, однодворец Никифор Васильев Казин предоставил в суд данное ему и брату его, однодворцу Ивану Казину духовное завещание их дяди, мценского помещика поручика Григория Тихонова сына Казина (завещание 1801 года, июня 20 дня – при отце духовном, села Верхососенье священнике Федосее Иванове и свидетелях, прапорщике Иване Филиппове, неслужащем дворянине Якове и Иване Самойловых и канцеляристе Семёне Алексееве сыне Бахматском)».

Впрочем, возможно, чтобы отличать многочисленное и разветвлённое семейство, некоторые из Казиных стали писаться как «Козины» (*кстати, потомки их живут в селе Верхососенье до сих пор – А.П.*).

Но вернёмся к основной теме и нашему основному роду помещиков Казиных. Имя Михаила Казина (*как наследника*) мне встретилось ещё раз позже в Протоколах Малоархангельского уездного суда за 1819 год. Имя просто упомянуто – для ориентира, но зато в этом отрывке названы известные нам и до сих пор верхососенские фамилии:

Итак, 28 июня 1819 года суд рассмотрел *«Дело села Верхососенье однодворцев Михайлы, Григория Ивановых, Ивана Казмина, Ивана, Тимофея Ивано-*

вых, Василья и Ананья Жестовских, при коем, представляя на покупную ими деревни Готовища у однодворцев Петра, Матвея, Карпа, Анисима и Петра Авсянниковых, состоящую в дачах села Верхососенье, в урочищах Верховья Сосны и близ Верха Щипаного, против владения помещика Михаила Казина, пять четвертей, или что в тех урочищах на их часть сыщется всю без остатку, с лесы, с санными покосы и со всеми угоды купчую, просят учинить на оной законную явку, возвратив им...».

Что касается Михаила Казина, то больше его имя мне не встречалось, но, по всей видимости, именно ему отец отдал земельные владения в самом селе Верхососенье и вокруг него.

А вот Иван получил участки чуть дальше – в селе Вязовое, куда и вернулся хозяйствовать после ухода в отставку в чине штабс-капитана. Женился Иван Иванович, скорее всего, опять-таки, по уходу в отставку, поскольку первый ребёнок у него, Николай, родился в январе 1835 года, когда штабс-капитану было уже три с половиной десятка. За первым ребёнком последовали ещё шестеро, поэтому, когда Иван Иванович скончался в мае 1870 года, чуть менее года не дожив до своего 70-летия, то умер он, вполне удовлетворённый сделанным.

Наследником Вязовского имения стал младший из сыновей – Леонид (1848 года), а родившийся уже у него 5 июля 1873 года сын Сергей стал последним из Казиных, живших в наших краях в усадьбе в селе Вязовом.

В 1908 году ему принадлежало 80 десятин 1200 сажень земли при этом селе персонально, а ещё нераздельно, вместе с сестрой, Зинаидой Леонидовной Скропшевой, он владел 227 десятинами 1200 саженьями. Как ни удивительно, последний из владельцев Вязовского имения тоже был штабс-капитаном, как и его дед, Иван Иванович. Сергей Леонидович считался у соседей-дворян авторитетным помещиком, исполнял обязанности земского начальника, а с началом I Мировой войны ушёл на фронт.

Нет сведений, где он был в годы гражданской войны, но в 1924 году С.Л.Казин продолжал проживать в своём вязовском доме, и его, как представителя эксплуататорских классов, лишили тогда избирательного права. В 1925 году, когда началось выселение всё ещё проживавших в имениях помещиков, Сергея Казина уже в Вязовом не было. Какова его судьба – выяснить мне не удалось. С последним из Казиных исчезла и фамилия, оставшись только в названии двух деревень, принадлежавшим им когда-то. Одна из двух Казинок уже тоже ушла в историю, другая вот-вот последует за нею следом. Печально, но уже, наверное, ничего не сделаешь.



Надгробная плита И.И. Казина

Козины

Кроме Козиных, о которых я уже рассказывал, известными помещиками в наших краях, были также и почти их однофамильцы Козины, по причине чего происходила путаница даже в таком официальном документе, как Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии, в котором первоначально значилось два семейства Козиных. Позже в фамилии второго рода буква «О» была исправлена на «А», и они стали «Казиными».

А теперь я поведаю о помещиках Козиных, самым известным из которых в первой трети XIX века был отставной майор Егор Сергеевич Козин. Основное его имение располагалось в селе Верхососенье, но с середины 30-ых годов в судьбе бывшего военного произошли большие изменения.

6 февраля 1835 года майор Е.С.Козин в церкви села Грачёвка (*скорее всего, второе название - Усово – А.П.*) Мценского уезда венчался с девицей Анной Мацневой, дочерью Мценской округи сельца Александровки умершего помещика Александра Мацнева, Поручители были по жениху: города Малоархангельска губернский секретарь Михаил Козин и губернский секретарь Григорий Козин (*получается – его родные братья – А.П.*), а по невесте: поручик Григорий Михайлович Варченков и Гусарского полка поручик Александр Карпович Лиlienфельд.

Венчание проводилось по месту прихода невесты, но жить молодые приехали в село Верхососенье, где 3 января 1836 года родился у них первенец - сын Дмитрий (*зарегистрирован был в метрических книгах Богоявленской церкви села Верхососенья – А.П.*). Восприемниками стали - того же села помещик Павел Сергеевич Козин (*родной дядя новорожденного – А.П.*) и Ливенской округи помещица подполковница А.А.Лиlienфельд.

По всей видимости, вскоре после этого Егор Сергеевич переехал в другое своё имение (*то ли уже имевшееся, но, скорее всего, только что приобретённое – А.П.*) – в деревню Козинку (*приход села Нижнего Ольшаного*) Ливенского уезда.

Там у семьи Козиных один за другим родились ещё два сына – Александр (*20 июня 1837 года*) и Николай (*12 мая 1838 года*).

Восприемниками Александра были Ливенского уезда, сельца *Ламигор*, помещик штаб-ротмистр Александр Карпович Лиlienфельд и того же села помещица подполковница Анна Антоновна Лиlienфельд

Крёстными же Николая стали Малоархангельского уезда села Верхососенья помещик, коллежский регистратор Павел Сергеевич Козин и Ливенского уезда д.*Ламигор* статского советника Антония Мацнева дочь девица Екатерина.

15 июля 1840 года у Козиных родился четвёртый сын – Михаил, а 5 января 1848 года появился на свет и пятый – Фёдор.

Сам майор Е.С.Козин был внесён в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии 16 февраля 1840 года, а дети – чуть позже.

Старший сын Егора Сергеевича – Дмитрий, упоминается в воспоминаниях Натальи Полонской-Василенко. Он вместе с Лиlienфельдами купил в начале

60-ых годов XIX века имение умершей Елизаветы Николаевны Козаковой. Сама покупка говорит о том, что Козины и Лилиенфельды были родственниками и дружили с давних лет.

Лилиенфельды поселились в Критово, а Дмитрий Егорович – в Красном Ржавце. Там Козин построил себе новую усадьбу. По воспоминаниям Натальи Василенко, Дмитрий Козин был хромой, ходил на костылях и всегда рассказывал что-то интересное детям. А вот почему он был хром – неизвестно. Вполне вероятно, что и по ранению.

Местные жители из Красного Ржавца, когда я побывал, показали место, где находилась усадьба помещика Козина – ровное, залужённое пространство, в центре которого буйно цвела сирень. Дольше всего сохранялась в разгромленном имении так называемая купальня – сооружённый местными крестьянами для барина небольшой водоём, в котором действительно купались.

Но и купальня в последнее заросла бурьяном – так что от усадебного места помещиков Козиных в Красном Ржавце остались только воспоминания.

Карповы – знакомые семьи Тургеневых

Знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев в течение всей своей плодотворной жизни успел познакомиться (как шапочно, так и достаточно близко) с множеством интересных или совсем незначительных личностей из самых разных слоёв российского общества. Некоторые из них были соседями по имениям его родителей. Вот об одном из таких семейств с очень распространённой на Орловщине дворянской фамилией «Карповы» и пойдёт далее речь.

120 четей в вотчину...

Известный тургеновед Николай Чернов называл их «провинциальными нигилистами» и говорил, что «в Мценске и Орле они пользовались скандальной известностью». Впрочем, на самом ли деле они были скандалистами, или людская молва сделала их таковыми – об этом история умалчивает. А пока несколько слов скажу о старинном роде дворян Карповых. Приводимую ниже информацию я почерпнул в протоколах Орловского дворянского депутатского собрания за 1827, 1830, 1851 и 1866 годы, когда на его заседаниях рассматривались дела о дворянстве представителей этого семейства.

Оказалось, что предок Карповых, Фёдор Афанасьевич, имел поместье в деревне Булгаковой и в пустошах Абакумовской и Каравиенки Калужского уезда. За верную службу царь Михаил Фёдорович Романов своей грамотой от 17 января 1622 года пожаловал ему это поместье площадью 120 четей¹ (четь – 0,5 десятины – А.П.) в вотчину. На всякий случай объясню разницу: поместье как земельное владение давалось за службу и могло быть отобрано с её прекращением, а вотчина – это наследственное земельное владение.

Кроме калужского имения, уже через два года за Фёдором Афанасьевичем Карповым значилось поместье и в Болховском уезде – «...пустошь, что была деревня Вязовая»², в котором насчитывалась 201 десятина земли (в том числе – 67 десятин пашни). Потомки Ф.А.Карпова продолжали верно служить царям: сын, Андрей Фёдорович – «на коне с саблею», внуки, Андрей Андреевич и Иван Андреевич – числились по «московскому списку». И потому понемногу увеличивались в размерах карповские земельные владения: в XIX веке их площадь приблизилась к тысяче десятин.

Деревня же Вязовая Болховского уезда, после постройки в ней Андреем Ивановичем Карповым Богородице-Владимирского храма, превратилось в село (в большинстве документов оно называлось Вязилки – А.П.), рядом с которым была выстроена Карповыми усадьба.

Почётный смотритель Болховского училища

После смерти братьев Андрея и Ивана Андреевичей Карповых их имение в 1805 году перешло по наследству к правнуку основателя рода – Дмитрию Ивановичу Карпову. В 1806 году он числился коллежским асессором, и ему принадлежало в селе Вязилки и близлежащем сельце Каменка (Болховского уезда) 525 крепостных крестьян. Кроме того, усадьбу и помещичий дом обслуживало 76 его дворовых людей³. То есть, вопреки мнению некоторых тургеневедов о небольшом богатстве Карповых, это семейство в начале XIX века обладало очень приличным состоянием. Правда, за 10 последующих лет количество крепостных и дворовых людей, принадлежавших Дмитрию Ивановичу, заметно уменьшилось – до 432-х душ в 1815 году⁴, что говорит или о не слишком умелой хозяйственной деятельности, или о каких-то иных проблемах.

Вполне возможно, что в молодые годы Дмитрий Карпов мало внимания уделял хозяйству – по причине занятости на службе. Как следует из послужного списка Д.И.Карпова за 1829 год, он начал её актуариусом Государственной коллегии иностранных дел в 1803 году, затем был произведён в переводчики и впоследствии перемещён в Московский архив, откуда уволился в чине коллежского асессора в апреле 1808 года.

В 1819 году Карпов вновь определился на службу и в 1825 году получил чин надворного советника (седьмой в «Табели о рангах»)⁵, а к 1838 году – уже и коллежского советника (шестой в «Табели о рангах», что соответствовало званию полковника в

армии – А.П.). Кроме того, Дмитрий Иванович Карпов, несколько лет занимая должность «Почётного смотрителя Болховского уездного училища», вложил в его благоустройство более 40 000 рублей. За такое значительное пожертвование



Карпов Сергей Дмитриевич и дочь губернатора Е.В. Сафонович

он 22 марта 1835 года «Всемилоостивейше был пожалован Кавалером ордена Святого Владимира 4-ой степени»⁶. Орден орденом – но затраты Дмитрий Иванович понёс солидные.

Если же к этим расходам приплюсовать ежегодные балы и праздники, которые проводились в имении Карповых по инициативе супруги хозяина, Марии Михайловны (*урождённой Ждановой, а не Шишкиной, как долгое время считалось – А.П.*), и увлечение самого Дмитрия Ивановича картами, то, наверное, можно понять причины некоторого «усыхания» полученного наследства.

Здесь, в подтверждение этой мысли, приведу большую цитату из книги М. Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья» (Москва. Издание М. и С. Сабашниковых, 1914, стр.260-261):

«...Дмитрий Иванович Карпов был несчастлив в супружестве, но, будучи, вместе с тем, ума самодовольно ограниченного, долго не замечал своего несчастья; в Вязовом балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, былолюдно, шумно и весело; а дородная Марья Михайловна походяставляла рога супругу, а имение таяло с необыкновенной быстротой. Наконец, в 1834 году плотина прорвалась, что-то случилось. Дмитрий Иванович узнал и заболел, как видно, серьёзным нервным расстройством... Он вдруг всё сообразил: что с его женою не дружит ни одна порядочная женщина в уезде, что девочки уже на возрасте, и надо их учить, а имение разорено, и нельзя переехать в Москву для их воспитания и т.д.

Но этот пароксизм прошёл скоро, через несколько месяцев всё вошло в колею, Дмитрий Иванович опять стал здоров и весел, - однако не надолго: года полтора спустя Вера Ивановна (сестра Д.И. Карпова, мать декабриста С.И. Кривцова – А.П.) сообщила Сергею, что Дм. Ив. в Москве разводится с женою, ...ибо уже с год поговаривали, что она живёт с другим; она и обеих дочерей увезла с собою, но он их чрез начальство отнял. «Мне», - пишет она, - «его и жаль, и не жаль: сам причиной – взял девчонку от беспутной матери, дал волю летать одной, где хочет, а когда бывали в Москве, самого его зарывыгонит, а другая вгонит: всякой день на игре, а она одна да одна, - и зачалаискать других мужьёв; тем и кончилось. Он будет из Москвы на следующейнеделе; авось одумается и перестанет там беспутно играть. Прошедший год он на 300 000 продал имения, и всё это пошло на карты и на ея распутство. Поднял бы покойного батюшку, он бы у него спросил: куда ты моё имение и деньги девал? И узнавши, славно бы отодрал плетью, истинно того стоит: глупому сыну не в помощь богатство».

Между тем, семья у Дмитрия Ивановича и Марии Михайловны была большая: шестеро детей (Николай, Елизавета, Аркадий, Павел, Наталья, Сергей), на воспитание и образование которых требовались немалые средства. А семейная жизнь родителей, дав вначале трещину, потом и вовсе пошла под откос. Громкий бракоразводный процесс, о котором судачили в Москве на каждом углу, длился почти два года (1834–1835) и закончился тем, что супруги разъехались окончательно. Вполне возможно, что к этому периоду относится один любопытный эпизод, зафиксированный в Орловской палате гражданского

суда и найденный исследователем Е.Н.Ашихминой: «...г-жа Карпова Марья Михайловна должна была 8 рублей 35 копеек, и Орловская палата гражданского суда без прелиминариев ка-а-ак начала продавать ее вещи, описанные предварительно! И ее гроднаплевое платье, цвета бланжевого, и голубое старое с аграмантом, и блузу, и турецкие шали, две штуки, одна была белая, "ковровая", и ее тюлевые чепцы, и мантилью белого цвета, и юбки, извините, канифасные и даже рубашки ткацкие и простыню» (<http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2060&st=80>). Вот такие были строгие и справедливые законы в Российской империи – даже за пустячный долг ты обязан был рассчитаться.

«Пена на квасу...»

Но, несмотря на пересуды соседей о Карповых, Варвара Петровна Тургенева, у которой у самой не всё ладно было в семье, выделяла среди соседок по имениям именно Марию Михайловну Карпову, родственницу и близкую приятельницу – как равную, образованную собеседницу, часто писала ей письма.

В 2012 году Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское – Лутовиново» выпустил книгу размером более 500 страниц под названием «Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844)». Много раз в этом солидном издании упоминается имя Марии Михайловны Карповой и членов её семейства, приводятся отрывки из писем Варвары Петровны к подруге. Своенравная и властная в обращении с многими, здесь, на бумаге, она делилась с родственницей всеми новостями – как общественными, так и личными, рассказывала о муже, о детях и взаимоотношениях с ними, писала, что из многих соседей стремится посещать именно Карповых (хотя «не знает, почему» – А.П.).

Одно время Варвара Петровна даже выражала желание купить домик в Болхове и поселиться рядом с Марией Михайловной (*к сожалению, мне пока не удалось определить, на какой из болховских улиц находился дом Карповых, но, по крайней мере, не во второй части города, списки улиц и домовладений которой сохранились – их я проверил – А.П.*).

Мать писателя опекала и детей своей приятельницы. По словам тургеньевда Н.М. Чернова, старший из сыновей Карповых, Николай (по прозвищу «Мягкий»), будучи ровесником Ивана Тургенева, жил у своих троюродных в Москве и, по всей видимости, обучался у их домашних наставников⁷. Впоследствии Николай Карпов закончил Московский университет, увлекался литературой и любил рассуждать о ней.

В эпоху появления романа «Отцы и дети» Николая и второго по старшинству брата, Аркадия, Карповых в орловской провинции часто сравнивали с Кирсановыми, персонажами этого популярного тургеньевского произведения. Как раз тогда в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии поступил доклад «О распространении нигилизма между молодёжью и дамами в Орловской губернии», в котором сообщалось о Николае Карпове. Якобы он первым в Орле провёл идею о нигилизме. Николай и Аркадий Карповы считались «союзниками Чернышевского» и активно (в меру своего

понимания) пропагандировали на Орловщине прогрессивные взгляды. Впрочем, впоследствии они очень быстро от этих взглядов отказались, став яркими критиками «нигилизма».

Афанасий Фет считал Аркадия Карпова «умницей и передовым». Аркадий Дмитриевич был членом по крестьянским делам Присутствия, назначенным «с Высочайшего соизволения», с 1861 года занимался самыми важными и трудными делами, связанными в губернии с проведением в жизнь реформ по отмене крепостного права вместе со своим двоюродным братом, декабристом Сергеем Кривцовым, выбранным на эту должность представителями орловского дворянства.

Иван Сергеевич Тургенев хорошо знал обоих братьев и достаточно точно оценил их «духовные» метания: «... Все наши так называемые направления – словно пена на вазу: смотришь – вся поверхность покрыта – а там и ничего нет, и след простыл»⁸.

Николай Дмитриевич Карпов, в истории русской литературы известен также дружбой с нашим поэтом-земляком Алексеем Апухтиным. По словам Владимира, брата поэта, Николай Карпов был с детства близким другом их семьи и имел «большое влияние на жизнь Алексея» (*Письмо к А. В. Жиркевичу от 1 мая 1908 года, Государственный музей Льва Николаевича Толстого, архив А. В. Жиркевича*). Известны два стихотворения Апухтина, посвящённые его товарищу. Замечательное лирическое «В ожидании грозы» было написано в 1856 году. А печально-элегическое, «Памяти Н.Д.Карпова», появилось на свет 17 лет спустя, после скоростной смерти Николая Дмитриевича. Я процитирую из него два четверостишия (полностью с обоими стихотворениями ты, читатель, можешь познакомиться в приложении – А.П.):

*Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе, – ты до конца был молод.
Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.*

*Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой, я шел на свете,
Что, вылив из души невольно строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!»*

Загадки одной вдовы

Отставной поручик Аркадий Дмитриевич Карпов прожил ещё меньше брата и умер в 40 лет, оставив вдовой жену с пятью несовершеннолетними детьми (младшему, Дмитрию, шёл только пятый год – А.П.).

Вот здесь возникает очень любопытный момент. Тургеневед Н.М.Чернов в очерке «Провинциальные нигилисты» пишет (цитирую отрывок): «Екатерина Никаноровна Шенишина, в замужестве – Карпова, – из болховской ветви рода, скорее однофамильцев, чем родственников Фета. После смерти Аркадия она

вышла замуж за Н.П.Барышникова. Тоже из круга знакомых Тургенева»⁹. А в своей «Спасско-Лутовиновской хронике» Николай Михайлович сообщал, что Е.Н. Шеншина оставила Н.П.Барышникова и вышла замуж за Карпова¹⁰. Чернов писал, что о ней шли не очень хорошие слухи, якобы «занималась распутством»¹¹.

Но документ, обнаруженный мною в ГАОО, позволяет сказать, что женой Аркадия Дмитриевича Карпова была совсем другая женщина. Итак, снова цитирую:

«1866 года, февраля 22 дня, по Указу Его Императорского Величества, Орловское Дворянское Депутатское Собрание слушали дело о дворянстве детей умершего поручика Аркадия Дмитриевича Карпова: Мариш, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия. Обстоятельства дела сего следующие:

*Поручик Карпов, собранием Сим, по определению 20 мая 1829 года внесён в 6-ую часть дворянской родословной книги. В 11-ый день октября 1865 года вдова поручика, **Татьяна Михайловна Карпова (выделяю – А.П.)**, вошла в Депутатское собрание с прошением о внесении в дворянскую родословную книгу детей ей: Мариш, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия и выдаче им документов о дворянстве, причём, представила Указ об отставке умершего мужа, поручика Аркадия Дмитриевича Карпова, данный ему 5 сентября 1846 года за №5730 и метрические свидетельства Орловской духовной Косистории от 24 февраля 1864 года за №№ 1762, 1763, 1764, 1765 и 1766 о рождении упомянутых детей ей»¹².*

Н.М.Чернов, говоря о жене Аркадия Карпова, ссылаясь на доклад «О распространении нигилизма в Орловской губернии»¹³, но, видимо, в него (или в интерпретации самого документа) вкрались явные ошибки. И, вполне вероятно, теперь с чистой совестью можно реабилитировать вдову покойного поручика.

Полковнику, однако, пишут

Отдельно стоит сказать, конечно, и о самом младшем из братьев Карповых – Сергее, которого Иван Сергеевич Тургенев также хорошо знал и изредка писал ему письма.

Выше я говорил, что Варвара Петровна опекала старшего из сыновей Карповых – Николая. Но, если судить по её письмам Марии Михайловне Карповой, то и младшего Сергея она тоже не оставляла без внимания. Когда в апреле 1845 года В.П.Тургенева побывала на одном из концертов французской певицы Полины Виардо в Москве, она сообщила М.М.Карповой: «Твой Серёжа весь праздник был у меня. Я его возила с собою в концерт Виардо в ложу 1-ого яруса или бель-этаж. Наряды дам, пение Виардо – всё его приводило в восхищение...»¹⁴.

Иван Сергеевич Тургенев время от времени узнавал, как идут дела у его знакомого, тем более, что Сергей Дмитриевич Карпов пописывал заметки в газеты и журналы, составил «Начальный курс географии». 7/19 мая 1868 года Тургенев сообщал Г.К.Репинскому, работавшему совместно с А.М.Скабичевским над составлением «Летописи Общества для пособия нуж-

дающимися литераторам и учёным с 1859 по 1884 год» сведения о Карпове: «Сергей Дмитриевич Карпов был два года тому назад полковником в стрелковом батальоне с.и.в. Если он не вышел в отставку, то адрес его легко узнать. Имение его находится в Болховском уезде Орловской губернии»¹⁵.

В отставку С.Д.Карпов действительно уходил, служил по статской части, но с началом русско-турецкой войны вернулся армию. В сражении под Плевной, под началом М.Д.Скобелева, Сергей Дмитриевич был командиром батальона.

Известно письмо Владимира Николаевича Апухтина (*брата поэта А.Н.Апухтина – А.П.*), в котором он рассказывает о некоторых странностях в поведении полковника Карпова на Балканах: *«Интересно было бы описать личность нашего командира батальона и его, между прочим, проделку со Скобелевым и Радецким, когда Карпов после сражения под Шейново явился непрошенный на военный совет и преподнёс Скобелеву мёду, Радецкому – «фиги», финики, взятые в турецком лагере. Да и вообще, всё командование батальоном Карповым был целый ряд юмористических выходов. Карпов был личностью образованной, но немного помешанной. Он, бедный, и кончил свою жизнь в Николаевской больнице умалишённых.*

*Его прошлое во время польского восстания не лишено исторического значения. Ведь он был послан со знамёнами к Императору Александру II и тогда отличился тем, что рассказал Государю целый ряд военных походов, но когда Государь заставил повторить этот рассказ Государыне, он всё перевра, хотя тут же получил золотое оружие, но потерял флигель-адъютантство, которое, наверное, получил бы, если бы сумел рассказать более правдоподобно. К нам он поступил прямо под Плевной, после 15 лет отставки... Перед поездкой в действующую армию Карпов заехал к Алексею Николаевичу (Апухтину – А.П.), уселся у него на кровати, крутил на нём себе папиросы, осыпая Алексея Николаевича табаком, и всё рассказывал о своём сыне, то он у него был Митя, то Коля и т.д.»*¹⁶.

В вышедшем из печати в 2009 году сборнике «И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы» был опубликован материал директора музея И.С.Тургенева Е.Г.Мельник «С.Д.Карпов – орловский знакомый Тургенева», в котором она поместила неизвестное до этого времени письмо Сергея Карпова к писателю от 6 (18) апреля 1875 года. Письмо я привожу в Приложениях к данной главе.

В этой же статье Елена Григорьевна останавливается и на так называемом «Орловском альбоме», хранящемся в собрании Орловского объединённого литературного музея И.С. Тургенева. В альбоме представлена серия из 12 рисунков, относящихся к жизни орловского общества времён правления губернатора В.И. Сафоновича. Рисунки подписаны, и на двух из них помещён как раз Сергей Карпов. На первом из шаржей он так увлечён танцами или чем-то ещё, что уносится в обнимку с платьем партнёрши, бросая её смущённую и в нижнем белье. На другом рисунке Сергей Карпов аллегорически представлен в виде ла-

дья на шахматной доске. Вполне возможно, что это единственные изображения младшего из сыновей карповского семейства.



Карпов С.Д. (в виде ладьи)



Карпов С.Д. с платьем дамы

Сёстры Карповы:

возлюбленная одного писателя и жена – другого

И, наконец, несколько слов о сёстрах Карповых. Старшую, Елизавету, 1822 года рождения, Варвара Петровна Тургенева метила себе в невестки (знала, что сын Иван какое-то время был влюблён в неё). Тургенев писал в письмах Полине Виардо о Елизавете Карповой как о своей прежней страсти. Близкое знакомство тогда начинающего литератора с новой возлюбленной состоялось, по всей вероятности, в 1841 году, о чём он упоминает в своих письмах к Е.Фроловой. Однако, в силу разных обстоятельств, - не срослось.

Елизавета Дмитриевна впоследствии вышла замуж за помещика Николая Никитича Шеншина, жившего в селе Ближнее Волково, неподалёку от Мценска, стала образцовой матерью и замечательной хозяйкой. Дом Шеншиных посещали Тургенев и Фет.

И.П. Борисов, знакомый Ивана Сергеевича, тоже однажды побывавший в Ближнем Волково и беседовавший с Елизаветой Шеншиной, сообщал Тургеневу: «Она много о Вас вспоминала, о Вашем детстве, юности. Я впервые узнал, что Вы такой давний их знакомый»¹⁷. Николай Михайлович Чернов, известный исследователь творчества Тургенева, предположил, что, вполне возможно, именно Лизу Шеншину (Карпову) вспоминал писатель, когда сочинял своё бессмертное «Как хороши, как свежи были розы...»¹⁸.

Младшая из сестёр Карповых, Наталья, была, по словам упоминавшегося Н.М.Чернова, девицей «сильного, агрессивного характера, с фантазиями и причудами», называла себя «кузиной» Тургенева (*и он её – так же, что было недалеко от истины – А.П.*) и любила сравнивать себя с Малютой Скуратовым¹⁹. Она связала свою судьбу с выходцем из западных российских губерний Александром Нилусом, сыном генерал-майора.

В июне 1853 года И.С. Тургенев присутствовал в качестве шафера на их свадьбе²⁰. Недавно удалось обнаружить копию метрической записи, сделанной тогда в Успенской церкви села Лунёво Болховского уезда. Священник этого храма, отец Сергей Успенский обвенчал «бывшего старшего чиновника особых

поручений при Калужском губернаторе, титулярного советника Александра Петровича Нилуса, 38 лет, и Болховского уезда сельца Вязового умершего надворного советника Дмитрия Ивановича Карпова дочь, девицу Наталью Дмитриевну Карпову, 26 лет». Поручителями по жениху записаны Иван Сергеевич Тургенев и Владимир Александрович Шеншин, выпускник Московского университета, соученик и друг М.Ю. Лермонтова.

От брака Александра Петровича и Натальи Дмитриевны Нилус родился 25 августа 1862 года всемирно известный ныне религиозный писатель Сергей Нилус. Однако вскоре семья распалась. Но это – уже отдельная история. Вот такие они были – знакомые и родственники семейств Тургеневых, Кривцовых, Шеншиных, Нилусов, - калужские и болховские дворяне Карповы.

Примечания:

1. ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165
2. ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165
3. ГАОО, Ф.101, оп.1, ед.хр. 330
4. ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.330
5. ГАОО, ф.500, оп.1, ед.хр.2, л.181об.-182
6. ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.28, л. 18
7. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр.184
8. Тургенев И.С. Письма, Т.7, стр.10
9. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186-187
10. Чернов Н.М. Спасско-Лутовиновская хроника. 1999, стр.216
11. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186
12. ГАОО, ф.68, опись 1, ед.хран.42, л.л.9-10
13. О распространении нигилизма в Орловской губернии, РГА, ф.109, оп.5, ед.хр.253
14. РГАЛИ, Ф.509. Оп.1, №172
15. Письма И.С.Тургенева (Т.VIII, стр. 198-199)
16. Подлесских-Жиркевич Н.Г., Маричева Л.М. Новые материалы об А.Н.Апухтине (Вопросы литературы, 1999, №3, стр.159-160).
17. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.
18. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.
19. Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 189.
20. Письма И.С.Тургенева (Т.II. стр.241)

Орловский городской голова Дмитрий Карпов

В конце августа – начале сентября 1901 года губернская газета «Орловский вестник» в нескольких номерах подряд (а издание выходило тогда ежедневно) публиковала информацию по вопросу, который, по мнению редакции, стал архиважным в те дни.

«Знаменательный день для Орла»

Вот цитата из материала, напечатанного под рубрикой «Местная хроника» 29 августа:

«День ото дня увеличивается всё больший и больший интерес к предстоящим выборам городского головы. В лавках, магазинах, домах, всюду слышатся вопросы «кто же будет городским головою?», «Кто кандидат, имеющий более прав и шансов?» Такого живого интереса, как нам сообщали люди, стоящие уже многие годы у дел городского самоуправления, никогда не замечалось...

Особенно важно в глазах населения теперь то обстоятельство, чтобы не попало в головы такое лицо, которое бы смотрело на городское хозяйство, как на источник новых и притом законом не предусмотренных доходов. Вышеуказанное состояние городских дел имеет ещё ту дурную особенность, что оно останавливает лиц, желавших бы посвятить себя на служение города, которых ввиду этого и желательно было бы видеть на должности городского головы, принять на себя эти полномочия. Эти люди боятся, что они не в силах будут привести их в должный порядок.

31 августа 1901 года газета в той же рубрике сообщила читателям:

«Сегодня – знаменательный день для Орла, от которого во многом зависит его будущее – день выборов городского головы. Господам гласным, которым хорошо известны тяжёлое состояние городского хозяйства и несоответствие его с требованиями жизни и интересами обывателей, следует возможно обдуманнее сделать свой выбор и, сделавши его, настойчиво идти к цели.

Тем же, на которых падёт этот выбор, следует помнить, что помимо чисто личных расчётов, есть расчёты общественные, перед которыми в особенности в такой момент, как переживает Орёл, первые должны уступить место последним...».

По результатам выборов, на следующий день, 1 сентября, «Орловский вестник» объявил: *«Вчера в заседании думы происходили выборы городского головы. Головой выбран член суда Дмитрий Аркадьевич Карпов. Выбор был приветствован аплодисментами гласных и собравшейся в большом числе публики. От души поздравляем город с удачным выбором, а уважаемому Дмитрию Аркадьевичу желаем успеха в его ответственной деятельности».*

2 сентября 1901 года в газете были опубликованы некоторые подробности того, как проходили сами выборы. Цитировать на этот раз не буду, просто сообщу, что первоначальных кандидатов было 19 человек. Голосование (баллотировку, как говорили тогда) пришлось проводить дважды. Член окружного суда Дмитрий Карпов набрал 50 избирательных шаров против восьми неизбирательных. Но он согласился принять на себя тяжёлый груз ответственности за городское хозяйство далеко не сразу. Гласным (депутатам городской думы) пришлось трижды, даже с перерывом, уговаривать Дмитрия Аркадьевича принять город под своё руководство и свою ответственность. И только после того, как они все дружно пообещали ему свою постоянную помощь и поддержку, Карпов сказал «да». Вот тогда «зала огласилась шумными аплодисментами гласных и публики. Всюду водворилось поднятое настроение».

Почему же пришлось так настойчиво убеждать нового городского голову? Да потому, что *«в городском самоуправлении все предыдущие годы процветали те же нравы, что и в среде чиновничества: кумовство, взяточничество, каз-*

нокрадство. Должности и доходные места были распределены между «своими» людьми: купцами и торговцами, которые блестяще вели собственные дела, но проявляли полную некомпетентность при решении городских проблем. Под этой некомпетентностью скрывались хищения и махинации. Конечно, случались и громкие скандалы, когда какой-нибудь чиновник «зарывался», как это произошло в случае кассира городской управы В. В. Паришина, присвоившего более пяти тысяч рублей казенных денег».

Выпускник Училища Правоведения

В общем, новому городскому голове предстояло разгрести настоящие авгиевы конюшни, и он, как здравомыслящий хозяин-практик, это отлично понимал. А теперь, прежде чем перейти непосредственно к тому, что и как делал Дмитрий Аркадьевич Карпов в качестве городского головы, что ему удалось и что - нет, несколько слов я посвящу биографии моего героя.

Его отец - отставной поручик, помещик Болховского уезда, Аркадий Дмитриевич Карпов, скоропостижно скончался в 40 лет, оставив вдовой жену, Татьяну Михайловну, с пятью несовершеннолетними детьми. Младшим из них и был будущий орловский городской голова.

Семейство Карповых хорошо знали в губернии (*смотри, читатель, предыдущий очерк «Дворяне Карповы – знакомые семейства Тургеневых» - А.П.*). И потому многодетной дворянской вдове пропасть не дали. В 1866 году все четыре дочки и сын получили дворянство, а с течением времени - благодаря заботам матери – и приличное образование.

Дмитрий Карпов 20 мая 1881 года закончил привилегированное Императорское Училище Правоведения (9-ым классом, в числе лучших учеников). Это был 42 выпуск, в котором обучались будущие известные российские политические деятели – член Государственного Совета Виктор Карпов, Министр юстиции и Председатель Государственного Совета Иван Щегловитов, люблинский губернатор Евгений Менкин и другие.

Около пяти лет Дмитрий Аркадьевич Карпов проработал в Санкт-Петербурге присяжным поверенным, а в 1886 году переехал в своё орловское имение, доставшееся ему по наследству (Болховский уезд, Лучанская и Маховицкая волости).

Сельский хозяин, общественник, судья

Здесь, в селе Вязовое (Вязилки) и на хуторе у села Каменка он, не имея специального сельскохозяйственного образования, за короткое время сумел создать высокопродуктивное хозяйство, в котором успешно развивались как растениеводство, так и животноводство.

На своих землях в 1300 десятин Дмитрий Аркадьевич устроил четырёхпольный севооборот. Выращивал рожь, овёс, просо, гречиху, картофель, овощные культуры. В имении имелись две молочные фермы – на 15 и 50 коров, 70 тёлок, 50 рабочих лошадей и 8 – выездных, 30 свиней. Был разбит в усадьбе и

яблоневый сад на трёх десятинах. На заливных лугах накашивалось необходимое количество сена для всех животных в имении.

Всё многоотраслевое хозяйство успешно работало и приносило владельцу неплохой доход. Молва о крепком хозяйственнике с юридическим образованием пошла по Болховскому уезду, а потом и по всей губернии.

Однако Дмитрий Аркадьевич успевал не только за хозяйством присматривать (там ему помогал управляющий), но и успешно служил в Болховском уездном (*гласный земства – А.П.*) и в губернских учреждениях. С 1892 года он три срока подряд избирался гласным Орловского губернского земского собрания (от Болховского уезда) и несколько лет ответственно исполнял обязанности судьи Орловского окружного суда (*третий участок Орла, в котором состояла 3-я полицейская часть с причислением к ней части города от Очного моста по левую сторону Московской улицы до Московских ворот и слободы Подмонастырской – А.П.*).

О Дмитрие Аркадьевиче Карпове соседи – помещики говорили добрые слова и как о семьянине. Он женился, по понятиям тех лет, рано – в 21 год, но зато по любви. Дети, правда, появились на свет через несколько лет, когда молодые поселились на Орловщине. В 1887 году родилась дочь Татьяна, в 1889 году – сын Аркадий (*это имя было для Карповых родовым – А.П.*) и в 1893 году – сын Яков. Вот в ореоле успешного семьянина, сельского хозяина-практика, знающего юриста и активного общественника и решились гласные Орловской городской думы (*они знали его ещё и как коллегу по думе – А.П.*) доверить Дмитрию Аркадьевичу Карпову должность городского головы.

Та же газета «Орловский вестник» в первые дни после избрания дала ему очень короткую, но тёплую характеристику: «Член окружного суда, человек образованный, пользующийся симпатиями как местного общества, так и населения города вообще...».

Уже через несколько дней новоиспечённый руководитель городского самоуправления начал знакомиться с делами города, не дожидаясь, пока его кандидатуру утвердят в столице (*тогда была такая процедура по линии МВД, и утверждение это произошло лишь 9 ноября 1901 года – А.П.*).

Надо сказать, что журналисты «Орловского вестника» очень внимательно наблюдали за деятельностью нового городского головы и отслеживали буквально каждый его шаг, сообщая во всех подробностях о заседаниях городской думы.

По практике начала XX века гласные на заседания собирались с периодичностью два раза в месяц, причём, - только после основной работы. Поэтому обычно начало обсуждения в городской думе намеченных вопросов назначалось на 8 часов вечера, но из-за опозданий гласных заседание могло легко начаться и в 8.20 и в 8.45. Если вопросов было много, и участники прений никак не могли успокоиться (*регламента как такового в современном его понятии не существовало – А.П.*), то окончание думских «посиделок» происходило уже после полуночи. Как добирались потом гласные по домам – честно говоря, не знаю, наверное, их ждал экипаж. В общем, усталые, но довольные работой под

руководством нового городского головы, разъезжались и расходились избранные по домам.

Ну а том, удалось ли Дмитрию Аркадьевичу Карпову вытащить Орёл из болота и финансовой ямы, в которую бросили городской бюджет его предшественники, - я расскажу далее.



Вид на Орловскую городскую думу

Никакого давления – и это правильно

Обозреватель «Орловского вестника» Павел Чинский - спустя полтора года (11 января 1903 года), подводя первые итоги деятельности нового руководителя, написал:

«...Много надежд город возлагал и на новоизбранного городского голову...

Ему, как и новому составу думы, пришлось вступить в исполнение своих обязанностей при очень тяжёлых условиях... А помимо этого – масса неотложных нужд... Городские головы обыкновенно, держа в своих руках более половины обывателей, почти повсеместно страдают общим недостатком: едва входят во вкус власти, упиваются ею вином и в думских заседаниях проявляют некоторый деспотизм по отношению к гласным.

Ничего подобного нельзя сказать о Д.А.Карпове, при котором гласные получили полнейшую возможность свободно высказываться по всем вопросам.

Никакого давления в пользу решения вопроса в ту или иную сторону (как это почти всегда бывает) со стороны г.Карпова мы никогда не замечали. И в этом несомненный плюс его деятельности как председателя городской думы.

К минусам же его нужно отнести замечаемую в деятельности Д.А.Карпова некоторую тенденцию. А именно: в вопросах, касающихся деятельности прежнего состава думы, у Д.А.Карпова всегда прорывается желанье выгораживать последнюю.

До известной степени это, конечно, можно отнести только насчёт мягкости г.Карпова, который, к тому же, особенно на первых порах своей деятельности, очутился в незнакомой обстановке, где всё ещё царил прежний управский состав, державший в своих руках и все ключи от тайников орловской управы»...

Здесь я должен уточнить для современного читателя один существенный момент. Дмитрий Аркадьевич Карпов - как городской голова – возглавлял не только городскую думу (законодательный орган), но он председательствовал и в городской управе (исполнительном органе), то есть фактически обладал всей полнотой власти в Орле. С одной стороны – это замечательно, а с другой стороны – чрезвычайно ответственно, поскольку в условиях острейшего дефицита денежных средств новый голова всегда помнил: всё, что примет городская дума под его руководством – ему же и придётся исполнять как руководителю городской управы.

Банк, лавки, арки под дамбами, мельницы и далее по списку...

Орёл в начале XX века был, конечно, намного меньше нынешнего, но у него тоже имелось обширное городское хозяйство, которое необходимо было поддерживать в рабочем состоянии. Для этого требовались денежные средства, а их оказалось с гулькин нос: здорово постарались предыдущие городские правители.

В 1884 году обанкротился Орловский общественный банк, долги которого (свыше трёх миллионов рублей) легли на город. Ни одному из предыдущих руководителей до Карпова решить за 17 лет эту головную боль не удалось. Дмитрий Аркадьевич знал о ней – именно с неё он и начал.

Городская дума, по предложению Карпова, 6 ноября 1901 года приняла решение о выпуске займа. Для этого нужно было согласовать вопрос с вышестоящими инстанциями. Карпов и гласный Генчель (*оба – опытные юристы – А.П.*), получив «добро» своей думы, были направлены в столицу и больше недели вели переговоры с чиновниками. Первая попытка не удалась. Но через год разрешение от Министерства Финансов на выпуск в мае 1903 года городского займа в 1 600 000 рублей было получено. 1 100 000 рублей планировалось направить на погашение долга Орловского общественного банка, а 500 000 рублей шли постройку воинских казарм, устройство водопровода и покрытие дефицита бюджета. Были выпущены облигации на предъявителя достоинством в 100, 500 и 1000 рублей под 4,5 % годовых. Вкладчики бывшего общественного банка получили облигаций на сумму 400 тысяч рублей. Выпуск займа позволил начать оздоровление городского хозяйства.

Это было начало. Но только его было бы недостаточно. Поэтому Дмитрий Аркадьевич, вместе с гласными городской думы и членами новой городской управы, своими активными помощниками - С.К. Живописцевым, И.Н. Гамовым, С.Я. Авдеевым, разработали целый комплекс мер, направленных на пополнение городского бюджета и снижение его дефицита.

Сметная комиссия думы (сейчас её бы назвали бюджетной – А.П.) из восьми человек тщательно готовила сметы доходов и расходов на 1902-1904 годы, считая буквально каждый рубль. Когда, к примеру, рассматривался бюджет 1902 года, то Карпов заявил, что согласно параграфа 2 сметы «о содержании городского общественного управления» ему определено 500 рублей на разъезды, но он отказывается, так как предполагает ездить в командировки за свой собственный счёт (это была хоть и небольшая, но экономия для городского бюджета – А.П.).

Очень тщательно дума и управа подходили к сдаче в аренду городского имущества и городской земли. В смете доходов на 1904 год, к примеру, кроме средств от стационарных лавок на Ильинской, Кромской и Богоявленской площадях и лавок в Рыбном ряду названы также суммы от арок под дамбами Мариинского и Александровского мостов, Зимнего городского театра, мельниц на реке Орлике, мест стоянки рыбных садков, мест на Орлике и Оке под купальни, под водопойни, для колки льда, для продажи скота на Кромской площади, мест под зимние катки, платьемойни, мест под стоянки легковых, ломовых извозчиков и т.д. и т.п.

При новом голове впервые была применена отдача городского имущества в аренду с торгов. Этим занималась специально созданная городской думой комиссия. Альбуминно-кишечное заведение (занимавшееся переработкой внутренностей животных – А.П.) при городской скотобойне с 1 января 1902 года было взято в аренду на 6 лет прусским подданным Артуром Руквицем за 4058 рублей (вместо 1080 до этого – почти в четыре раза больше).

Учитывались думой доходы от водопровода, от созданной бактериологической станции. Учёт был строжайший.

Попытались думцы при Карпове возратить в городской бюджет деньги, присвоенные бывшим счетоводом предыдущей управы Василием Паршиным. Азартный картёжник, он за два с половиной года умудрился, при полном отсутствии контроля, присвоить свыше 5500 рублей. Процесс тянулся два года, и примерно половину средств возвратили в кассу прежние члены управы, а от самого Васи Паршина взять ничего не удалось: он оказался гол как сокол.

Всё под контролем

Зато для новой управы была разработана отныне инструкция, по которой можно было осуществлять контроль за её членами. За орловскими городскими богадельнями, где не раз бесследно исчезали немалые средства, при Карпове следила специальная думская комиссия. Ещё одна комиссия контролировала городские учреждения образования.

В общем, если бы Дмитрий Аркадьевич был знаком с работами В.И. Ленина, то наверняка орловский городской голова позаимствовал бы его лозунг – «Учёт и контроль». Благодаря этому появились в городском бюджете небольшие средства для ремонта дорог и мостов, даже для уборки снега (до Карпова никто на него не обращал внимания). К осени 1903 года стараниями городской управы был укреплён берег Оки, прилегающий к Мацневскому пе-

реулку, благодаря чему сделался возможным в этих местах проезд. А в 1904 году проводились работы по укреплению берега реки Орлик со стороны 3-ей части города, у устья этой речки. Все три с лишним года руководства городом голова следил за городскими дорогами и благоустройством, укреплял пожарную и санитарную безопасность. При Карпове впервые было опробовано электрическое освещение для жилых домов и положено начало созданию постоянного ассенизационного обоза (*службе вывоза нечистот – А.П.*).

Этой стороной деятельности Дмитрий Аркадьевич Карпов сумел завоевать симпатии горожан и гласных думы. А работников городской управы он сразу «положил на лопатки», увеличив им зарплату и уменьшив рабочий день (*он теперь длился с 10 утра по половины третьего дня – неплохо, не правда ли, читатель? – А.П.*).

Успевал городской голова заниматься и общественными делами: был активным членом Тургеневского комитета и почётным членом распорядительного комитета при подготовке Орловской сельскохозяйственной ярмарки 1903 года, встречался с учащимися с целью пропаганды древонасаждений и боролся против пьянства, помогал бедным невестам с приданым и заботился о велосипедистах (первые правила для них в Орле появились в 1904 году).

Активная работа Дмитрия Карпова в должности городского головы продолжалась до конца октября 1904 года, после чего он отбыл на службу в столицу, получив назначение на должность судьи Санкт-Петербургского окружного суда.

21 декабря 1904 года газета «Орловский вестник» в рубрике «Местная хроника» сообщила, что «Третьего дня депутация от городской думы поднесла бывшему городскому голове Д.А.Карпову адрес, редакция которого была одобрена думою 2 ноября. Адрес сложен в роскошную папку с серебряной крышкой, на которой выгравировано: «Дмитрию Аркадьевичу Карпову от орловской городской Думы 1901-1904».



Орловский вокзал

После отъезда из Орла (*окончательно – в 1905 году – А.П.*) Дмитрий Аркадьевич Карпов служил в Санкт-Петербургском окружном суде (*судьей и товарищем председателя – А.П.*), жил в столице. Точная дата его смерти, к сожалению, неизвестна.

Р.С. Что касается четырёх родных сестёр орловского городского головы, то информация имеется пока только по Юлии Аркадьевне Карповой. Она вышла замуж за Евгения Георгиевича Трамбицкого, дворянина Смоленской губернии и сына офицера. Он по окончании Полтавского кадетского корпуса, успел закончить также Николаевское кавалерийское училище и Академию Российского Генштаба. Дослужился до звания генерал-лейтенанта. В годы гражданской войны воевал на стороне белых, эмигрировав затем за границу. Умер в Париже в 1931 году.

Сама Юлия Аркадьевна, закончив курсы Сестёр Милосердия, принимала участие в событиях Первой Мировой войны и погибла в 1915 году, спасая раненых. У Трамбицких было двое детей: Георгий (1888 года рождения) и Татьяна (1886 года).

Примечания

1. Памятная книжка Орловской губернии на 1898 год. Орёл, 1898, стр.76

Аркадий Карпов – крестьянин из дворян

Во втором томе «Реквиема» («Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине», Орёл, 1995г.), на странице 149, содержатся сведения о Карпове Аркадии Дмитриевиче, «1889 года рождения, уроженце и жителе деревни Топкий Ржавец Болховского района Орловской области, крестьянине, арестованном в 1930 году и приговорённом к 10 годам исправительно-трудовых работ».

По стопам отца

На первый взгляд – ничего особенного в коротенькой информации о человеке, одном из более чем 25 000 репрессированных, безвинно пострадавших орловчан. А между тем, в этом огромном скорбном перечне названный крестьянином Аркадий Дмитриевич Карпов – совсем не обычный деревенский житель, каким он представлен в записи второго тома «Реквиема». Аркадий - сын Орловского городского головы, Дмитрия Аркадьевича Карпова, о котором я вёл речь в предыдущей главе. Как потомок дворян Карповых стал крестьянином и «врагом народа» - об этом я и поведаю читателям.

1904 год оказался переломным в жизни его семьи. Отец, Дмитрий Аркадьевич, получив назначение в Санкт-Петербургский окружной суд, переехал в столицу. А старший сын, Аркадий, поступил тогда же, по примеру родителя, в привилегированное, закрытое учебное заведение для детей дворян – Императорское Училище Правоведения. Поселились Карповы в доме №40 по улице

Знаменской (ныне – улица Восстания – А.П.), в самом центре Петербурга, рядом с Невским проспектом. В соседних квартирах проживали многие видные столичные чиновники и представители интеллигенции.

Семь лет учёбы для Аркадия Карпова пролетели незаметно, и 16 мая 1911 года он, в числе других студентов 72-ого выпуска Училища Правоведения, отправился в распоряжение Министерства Юстиции. Как один из лучших (*6-ой по успеваемости*), по IX классу (*чин титулярного советника на статской и чин штабс-капитана на военной службе – А.П.*), он получил назначение в канцелярию II Департамента Сената. Это подразделение высшего органа государственной власти и законодательства Российской империи занималось гражданскими делами, а главной задачей работников канцелярии было готовить дела для рассмотрения на заседаниях.

Всё у Аркадия Дмитриевича Карпова получалось, всё шло как по маслу, и когда его отец, уже в чине действительного статского советника (*генерал-майор – на военной службе – А.П.*), уходил в отставку, то ему казалось, что и сын сделает не худшую карьеру, а то и превзойдёт папашу-правоведа.

Наладилась к этому времени и собственная семейная жизнь Аркадия Дмитриевича. Он женился по любви на красавице Ольге Болдыревой, дочери генерала и бывшего начальника Алтайского горного округа, первого Почётного гражданина города Барнаула, Василия Ксенофонтовича Болдырева. Ольга Васильевна, ко всему прочему, была грамотной и умной девушкой: успешно окончила знаменитую частную женскую гимназию М.Н.Стоюниной. Молодые строили планы, мечтали о ребёнке – а тут революция – одна, а потом и другая.

«...Где вам не следует быть»

А вот то, что случилось дальше, простой логикой, без знания фактов (а их очень немного), объяснить трудно. Бывший служащий Сената, вместе с женой, приезжает в 1918 году из Петрограда в Болховский уезд Орловской губернии, поселяется в деревне, где-то рядом с бывшей усадьбой помещиков Карповых и устраивается на работу конторщиком в племхозе, который был создан в его национализированном имении. Семь лет совершенно незаметной сельской жизни, – из дома в контору и обратно – но не в северной столице, а в глуши Орловщины. Родились за эти годы двое детей – сын Дмитрий (*снова Дмитрий Аркадьевич – по деду – городскому голове – А.П.*) и дочь Елена.

А в 1925 году Аркадию Дмитриевичу Карпову пришлось расстаться с работой конторщика – его «вычистили как враждебный элемент». Но даже после этого он не покинул деревню, а начал зарабатывать на хлеб насущный, занимаясь огородничеством. И ещё пять лет прошло. Чудом сохранилось письмо того времени, присланное Ольге Васильевне Карповой (Болдыревой) её братом Николаем, который удивляется, что сестрица с мужем и детьми делает в деревне: *«...это единственное место на земном шаре, где вам не следует быть. Во всех других местах вам было бы не хуже, и была бы, по крайней мере, надежда как-нибудь устроиться. Здесь у вас полная безнадежность...Нужно каким-то героическим актом вырваться...»*.

Письмо было написано 29 апреля 1929 года. И «вырваться» Карповым за последующие несколько месяцев не удалось. А в начале 1930 года, произошли события, круто изменившие хоть и убогую, сельскую, но более-менее спокойную, жизнь петербургско-орловского семейства.

«Дело» начиналось в Кутьме

Об этих печальных событиях я расскажу с помощью уголовного дела Аркадия Дмитриевича Карпова, присланного мне родным его внуком – Аркадием Николаевичем, проживающим в настоящее время в Хельсинки. Копию двадцатистраничного дела – по его и двоюродного брата заявлению – прислали им из архива Орловского Управления ФСБ.



Карпов Аркадий Дмитриевич

Итак, 28 января 1930 года в селе Кутьма Болховского района уполномоченный Орловского окружного отдела ПП ОГПУ ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий в течение дня допросил четырёх свидетелей (я не буду называть их фамилий – А.П.), которые показали примерно одно и то же:

«Бывший помещик Карпов Аркадий Дмитриевич и его жена Ольга Васильевна проживают сейчас в деревне Татинки у гражданина Мячикова. Ведут работу и агитируют бедноту и основную массу крестьянства не вступать в колхозы, так как это мероприятие ведёт к кабале. После этой агитации два собрания по поводу коллективизации в деревне Синец жёнами было сорвано.

В декабре месяце (1929 года – А.П.) в деревне Пальчиково Кутемского сельсовета был организован семенной (фонд – А.П.) и засыпан в общественный амбар в количестве 200 пудов. Помещик Карпов и его жена Карпова в кругу крестьян говорили: «Проститесь со своим хлебом, его скоро заберут себе коммунисты, которые систематически грабят вас, но это вы теперь будете знать, что помещик, всё-таки, был для вас неплохой, а вот новые помещики – коммунисты, они вас до ручки догонят».

Одна свидетельница также показала, что Карповы ходят по деревням под видом нищих и агитируют против вступления в потребительскую кооперацию. Упомянули допрашиваемые и мать помещицы Карповой, которая живёт в Орле и поддерживает, якобы, нелегальную связь со своими родственниками с помощью неизвестных извозчиков (вообще-то, в Орле проживала мать Аркадия Дмитриевича – А.П.).

Так, с допросов крестьян, началось это карповское дело. Трудно понять, почему был привлечён в качестве обвиняемого лишь Аркадий Дмитриевич, ведь во всех показаниях фигурировала и его жена. Но – тем не менее, 2 февраля 1930 года упомянутый выше уполномоченный Новицкий подписал постановле-

ние об обыске и аресте одного только главы семейства, супруга же осталась на свободе.

(Тут я сделаю небольшую вставку на основании письма ко мне Аркадия Николаевича Карпова: «Моя мама (Елена Аркадьевна Карпова, дочь Аркадия Дмитриевича – А.П.) мне рассказывала, что Ольгой Васильевной, всё-таки, заинтересовались и в сумерках куда-то повезли на санях. На лесной дороге на встречу попались всадники, которым доложили, кого и куда везут. Ответ был: «Поворачивать назад! До особого распоряжения» – А.П.)

Аркадия Карпова заключили под стражу и поместили в Болховский арестный дом. 6 февраля 1930 года ему было предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, и произведён первый допрос.

Допрашивал арестованного сотрудник отдела ОГПУ Фролов. Аркадий Дмитриевич рассказал, что в настоящее время проживает в д.Топкий Ржавец Кутемского сельсовета, занимается огородами. В семье у него – жена и двое детей (сыну – 11 лет, дочери – 4 года), а в Орле – мать, Наталья Карпова и сестра, Татьяна Силулина (безработные).

Карпов не стал скрывать то, что до революции имел землю (400 десятин), скот (40 голов крупного рогатого скота и 40 лошадей, овец и свиней по 15 голов), молотилку и хозяйственные постройки. Правда, в приложенной в деле справке все эти цифры увеличились примерно вдвое.

Однако, сказав о прошлом, Аркадий Дмитриевич заметил, что в настоящее время ничего из перечисленного имущества у него нет, всё национализировано. По существу же предъявленных обвинений по «58-10 ст.УК, т.е. в агитации против мероприятий Советской власти, виновным себя не признаю, нигде и никакой агитации против коллективизации не вёл, добавить ничего не могу, в чём и подписуюсь».



Училище правоведения

Не в Париже, не в Лозанне, не в Белграде – в Орле

В обвинительном заключении по делу были повторены все свидетельские показания, и хотя Карпов свою вину не признал, все материалы были направлены Орловскому окружному прокурору для представления в комиссию ПП ОГПУ по ЦЧО «на предмет внесудебного рассмотрения».

Результат нам известен – 10 лет исправительно-трудовых работ. Аркадий Дмитриевич Карпов отбыл их полностью – от звонка до звонка. По некоторым данным, сначала строил Беломоро-Балтийский канал, потом, возможно, был на Соловках. Возвратился домой из заключения выпускник Училища Правоведения весной 1940 года. Жена с детьми в это время проживала у родственников в Ленинграде. И родственники отказали в приюте бывшему заключённому.

Аркадий Дмитриевич поехал в Орёл, к матери, Наталье Яковлевне. Она приняла сына. К сожалению, послелагерная жизнь оказалась для Карпова короткой. Он скончался в Орле 3 мая 1941 года, за полтора месяца до начала Великой Отечественной войны.



Судьба разбросала однокашников Аркадия Дмитриевича по Училищу Правоведения по всему миру: Александр Вахтер скончался под Парижем, в Сент-Женевьев-де-Буа, Александр Струков погиб в Польше, Евгений Норман почил в Софии, Лев Кейзерлинг лежит на кладбище Пюлли под Лозанной в Швейцарии, Владимир Пржевальский упокоился в Белграде, Фёдор Гейне встретил свою смерть в бразильском городе Ландроне, Сергей Сиротинин нашёл вечный покой в столице Колумбии Боготе, а князя Георгия Ширинского-Шихматова замучили фашисты в концлагере Освенцим.

Аркадий Дмитриевич Карпов лёг в тёплую землю родной Орловщины – там же, где и родился.

Болдыревы: генерал и его дети

Так причудливо порой бывает устроена жизнь, что даже в самых изощрённых фантазиях ты сам никогда бы не такого не додумался. Я расскажу тебе, читатель, историю одного семейства, а выводы насчёт выкрутас судьбы-индейки будут уже за тобой.

Два Василия: генерал и поручик

Итак, поручик Василий Болдырев, выходец из Потомственных Почётных граждан Орловской губернии, назначенный командиром 1-ой роты Лейб-гвардии Финляндского полка, в августе 1877 года отправился вместе со своими боевыми товарищами на фронт очередной русско-турецкой войны.

12 октября состоялось первое и единственное сражение, в котором принимал участие поручик Болдырев. Оно произошло у болгарской деревни Горный Дубняк (Горни-Дубник). Здесь турецкие войска прикрывали подступы к мощной крепости Плевна. Кровопролитное сражение, длившееся несколько часов, закончилось взятием турецких оборонительных позиций. Однако русские войска понесло большие потери: выбыло из строя 127 офицеров и 3406 нижних чинов.

В том жестоком бою получил смертельное ранение и скончался двое суток спустя командир Лейб-гвардии Финляндского полка, генерал-майор Василий Лавров. Один из его офицеров и тёзка, поручик Василий Болдырев, ведя в атаку свою 1-ую роту на самом опасном участке, на так называемой «поляне смерти», был ранен сразу четырьмя пулями.

Генерала Василия Лаврова его вдова, Мария Александровна, увезла на родину, в Болховский уезд Орловской губернии, где 30 октября 1877 года героя погребли в семейном склепе в церкви села Березуй.

Поручика Василия Болдырева отправили в госпиталь, и там врачи сумели спасти ему жизнь. Однако служба в войсках для Василия Ксенофоновича с тех пор закончилась. Он, поступив и успешно закончив Военно-юридическую академию, продолжил карьеру уже по правовой части: военным судьёй Казанского и Санкт-Петербургского военно-окружных судов.



*Василий Ксенофонович и Ольга Васильевна Болдыревы с детьми.
Стоят слева направо: Николай, Дмитрий. Нижний ряд слева направо:
Вася, Леля, Аня, Саша, Наташа. 1900 год.*

Первый почётный гражданин Барнаула – орловчанин

В июле 1892 года успешного борца за соблюдением законности (уже в чине полковника) назначили на новое и необычное место – начальником Алтайского горного округа (с центром в городе Барнауле). Восемь лет, проведённых здесь Болдыревым, стали поистине звёздными и чрезвычайно плодотворными в его карьере.

Василий Ксенофонтович сумел наладить жизнь в округе в трудный период его существования, когда один за другим стали закрываться ставшие вдруг убыточными сереброплавильные заводы. Сюда хлынули волны переселенцев, для исследования жизни которых, по инициативе Болдырева, было создано статистическое бюро. Следом появилось Общество любителей исследования Алтая, почётным председателем которого избрали Василия Ксенофонтовича.

Особенно велики оказались заслуги генерала Болдырева в деле развития народного образования на Алтае. Он помог преобразовать Барнаульское окружное училище в реальное, способствовал строительству 30 юбилейных школ в переселенческих поселках *(средства на их строительство в связи со 150-летием округа выделил Кабинет Его Величества – А.П.)*.

17 марта 1900 г. генерал-майор Болдырев был назначен заведующим земельно-заводским отделом Кабинета и выехал в Петербург. Городская дума присвоила ему звание Почетного гражданина Барнаула *(первого в истории города – А.П.)*, его именем назвали улицу. Такой чести не удостоивался ни один из деятелей, служивших на Алтае. Мало того: были учреждены две стипендии его имени для учащихся реального училища, а в июне 1917 г. - третья, для механико-технического училища.

В дополнение к этому, служащие округа собрали по подписке 3639 руб., на проценты с них была учреждена стипендия имени В. К. Болдырева для казенной женской гимназии. В 1901 г. директор реального училища обратился к профессору Академий художеств И. Е. Репину с просьбой поручить одному из своих учеников написать портрет Болдырева, "оказавшего важные услуги училищу". Портрет был написан в том же году художником Д. Ф. Богословским и вывешен в актовом зале училища. Вот так – ещё при жизни - барнаульцы постарались увековечить заслуги полубившегося им руководителя края.

Вся дальнейшая жизнь и деятельность В.К.Болдырева оказались связаны с Петербургом, где он и скончался. В газете "Жизнь Алтая" появилось тогда печальное сообщение:

"8 декабря 1916 г. умер генерал-лейтенант Василий Ксенофонтович Болдырев... Период его службы на Алтае ознаменовался усиленной колонизацией



Генерал Василий Ксенофонтович
Болдырев

края переселенческой волной, статистическими и научными обследованиями экономического и культурного положения населения, природы и почв. Край жил надеждами на близкий культурный расцвет. Ни до, ни после Болдыревского периода Барнаул так не пульсировал общественной жизнью".

Роман генеральских детей

А теперь перейду к семейной жизни генерала-созидателя. Он был счастливо и по любви женат на Ольге Васильевне Немчиновой, от брака с которой родилось семеро детей: четыре сына и три дочери. У всех было достаточно безоблачное детство, жизнь в большой квартире Аничкова дворца на Фонтанке, 31 в Петербурге, учёба в престижных учебных заведениях, а вот после революции всем Болдыревым вдоволь пришлось испытать горечи из чаши испытаний.

Об одной из дочерей, Ольге Васильевне, уважаемый читатель, ты узнал в очерке *«Аркадий Карпов – крестьянин из дворян»*, - она стала женой Аркадия Николаевича Карпова, и ей вместе с мужем (а потом и без него) довелось пройти через тяжёлые дни, месяцы и годы.



Портрет Елизаветы Лавровой (Болдыревой) работы Ильи Репина

Обо всех остальных детях, кроме сына Николая я, пожалуй, говорить не буду – это долгий разговор, достойный целой книги. А вот о Николае Васильевиче Болдыреве скажу обязательно, поскольку его жизнь напрямую связана с Орловщиной, хоть и родился он в Петербурге. Но, наверное, судьба незримо вела его в родные места отца – через судьбу избранницы, Елизаветы Васильевны Лавровой.

Когда, где, при каких обстоятельствах сын действующего придворного генерала познакомился с дочерью героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов, мне выяснить не удалось. Известно лишь, что безоглядно влюбившись в замужнюю к этому времени Елизавету (к тому же – старше его на 10 лет), Николай Болдырев сумел вдохнуть те же чувства в ответившую ему взаимностью красавицу, чей портрет в 1890 году написал знаменитый Илья Репин. Елизавета Васильевна (в то время – Попова) занималась литературной деятельностью и сотрудничала – в качестве переводчицы - с известным журналом *«Детский отдых»*. Она расторгла свой брак с первым мужем и в

1905 году стала женой Николая Васильевича Болдырева, выпускника юридического факультета Императорского Петербургского университета.

Поскольку мать Елизаветы Васильевны, Мария Александровна Лаврова, вплоть до революционных событий 1917 года, проживала в своём болховском

имении Кривцово, то молодожёны, возможно, скрываясь от светских пересудов, переселились на некоторое время на Орловщину.

Здесь скромному чиновнику, коллежскому секретарю (X чин в «Табели о рангах»), Николаю Васильевичу Болдыреву, удалось занять должность начальника станции Куракино на Московско-Курской железной дороге. Ну а поскольку значительную часть времени супруги Болдыревы проводили у любимой тёщи, в Кривцово, то Болховское уездное земское собрание, испытывая острый дефицит в знатоках-юристах, предложило Николаю Васильевичу стать гласным, и он, после избрания, в течение трёхлетнего срока исправно решал вопросы местного значения.

За несколько лет до революционных событий Болдыревы переехали в Петроград, где обосновались на Загородном проспекте, в доме №28. Николай Васильевич стал преподавать на кафедре философии права своего родного университета, заняв должность приват-доцента (внештатного преподавателя). Для души печатал статьи по вопросам образования в «Журнале Министерства народного просвещения».

Умер вовремя

Вскоре после революции, когда кривцовское имение Лавровых было национализировано органами Советской власти, вдова генерала Лаврова переехала в Питер, где поселилась у Болдыревых, на Загородном проспекте, 28. Правда, жизнь Марии Александровны из-за последних переживаний и обострившихся болезней вскоре оборвалась. И это несчастье не стало последним в семействе Болдыревых.

За сотрудничество с Колчаком был арестован и посажен в тюрьму самый младший из братьев – Дмитрий. Просидев в ожидании суда несколько недель, он скончался от тифа. За тремя остальными братьями, преподававшими в советских высших учебных заведениях, началась слежка.

Николай Васильевич Болдырев был вынужден покинуть кафедру в Университете. Зарабатывая на хлеб, он занимал невысокие должности в различных учреждениях. Умер от тяжёлой болезни 25 сентября 1929 года, не дожив и до 50 лет. По воспоминаниям его единственного сына, Александра Николаевича, на следующий день после смерти отца в их дом пришли работники ОГПУ. У них был ордер на арест и обыск, но по причине печальных событий (ведь и среди чекистов тех лет встречались нормальные люди), никаких репрессий в отношении семьи Болдыревых они производить не стали. Можно сказать, повезло: вовремя умер глава семейства. После него осталось два до сих пор неопубликованных сочинения – «Формальный метод» и «Правда о большевистской России – голос из гроба».

Одну из цитат философа Болдырева (для кого-то, наверняка, - спорную) я здесь приведу: *«Все эти Грузинские республики, Кубани, независимые Украины, Азербайджаны, Таврии, Сибоблдумы и рады – загнивающие лужицы, оставшиеся после революционной стихии. Будучи разложением народного тела, они, естественно, не имеют под собой никакой опоры в народе. Личное честолюбие*

– единственный газ, которым они надуваются. Поэтому они не более прочны, чем мыльный пузырь, хотя и переливаются радугой всяких пышных титулов и одежд».

Вдова Николая Васильевича, Елизавета Васильевна Болдырева (Лаврова) умерла во время блокады Ленинграда, в 1942 году. Единственный их сын и внук двух русских генералов, Александр Николаевич Болдырев, стал известнейшим советским учёным-востоковедом, профессором, преподававшим, как ты, читатель, догадываешься, в том же Университете (только под названием «Ленинградский»). Он скончался в 1993 году, и похоронили доктора филологических наук на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

Иосиф Шатилов: от Крыма до Мохового

Март 2015 года стал для России месяцем знаковым. В средствах массовой информации и в нашей памяти предстали тогда события 12-месячной давности, в результате которых Крым возвратился (как это здорово!) на родину. Но ведь в наших сердцах этот полуостров никогда и не покидал Россию – просто последние 23 года он находился в длительной заграничной командировке. И – наконец-то, этот вояж закончился.

В связи с отмечаемой, самой первой, памятной датой мне захотелось напомнить читателям, что многие из наших земляков на протяжении двух с лишним столетий имели к Крыму самое непосредственное отношение. Орловцы осваивали его необжитые ранее просторы, а в драматические периоды Крымской и Великой Отечественной войн защищали родные места от посягательства агрессоров.

Начинал с насекомых

Впрочем, война – это экстремальное событие в истории общества. Я же хочу рассказать об одном известнейшем человеке, который многое сделал для России, Крыма и Орловщины как созидатель. Посетив в июле 1863 года его имение и пробыв в нем пять дней вместо трех, Лев Толстой впоследствии писал: *«Это, наверное, самое замечательное хозяйство в России, и он один из самых милых по простоте, уму и знанию людей»*. Такой отзыв великого русского писателя дорогого стоит, но Лев Николаевич ничуть не преувеличил.

Выдающийся специалист в области сельского хозяйства и крупный общественный деятель России второй половины XIX века Иосиф Николаевич Шатилов родился в Москве 6 апреля 1824 года в известной дворянской семье. Большую часть детства провёл в имениях отца – в селах Моховое и Паньково (тогда – Новосильского уезда Тульской губернии, ныне – Новодеревеньковского района Орловской области – А.П.). Увлечение наукой (первое время – зоологией) началось у Иосифа в 14 лет, во время пребывания в Италии, на вилле известного итальянского путешественника и энтомолога Гаэтано Оскулати. Под его руководством юноша собрал свою первую обширную коллекцию – насеко-

мых. После возвращения из-за границы отец с сыном приехали в Крым, где вскоре Николай Васильевич Шатилов скоропостижно скончался.

Мёртвое озеро и ожившие земли

Иосиф Шатилов, в 19 лет сдав экстерном экзамены за курс Харьковского университета, поселился в полюбившемся ему Крыму, где поступил на службу в Керчь-Еникальское градоначальство. С этого времени, несмотря на молодость, он начал самостоятельно вести сельское хозяйство на 3 тысячах десятин земли в имении своего дяди, в 20 верстах от Керчи.

Попутно Шатилов принимал деятельное участие в производившихся тогда вблизи Керчи археологических раскопках, которыми руководил заведовавший Керченским музеем М. И. Бларамберг. Иногда, во время отлучек Бларамберга, управлять раскопками курганов Шатилову приходилось вполне самостоятельно.

Хозяйственная и общественная деятельность начинающего учёного так подействовали на окрестных землевладельцев, что в 1850 году Иосиф Николаевич был избран Ялтинским уездным предводителем дворянства. Однако достаточно быстро Шатилов понял: гораздо больше его интересует практическая работа.



Иосиф Николаевич Шатилов

И потому в 1852 году Иосиф Николаевич принял предложение дяди, Николая Васильевича Шатилова, принять в управление его имение Тамак в Феодосийском уезде общей площадью 18000 десятин земли. Бесплодные засоленные степи неподалёку от Перекопа, вблизи мёртвого озера Сиваш, заставили молодого управляющего принять срочные меры по окультуриванию этих земель. Шатилов переселил в Крым часть крестьян из Мохового, Паньково и других своих владений в Центральной России. В течение короткого времени переселенцы сумели, ценой тяжкого труда, наладить в бесплодных прежде степях земледелие (*потомки наших земляков в советские годы составляли значительную часть крымского совхоза «Приморье», располагавшегося на землях бывшего шатиловского имения – А.П.*).

Его вклад в зоологию

Здесь же, в Тамаке, с помощью друзей, Иосиф Шатилов начал создавать коллекцию птиц Таврического полуострова, на которую затратил, в общей сложности, 17 лет. Только когда собрание достигло максимальной полноты, Шатилов подарил ее в зоологический музей Московского Университета.

Научной заслугой Иосифа Николаевича можно, несомненно, считать, что он первым из учёных обратил внимание на тарпанов - диких лошадей Крыма,

опубликовав несколько статей о них и положив начало новому научному направлению.

Хлопотами Шатилова в 1862 году в Москву транзитом через Моховое был доставлен отловленный в Крыму в 1854 году живой тарпан. А через несколько лет усилиями Иосифа Николаевича были сделаны и фотографии этой дикой лошади, которые в настоящее время представляют уникальную ценность. Последний экземпляр тарпана, отправленного Шатиловым для изучения учёными-зоологами, доживал свой век в Московском зоологическом саду.

В общем, плодотворнейший двадцатилетний крымский период заложил в Иосифе Николаевиче основы его дальнейшей научной и практической сельскохозяйственной деятельности.



Сохранившееся здание усадьбы Шатиловых в Крыму

Овёс – шатиловский, пшеница – шатиловская, лес - шатиловский

В 1864 году умер очень многое сделавший для учёного его дядя, генерал-майор Иван Васильевич Шатилов. Унаследовав все имения генерала, племянник решил переехать в Моховое. И здесь Иосиф Николаевич вскоре стал «притчей во языцех» для соседей - помещиков, считавших «непростительной глупостью» всё, что он затевал и реализовывал.

Молодой хозяин начинает применять целый комплекс новых приемов ведения хозяйства и агротехники: широко использует навоз и гогенгеймский плуг, одним из первых в России переходит на минеральные удобрения, совер-

шенствует трехпольную систему, введя в севооборот пшеницу, картофель и сахарную свеклу, сеет люцерну.

Выведенная в имении пшеница получила бронзовую медаль на выставке в Париже в 1866 году, по всей России стали сеять его овес, получивший, как и пшеница, имя селекционера.

Он считал важным делом разведение лесов и посадил их, на оврагах и неудобьях, в окрестностях Мохового, 153 десятины, а позже стал применять и полезащитные посадки. К нему в имение приезжали все желающие учиться лесоводству, и он никому не отказывал.

Гениальный русский ученый, почвовед Василий Докучаев, познакомившись с первым в мире опытом степного полезащитного лесоразведения, писал, что посаженный в Моховом лес великолепен, а деревья одинаково хороши и на ровных местах, и на неудобьях.

Занимаясь сельским хозяйством, ученый – агроном успевал делать и многое другое: он долгое время был председателем Московского комитета грамотности, выстроил и содержал на свои средства три школы и больницу, сам объезжал учебные заведения уезда, присутствуя на экзаменах и заботясь о материальном положении учителей (зарплата их в его школах выросла с 80 – 100 рублей до 300- 400 рублей в год).



Здание Шатиловской опытной станции

Наследство для потомков

Но, всё-таки, главным делом его жизни осталось сельское хозяйство, в котором заслуги Шатилова признавались всеми современниками. 25 лет подряд

Иосиф Николаевич избирался президентом Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства. За свои труды по разным отраслям он был удостоен пяти золотых, шести серебряных и четырёх бронзовых медалей, ордена Станислава 1-ой степени и звания действительного статского советника.

За 30 лет литературной деятельности Шатилов опубликовал 5 статей по зоологии, 32 речи и выпустил 50 брошюр-статей и докладов по сельскому хозяйству, многие из которых актуальны и по сей день.

Именно Иосифу Николаевичу мы обязаны появлением системы специального сельскохозяйственного образования и Петровско-Разумовской Академии, в частности *(в настоящее время – Российский аграрный университет имени К.Е.Тимирязева – А.П.)*.

Всю жизнь Шатилов занимался сельским хозяйством не в целях наживы и эксплуатации, а ради самого дела, бескорыстно служа науке и России, а когда умер 20 октября 1889 года в своем московском доме, то некролог, посвящённый ему, опубликовали практически все тогдашние российские газеты и журналы.

Похоронить себя Иосиф Николаевич завещал в Мохомов. По воспоминаниям местных жителей, гроб с его телом от станции Хомутово крестьяне 20 верст несли на руках, на могиле поставили мраморный памятник.

Перед смертью Шатилов передал для научных опытов участок своей земли в 65 десятин, и здесь с 1898 года начала существование Шатиловская сельскохозяйственная станция, чье столетие с большим размахом прошло на Орловщине и чей вклад в развитие сельского хозяйства центральных районов России огромен и неоценим.

В годы гражданской войны могила Иосифа Николаевича Шатилова была осквернена, памятник с нее исчез, но имя выдающегося ученого, агронома и селекционера осталось жить в названиях знаменитых сортов пшеницы, овса, ржи, клевера, выведенных уже в наше время на Шатиловской сельскохозяйственной станции.

В настоящее время самому Шатилову и делам его жизни посвящены целых два музея - рода Шатиловых и истории Шатиловской сельскохозяйственной станции (Новодеревеньковский район). Каждый посетивший их может познаться с вкладом Иосифа Николаевича в российскую науку и полюбоваться на шатиловские леса в окрестностях, как живое свидетельство, доставшееся нам от великого человека.

Дворяне Одинцовы: от литературы – к жизни

Есть в 24 километрах от Москвы, уважаемый читатель, город и железнодорожная станция Одинцово, через которую следуют с Белорусского вокзала столицы все поезда западного направления. По сведениям 2015 года, численность населения районного центра Одинцово превышает 140 тысяч человек.

Одинец, боярин Дмитрия Донского

А в 80 километрах от Орла в сторону Ливен, почти вплотную к федеральной автомагистрали, прилепилась деревня Одинцовка (Даниловского сельского поселения Покровского района). В 40 домах обитают здесь в настоящее время 130 жителей.

Как ни удивительно, два населённых пункта, разделённые почти пятью сотнями километров, объединены общностью их названий, которые произошли от одной и той же фамилии.

Согласно исследованию кандидата исторических наук, орловчанки Ирины Проваленковой, *«известно о существовании нескольких дворянских родов Одинцовых. Один из них, происходящий от киевского выходца Андрея Ивановича Оди́нца, бывшего боярином Дмитрия Донского, внесен в VI часть родословной книги Вологодской губернии»*. Именно от Андрея Ивановича, которому в последней четверти XIV века было пожаловано поместье в 19 верстах к западу от Москвы, и получил своё имя подмосковный город. Род Одинцовых внесен также в родословные книги Рязанской и Тверской губерний.

Героиня романа Тургенева

Но далее я поведу речь только об орловских его представителях. Фамилия Одинцовых в XIX веке на Орловщине была не из самых известных. Богатством и знатностью они не отличались. Но Иван Сергеевич Тургенев в романе «Отцы и дети» почему-то именно представительницу этого семейства, Анну Сергеевну, сделал одной из героинь своего произведения и увековечил Одинцовых не только в России, но и в мире.

Я думаю, что образ женщины, которую полюбил всем сердцем Евгений Базаров, в наши дни, как никогда, актуален. Сколько их, современных искательниц счастья, пытаюсь добиться обеспеченности и богатства, выходит замуж не по любви, а по расчёту? А потом вдруг, если «любовь их, всё-таки, настигнет», они пугаются внезапного «сквозняка» в жизни и предпочитают выбирать, как Анна Сергеевна Одинцова, не любовь, а спокойствие и сытость.

Приданое для дочери

А теперь, дорогой читатель, от литературы перейду к реальным персонажам. Представители рода Одинцовых появились на территории будущей Орловской губернии в первой трети XVII века. За Харитоном Григорьевичем Одинцовым (согласно сведениям упомянутой Ирины Проваленковой – А.П.) по писцовым книгам Новосильского уезда 7136 (1628), 7134 (1626) годов, числилось поместье в д. Михалевой. Оно было оставлено сыну, Семену Одинцову. А от него переходило по наследству потомкам, пока не оказалось в руках канцеляриста Бориса Степановича Одинцова.

Его сын, коллежский секретарь Алексей Борисович, служил делопроизводителем в Орловской палате государственных имуществ и был счастливо женат на дочери титулярного советника Софье Воиновой.

В «Орловских губернских ведомостях» от 4 декабря 1856 года мне удалось найти любопытную запись о том, что «9 октября 1856 года в Орловской Палате Гражданского суда Малоархангельская помещица... Настасья Петрова Воинова подарила своей дочери, жене титулярного советника Софье Ивановне Одинцовой, благоприобретённое имение, в Малоархангельском уезде, в деревне, что ныне селъцо Тетерье, заключающееся в 71 ревизской по 9 ревизии мужского пола душе, за исключением 3-ёх ревизских дворовых людей, оставленных за нею, Воиновой, без земли, со всею принадлежащею к селъцу Тетерью землёю, и в даче селъца Липовца, Перехожее тож, оценённого в 10000 рублей серебром». Число десятин земли в данной дарственной записи не названо, но, судя по стоимости сделки, оно было достаточно приличным. По всей вероятности, мать сделала дочери подарок или в день, или вскоре после свадьбы – в качестве её приданого.



Вид на Одинцовку

Деревня на берегах Тетерки и Медвежки

Алексей Борисович Одинцов, получив от тётки такое щедрое дополнение к своему очень небольшому состоянию, расчувствовался. В новом имении в селъце Тетерье он построил усадьбный дом, и стали молодые в нём «жить-поживать да добра наживать». Один за другим, ежегодно, появлялись у любящих супругов дети: Ольга, Любовь, Николай, Юлия, Сергей. Хозяевами Алексей Борисович и Софья Ивановна были неплохими, да и с крестьянами поддерживали вполне добрососедские отношения.

Когда прошло уже больше десятка лет, сначала все деревенские бабы и мужики, а потом и официальные документы ту часть Тетерья, где жили новые хозяева, стали называть деревней Одинцовой. Находилась новопоименованная деревня на крутом берегу, в месте слияния речек Тетерка и Медвежка.

Шли годы. Дети у Одинцовых выросли: дочери замуж повыходили, а сыновья подались на службу государственную. Старший, Николай Алексеевич, в конце 90-ых годов XX века был назначен земским начальником 3-ого участка Малоархангельского уезда, в который входило три волости (Успенская, Воровуцкая и Покровская). Занимая пост и обладая солидной административной и судебной властью, старший Одинцов никогда ею не злоупотреблял. Потому и авторитет у него среди местного населения был высокий, в земские гласные его избирали не раз.

Ловелас и крестьянка

Что касается младшего брата, Сергея Алексеевича Одинцова, то о нём – отдельная история. Служил он, как и старший брат, по статской части, но особых успехов на службе у него не было. Поскольку в Одинцовой после смерти отца наследником имения стал Николай Алексеевич, то Сергей Алексеевич уехал в Ливны. Поступил в кассу мелкого кредита инструктором и без особого энтузиазма «тянул служебную лямку». Энтузиазм у него просыпался в общении с женщинами. Красивый, статный, с щегольскими усиками, он пользовался у слабой половины ливенского дворянского общества большой популярностью. Впрочем, Сергей Одинцов не злоупотреблял женским доверием, действуя, как Казанова: новой избраннице никогда не обещал жениться, да та и не требовала, очарованная галантным обхождением и подарками.

Минуло Сергею 40, а он всё ещё ходил холостой. Тут уж старший брат, и сам поздно, в 37 лет связавший себя узами брака, заволновался: «Братец, не пора ли о семье подумать?»

Но Сергей Алексеевич только отшучивался. А вот окончательно «дошутился» он уже весной 1904 года. Тогда, на пасхальной неделе, гостил он у брата в деревне, и ненароком встретился однажды с молодой крестьянкой, дочкой соседа, Тимофея Ильичёва. Звали девушку Васса, и ей исполнилось недавно 18 лет.

Как пишут в таких случаях романисты, сердце опытного ловеласа «пронзила молния». Но ронять достоинство Сергей Алексеевич не стал, не предпринимая никаких действий, уехал в Ливны. Там, к своему удивлению, обнаружил, что всякий интерес к другим женщинам он потерял, а в голове постоянно звенело: «Увидеть Вассу, увидеть Вассу!»

В начале лета 1904 года титулярный советник Одинцов вновь приехал в Одинцово, но долго не мог встретиться с соседкой: работ в деревне много, и Васса была постоянно где-то и чем-то занята. Встреча случилась там, где Сергей Алексеевич меньше всего ожидал – на речке Медвежке. Я забыл упомянуть, что имелась у дворянина Одинцова ещё одна страсть – рыбалка с удочкой. Пришёл он в четвёртом часу утра на любимое место, глядь, а оно – занято, и не кем-нибудь, а девушкой-крестьянкой. Повернулась она на шаги, улыбнулась барину, и того снова «молния пронзила». Даже весь свой обычный репертуар Сергей Одинцов подзабыл, впрочем, в такой ситуации он бы ему и не помог.

Краснея, бледнея, заикаясь, с пересохшим ртом и губами, он, всё-таки, нашёл в себе силы начать разговор. Васса его поддержала, и даже её неправильная крестьянская речь ничуть не покорила рафинированного дворянина: столько в ней было милой непосредственности.

В общем, дальше была совместная рыбалка, а спустя короткое время начались их тайные встречи. Тимофей Ильичёв, когда дочь не послушалась его запретов, пару раз отстегал Вассу вожжами, но это не помогло. Пытался остановить брата Николай Алексеевич, говоря, что сказала в «младшеньком» горячая польская кровь предков, - тоже без результатов.

О бурном романе 41-летнего барина и 18-летней крестьянки скоро заговорили не только в деревне, но и в уездных Малоархангельске и Ливнах. Летом следующего года Васса Ильичёва родила дочь, а вскоре дворянин Сергей Одинцов официально узаконил свой брак и признал девочку своей. В общем, как говорится, полный «happy end».

«Определением суда младенец сей... узаконен»...

Эту историю, уважаемый читатель, рассказала мне лет 10 тому назад как свою семейную старушка из деревни Одинцовка, чья бабушка была родной сестрой Вассы Ильичёвой. Честно признаюсь, я воспринял её как красивую легенду.

Но, работая однажды в Государственном архиве Орловской области с метрическими книгами Покровской церкви села Покровское Малоархангельского уезда (ныне – посёлок Покровское – А.П.), нашёл я вдруг в записях о рождении за 1905 год следующее (цитирую):

«21 июня 1905 года родилась, 28 июня – крещена Мария, незаконнорожденная. Родители – деревни Тетерья-Одинцова крестьянка – девица Васса Тимофеева Ильичёва, православная.

Восприемники (то есть крестные отец и мать – А.П.) – дворянин Сергей Николаев Оловенников и дворянина Николая Алексеева Одинцова жена Антонина Иоаннова». То есть, родной брат не только признал племянницу, но и свою жену направил на крестины.

А дальше – ещё любопытнее. Рядышком с записью о рождении девочки Марии – ещё одна запись, сделанная на полях: *«Определением Орловского окружного суда от 9 сентября 1914 года младенец сей внебрачный узаконен дворянину Сергею Алексеевичу и жене его Вассе Тимофеевой Одинцовым».* По всей видимости, в том год родители определяли дочь в какое-то учебное заведение в Орле.

Та старушка из рода Ильичёвых, что рассказывала мне семейную историю, сказала, что барин с женой и дочерью после революции покинули родные края, и какова их судьба – ей не известно. Мне, к сожалению, тоже.

Одинцовых в наших краях сейчас нет вообще, а вот деревня (её название чуть исковеркали, превратив в Одинцовку – А.П.) с таким именем стоит, напоминая о романтической истории начала XX века.

Покатиловы (история одного семейства)

За последние годы заметно разросся посёлок Покровское – районный центр Покровского района, количество улиц в нём уже превысило цифру пятьдесят. Новые улицы появились и в том микрорайоне, что расположился на крутом, обрывистом склоне, метрах в ста от речки Липовец. Однако и по настоящее время, вот уже свыше 100 лет, эту часть Покровского все местные жители называют не иначе, как Покатилово.

Кто же такой Покатилов или кто такие Покатиловы, что в их честь народ наименовал целый микрорайон большого посёлка?

Эту помещичью фамилию хорошо знали в Малоархангельском уезде во второй половине XIX – начале XX века. В «Алфавитной книге дворянских родов Орловской губернии» значились сразу три семейства Покатиловых.

Василий Петрович Покатилов, после 15 лет военной службы, в марте 1848 года в чине штабс-ротмистра ушёл в отставку. Женившись, он поселился в своём имении в Малоархангельском уезде, где ему принадлежало 550 десятин земли, и зажил обычной помещичьей жизнью: занимался хозяйством и семьёй. У Василия Петровича и Анны Николаевны Покатиловых, одна за другой, родилось пять дочерей: Елизавета, Екатерина, София, Александра, Надежда. И когда помещичья семья уже отчаялась ждать наследника, родился, наконец-то, 15 июля 1859 года, долгожданный сын, Владимир.

На радостное событие по случаю крещения младенца Василий Петрович Покатилов пригласил многих своих родственников и, в первую очередь, родного брата Николая, имение которого располагалось неподалёку, в сельце Хорошем того же Малоархангельского уезда. Николай Петрович Покатилов, оставя службу военную в чине майора, в своей родовой усадьбе занялся, как бы мы сейчас сказали, предпринимательством.

Вот какое объявление нашёл я в газете «Орловские губернские ведомости» за 1 марта 1847 года:

«Орловской губернии, Малоархангельского уезда, на 72 версте от Орла по тракту в Ливны, не почтовою, а столбовою дорогою, в Липовице, Покровское тож, в имении Г.Покотилова (*здесь фамилия помещика написана через «о» – А.П.*), делают вновь и переделывают старые экипажи, как-то: кареты, коляски, фэтоны, тарантасы, пролётки и всякие зимние экипажи – за сходную цену и весьма хорошей работы, отвечая за новые два года починкою. Желающие заказывать какой-либо новый экипаж могут адресоваться в означенное имение прямо к Г.Покотилову, или к главному мастеру. Заказать новый экипаж или переделать старый можно письмом, адресуя Николаю Петровичу Покотилову, в село Дросково Малоархангельского уезда»...

Кроме имения в сельце Хорошем (ныне – составная часть посёлка Покровское), Николаю Петровичу принадлежала также деревня Волкова (*именовавшаяся также хутор Крутой, или просто Хутор, сейчас это деревня Крутое Даниловского сельского поселения – А.П.*). Судя по всему, как хозяин и человек,

Н.П.Покатилов, пользовался авторитетом у соседей-помещиков. Когда у одного из них, штабс-ротмистра Ф.А.Мухортова, владельца деревни Липовица, 5 декабря 1859 года родился сын Виктор, то в качестве восприемника (крестного отца – А.П.) счастливый отец пригласил именно Николая Петровича. Стал Н.П.Покатилов крёстным отцом и сына приходского священника из села Покровского Николая Первозванского (это событие случилось 10 лет спустя, в январе 1869 года).

В 50-ые годы Н.П.Покатилов продолжил службу, но только на гражданском поприще – в Ельце окружным начальником. От старшего брата, Василия Петровича, по количеству детей, майор заметно отстал – у него родилось их только двое, сыновья Константин и Владимир.

О судьбе младшего, Владимира Николаевича, нам известно мало, а вот о старшем сыне, Константине Николаевиче, многие из старожилов села Покровского и окрестных деревень вспоминали и много лет спустя с большим уважением: «Настоящий доктор был!»

Константин Николаевич Покатилов родился в селе Покровское, обучался вначале на дому, а потом – в Орловской мужской гимназии, по окончании которой поступил в военно-медицинскую академию. Некоторое время провёл за границей, совершенствуя свои медицинские знания, а потом вернулся в Малоархангельский уезд.

В 1897 году он стал главным помощником врача Малоархангельской городской земской больницы Нила Ивановича Воблого. У этого легендарного для Малоархангельска доктора медицины Константин Покатилов получил бесценный опыт практической работы, который ему пригодился уже на следующий год, когда его направили в родное село Покровское.

20 лет Константин Николаевич заведовал Покровской земской больницей, будучи единственным врачом на пять больших волостей. С утра до вечера, часто и без перерывов, он то принимал приехавших на приём больных, внимательно обследуя их и прописывая курс лечения, то выезжал к тяжёло больным на дом.

Забываясь о качестве лечения, Покатилов добился от земского начальства ремонта больницы, после которого лечебное учреждение заметно похорошело и стало в бытовом плане удобнее для всех, кто его посещал или был вынужден лежать в его стенах.

Работая в Покровской больнице, жил Константин Николаевич в родовом доме, который унаследовал после смерти отца. К сожалению, до настоящего времени он не сохранился.

Документального подтверждения тому, что при Советской власти К.Н.Покатилов был удостоен учёной степени доктора медицины (это утверждали многие старожилы Покровского), я пока не нашёл. Однако то, что Советская власть отнеслась с глубоким уважением к его заслугам, несмотря на дворянское происхождение Константина Николаевича, – совершенно точно.

Доживший до преклонного возраста, врач К.Н.Покатилов в начале 20-ых годов XX века переехал в город Малоархангельск, где ещё некоторое время ра-

ботал терапевтом Малоархангельской уездной больницы. Уисполком выделил ему дом с садом в центре города.

Даже уйдя на пенсию, Константин Николаевич не бросил любимое дело: принимал на дому тех больных, кто приходил к нему, консультировал молодых специалистов. Это был замечательный и высококвалифицированный врач.



Покровская земская больница (современный вид)

Когда в 1928 году доктор Покатилов скончался, то проводить его в последний путь вышли многие жители Малоархангельска. Приехали на похороны и земляки из Покровского.

Наверное, глубоко символично, что фамилия врача, спасшего многие жизни наших земляков, сохранилась в памяти народной. И до сих пор часть посёлка Покровское, где жили почти сто лет помещики Покатиловы и самый известный для покровчан представитель этого семейства, мы называем – *Покатилово!* Думаю, теперь память народную нужно официально увековечить в названии одной из новых улиц посёлка. Пусть будет в райцентре улица доктора Покатилова.

Троицкие: от фотографии – к радио

Так уж получилось исторически, что сравнительно небольшой населённый пункт, каким оставалось село Покровское Малоархангельского уезда (ныне – район Покровское – А.П.) на протяжении почти трёхсот лет, знал многих помещиков. В самом начале XX века, к примеру, имения здесь имели: Сергей Николаевич Оловеников, Сергей Владимирович, Михаил Владимирович и Елизавета Александровна Покатиловы, Михаил Константинович Арнольди и Василий Зиновьевич Троицкий.

Наш рассказ пойдёт о последнем из перечисленных помещиков, который в наследство от отца, Зиновия Васильевича, получил 60 десятин земли в окрестностях села Покровского.

Имение Василия Зиновьевича Троицкого находилось в той части современного посёлка Покровское, которая расположена на возвышенном, правом берегу речки Липовец, в почти полностью заросшем к настоящему времени пространстве вокруг старой школы и туберкулёзной больницы. Тогда этот небольшой деревянный дом был виден издалека.

Зиновий Васильевич был человеком прогрессивных взглядов, увлекающимся, и потому разбил сразу же вокруг усадебного дома большой плодовый сад, в котором росли самые разные культурные деревья. Кроме того, он, один из немногих в Малоархангельском уезде, начал заниматься фотографией и достиг в этом деле приличных результатов.

Фотографировал он, в основном, свою усадьбу, сад, сельскохозяйственные работы и покровские окрестности. Все фотографии собирались в альбомы (их скопилось несколько) и бережно хранились в семье. Когда после событий 1917 года началась национализация помещичьих имений, да и аресты тоже, то небольшая семья Троицких бросила своё имение и переехала в Подмоскovie, где и осела на постоянное место жительства.



Строящийся дом в Покровском (фото В.З. Троицкого, дата не определена)

О судьбе Василия Зиновьевича мне известно только то, что он скончался в середине 30-ых годов, не дожив и до 60 лет. Его сын, Леонид Васильевич, родившийся 31 декабря 1908 года в селе Покровское, к этому времени закончил школу и в 17-летнем возрасте начал трудовую деятельность.

Вероятно, от отца ему достались в наследство не только фотоальбомы, но и склонность к технике. Правда, Леонид Васильевич посвятил всю свою дальнейшую жизнь не фотографии, а радио, поскольку ещё в школе проявил к нему склонность.



Дом Троицких в селе Покровское (фото В.З. Троицкого, дата неизвестна)

Окончив в Москве радиокурсы, с 1926 по 1930 год Троицкий руководил радиокружком в школе ФЗУ Октябрьской железной дороги. Потом работал ответственным секретарём секции КВ (коротких волн) Московского общества друзей радио, старшим техником и заведующим отделом коротких волн Центральной радиолaborатории Общества друзей радио.

Переселившись в Москву, в 1938 году Леонид Васильевич пришёл в редакцию журнала «Радиофронт» в качестве заведующего отделом коротких волн и проработал в журнале до начала Великой Отечественной войны.

В первые же дни войны, несмотря на плохое зрение, Троицкий попросился добровольцем на фронт и в качестве связиста роты связи 4-ой дивизии народного ополчения принял участие в обороне Москвы. Потом Леонида Васильевича направили старшим мастером в радиомастерские 49-й армии, сражавшейся на Западном фронте. Его рации здорово послужили нашей Победе как на пере-

довой, так и в глубоком фашистском тылу, когда ими пользовались советские разведчики. Медали «За оборону Москвы» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.» стали военными наградами Троицкого за его вклад в победу над фашизмом.

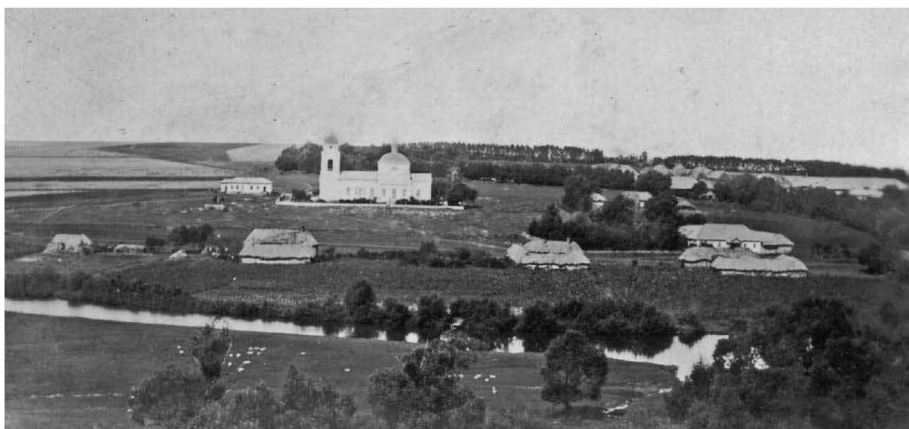
С 1946 года, после возобновления выхода журнала «Радио», Леонид Васильевич снова пришёл на работу в редакцию, где проработал ещё 20 лет. Все свои знания Троицкий отдал делу пропаганды радиотехнических знаний, став одним из лучших журналистов СССР этого направления.



Леонид Васильевич
Троицкий

В 50-60-ые годы вышли в свет несколько брошюр, подготовленных Л.В. Троицким, которые приобрели большую популярность у радиолюбителей. У товарищей по работе и друзей Леонид Васильевич всегда пользовался большим авторитетом.

До конца своей жизни он во всех анкетах писал, что происходит – «из служащих», нигде не упоминал о дворянском происхождении, но фотоальбомы отца бережно хранил. Когда 19 декабря 1966 года, не дожив двух недель до своего 58-летия, Леонид Васильевич Троицкий скончался после долгой и тяжёлой болезни (рак костей), эти альбомы оказались у Ольги Леонидовны Столяровой – давней знакомой и землячки Троицких. А благодаря моему знакомству с Ольгой Леонидовной, несколько фотографий Василия Зиновьевича Троицкого стали некоторое время назад известны и покровчанам. Самая знаковая из них – фотография Покровской церкви.



Покровская церковь (фото В.З. Троицкого, 1908 г)



Макет старого Покровского храма, изготовленный А.Н. Цукановым по фото В.З. Троицкого

Кусочек истории и культуры нашего края оказался сохранён благодаря бескорыстному труду и энтузиазму представителей одного семейства, жившего в наших местах свыше ста лет назад.

Посмотри, читатель, на эти фотографии, почувствуй вкус, цвет и запах времени.



Вид на Покровское с западной стороны, на дальнем плане Покровская церковь

Глава пятая

Орловская мозаика

Несколько коротких историй о водке, когда она ещё вином звалась

Действительный тайный советник, генерал-прокурор при Павле I, мало-российских губерний генерал-губернатор и министр внутренних дел во времена Александра I, действительный камергер и разных орденов кавалер, сиятельный князь Алексей Борисович Куракин, был одним из богатейших людей своего времени. Только в одном Малоархангельском уезде Орловской губернии ему принадлежало свыше пяти тысяч десятин земли.

О винных заводах князя Куракина

Однако, в отличие от многих, не менее богатых, современников, которые ограничивались простым получением доходов от подневольного крестьянского труда, князь умел не только тратить (а делал он это с большим вкусом), но и зарабатывать. Для начала XIX века Алексей Борисович был, как бы сейчас сказали, достаточно продвинутым предпринимателем.

Если, к примеру, в каком-либо из его многочисленных имений начиналось строительство, то кирпич для будущих каменных зданий поставлялся всегда только с собственных заводов Куракина.

Поскольку князь, в силу своего высокого положения, имел мало времени для управления имениями, то старался подобрать для этого грамотных и подкованных экономически личностей, даже если их приходилось искать вдали от родных мест.

Так, управляющим его вотчинами в Малоархангельском уезде стал иностранец Томсен *(но имя-отчество ему дали русское – Егор Петрович – А.П.)*. Томсен успевал не только организовывать сельскохозяйственные работы в селе Преображенском и окрестных деревнях, принадлежавших Куракину, но на его плечах лежало такое важное и прибыльное для князя дело, как производство и реализация спиртных напитков *(винокурение, говоря языком того времени – А.П.)*

В самом начале XIX века Алексей Борисович владел двумя крупными (по меркам тех лет) винокуренными заводами, находившимися в Орле и Малоархангельске. В 1804 году на них производилось не менее 40 000 вёдер «горячего хлебного вина» *(тогдашнее название ржаной водки крепостью около 40 градусов – А.П.)*. Ведро как мера жидкости составляло на Руси 12,3 литра (хотя изредка было равно 15 литрам). Таким образом, объём производства куракинских заводов, - 492 000 литров ежегодно, был очень солиден и сравним с некоторыми из современных ликёро-водочных или спиртовых предприятий.

В начале XIX века, впрочем, как и сейчас, в отношении производства и продажи спиртного существовала строгая регламентация. Князь Куракин на

своих заводах мог «курить» вино, но продавать его сам он права не имел. Эти занимались питейные откупщики.

С одним из них, елецким I гильдии купцом Желудковым, управляющий Томсен (*«от лица своего господина»*) в конце 1803 года заключил контракт на поставку 40 000 вёдер «горячего хлебного вина» в два места (*сейчас это мы называем, наверно, торговыми точками, а тогда это именовалось «дистанции»* - А.П.) – Разбегаевку и Очки (*населённые пункты современных Свердловского и Глазуновского районов – А.П.*).

Доставить вино в эти «дистанции» должны были люди князя Куракина, не сразу, а тремя партиями. Сентябрьская треть, к примеру, составила 5000 вёдер. На провоз его в 165 огромных бочках требовалось получить специальное разрешение – ярлык, который и был выдан Томсену 12 октября 1804 года Малоархангельским уездным судом после тщательной проверки затребованного сюда оригинала контракта на поставку вина.



Князь Алексей Борисович
Куракин

Князь Куракин, кстати, не был единственным поставщиком зелья любителям его. В сельце Татаринове Малоархангельского уезда в это же время существовал винокуренный завод дворянина, кадеты Юрия Клушина. Правда, размерами это предприятие заметно уступало куракинским – 10 000 вёдер вина в год. Поставлялось спиртное Клушиным в город Новосиль партиями по 1000 вёдер в месяц.

О питейных заведениях и о том, что много пить вредно

После получения ярлыка на провоз вина оно доставлялось в оговоренное место, откуда откупщики продавали его владельцам питейных заведений и постоялых дворов. Каждое из таких заведений должно было иметь специальное разрешение на продажу спиртного.

Малоархангельский уездный суд, к примеру, 5 марта 1819 года рассмотрел дело о незаконной продаже «горячего хлебного вина» в харчевне мещанина Удалых его крестьянином Максимом Пятиным. Самого крестьянина при обнаружении незаконного деяния сразу же заключили под стражу, а владельца харчевни вызвали для разбирательства в Малоархангельскую городовую ратушу. Наверняка Удалых там удалством уже не бахвалился, поскольку был подвергнут материальному наказанию.

Ну а в тех заведениях, где «горячее хлебное вино» продавали законно, там народ его пил, причём, пил много. Тот же Малоархангельский уездный суд в октябре 1804 года трижды собирался на заседания по требованию Орловской уголовной палаты, которая рассматривала дело Орловского купца Анцыфорова.

Этот купец застрелил своего извозчика Михея Пензева во время пребывания на постоялом дворе деревни Грязной (Малоархангельской округи).

Выпить вина тогда на постоялом дворе собралось народу много. Были тут крестьяне из окрестных деревень, один служитель из бывшего города Дешкина, и даже священник из соседнего села Столбцекого пришёл пропустить шкалик. Все они стали свидетелями, как купец и его извозчик, основательно подвыпив, стали вначале ссориться, а потом дело дошло и до драки.

Гораздо более крепкий физически Пензев хозяина сильно избил. Тот ушёл с постоялого двора, а гордый победой извозчик продолжал веселие. Но тут возвратился купец, и в руках у него был мушкет. Не успели все опомниться, как извозчик был мёртв. А купец, схваченный за руки, моментально протрезвел.

О солдатах, которые бочку вина украли

Менее трагичные события произошли в Малоархангельске в марте 1819 года. В этот день пять солдат инвалидной команды, нёсших службу в городе, помогали в разгрузке винных бочек у церковных сараев, где и должны были потом эти бочки храниться. Но за то короткое время, пока бочки стояли на открытом месте, солдаты умудрились одну из них незаметно утащить и спрятать, а из другой вычерпали три ведра вина. Выпили ли они всё вино сами или с кем поделились – история умалчивает.

И хотя солдаты клялись-божились, что к краже вина они отношения не имеют (никто ведь их за руку не поймал), но по указу Орловского губернского правления, всех пятерых – Артёма Симеонова, Василия Игнатова, Фёдора Бабенкова, Николая Ларионова, Ивана Назарова, - подвергли военному суду (*правда, нам не известно, как именно их наказали – А.П.*).

А вот найти того (или тех), кто украл в деревне Сетенёвой (того же Малоархангельского уезда) принадлежавшие помещику Николаю Костромитинову казённые чугунные и медные меры для вина, так и не удалось. Обвинённый в их краже и заключённый под стражу однодворец села Енино Савелий Такмаков, даже под свидетельством у священника, свою вину не признал, и Малоархангельский суд принял решение о его освобождении.

О том, как важно соблюдать меру

И, наконец, последняя история, ещё раз убеждающая нас в том, как важно быть законопослушным, особенно когда имеешь дело с вином.

22 декабря 1804 года Малоархангельский уездный суд рассмотрел дело *«О начатом малоархангельским помещиком Фёдором Костромитиновым (это – отец упоминавшегося Николая Костромитинова) винокурении в неуказном котле незаконно»*.

При разбирательстве выяснилось, что помещик деревни Сетенёвой Фёдор Костромитинов 12 октября 1804 года подал прошение о том, что *«для своего обихода»* собирается *«выкурить в указном 30-ведерном мерном казане в один приём положенную препорцию вина девяносто ведр, а выкурку будет делать 20 октября»*.

Земский суд в ответ на прошение принял решение отправить в имение Костромитинова для измерения винной посуды одного из членов суда. Но по каким-то причинам никто к помещику-заявителю так и не приехал.

А 8 ноября того же года поверенный питейных сборов (*какое слово, а, читатель - поверенный, то есть поверяет-проверяет, всё ли законно - А.П.*) Гурей Гусев сообщил земскому исправнику Юрьеву, что Фёдор Костромитинов произвёл винокурение незаконно и просил принять меры.

Немедленно в деревню Сетенёву отправился один из членов суда. С помещика было взято объяснение, и в его присутствии произвели первичный обмер медного казана, в котором курилось вино.

Оказалось, что «*по плеча*» в эту посуду вмещается 29 вёдер, но «*равно с краями - 30 и семь осьмых ведра*». То есть, помещик сообщил суду заведомую ложь о своём котле, уменьшив его объём на десять с половиной литров.

Костромитинова немедленно вызвали на судебное заседание, но какое наказание он понёс, для меня осталось тайной, покрытой плёнкой времени.

Но, подумал я, не мешало бы такие строгости двухсотлетней давности в отношении многих *деятелей* водочной промышленности перенести в наше время, может быть, желающих обойти законы поубавилось бы.

(истории написаны на основании протоколов Малоархангельского уездного суда, хранящихся в ГАОО, фонд 28, оп.1, ед.хр. 180 и 385)

Как однодворцы села Енино сто лет с соседями-помещиками за землю и рошу спорили

3 июля 1780 года служитель Никита Минаев, доверенный человек помещика, премьер-майора Василия Ивановича Ракитина, владельца имения в деревне Васильевка, что находилось неподалёку от села Никольского, обратился (от лица своего хозяина) в Малоархангельский нижний земской суд. В заявлении он прописал, что «*июня 2 дня Малоархангельской округи села Енина однодворцы Григорий и Емельян, Ивановы дети, Енины, Григорий Павлов с братом с товарищи запахали господина его землю под самые дворы деревни и беззаконно рубят рошу*».

Далее Никита Минаев поведал, что «*села Енина отставной солдат Филипп Ушаков, Емельян с братом, а прочих как звать, не знает, со многолудством, с рогатинами и цепами боевыми отнимают сохи и косы (у помещичьих крестьян-А.П.) и назад отдавать просят по двадцати копен (видимо, скошенного хлеба - А.П.) со всякой косы могарыча*».

Так началась эта история, втянувшая с течением времени в свою орбиту несколько поколений однодворцев и помещиков, десятки чиновников и несколько судебных инстанций, вплоть до царствующих особ.

Спустя десять лет, когда Василия Ивановича Ракитина уже не было в живых, а имение его досталось по закладной помещице Екатерине Ивановне Павловой, уже от неё в тот же суд служитель Никита Минаев подал новое объявле-

ние, что «*одноворцы села Енина, деревни Васютиной (какая по мирскому названию – Казинка) Кирило Харечков, Марка Енин со товарищи числом до тридцати запахали шесть десятин помещичьей земли и вырубili помещичью рощу – в даче Енинской (от верха Фошнянского до верха Каторжского).*»

Для изучения ситуации и выяснения, чьи же на самом деле спорные земля и роща, в Васильевке и окрестных населённых пунктах в октябре 1792 года побывал малоархангельский капитан-исправник П.Б.Логвинов. Несколько дней потратил Пётр Борисович на опросы независимых свидетелей из села Никольского, деревень Морозовой, Ступиной и Ефремовой. Показания 31 человека заняли 13 страниц большого формата. Все опрошенные под присягой показали, что «*оной лес и земля изстари состояли во владении села Енина всех жителей.*»

В ответ на помещичьи притязания одноворцы сами подали в Малоархангельский нижний земской суд заявление о завладении Катериной Павловой их землёй и рощей. Малоархангельский уездный суд согласился с тем, что претензии помещицы к одноворцам села Енина безосновательны.

Получив приятную новость, одноворцы весной 1793 года шесть спорных десятин земли снова засеяли яровым хлебом – овсом и гречей. Однако помещица не признала решение уездного суда, теперь уже её люди начали вырубать деревья в роще раздора, а сама Екатерина Павлова 30 марта 1794 года обратилась напрямую к тётке - императрице Екатерине II.

По указу царскому тяжбу начали разбирать заново - сначала в Малоархангельском уездном суде, потом в Орловской нижней расправе. Были изучены первоначальные документы: протоколы опросов, сделанные капитан-исправником Логвиновым, и заявление села Енина одноворческого поверенного Марка, Максимова сына, Енина (защитника интересов одноворцев этого села, их адвоката, как бы мы сказали сейчас).

Капитан-исправник Логвинов, до принятия окончательного решения в суде, рекомендовал спорящим сторонам воздержаться от ссор, драк и каких-либо действий. Но...

К 1797 году умерла Екатерина Великая, скончалась и Екатерина Ивановна Павлова. Её имение унаследовала дочь, Дарья Ракитина. Все дела по управлению хозяйством она поручила вести своему родственнику, Юрию Клушину, который 19 мая 1797 года обратился с прошением уже к императору Павлу I – вернуть ему отобранные у него одноворцами села Енина рощу и 6 десятин земли.

Каков был ответ императора, нам неизвестно, но поскольку в феврале 1804 года это дело рассматривалось Орловской Палатой гражданского суда, ясно, что помещик Клушин был неудовлетворён предыдущими решениями.

В октябре 1808 года в спор между одноворцами села Енина и их соседом-помещиком был вынужден вмешаться Правительствующий Сенат. Он оправил в Орловскую Палату гражданского суда специальный документ – «*Понуждение по делу кадета Юрия Клушина о спорной Малоархангельской округи села Енина с одноворцами земле и лесе.*»

Орловская Палата гражданского суда приказала уже Малоархангельскому уездному суду *«выписанное сей Палате предписание выполнить в самом скорейшем времени и рапортовать в Палату без замедления»...*

Но каким было окончательное решение, из данного послания совершенно неясно. Ясно то, что спор *«о земле и лесе»* между однодворцами села Енина и помещиками так и не был окончательно решён, поскольку ещё через 70 лет (!), в октябре 1878 года, дело это вновь рассматривалось Орловской Палатой гражданского суда. С момента начала судебной тяжбы к этому времени прошло 98 лет.



Те места, о которых идёт речь в рассказе (рядом с деревней Ракитина)

Р.С. Васильевка, имение Василия Ивановича Ракитина, того самого помещика, с которого начался многолетний земельный спор, называется сейчас деревня Ракитино. Расположена она на шоссе Дросково-Колпна, примерно в 10 километрах от села Дросково. Осталось от многолюдной когда-то деревни меньше десятка домов и почти столько же жителей.

А имя Юрия Клушина довольно долго сохранялось во втором названии деревни Ениной – Клушина. Эта деревня, как и Ракитина, через короткое время канет в Лету. Впрочем, наверняка, останутся в истории имена – те самые, упомянутые в нашем коротком рассказе «О том, как однодворцы села Енино с соседями-помещиками за землю и роцу спорили».

(Эта история написана на основании материалов из Фонда 28 Госархива Орловской области, оп.1,ед.хр.224)

Дмитровские похитители бриллиантов

18 мая 1843 года в Киеве скончался выдающийся русский военачальник, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, участник всех войн с Наполеоном, двух русско-турецких и войны с Персией Афанасий Иванович Красовский. Так закончился земной путь человека, внесшего огромный вклад в военную славу России и нашего края – ведь полководец не только был орловским помещиком и дворянином, но и подолгу проживал в губернском центре и своих орловских имениях (смотри, читатель, очерк в «Орловском вестнике» от 24 мая 2011 года - «О русском генерале Красовском, который армян от уничтожения спас» - А.П.). Жена, дети генерала и орловчане, многие из которых хорошо знали Афанасия Ивановича, горько оплакали его смерть.

«Словно мухи тут и там, ходят слухи по углам...»

Не прошло и трёх месяцев после печального события, как Красовские снова оказались в центре внимания, однако на этот раз орловскому дворянскому сообществу пришлось краснеть и даже буквально «сгорать со стыда» за человека, опозорившего славную фамилию. В Орле поползли слухи, что дмитровский помещик Николай Красовский (но не родственник, а просто однофамилец почившего генерала – А.П.) оказался замешан в какой-то «тёмной» истории с пропавшими в Санкт-Петербурге бриллиантами.

А вскоре из Особенной Канцелярии МВД на имя Орловского военного и гражданского губернатора, князя, генерал-майора Петра Трубецкого пришла секретная бумага, которая подтвердила ходившие уже открыто несколько недель разговоры.

Оказалось, что в Санкт-Петербурге летом 1843 года, в течение нескольких недель, работала созданная по Высочайшему повелению Императора Николая I комиссия под председательством начальника 1-ого округа Корпуса жандармов, генерал-лейтенанта Даниила Полозова, которая внимательнейшим образом изучала материалы дела «о прикосновенности отставного статского советника Николая Красовского» и нескольких лиц из его окружения к «известной покраже бриллиантов из магазина Брикнера и Шенка».

Трое и письмо

Суть дела выглядела в следующем. В начавший набирать популярность в Питере магазин бриллиантов (это было первое специализированное торговое заведение в столице по продаже драгоценных металлов и камней – А.П.) немецких купцов Брикнера и Шенка явились однажды ближе к закрытию крестьяне Николай Шульпин и Адриан Никитин с «верующим письмом» от отставного статского советника Николая Петровича Красовского. Двух взрослых мужиков сопровождал крепостной мальчик помещика Красовского Варфоломей Терехов.

Зачем тут оказался мальчик – стало ясно позже. А пока Николай Шульпин вручил письмо одному из владельцев магазина – Густаву Брикнеру. Этот немецкий купец был пронырливым и удачливым торговцем, который вскоре соз-

дал в столице целую сеть магазинов. Брикнер взял письмо, прочёл его и постарался угодить уже известному ему клиенту, отставному статскому советнику, молодому и симпатичному, не раз бывавшему здесь и приобретавшему то один, то два, а то и три бриллианта. Красовский в своём послании извинялся перед Господами владельцами, что не смог прибыть в магазин лично, поскольку торопится в дальние края, везёт жену на лечение и хочет перед этим порадовать свою Марью Николаевну хорошим «камушком».

Брикнер в течение часа (взмок даже) показывал привередливому доверенному лицу статского советника бриллианты, пока тот, наконец, не выбрал подходящее колечко с камнем на пять каратов. Шульпин рассчитался с владельцем сполна ассигнациями, и троица благополучно удалилась.

Пока суть да дело, стал Густав Брикнер собирать в потайной сундучок (сейфа у купцов ещё не имелось) на ночь свои золото-серебро-камни и ахнул: в дальних витринах магазина зияла пустота.

Подсчитал купец всё, что пропало, и понял, что их с напарником практически разорили: украдено было бриллиантов на сумму 16 227 рублей. Бросился Брикнер в ближайший полицейский участок и рассказал в подробностях, дважды теряя сознание, о своей трагедии.

За широкой спиной

Вот так и завертелось это дело. Уже утром к квартире, которую снимали Красовские, приехали представители полиции. Но отставной статский советник и его жена, как выяснилось, покинули Санкт-Петербург ещё вечером. Правда, все их слуги оставались на месте.

Николай Шульпин, Адриан Никитин и Варфоломей Терехов были полицией арестованы, а в квартире Красовских произведён обыск. Как вы понимаете, никаких бриллиантов полиция не нашла. Подозреваемую троицу отвезли в Петропавловскую крепость и подвергли допросу с пристрастием. Однако ни один из допрошенных ни в чём предосудительном не признался: «Да, в магазине Брикнера и Шенка были, по поручению хозяина и с его письмом, поручение выполнили и ушли, больше ничего не знают».

И лишь спустя месяц, когда к сидевшему в крепости наравне со взрослыми дворовому мальчику Варфоломею Терехову приехала из Орловской губернии его мать (*как она узнала о событиях и как умудрилась добраться до столицы – история умалчивает – А.П.*), в расследовании дела о бриллиантах произошёл сдвиг. Под влиянием матери, умолявшей Варфоломея рассказать правду, тот признался во всём.

Оказалось, что когда в магазине Николай Шульпин привередливо выбирал колечко для барыни, Адриан Никитин своей широкой спиной прикрывал обзор для владельца магазина, а Варфоломей быстро и ловко собирал в небольшой холщовый мешочек лежавшие на дальних витринах камни. По выходу из магазина этот мешочек забрал у него Шульпин, который, по возвращении их на квартиру, отдал украденное, как и купленное кольцо, барину. Николай Петро-

вич и Марья Николаевна тут же и уехали, приказав слугам оставаться на месте до своего возвращения.

«Взыскать сполна всю сумму...»

Красовские вернулись в Санкт-Петербург спустя два месяца. Их пригласил к себе и допрашивал лично санкт-петербургский полицмейстер. Супруги ни в чём не признались, заявив, что это оговор и о бриллиантах они слыхом не слыхивали.



Лев Алексеевич Перовский

А 11 августа 1843 года Министр внутренних дел Российской империи Лев Перовский (*кстати, страстный коллекционер драгоценных камней, которых у него было великое множество – А.П.*) отправил секретное письмо Исправляющему должность С.Петербургского Обер-Полицмейстера, в котором сообщил, что Император Николай I утвердил Постановление комиссии генерал-лейтенанта Полозова по «Делу о краже бриллиантов». И хотя всех нюансов ни полиции, ни комиссии выяснить так и не удалось, царь *«соизволил утвердить следующий приговор:*

1. *Взыскать с статского советника Красовского в пользу Брикнера и Шенка сполна всю сумму не отысканной досель покражи из их магазина, а именно: 16 277 рублей серебром, запретить ему с женою въезд в столицы и оставить под надзором полиции;*

2. *Если бы впредь часть пропажи сей была отыскана, то продать вещи в пользу здешнего Приказа Общественного призрения;*

3. *Крестьян Николая Шульпина, Адриана Никитина и дворового мальчика господина Красовского Варфоломея Терехова освободить от заключения и всяких дальнейших по сему делу взысканий, вменив им в наказание содержание их по сие время в крепости;*

4. *Сверх того, дворового человека Варфоломея Терехова, в предохранение от притязаний помещиков своих, на основании Свода законов из 1842 года, тома XV, статьи 1088, поручить особенному покровительству местного начальства (то есть, фактически, это была защита важного свидетеля от возможного посягательства обвиняемых – А.П.)*

О сей Высочайшей воле сообщив генерал-лейтенанту Полозову, для объявления означенным лицам, поручаю Вашему Высокоблагородию взыскать немедленно с Красовского означенную сумму и представив в оную комиссию, сделать обыкновенным порядком распоряжение о высылке его с женою из здешней столицы. О распоряжении этом, я вместе с сим сообщил господину С.Петербургскому Губернатору.

Подлинное подписал Министр Внутренних Дел Перовский».

Болдыжская ссылка

В 20-ых числах сентября 1843 года опозоренные (но не арестованные) супруги Красовские прибыли в своё дмитровское имение *Болдыж* (ныне это село, находящееся в 4-ёх километрах к юго-западу от города Дмитровска, называется чуть иначе – *Балдыж – А.П.*), под надзор местного земского исправника. Отныне, в течение двух с половиной лет, исправник следил за статским советником и его женой, отправляя ежемесячные рапорты об этом Орловскому военному и гражданскому губернатору Трубецкому.



Такие вот, читатель, бриллианты

Бриллианты из магазина Брикнера и Шенка найдены так и не были, а Николаю Петровичу и Марии Николаевне Красовским, после фактической ссылки, в апреле 1846 года Император снова разрешил въезд в столицу. Кстати, к этому времени, пострадавший Густав Брикнер, которому возвратили деньги за украденные камни, отделился от компаньона и, пользуясь нечаянной славой, сумел открыть в Петербурге ещё несколько магазинов, которые стали пользоваться у петербуржцев большой популярностью. В общем,

«не было бы счастья, да несчастье помогло». Ну а в дмитровском селе *Болдыж* с тех пор местные крестьяне называли своих помещиков не иначе, как «брильянтовые господа». Правда, в своё имение после вышеописанных событий Красовские больше не приезжали.

Рассказ о крестьянине Кузнецове, который дворян Орловской губернии между собой поссорил

Как терпелив до поры бывает русский крестьянин, мы не раз читали во многих произведениях русских классиков. Но о том, каким настойчивым он может быть в отстаивании кем-то нарушенной справедливости, об этом нам известно гораздо меньше. А между тем ещё 150 лет тому назад, сразу после отмены крепостного права, один малоархангельский крестьянин, бывший крепостной помещика Ивана Николаевича Киреевского, Пётр Кузнецов, заставил говорить о себе не только всё уездное, но и губернское начальство.

Смутьян

Началась эта история в самом конце 1861 года. Помещик сельца Ивановского Малоархангельского уезда (ныне – деревня Ивановка одноимённого сельского поселения Покровского района – *А.П.*) Иван Киреевский обратился к мировому посреднику А.Н.Мейеру с жалобой на бывших своих крепостных, а ныне временнообязанных крестьян данного сельца, на неисполнение ими заклю-

чѣнного договора, по которому *«крестьяне пользовались покосом, жнивьями и лесными отавами»* помещика, но взамен не выполнили работ в его пользу.

Мировой посредник, разбираясь в жалобе, нашёл её обоснованной и присудил взыскать с каждого из ивановских крестьян по три рубля серебром. Взыскание было поручено волостному старшине Смирновской волости Кириллу Савельеву (*тогда только-только появилось волостное деление в Орловской губернии – А.П.*). Когда крестьяне к назначенному сроку денег не заплатили, отговорившись, что наличности у них нет, Смирновский волостной суд присудил *«взять у крестьян нескольких овец для продажи их при волостном правлении в уплату взыскания»*.

Почти все крестьяне своих овец отдали. Единственным, кто не выполнил требование волостного старшины и публично обозвал грабителями членов волостного суда и самого старшину, был Пётр Кузнецов.

Оскорблённый обвинением, волостной старшина Кирилл Савельев отправил рапорт на имя мирового посредника А.Н.Мейера, на основании которого тот приказал взять Кузнецова под арест - вплоть до судебного разбирательства. Однако далее произошло неслыханное для Орловской губернии: Кузнецов умудрился перехватить пакет с приказом, распечатал его, узнал, что ему грозит, и ушёл пешком в Орёл – к губернатору, жаловаться на помещика Киреевского, а попутно оставив ещё одно прошение мировому исправнику А.Мейеру. Не знаю, удалось ли Кузнецову добиться личной встречи с недавно назначенным орловским губернатором Николаем Васильевичем Левашовым, но прошение крестьянин ему оставил, и бумагу эту губернатор прочёл. И не только прочёл, но и поручил малоархангельским чиновникам разобраться с прошением.

Помещик против крестьянина – кто кого?

Между тем, помещик Иван Киреевский, видя, какую бучу затеял его бывший крепостной, решил избавиться от этого «борца за справедливость» и 25 января 1862 года написал своё прошение, обратившись к Малоархангельскому мировому съезду и требуя в нём *«удалить Петра Борисова Кузнецова»* из крестьянского общества сельца Ивановского за его *«буйные и противозаконные настоящие и прошлые поступки»* и за клевету в отношении себя. В подтверждение своих обвинений помещик заявил, что Кузнецов ещё до обнародования Указа об отмене крепостного права *«умышленно возмущал»* односельчан против него, и тогда уже ивановские крестьяне, якобы, жаловались на Петра Кузнецова жандармскому полковнику Арцышевскому и просили его удалить смутьяна из общества.

Киреевский писал, что пока Кузнецов будет находиться в имении, то *«спокойствия в оном, а равно и точного исполнения крестьянами своих обязанностей быть не может»*, и потому он просит мировой съезд созвать крестьян сельца Ивановского и предложить им *«составить приговор об удалении Кузнецова из общества»*.

Сельский сход крестьян сельца Ивановского был созван, и крестьяне, вроде бы, дали своё согласие на удаление Кузнецова, но сам текст приговора подпи-

сать категорически отказались, несмотря на все уговоры, убеждения и объяснения. Дело застопорилось.

Самолучно, как раньше, решить вопрос о выдворении недавнего своего крепостного из имения помещик не мог. И Киреевский попросил вызвать на очередное заседание Малоархангельского мирового съезда свидетелей от крестьян селца Ивановского, присутствовавших на сельском сходе, где решалась судьба Кузнецова.

На мировой съезд в Малоархангельск 26 февраля 1862 года прибыли уполномоченные от крестьян селца Ивановское: Максим Егоров, Федот Прошкин, Абрам Пеленский и Прохор Кузнецов. Они заявили, что полного согласия крестьян на сходе не было. Кроме того, у Ивановского общества нет денег, чтобы отправить Петра Кузнецова в ссылку, а потом ещё и оплачивать за него повинности. И, наконец, они боятся принять на себя грех такого деяния.

Услышав о деньгах, помещик Киреевский тут же согласился взять все издержки на себя, чтобы только избавиться от бунтаря. Но этого оказалось мало, поскольку на мировом съезде развернулась полемика по поводу того, достаточно ли простого согласия крестьян на удаление их односельчанина из общества, если они не подписали сам документ об удалении.

Малоархангельский уездный предводитель дворянства Д.Я.Скорятин (он, одновременно, - являлся и председателем Малоархангельского мирового съезда) и мировой посредник А.Н.Мейер считали, что при вынесении решения можно обойтись и без подписей крестьян. Но, однако, с этим были не согласны трое других мировых посредников Малоархангельского уезда – А.Д.Чиркин, Н.К.Рутцен и Карташов, заявлявшие, что *«согласие общества в таком важном деле должно быть заявлено письменным приговором двух третей схода»*.

Мировой съезд в Малоархангельске обсуждал вопрос о Кузнецове ещё дважды: 26 и 30 апреля 1862 года. Большинство участников этого представительного собрания пришло к выводам, что обвинения помещика И.Киреевского против П.Кузнецова не могут служить достаточными причинами к «удалению его из общества» и следует отказать помещику в его требовании по отношению к крестьянину, потому что:

1. за клевету на себя И.Киреевский может искать защиты от П.Кузнецова в судебном порядке;
2. утверждения И.Киреевского о прошлых проступках П.Кузнецова не подкреплены достаточными доказательствами;
3. проступок П.Кузнецова, выразившийся в сопротивлении волостному начальнику при взыскании с него штрафа и дерзости, проявленной при этом, требует отдельного наказания, но никак не *«удаления из общества»*.

Орловский губернатор – «за точное соблюдение законности»

Однако, поскольку сам помещик И.Киреевский и поддержавший его Малоархангельский уездный предводитель дворянства Д.Скорятин с таким решением были не согласны, то дело дошло до высшего органа, который рассматривал вопросы, связанные с крестьянами, - Орловского губернского, по крестьянским

делам присутствия. Оно на своём заседании под председательством губернатора Н.В.Левашова 25 мая 1862 года рассмотрело дело *«Об исключении из общества крестьянина П.Кузнецова»*.

Помещик Киреевский представил сюда на рассмотрение членов Присутствия длиннейшую, развёрнутую жалобу, в которой обвинил Малоархангельский мировой съезд, трёх мировых посредников Малоархангельского уезда и члена от правительства Снопова в покровительстве крестьянину Петру Кузнецову в его преступных деяниях и просил *«удалить Кузнецова от общества»*, иначе на его земле продолжатся *«буйство и беспорядки»* от этого смутьяна.

Но, как ни странно было услышать помещику Киреевскому, Орловское губернское по крестьянским делам присутствие не поддалось на его жалобы и даже на мнение малоархангельского уездного предводителя Дмитрия Скарятина, заявив, что: *«...для такого тяжкого для крестьянина наказания, как административная ссылка на поселение, необходимо точное соблюдение всех законных формальностей...»*, между тем как в данном случае требование о выселении Петра Кузнецова исходит только от одного помещика, но сами крестьяне селъца Ивановского согласны оставить их активиста в своём обществе.

На основании всего вышеизложенного Орловское губернское по крестьянским делам присутствие (включая и губернатора Н.В.Левашова) согласилось с мнением большинства Малоархангельского мирового съезда и оставило его решение в силе.

Пётр Борисович Кузнецов остался жить в своём родном селъце Ивановском, а вот наказали ли его за неподчинение волостным властям, - выяснить из имеющихся документов пока не удалось.

Р.С. Кстати, потомки Петра Кузнецова до сих пор продолжают жить в той самой Ивановке и соседнем посёлке Моховом.

Об орловских мельницах и одной несчастной любви

В наше время люди совсем забыли о тех сооружениях, вокруг которых столетиями вращалась мирская жизнь. Я имею в виду, уважаемый читатель, мельницы. На Орловщине их было великое множество – как ветряных, так и водяных.

Может ли писатель мельником быть?

У тех и у других были свои плюсы и минусы, но дальше я поведу речь только о водяных красавицах. Вплоть до начала Великой Отечественной войны на всех больших реках и на многих малых стояли в наших краях плотины, вода которых, падая, крутила мощные верхнебойные, или, просто вытекая, вращала нижнебойные колёса. Без мельниц, как и без самого хлеба, невозможной была бы жизнь орловской деревни XVI – начала XX века.

Жизнь крестьянская, в буквальном смысле, крутилась вокруг мельницы – ведь не будешь же ты немолотое зерно в пищу употреблять, животным, и то –

хоть крупного помола, но тоже надо мучицы в корм добавить. В общем, мельницы являлись важнейшей частью деревенского (да и городского иногда тоже) пейзажа, а мельники, с их постоянным доходом – были одними из главных и уважаемых персон на селе.

Мельницу старались занять как зажиточные мужики, так и предприимчивые помещики, которые не желали жить только за счёт получаемого от крестьян оброка. У наших земляков – писателей и, одновременно – землевладельцев – Афанасия Фета и Ивана Тургенева были собственные мельницы. Иван Сергеевич Тургенев мельницу в селе Топки (тогда – Малоархангельского уезда, сейчас – Покровского района – А.П.) получил в наследство от матери - Варвары Петровны. В раздельном акте между Николаем и Иваном Сергеевичами Тургеневыми, подписанном братьями в Орловской палате окружного суда в 1855 году, сказано (цитирую):

«Участок И.С. Тургенева составляют следующие имения, земли и души (в Малоархангельском уезде – А.П.): село Топки и селцо Хмелевое, при коих состоят земляные дачи... В селе Топки водяная мукомольная мельница» (ЦГИА ф. 1463, опись 1 ед.хр. 1201, л.25 об.). Находилась упомянутая мельница на ручье Топкий Ржавец, протекавшем через село и впадавшем затем в реку Сосну. К сожалению, о хозяйственной деятельности и судьбе мельницы мне ничего выяснить не удалось, но при продаже Тургеневым топковского имения купцу Ильинскому в 1880 году она в перечне имущества уже не упоминалась.

Афанасию Фету мельница на реке Тим (*Ливенский уезд, неподалёку от деревни Слободка нынешнего Должанского района – А.П.*), тоже досталась по наследству, и он сразу же начал приводить её в порядок. Афанасия Афанасьевича читатели знают, в основном, как тонкого поэта - лирика, но он был ещё и замечательным публицистом, оставившим нам «Заметки о вольнонаёмном труде» и цикл очерков «Из деревни» (в четырёх выпусках). В одном из них (1868 года) он довольно много внимания уделил своей мельнице и строившейся ниже по течению соседской, купца Обручева. Между писателем и купцом возник тогда хозяйственный спор, который решался очень долго, при помощи мирового посредника и многочисленных свидетелей – мельников. Очевидные доказательства вынудили Обручева пойти на уступки, и он согласился построить для своей мельницы более низкую плотину. Так Фет, в очередной раз, показал свою экономическую состоятельность, а его мельница продолжала приносить ему хотя и не очень большой, но постоянный доход.

Впрочем, на мельницах и вокруг них происходили не только хозяйственные споры, как в данном случае, но и настоящие драмы, а то и трагедии. Об одной такой истории я расскажу тебе, читатель.

Гремячий Колодезь

Произошла она двести с лишним лет назад в деревне Гремячий Колодезь Малоархангельского уезда. Когда в XVII веке сюда, на левый обрывистый берег реки Труды пришли первые жители, то они восхитились этим живописнейшим местом. Мало того, что рядом протекала приличных размеров река, так

рядом с нею находились два мощнейших родника, с грохотом выбивавшиеся из-под крутой горы на расстоянии 30 метров друг от друга. Это, были, скорее, не ключи, а практически две стены воды, мгновенно превращавшиеся в кристальной чистоты потоки. Первым жителям не пришлось мучиться с названием нового поселения: «Гремячий Колодезь» закрепилось сразу.

Других родников и колодцев в окрестностях не было, и вода двух ключей десятки лет оставалась в деревне единственной и незаменимой. Её набирали в каждый дом для питья и приготовления пищи, сюда, спускаясь чуть ниже, пригоняли поить скот (причём, и в зимнее время тоже).

В самом конце XVIII или в начале XIX века помещик Трубицин, чья усадьба находилась на противоположном берегу реки Труды, арендовал у местного крестьянского общества кусок земли, располагавшийся сразу под родниками Гремячего Колодезя. Здесь, силами своих крепостных, он выстроил большой пруд, с островом и беседкой на нём. А потом решил вообще на невиданное дело – поставил тут ещё и мельницу. Водный поток, шедший через созданный Трубициным пруд, был таким мощным, что его напора хватало для приведения в движение огромного верхнебойного колеса.

Мельница на двух поставах (две пары жерновов) сразу же стала очень популярной, и мололи зерно на ней даже жители волостного села Дросково.



Здесь начинается один из родников



Так он течёт в пруд

Пастух-сирота и дочка дьякона

Приехал однажды на Гремяченскую мельницу дьякон Дросковской церкви Дмитрий со своей красавицей-дочкой. Звали её Пелагея, и исполнилось ей недавно 16 лет. Зерно несколько часов молотось, девичья помощь скоро закончилась, и Пелагея отправилась погулять вокруг пруда, а потом и к родникам поднялась. Глядит, а там молодой, симпатичный, загорелый и босоногий парень скотину поит. И пока коровы и овцы в жаркую погоду жажду утоляли, слово за словом, - познакомились парень с девушкой. Он сказал, что зовут его Иван, родители его, казённые крестьяне деревни Гремячей, пять лет назад сгорели во время пожара. Живёт он со старым, немощным дедом, а зарабатывает тем, что пасёт скотину у местных крестьян, а те его за это кормят. Зимой же в работники нанимается.

Пелагея, хоть и стеснялась вначале, но о себе тоже успела рассказать, кто она и где живёт. Недолгим был разговор, но запал он в душу каждому из них. Когда через месяц дьякон снова стал собираться на мельницу, Пелагея упросила отца с собой её взять.

Опять была короткая встреча с Иваном у родника, после которой почувствовали молодые люди, что друг без друга жить не могут. Это была любовь – большая, светлая, настоящая, но, как показали последующие события, без счастливого окончания.

Когда Иван попытался поговорить с дьяконом о возможном родстве, тот сразу же заорал: «Ты, голь перекатная, дочь мою замуж взять хочешь? Ты что себе вообразил? Да на мою красавицу уже пять завидных женихов глаз положили – не тебе чета. Уходи подобра-поздорову, не то собак спущу!»

И ничего потом Ивану и его любимой сделать не удалось. А ближе к осени дьякон сам жениха дочери подобрал, и о дате свадьбы они договорились.

Незадолго до этого события вздумал дьякон снова на Гремяченскую мельницу поехать, потому что из всех окрестных мука здесь самая лучшая получалась, крупитчатая.

Но, приехав на место с дочерью-помощницей, Дмитрий ни на шаг Пелагею от себя не отпускал, почти за руку держал, а она, рвавшаяся увидеть Ивана, возможно, в последний раз, так и не освободилась от присмотра отца. И вот уже когда самые последние мешки с зерном были засыпаны в мельничный жёлоб, вдруг увидели мужики, ждавшие своей очереди на помол, что кидается Пелагея вниз с криком: «Простите меня, батюшка! Прощай, милый Ванечка!»

Пока жернова остановили, немало времени прошло. И когда тело Пелагеи вытащили из жёлоба на свет белый, уже не дышала она. Ивану о смерти любимой сообщили в тот же день, но когда он прибежал на мельницу, Дмитрий уже увёз дочь в Дросково. На отпевание и похороны Пелагеи Иван не поехал: не хотел видеть её мёртвой, а живой он представлял её каждое мгновение.

Через неделю гремяченские мужики и бабы не узнали Ивана: он похудел, высох, как щепка, хотя за скотиной ходил по-прежнему добросовестно. А ещё через месяц, когда пас он коров и овец неподалёку от Топкого Верха, вдруг пропал Иван куда-то.

Вот так и закончилась история одной большой любви крестьянского парня-сироты и дьяконовской дочки.

Честно говоря, я долгое время думал, что рассказанное выше – всего лишь красивая и трагическая легенда (*её мне рассказала жительница деревни Гремячей Клавдия Александровна Казакова – А.П.*). Однако, изучая в Государственном Архиве Орловской области протоколы заседаний Малоархангельского уездного суда, нашёл вдруг запись о том, что сотский села Ворово Егор Дуров 15 ноября 1804 года прислал рапорт в этот суд, сообщая: «*в жолоб водяной мельницы на реке Труды попала и умерла от полученных ранений села Дроскова диакона Димитрия Косова девка Пелагея Никифорова*».

Здесь только одно несовпадение: погибшая была не дочерью дьякона Димитрия Косова, а его дворовой девкой (то есть работницей) Пелагеей Никифо-

ровой. Так что, вполне возможно, вся эта, передаваемая из поколения в поколение уже 200 лет, легенда, - имела место быть.



То, что осталось от основания мельничной плотины

Что касается Гремяченской мельницы, то уже в советские времена она перешла в местный колхоз и благополучно просуществовала аж до середины 60-х годов XX века.

Недавно мне довелось побывать в тех местах. Помещичий пруд сейчас заметно усох, обмелел, зарос камышом, став убежищем диких уток и серых цапель. После часовых поисков удалось нам с товарищами найти и место бывшей мельницы. Вот оно, уважаемый читатель. Кстати, вода здесь, падая с трёхметровой высоты, грохочет по-прежнему, как и 200 лет назад. Что ж, Гремячий Колодезь своё название оправдывает.

Грабитель—экстрасенс из деревни Морозовой

Об этой истории я узнал во время изучения губернской газеты «Орловский вестник» за 1902 год. В №151 за 11 июня малоархангельский корреспондент этого издания, писавший свои материалы под псевдонимом «Дядя Алексей» опубликовал, в общем-то, репортаж из зала суда, назвав его просто – «Грустная быль». С основными моментами этого репортажа, с некоторыми сокращениями, я предлагаю познакомиться читателю.

Итак, «об уголовном деле, разбиравшемся выездной сессией орловского окружного суда в городе Малоархангельске. На скамье подсудимых – мужчина довольно представительной наружности, со следами вольготной жизни на лице, с длинными малороссийскими усами и серьгой в ухе, в городском пальто и сапогах и рядом – преступница, молодая, 23 лет девушка, довольно симпатичная брюнетка, с добрым, симпатичным лицом, одетая довольно прилично, по-деревенски, в голубом сарафане, повязанная белым платочком.

Первый – крестьянин деревни Морозовой Дросковской волости Илья Арсеньев Арсеньев, он же – Илья Климентов Семёнов, ему 33 года. Вторая – Матрона Прокофиева Михайлова, деревни Грачёвки той же волости».

Далее в судебном заседании была озвучена суть рассматриваемого дела:

«27 января 1901 года оба преступника из д.Березовца, где проживали, шли зачем-то в Дросково. Около оврага Студёного (честно говоря, я затруднился вначале, где был такой, но потом обнаружил овраг с таким названием в «Справке по мелиоративно-гидро-геологическому обследованию Дросковского сельсовета за 1935 год». Так сказано, что овраг Студёный прилегал справа к ре-

ке Труды. Наверняка название это хорошо известно жителям деревни Березовец, и находится он между Березовцем и Дросково – А.П.) *они нагнали мальчика, ничего, Тихона Давыдова. Арсеньев просил у мальчика табачку (узнаёшь, читатель, излюбленный приём хулиганов и грабителей – «Закурить найдётся?» – А.П.), а потом отобрал у него деньги – 2 рубля 58 копеек и избил.*

Сам Арсеньев в судебном заседании заявил, что мальчику ничего худого он не сделал, денег не отбирал и не бил.

Сожительница главного обвиняемого, Матрона Михайлова, вначале тоже отказывалась говорить про него правду. Но судебным заседателям удалось расшевелить в молодой женщине человеческие чувства, после чего она стала резать «правду-матку».

Матрона охарактеризовала своего сожителя как злого человека, который всегда, при случае, обирал странников на дороге, особенно если они выглядели послабее. С нищим мальчиком Тихоном было именно так. Женщина рассказала, что у Арсеньева есть и другой способ заработка. Он всюду таскает с собой кусок, якобы, лечебного холста и всех желающих излечиться от самых разных заболеваний оборачивает этим полотном несколько раз, что-то при этом приговаривая. Потом утверждает, что болезнь ушла или скоро уйдёт, а за процедуру берёт деньги.

Вот такой был в наших краях в начале XX века экстрасенс и (одновременно) грабитель.

После рассмотрения всех обстоятельств дела и опроса свидетелей присяжные заседатели оправдали Матрону, а Илья Арсеньев был лишён всех прав состояния и на три года отправлен в арестантское отделение.

Что стало с участниками этого судебного процесса после – история умалчивает.

О неправильной линии уполномоченного Мишина

Наверняка многие из нас слышали об индустриализации, коллективизации, процессе «ликвидации кулачества как класса» и прочих прелестях жизни на втором десятке лет существования Советской власти. Но, оказывается, в деревне, в том числе и покровской, на стыке 20 и 30-ых годов XX века шла не шуточная схватка «за место под солнцем», хотя, наверное, можно это назвать и классовой борьбой. «Настоящие» (так им казалось, и такими они себя считали – А.П.) защитники социализма боролись против «приспособленцев», которые сумели занять «тёплые места» и продолжали жить «припеваючи».

В Государственном архиве Орловской области мне довелось обнаружить один чрезвычайно любопытный документ, сохранивший для нас подробности событий 85-летней давности. Я постарался сохранить стиль автора, чуть подправив текст, когда он уже «уезжал» за границы смысла. Фамилия автора донесения осталась для нас не известной. А обо всём остальном, читатель, ты узнаешь, прочтя это послание времён «построения социализма».

Орловский окружной исполком

Дело №8

Донесение из Вышне-Туровецкого сельсовета Дросковского района о неправильной линии, взятой уполномоченным по проведению перевыборов в сельсоветах.

(ГАОО, ф.3, опись 2, ед.хр.44

Лист 9-9об)

*В Орловскую Окружную Избирательную комиссию
Донесение*

Настоящим доношу, что при Вышне-Туровецком сельсовете Дросковского РИКа Орловского округа уполномоченный по перевыборам сельсоветов кандидат ВКП(б) Мишин взял неправильную линию в означенном районе и попал под влияние кулаков, не поразив в правах гражданства следующих кулаков-эксплуататоров: Проскурнина Сергея Владимировича, каковой до революции имел 100 десятин земли и до 5-и работников и работниц. Сам в хозяйстве почти не работал, а жил за счёт эксплуатации батрачества. В то время он был первым господином среди известного общества в лице волостного старшины Шаховцова Владимира и попа Высоцкого, а также знаменитого сельского старосты Сапрыкина Фёдора Ефимовича, каковой баллотировался попами, кулаками во все кулацкие буржуазные думы, например: Столыпинскую и Булыгинскую думу (в 1912 г.?).

Староста Сапрыкин проходил на этом поприще около 10 лет, сколотил себе крупное хозяйство, благодаря вымогательствам и выбивания палкой и уряднической плетью из бедноты. В конце 1912 года он даже имел 65 десятин земли, а также завсегда имел батраков, а также вся беднота в то время работала на знаменитого старосту. По настоящее время Сапрыкин Фёдор Ефимович в лице со своим сыном Сапрыкиным Дмитрием Фёдоровичем не поражены в правах гражданства. В настоящее время имеют наемной земли около пяти десятин. Усадьба Сапрыкина Фёдора Ефимовича состоит из шести десятин, каковая в старое время приобреталась им кабальным путём.

Даже в 1918-19г.г. Сапрыкин Ф.Е. сумел отстоять свою усадьбу, благодаря мёда и самогона, подпавая самогоном и чаем с мёдом местную власть, как председателя сельсовета, предземкомиссии и активных граждан. *Одним словом, у Сапрыкина хороший подход, к какой хочешь власти, сможет поймать рыбку в мутной воде.* А в настоящее время к Сапрыкину Ф.Еф. совсем нельзя придраться, потому что у него сын Дмитрий секретарём сельсовета Вышне-Туровецкого. Тоже прикрылся и похикивает на других его сын Дмитрий, известная пьяница и взяточник. Да кто только не знал Дмитрия Фёдоровича Сапрыкина, пожалуй, лишь тот, который не имел в своё время с Малоархангельским уездным военным комиссариатом. Было дело, летели баранчики, звенели горшки с самогоном, а про уток и гусей и говорить нечего. Эти слова не только уезд знает, но даже спроси любого гражданина г.Малоархангельска.

Были все в лапах Сапрыкина, потому что время было суровое, стояла великая гражданская война, кто мог спасти от этого? Конечно, Сапрыкин. Всячески укрывал дезертирство. Кроме этого, у его отца Фёдора Ефимовича, какой живёт совместно с ним, имеется 60 ульев рамчатых с пчёлами, да садок сдаёт ежегодно рубликов за 200.

Также не поражены в правах гражданства бывшие торговцы Внуков Алексей Дмитриевич и Василий Дмитриевич, каковые до революции имели работников, эксплуатировали и обманывали бедноту, они имели в то время собственную землю около 50 десятин, их усадьба с садом и пасекой, каковая выражается в 6-7 десятинах. Никто не сумел из бедноты поселиться во время 18-19 г., кроме их... Тоже, как говорят, они в то время можно делать что хочешь за хлеб и картошку, заткнул рот бедняку картошкой и молчи, а если кто придёт из совета, того и чайком с медком угостит бывало, да ещё даст с собой, чтобы не брехали, где не нужно. Вот поэтому-то и теперь хорошо живётся братьям Внуковым, бывшим торговцам.

Ну ещё несколько слов о Сапрыкином Матвее Дмитриевиче, в настоящее время ведёт хозяйство его сын Василий Матвеевич, у каковых до революции было 100 десятин, лесная дача, водяная мельница. Его дядя, Матвея Дмитриевича, Сапрыкин Семён Егорович, он же и дядя Сапрыкина Фёдора Ефимовича, Сапрыкин Семён Егорович, проходил 25 лет сельским старостой, каковой сумел награть земли для своего сына и внуков, кабальным путём, он не одно семейство проводил в Сибирь, покупая у них за бесценок их наделы земли и имущество, но всё-таки после смерти старосты Сапрыкина Семёна Егоровича по наследству перешла палка с кнутом Сапрыкину Фёдору Ефимовичу. Умирал дядюшка в то допотопное время, завещая и передовую вывеску, палку и кнут, что ты, Федя, будешь помнить дядю и его заветы исполнишь всегда.

А посему прошу избирательную Орловскую Окружную комиссию принять все меры к поражению в правах гражданства вышеупомянутых кулаков, не давая им доступа в советской стране ни в одну организацию, так они и дети могут оказаться всегда вредными элементами для рабоче-крестьянской власти.

Во время нашествия белых означенные кулаки Сапрыкин Фёдор Ефимович, Сапрыкин Матвей Дмитриевич, Внуков Алексей Дмитриевич и Проскурнин Сергей Дмитриевич были яровыми (ярыми – А.П.) встречниками белых, но белые, хотя и ждали они их с нетерпением, одному из этих кулаков было усыпано несколько плёток каким-то князем (белым офицером) за то, что он отнимал зарезанную белыми у него корову.

С наступлением красных белые, как известно, стали быстро испаряться, а вслед за ними побежали, было, и кулаки Проскурнин С.Владимиров, каковому хотя и были плётки офицерские даны в спину, но как он в то время говорил, милые побои, долго не живут.

Собралась толпа, напилась пьяная, забрала винтовки, каковые были выданы во время Керенского (примечание: винтовки имелись у Сапрыкиных) и Проскурнин С.В. Но не успели они далеко отъехать, как видят перед собой небольшой отряд кавалерии, они думали, что это белые, а оказалось, наоборот –

красные. Один из кулаков, зная хорошо царскую службу, крикнул: «Господа офицеры, мы к вам, мы всегда с вами». Это был Сапрыкин Фёдор Ефимович, но не успели означенные кулаки объясниться, увидели, что эти не господа, а товарищи, и бросили кулаки своих лошадей и стали удирать от красных. Были заметны выстрелы красными по кулакам. Один кулак, участник во встрече, Сапрыкин Егор Дмитриевич, в то время был сельстароста, от перепуга никогда не слышал оружейных выстрелов и не видал таких смелых и отважных кавалеристов, он бросился бежать в речку. Плыл в кулацкой поддёвке с жакетом, незадолго после этого страха подох.

Уполномоченный Дросковского РИКа Мишин с частью бедноты также неправильно подошёл демобилизованному красноармейцу Внукову Иван Борисовичу, какового поразили в правах гражданства. Внуков Иван Борисович происходит из средняцкой семьи, он был один год батраков у одного из кулаков, он был пастухом. Его братья, ушедшие добровольцами в Красную Армию, Внуков Николай Борисович, Внуков Дмитрий Борисович. Николай Борисович – командиром батареи имени товарища Чапаева, каковой имеет массу заслуг перед советской властью и партией. Он – член партии с 10 февраля 1919 года, в настоящее время работает пром. директором табачного треста. Внуков Дмитрий Борисович – доброволец 11-ой Сорокинской Знаменитой армии, где занимал пост Начальника Эвакуационного распределительного врачебного пункта, а в настоящее время работает при Первомайском врачебном пункте. Его брат Степан Борисович ходил 5 перевыборов в совете, исполнял должность Пред.сельсовета, каковой получил на означенной работе туберкулез лёгких. В настоящее время болезнь выражается в последней стадии, несмотря на все его заслуги, его поразили в правах, пользуясь в данный момент его безнадёжным и беззащитным состоянием....

Также поразили в правах его жену, школьную работницу Елену Николаевну, каковая работает с 1919 года, пользуется высоким авторитетом у населения.

Она происходит из бедняцкой рабочей семьи, её отец всё время был горнорабочий. Перед нашествием белых на Внуковых покушался кулак Сапрыкин Матвей Дмитриевич – «нарожала разбойников»...

Поражение в правах Внуковых совершенно возникли на личной почве и по ненависти предизбиркома Мишина, каковой сам является сыном жандарма (квартирмистра), знаю его отца по работе на шахте №19 бывшей французской кампании в 1912 – 1913 г.г. ст. Рудченкова. Его отец как квартирмистр держал тесную связь с полицией в лице пристава Бабичева, каковой был убит за преследование рабочего движения в мае 1913 года, а посему прошу Орловскую Окружную изб.комиссию восстановить в правах гражданства, предварительно расследуя по означенному материалу.

Прошу поразить в правах Семенихина Андрея и Петра, так как они эксплуатируют водяную мельницу, сбывая хлеб на сторону, то есть, вне кооперации, беря за размол одного пуда от 4 – 5 фунтов.

Р.С. Читатель, если ты чего-то не понял – прочти ещё раз – и ещё. Какой аромат эпохи, ты не находишь? (А.П.)

Первый орловский правозащитник (судьба Александра Пушечникова)

15 января 1927 года в Нетрубужскую сельскую избирательную комиссию Нетрубужского сельсовета Колпенской волости Малоархангельского уезда обратился с заявлением житель деревни Ниженки Александр Пушечников.

Он писал, что лишён избирательного права, но не согласен с этим, потому что происходит «из крестьян-трудовиков – как до революции, так и в настоящее время. Живу на средства, добываемые своим трудом».

В заявлении Александр Николаевич подробно описал состояние его небогатого хозяйства и перечислил членов семьи.

«...Лойяльным себя Советской власти не проявил...»

24 января Нетрубужская сельская избирательная комиссия провела очередное заседание, на котором было рассмотрено это заявление. Для начала председатель И.Еськов предложил заслушать «Сведения о гражданине Пушечникове», подготовленные членами комиссии.

Согласно им, «до революционного времени А.Пушечников занимался земледелием и периодически занимал выборные должности – сборщика налогов и земского гласного, а в настоящее время занимается земледелием. До революции его имущество состояло из следующего: земли – 49 десятин, дом, двор, два амбара, 2 сарая, 5 лошадей, 3 коровы, овцы. Семья состояла из 11 душ, хозяйство значилось за отцом, Николаем Стефановичем». Все члены семьи «постоянно, личным трудом, участвовали в хозяйстве», но в период пахоты и уборки урожая «применяли наёмный труд до двух человек».

В 1917 году в большом семействе Пушечниковых произошёл «имущественный раздел на шесть частей», а в 1920 году умерли отец, Николай Стефанович, мать, Анна Васильевна, и тётя, Ольга Стефановна, Пушечниковы.

В результате, к 1927 году главой хозяйства стал старший сын, Александр Николаевич, вместе с которым жили и трудились на земле два его неженатых брата, Алексей и Иван, и тётя – Агафия Стефановна.

От дореволюционного имущества у Пушечниковых, на четверых членов семьи, осталось: дом (в справке отмечено – «ветхий» - А.П.), двор, амбар, сарай, одна лошадь, две коровы, земля – по трудовым нормам. В течение десяти послереволюционных лет семья не использовала наёмный труд, и, тем не менее, ни один из братьев Пушечниковых за это время ни разу не принимал участия в выборах в Советы, поскольку все они были лишены избирательных прав – на основании ст.65 Конституции РСФСР 1918 года.

После зачитания справки члены Нетрубужского сельизбиркома начали бурно обсуждать заявление. В ходе обсуждения выяснилось, что Александр Пушечников (он сам называл себя «Александра», деревенский вариант имени – А.П.) и его братья не подпадают под пункты ограничений, перечисленные в ст.65: они не используют наёмный труд, живя только за счёт своего, не торгу-

ют, не были монахами или священнослужителями, не служили в полиции и не подвергались суду.

Правда, существовала ещё инструкция о выборах городских и сельских Советов, которая расширительно толковала эти ограничения. Но, в конце концов, члены Нетрубежской сельской избирательной комиссии постановили, учитывая все обстоятельства, что считают возможным *«восстановить Пушечникова в избирательных правах»*.

Протокол №4 ушёл по инстанции – в Колпенскую волостную избирательную комиссию, которая очень долго изучала «доброту» членов Нетрубежского сельизбиркома и только 29 марта 1927 года направила свою бумагу - уже в Малоархангельскую уездную избирательную комиссию с такой резолюцией:

«...по своему имущественному положению до революции гражданин Пушечников являлся кулаком и занимался эксплуатацией чужого труда, в настоящее время по имущественному положению – середняк, эксплуатацией чужого труда не занимается, торговлей не занимается, в полиции не служил, в данное время лояльным себя Советской власти не проявил. Волостная избирательная комиссия ходатайствует об отказе таковому в восстановлении избирательных прав...».

Вполне вероятно, что в селе Колпенское (современный райцентр Колпна – А.П.) у волостного начальства, фамилия «Пушечниковы» была на слуху, поскольку известными местными помещиками были как раз люди с этой старинной дворянской фамилией, а один из них, Михаил Николаевич (с совпадающим отчеством – А.П.) в конце ноября 1925 года был выселен из своей усадьбы и вообще из пределов Орловской губернии. Возможно, по этой причине, Колпенская волостная избирательная комиссия и написала такое ходатайство.

15 апреля 1927 года Малоархангельская избирательная комиссия, изучив присланные ей документы, в свою очередь, обратилась уже к Орловской губернской избирательной комиссии со своим ходатайством – *«о восстановлении избирательных прав гражданина Пушечникова Александра Николаевича»*.

Но вот какое решение принял губернский избирком, а вслед за ним – и Президиум губернского исполкома, я так и не узнал, потому что в деле А.Н.Пушечникова, хранящегося в фонде Р-1327 Орловского государственного архива, есть только ссылки на даты принятия этими органами соответствующих постановлений – и всё.

«Лишенцы»:

чужие на своей родине

Судьба избирательных прав гражданина Пушечникова, да и просто его судьба остались для меня невыясненными. Однако на примере других его земляков, почти со стопроцентной уверенностью, можно сказать – счастливого конца ожидать едва ли приходилось.

Тремя годами ранее, 15 декабря 1924 года, Малоархангельский уездный исполком и уездная избирательная комиссия лишили избирательных прав 1028 человек. Причём, пострадали не только те, кто был перечислен в ст.65 Консти-

туции РСФСР 1918 года, но и некоторые другие категории населения: семьи бывших эксплуататоров и даже лица, занимавшиеся кустарным производством – сапожники, специалисты по выделке овчин и изготовлению валенок (*их причисляли к торговцам – А.П.*).

«Лишенцы» - такой термин появился тогда по отношению к этой категории граждан СССР, чуть позже приобретший и нарицательный смысл: люди, ограниченные в правах по сравнению с другими.

«Лишенцы» не имели возможности «занимать ответственные должности, а равно быть заседателями или защитниками в народном суде, поручителями, опекунами». Они не имели право получать пенсию и пособие по безработице.

В 20-е годы XX века развернулась кампания по выселению «лишенцев» из коммунальных квартир, а также исключению их детей из школ. Они были лишены возможности учиться в старших классах и получать образование в ВУЗах. Вместо призыва в армию сыновья «лишенцев» зачислялись в так называемое «тыловое ополчение».

По закону «лишенцы» не имели права быть членами профсоюза и занимать должности в органах власти. Но надо учесть, что в жизни горожан 20-х годов заборные книжки членов профсоюза имели жизненно важное значение, а с вытеснением частной, кооперативной собственности практически любая работа становилась как бы «органом власти». «Лишенцев» не обслуживали также и предприятия общественного питания. Начавшаяся в 1933 г. паспортизация принесла новые невзгоды «лишенцам»: их не прописывали ни при каких условиях.

По итогам Всесоюзной переписи 1926 года население в СССР составляло 147 027 915 человек. Лишённых права голоса в стране было 1 040 894 человека. В 1927 году не имели права голоса уже 3 038 739 человек.

То, о чём я рассказывал, - лишь один из аспектов социальной политики большевистского государства, который был направлен на повышение эффективности манипулирования обществом. Для защиты своей власти вводился принцип деления всех людей на «своих» и «чужих», юридически оформленный в избирательной системе. А продолжением такой политики стали репрессии, которым подверглись, в первую очередь, как раз «лишенцы».

Уже в 1930 году были арестованы два родных брата героя нашего повествования, Александра Пушечникова, – Николай и Алексей. Их приговорили к трём годам концлагерей.

Какая судьба выпала на их долю в дальнейшем, мне пока не известно. Впрочем, покрыта завесой неизвестности и судьба самого Александра Пушечникова - одного из первых российских правозащитников: ведь он боролся за свои права 85 лет тому назад.

Базаровы: отец и дети

Наверное, даже тот, кто не читал знаменитого романа Тургенева «Отцы и дети», хоть раз в жизни, да слышал фамилию «Базаров», а возможно, зна-

ком и с крылатым выражением «Базаровщина». Им во второй половине XIX века стали называть такого рода мировоззрение, которому «присущи грубый материализм и подчеркнутый прагматизм поведения, отрицание традиционного искусства и общепринятых правил поведения».

Хутор на речке Туровке

Евгений Васильевич Базаров, главный герой тургеневского романа, на несколько десятилетий стал кумиром части российской молодёжи. Впрочем, уже в XXI веке, как мне частенько кажется, особенно при прослушивании очередной теле- или радионовости, «базаровщина» словно бы никогда и не покидала нашего общества, по крайней мере, в отношении несоблюдения молодыми людьми «общепринятых правил поведения».

Однако, дорогой читатель, это предисловие. А далее я поведу речь почти об отце главного героя тургеневского романа и членах его семейства.

В самом начале 20-ых годов XX века на небольшой речке Туровке, что протекала в Верхососенской волости Малоархангельского уезда, стоял хутор, называвшийся именем хозяина, - Базарова. Никто из местных жителей уже не помнил, как, когда и по каким причинам уроженец села Незнамово Курской губернии (ныне – в составе Старооскольского района Белгородчины – А.П.) Василий Базаров оказался в здешних краях. В окрестностях деревни 2-ое Зиновьево Малоархангельского уезда он купил 70 десятин земли, поставил дом, рядом с которым в течение нескольких лет появились затем многочисленные хозяйственные постройки.

Женился Василий Фёдорович на зиновьевской крестьянке Анне, и вскоре у них родился сын-первенец, названный именем отца. А потом, вплоть до 1922 года, появилось на свет ещё семеро сыновей и дочерей: Иван, София, Анатолий, Викентий, Ольга, Александр, Нина.

Василий Базаров умел и любил трудиться, детей к этому же приучал. И хозяйство его к началу революционных событий 1917 года было, по здешним понятиям, очень зажиточным: дом, сарай и двор, крытые железом, три амбара, рига, молотильная машина, косилка, 6 рабочих лошадей, 5 дойных коров, 70 овец и большое количество птицы.

Три месяца тюрьмы – за карикатуру

С приходом Советской власти положение семьи Базаровых сразу же изменилось: уже в годы гражданской войны у них отобрали большую часть земли, молотильную машину, косилку, 5 лошадей и 4 коровы, лишили избирательных прав всех взрослых членов семьи.

Естественно, такие действия не вызвали большой радости у Базаровых. Открытого возмущения они не высказывали, но... В 1920 году хозяина хутора, Василия Фёдоровича Базарова, и его старшего сына Василия арестовали за то, что местный милиционер обнаружил у них в доме тетрадку с карикатурой на Советскую власть, которая «была с вождями зарисована в виде собак с длинными языками и подписью – «Без толку болтают».

Суд приговорил тогда отца и сына к трём месяцам тюрьмы. После отсидки Базаровы ещё больше затаились, но мириться с несправедливостью, когда она приходила, всё равно не желали. Несколько раз Василия Фёдоровича штрафовали – то за неуплату самообложения, то за невыполнение задания по хлебопоставкам.

А в 1929 году, после принятия советским руководством решений о массовой коллективизации и о «ликвидации кулачества как класса» хозяин хутора Базарова понял, что пришли последние дни существования их крепкого когда-то и дружного хозяйства.

Правда, догадываясь об этом и раньше, Василий Фёдорович постарался заранее позаботиться о старших детях, которые стали потихоньку разъезжаться из родных мест.

Василий покинул хутор вскоре после выхода из тюрьмы, следом уехал Иван – на учёбу в Воронежский сельхозинститут, потом – Софья и Анатолий подались в Одессу. С отцом-матерью остались несовершеннолетние. Им-то и досталось «на орехи» вместе с родителями.

«Ликвидировать в 24 часа...»

1 февраля 1930 года состоялось общее собрание «массовой бедноты с участием средняков 2-ого Зиновьевского общества Вязовского сельсовета Дросковского РИКа Орловского округа», на котором слушался вопрос «О ликвидации кулачества как класса». При обсуждении была зачитана справка, что Василий Базаров «...до раскулачивания имел дом, сарай, 3 амбара, ригу, двор, лошадей, а корову продал, боясь коллективизации».

Во второй справке, приложенной к протоколу общего собрания, говорилось:

«Базаров Василий Фёдорович в 1928 году был сужден за вымогательство справки в бывшем пред.сельсовете, за что был присужден к одному году принудработ и конфискации части имущества, а также в 1929 году был сужден за хлебозаготовку и самообложения, был присужден к денежному штрафу, что и удостоверяется. Врио пред В.Белоусов».

Постановление по итогам общего собрания было коротким: «Базарова Василия Фёдоровича ликвидировать в 24 часа из пределов ЦЧО... Выписка из протокола верна...».

21 февраля прошло ещё и заседание «группы бедноты с участием актива деревни 2-ой Зиновьевой Вязовского с/совета Дросковского РИКа, Орловского округа», на котором «кулака Базарова Василия Фёдоровича» отнесли к первой категории и постановили «как контрреволюционера со всею семьёю из пределов ЦЧО выселить».

И буквально через несколько дней комендант Орловского сборного пункта ОГПУ сдал коменданту эшелона для отправки на восток семью кулаков Базаровых – Василия Фёдоровича, 54 лет, Анну Парфёновну, 52 лет, Викентия, 16 лет, Ольгу, 14 лет, Александра, 9 лет, Нину, 8 лет.

Сумели ли они взять с собою какое-то имущество – не знаю. В каких краях оказались – тоже неведомо. Но следы отдельных членов семьи Базаровых я обнаружил благодаря поиску на недавно открытых сайтах «ОБД.Мемориал.Ру» и «Подвиг народа».

На фронтах войны

Красноармеец Базаров Анатолий Васильевич, 1912 года рождения, уроженец Дросковского района, был призван на фронт 25 июня 1941 года Талдомским РВК Московской области (сюда, в Подмосковье, он перебрался из Одессы). Согласно одной «похоронке», А.В.Базаров пропал без вести в ноябре 1941 года. По другому «извещению», Анатолий Базаров попал в плен под Псковом 19 июля 1941 года. Дальнейшая судьба его неизвестна. У него осталась жена, Евгения Базарова (*представляешь, читатель, Евгения! – А.П.*).

О самом младшем из братьев, Александре, 1920 года рождения, сведения такие же скудные. Призван был в Красную Армию в 1939 году одним из райвоенкоматов Москвы, оказался на флоте (почтовый ящик 402), связь была потеряна с ним с 17 июня 1941 года.

О двух старших братьях большого семейства – Василии и Иване, точных сведений найти не удалось, но, по косвенным, они тоже воевали и погибли.

Викентий – восстановитель

Самым везучим и единственным выжившим из пяти сыновей Василия Базарова оказался Викентий, 1915 года рождения. Благодаря его наградному листу с сайта «Подвиг народа» можно предположить, что всю семью в том, 1930 году, когда раскулачили, выслали на Урал, где и они проживали вплоть до конца 30-ых годов. 15 мая 1940 года Звериноголовский райвоенкомат Челябинской области (ныне это Курганская область – А.П.) призвал Викентия Базарова в Красную Армию. Я уже писал о везучести Викентия, и это не пустые слова, ведь сын ссыльного кулака сумел закончить военное училище и с началом Великой Отечественной войны стал командиром путевого взвода противовоздушной обороны 118 восстановительного железнодорожного батальона.

Вместе со своими бойцами лейтенант не раз отличался во время оборонительных и наступательных боёв под Сталинградом, при восстановлении железнодорожных путей на участках Лошкарёвка – Апостолово, Котовск – Одесса (это территория Украины – А.П), Тукумс – Виндава (территория Латвии – А.П.). Неоднократно взвод Базарова попадал под обстрелы и бомбёжку противника, во время одного из таких налётов Викентий Васильевич был ранен в ногу осколком снаряда.

За самоотверженную работу по восстановлению железных дорог, проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Викентий Базаров был награждён медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Красной Звезды.

После войны он поселился в Ростове, жил на улице Станиславского. А в 1946 году пытался найти через архив Министерства Обороны своего пропавшего без вести брата Александра. Но – без результата.

В 1987 году Викентий Викентьевич ещё был жив, его наградили тогда орденом Отечественной войны I степени.

Меня в истории бывшего «кулацкого» семейства поражает, что два десятилетия Советская власть безжалостно давила семью Базаровых, считая их «врагами народа», лишала имущества, сажала в тюрьму, выслала из родных мест, а все мужчины этого рода, когда пришла великая беда, не стали лелеять свои обиды, не стали «идейными противниками Сталина», а просто защищали Родину. И четверо из пяти братьев отдали за это свои жизни.

Р.С. Там, где-то когда-то находился хутор Базарова, в декабре 1941 года развернулись сильнейшие бои (наши войска в это время осуществляли Елецко-Ливенскую наступательную операцию). Сгорели при обстрелах последние постройки раскулаченного хозяина. Сейчас, 75 лет спустя, на этом месте – заросшее лесное пространство, на котором только весной и осенью чуть проглядывают черты былой человеческой деятельности. Но местные жители из соседних деревень по-прежнему помнят имя это одичавшего массива – Базарова. Память человеческая – великая сила!

«Орловский альбом» художника Василия Максимова

В истории русского изобразительного искусства было много замечательных художников, но таких бытописателей и знатоков народной жизни, каким стал за несколько десятилетий своего творчества член Товарищества Передвижных Художественных выставок, академик живописи, Василий Максимов, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Из крестьян – в Академию Художеств

Он родился 17 января 1844 года в деревне Лопиной Санкт-Петербургской губернии, в семье государственного крестьянина. Отец будущего художника, Максим Терентьевич, был единственным грамотным во всей большой деревне, он успел научить Василия читать и писать, а потом скоропостижно скончался. Мать отвела 6-летнего сына в монастырскую школу Николаевского Староладожского монастыря, где мальчик и продолжил обучение грамоте.

Страсть к рисованию появилась у Василия Максимова с раннего детства. А в монастыре нашлись просвещённые люди, которые поспособствовали развитию его способностей – направили его в Санкт-Петербург для обучения в иконописную мастерскую. Семь лет Василий постигал секреты иконописного мастерства, дополнительно занимаясь в воскресной рисовальной школе при Технологическом институте (*туда, по представленным рисункам, его приняли сразу в третий класс – А.П.*).

А осенью 1862 года Максимов поступил в Петербургскую Академию Художеств и всего за три года, огромным трудом, упорством и целеустремлённостью, освоил академический курс. Впереди оставался конкурс на золотую медаль, дававший право на заграничную поездку на 6 лет со стипендией, а впо-

следствии – звание профессора. К этому стремились многие академисты – но не Василий Максимов.

В первом ряду национальных талантов

Он, решив посвятить жизнь служению народу, отказался от конкурса и поездки за границу. Получив аттестат художника 3-й степени и чин 14 класса, будущий передвижник покинул Академию и вернулся на родину. С этого времени Максимов начинает – с возможной полнотой и правдой – изучать и изображать крестьян, в которых он всегда видел личностей.

Одна за другой появляются картины Максимова, в которых мастер постепенно находит свой стиль, наполненный любовью и теплотой к простому народу.



Василий Максимов (портрет работы Н.А. Ярошенко)

При организации Товарищества передвижных художественных выставок Максимов одним из первых (26 ноября 1872 года) вступил в него, до самой смерти оставаясь потом верным его знамени, участвуя во всех выставках и являясь многолетним членом Правления.

На творчество Василия Максимова зрители обратили внимание очень рано. Его картину «Бабушкины сказки», написанную художником в 23 года, купил для своей знаменитой Галереи меценат П.Третьяков, который позже приобретал все крупные произведения Василия Максимова.

Известный критик В.В.Стасов публично приветствовал каждую новую значительную работу Максимова, ставя художника в первый ряд национальных талантов, наряду с И.Репиным и В.Перовым.

Картина Василия Максимова «Приход колдуна на деревенскую свадьбу» представляла русскую живопись на Всемирной выставке в 1878 году в Париже и стала затем визитной карточкой художника. А Петербургская Академия художеств в ноябре того же года присвоила художнику звание академика живописи.

40 неизвестных рисунков

Стремясь как можно лучше познать быт и душу народа, Максимов неоднократно совершал путешествия по России, запечатлевая увиденное. О большинстве таких поездок художника хорошо известно его биографам. Но вот об одном из маршрутов – в Малоархангельский уезд Орловской губернии – до недавнего времени информации не было никакой.

Но пару лет назад Новолодожский историко-краеведческий музей (*это родные места художника Максимова – А.П.*) стал готовить к 170-летию юби-

лею Василия Максимовича выпуск иллюстрированного каталога его произведений. При подготовке выяснилось, что в запасниках Русского музея Санкт-Петербурга хранится альбом под номером А-100/РЗ7758-37797, в котором представлено 40 рисунков Максимова, никогда и нигде не публиковавшихся и не выставлявшихся (*размер каждого – 10,3 X 17,8 см.*). Научный сотрудник Новолодожского музея, Наталья Фёдоровна Морозова, участвовавшая в подготовке каталога, внимательно познакомилась с этим альбомом, получившим название «Орловского». Поскольку на всех рисунках Максимова были записи-пометки, имевшие отношение к Малоархангельскому уезду, она решила поискать какие-то сведения об этом в интернете. Так Н.Ф.Морозова вышла на сайт «Мастера», где я опубликовал несколько очерков по интересовавшей её теме. Она обратилась ко мне с просьбой ответить на несколько вопросов, в результате чего началась наша электронная переписка, завершившаяся с большой пользой для обеих сторон.

Лики орловских крестьян

Что же выяснилось? В мае 1882 года художник Максимов, скорее всего, как корреспондент петербургских иллюстрированных газет, посетил Малоархангельский уезд Орловской губернии. Здесь он гостил две недели у местного помещика Николая Петровича Покатилова в его имении в селце Хорошее (*ныне – составная часть райцентра Покровское одноименного района – А.П.*). Отставной майор Покатилов был известной личностью в здешних местах, к тому же – держал каретную мастерскую на почтовом тракте Орёл – Ливны. Как и когда художник Максимов познакомился с ним – не известно, но что Николай Петрович и Василий Максимович тесно и дружески общались – не вызывает сомнения.



В.М. Максимов «В деревенском дворе»

Пребывание Максимова в сельце Хорошем было не праздным времяпровождением, а усердной работой профессионала. С 10 по 22 мая Василий Максимович сделал 40 восхитительных бытовых зарисовок крестьян нескольких населённых пунктов Покровской волости Малоархангельского уезда: села Покровское-Липовица, села Перехожая Липовица, сельца Хорошее и деревни Волковой (они располагались в радиусе 10 вёрст от места, где гостил Максимов, в настоящее время это посёлок городского типа Покровское и соседние с ним село Липовец и деревня Крутое – А.П.).

Василий Максимович, находясь в сельце Хорошем, с утра выезжал на лошади хозяина имения на поиски подходящих его замыслам крестьянских лиц. Листая эти альбомные зарисовки, можно сделать вывод, как много удачных моментов «схватил» в наших краях острый глаз живописца: здесь и крестьянин с пилой, и стрижка овец, и пение слепцов. Собранные вместе, образы земляков-орловцев составляют выразительнейшую даже не картину, а симфонию народной жизни.



Голова свекрови



Крестьянин Митрофан Нивиков

В «Орловском альбоме» Максимов предстаёт как очень сильный портретист. Вот один из рисунков (смотри, читатель). На нём изображён крестьянин Митрофан Новиков. Крепкий, ещё не старый, умный крестьянин сидит, опираясь рукой на мощный сундук с замком. Наверное, он не сразу согласился позировать и не привык к такому занятию, позирует, думая о своём. А лицо! Не лицо – лик, как на иконах.

Василий Максимович всегда рисовал конкретных людей, поэтому многие рисунки подписаны: вот, кроме Митрофана Новикова – другие крестьяне По-

кровской волости – Филипп Косарев, Корней Сова, дед Феоктист *(кстати, потомки Новикова и Косарева до сих пор проживают в посёлке Покровское – А.П.)*.

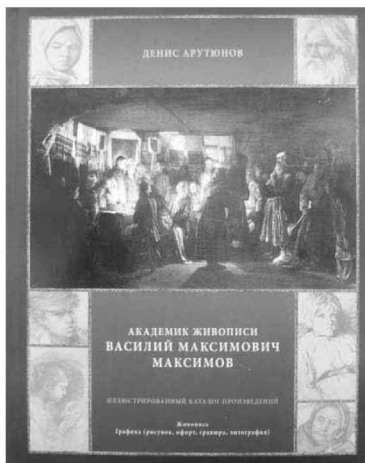


Дом с мезонином

бросок женской головы – с подписью «Голова свекрови». Этот набросок, сделанный в наших краях в мае 1882 года, через 11 лет превратился в одну из самых знаменитых картин Василия Максимова – «Лихая свекровь». И ещё один рисунок, «Нищий под окном избы», стал в том же 1882 году известной картиной, под названием - «В деревенском дворе» *(она находится в экспозиции Днепетровского художественного музея – А.П.)*.

Хочется верить, что издадим

Лучшие произведения по-настоящему народного художника Максимова –



Книга о Максимове
и его картинах

«Семейный раздел в крестьянском быту», «Бедный ужин», «Кто там?», «Больной муж», «Всё в прошлом» и многие другие не утратили своей силы воздействия и в наши суматошные дни: в них зритель видит подлинную горячую страсть и глубокий смысл, они приносят эстетическое наслаждение, возвышают мысли и чувства, имеют огромную познавательную ценность.

Но и рисунки из «Орловского альбома», о которых я рассказывал, ничуть не уступают полноценным картинам замечательного художника, ведь в них отражена глубина народной жизни, да ещё на примере Орловщины.

Из 40 набросков в большой иллюстрированный каталог произведений Василия

Максимова, увидевший свет в 2014 году в петербургском издательстве «Искусство» (автор – Денис Арутюнов), вошли только пять.

Наталья Фёдоровна Морозова, прислав мне в подарок этот каталог (*за помощь в консультациях – А.П.*), выразила надежду, что Орловский музей изобразительных искусств заинтересуется поднятой темой и издаст все 40 рисунков «Орловского альбома» отдельной книгой.

А напоследок, уважаемый читатель, посмотри ещё на один рисунок знаменитого художника, увековечившего «Дом с мезонином» помещика Н.П.Покатилова, в котором, скорее всего, и жил сам живописец 130 с лишним лет тому назад.

Николай Соловцов – основатель театра в Киеве

Знаешь ли ты, читатель, кто был самой известной личностью в Киеве в конце XIX - начале XX века? Не догадываешься? Впрочем, до недавнего времени и я не знал. Оказывается, это наш земляк – актёр, режиссёр, антрепренер, драматург и переводчик Николай Соловцов.

Первым поставил пьесу Чехова

На Орловщине родилось достаточно много известных артистов, имена которых у нас постоянно на слуху. Назову лишь несколько известных служителей Мельпомены прошлого и настоящего: Пров Садовский, Гликерия Федотова, Анна Орловская, Иван Переверзев, Анастасия Георгиевская, Валерий Баринов. К перечисленным можно добавить и ещё несколько фамилий.



Николай Николаевич
Соловцов

Однако Николая Соловцова в данном перечне нет, и вообще, эту исключительную в театральных кругах России второй половины XIX века фигуру современные орловчане как-то обошли стороной. А зря!

Простой перечень его достижений и заслуг впечатляет. К 25 годам Соловцов - известный провинциальный артист, особенно прославившийся ролями Скупого в одноименной пьесе Мольера, Несчастливцева в «Лесе» Островского, городничего в гоголевском «Ревизоре», Расплюева – в «Свадьбе Кречинского» и многими ролями в пьесах Островского. По отзывам театралов-современников - *«Судьба дала ему представительную внешность, сильный голос, мощный темперамент и проницательный ум. Как актёр, он был неподражаемо хорош даже в ничтожных ролях бытового репертуара, создавая цельный, вполне законченный тип».*

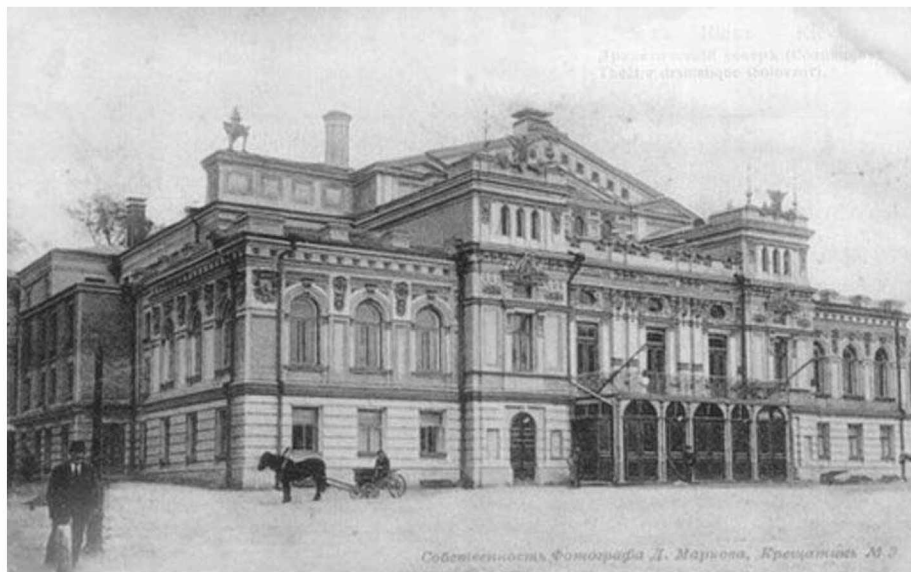
В 27 лет Соловцов – успешный режиссёр, первый, кто поставил дебютную пьесу Антона Павловича Чехова (это был «Иванов»), а позже продолжил сотрудничество и дружбу с замечательным русским писателем и драматургом, представив зрителям Москвы, Питера и провинции чеховского «Лешего», его же «Свадьбу», «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры».

Антон Павлович так высоко ценил режиссёрское искусство Соловцова, что свою пьесу-шутку «Медведь» посвятил именно ему.

В 29 лет Николай Николаевич добавляет к первым двум занятиям ещё и антрепренерство (*сейчас это назвали бы продюсированием - А.П.*), организуя поездки в провинциальные города постоянных театральных трупп с таким составом и репертуаром, что неудач у него практически не бывало.

«Самый богатый русский частный театр»

Популярность спектаклей соловцовских артистов была так велика, что режиссёр решился на создание в Киеве (*здесь зрители особенно тепло принимали его труппу – А.П.*) первого постоянно действующего театра, который начал свою жизнь 1 сентября 1891 года с блестящей постановки спектакля Гоголя «Ревизор» (*в роли Городничего выступил сам Соловцов – А.П.*). Произошло это знаменательное для Киева событие на Фундуклеевской улице, в старом здании театра Бергонье. Через два года антреприза Соловцова получила его имя, а в 1898 году для театра «Соловцов» на Николаевской площади было построено специальное здание (*то, в котором сейчас находится театр имени Ивана Франко – А.П.*).



Театр Соловцова на Николаевской площади (с открытки 1900 года)

По словам современников, «основная черта соловцовского товарищества в Киеве проявилась сразу: оно было лишено «беспорядочного метания», «велось бойко и уверенно», «выглядело солидно и заключало в себе все элементы не только для прочного существования в течение одного сезона, но и для успешного развития в будущем». Постановочная культура театра представляла значительное художественное явление, по словам исследователя, «едва ли не чрезвычайное в условиях провинции». Постоянный актерский состав, тщательная подготовка спектаклей, серьезная работа режиссера с исполнителями (Соловцов первым в российских театрах отказался от суфлёров – А.П.), лучший отечественный и зарубежный репертуар, безусловный талант и смелость Соловцова-администратора, не боявшегося огромных материальных затрат, – все это превратило антрепризу в крупнейший театр провинции и в самый богатый русский частный театр».

Одновременно (в 1898 году), Николай Николаевич, успел создать постоянно действующий театр в Одессе (где, кроме драмы, ставились ещё и оперные постановки – А.П.) и выпускал в течение нескольких лет «Киевскую газету».

Если же в общий список его занятий добавить две им самим написанные и поставленные пьесы, а также две переведённые с польского – то остаётся удивляться – когда он всё успевал?

Кумир Киева

Для Киева Николай Николаевич Соловцов стал настоящим кумиром. Мало того, что он сам был блестящим артистом, так он сумел в свой театр привлечь таких звёзд XIX века, как И.М.Шувалов, М.М.Глебова, И.П.Киселевский, Н.П.Рошин-Инсаров, М.И.Велизарий, А.А.Пасхалова, В.И.Немирович-Данченко, А.Я.Глама-Мещерская, Л.М.Леонидов. От их действия на сцене киевляне или плакали прямо в зале, или буквально лежали от смеха, или сидели, затаив дыхание – в зависимости от жанра пьесы.

Вот что писала городская пресса тех лет: «*Киев сжился с Соловцовской драмой. Соловцов не только создал драматический театр, но и сумел слить его с обществом, придать ему большое общественное значение. Артисты Соловцовской труппы всегда были очень популярны в Киеве, а сам уважаемый Н.Н. – положительно, самый популярный человек в городе*».

Во многих своих начинаниях Соловцов был первым в Киеве (а порой и в России – А.П.). К примеру, в его театре ставились не только собственные спектакли со своими артистами, но в Киев, по приглашению Николая Николаевича, приезжали такие российские суперзвёзды тех лет, как Комиссаржевская и Савина, Южин и Дальский, Сальвини и Росси. В театре шли не только драматические произведения, но также оперные и балетные спектакли. Киевляне, благодаря Соловцову, впервые живьём увидели и услышали Фёдора Шаляпина, Леонида Собинова, Анну Павлову.

Соловцов первым систематически стал давать бесплатные спектакли для учащихся, и на его постановках воспитывались целые поколения. Здесь можно было встретить молодых киевлян Сашу Вертинского, Мишу Булгакова, Костю

Паустовского – будущих знаменитостей, получивших в популярном театре основы культуры и нравственности. Кстати, инициативу Соловцова оценили власти: по представлению учебного округа Николай Николаевич удостоился правительственных наград.

Даже появление в Киеве кино связано с именем Николая Николаевича, поскольку первые сеансы синемаатографа Люмьера прошли в театре Соловцова.

«Впервые выступил в Орле...»

Осенью 1901 года в Киеве с большим размахом отметили 10-летие соловцовского театра, ставшего важнейшей составляющей городской жизни. А в конце года Николай Николаевич уже ставил очередные спектакли в Одессе, во втором своём театральном детище. Там и настигла его внезапная болезнь. Врачи не смогли помочь 45-летнему Соловцову.

Вот какое сообщение появилось в губернской газете «Орловский вестник» 15 января 1902 год: *«В ночь на 12 января сего года в Одессе (в большинстве других источников местом смерти артиста назван Киев – А.П.), после непродолжительной, но тяжёлой болезни (тиф, осложнённый кровоизлияниями и проч.) скончался, как уже известили телеграммы, известный и выдающийся драматический артист и антрепренер киевских и одесских театров Николай Николаевич Фёдоров – по сцене Соловцов».*

Да, уважаемый читатель, Соловцов – это псевдоним, но именно под ним Россия и Киев узнали этого гения театра. Цитирую сообщение из «Орловского вестника» далее:

«Н.Н. происходил из орловских дворян, родился в 1856 году (в большинстве современных источников датой рождения Соловцова названо 3 (15) мая 1857 года – А.П.). Образование получил в Орловской классической гимназии (встречается информация, что обучение в ней не было закончено – А.П.).

С юных лет обнаружил большое влечение к сцене и, будучи ещё гимназистом, принимал участие в гимназических и домашних спектаклях. Среди заправских актёров впервые выступил в 1875 году, в конце зимнего сезона в Орле, в труппе Сервье. Н.Н. сыграл тогда роль Рутли в старинной оперетке-водевиле «Кетли» и небольшую роль в «Записках демона». Летом в Орле он играл в труппе Черкасова (водевильно-комедийные роли)».

Киевляне помнят, а мы?

Ну а о дальнейшей звёздной и так безжалостно рано прервавшейся карьере нашего земляка я уже рассказывал.

Похоронили Николая Николаевича Соловцова в монументальном склепе на Аскольдовой могиле, в историческом центре Киева. Рядом с ним в 1919 году упокоилась и его жена, замечательная артистка Мария Глебова. К сожалению, в последующие годы кладбище и склеп были уничтожены. Но прах Соловцова и его супруги, верной сподвижницы по театру, перенесли на центральную аллею Байкова кладбища, установив общий надгробный памятник.

В 1962 году одна из улиц Печерского района Киева была названа именем Николая Соловцова, а в 2007 году киевская театральная общественность отметила 150-летие со дня его рождения.



Могила Соловцова и Глебовой на Байковом кладбище в Киеве

Что касается театра Соловцова, то после его смерти некоторое время им руководила Мария Глебова. В 1919 году театр был национализирован, а его труппа положила начало современному театру имени Леси Украинки.

Как тебе, читатель, масштаб сделанного нашим земляком? Впечатляет? Да, деятелей такого масштаба на Орловщине можно пересчитать по пальцам.

Жаль только, что имя Николая Соловцова (Фёдоров) пока не увековечено в его родном городе.

Цветные кафли Болхова

В начале лета 1970 года в старинный Болхов пожаловали гости, которых в провинциальном городе отродясь не бывало, - сотрудники сектора прикладного искусства Государственного Эрмитажа Ирина Уханова и Галина Комелова. Впрочем, испуг работников отдела культуры Болховского райисполкома скоро прошёл, потому что молодые женщины-учёные оказались очень неприязнительными в быту и чрезвычайно коммуникабельными в общении.

Муравленые, ценинные, трёхцветные...

Как оказалось, их интересовало то, на что 25 послевоенных лет никто из болховчан не обращал внимания, – поливные расписные кафели (*или кафли, как часто до революции писали и произносили это слово, синоним ему – изразцы – А.П.*).

Ирина Николаевна и Галина Николаевна объяснили болховскому культурному начальству, что их маленький город – один из российских центров по изготовлению кафлей – наряду с Москвой, Вологодой, Ярославлем, Великим Устюгом, Калугой и Тулой. И.Ухановой и Г.Комеловой предстояло за несколько летних недель изучить Болхов и окрестности, чтобы выяснить всё о производстве предмета их научного изучения.

А теперь, прежде чем я перейду к результатам поиска учёных из Эрмитажа, скажу несколько слов для читателей о самих цветных кафлях. Они издавна бытовали на Руси как декоративные архитектурные сооружения (элементы) внутри и снаружи зданий. Зелёные (муравленые), синие (ценинные), трёхцветные (зелёные с белым и жёлтым), они вкрапливались в белый камень и красный кирпич, украшая экстерьеры. В XVIII веке применение кафлей значительно расширилось, их стали использовать не только при кладке печей, но и для оформления стен и потолков. На одном из старейших сооружений Болхова, Троицкой церкви XVII века, к началу 70-ых годов ещё сохранялись остатки цветных кафлей на краснокирпичных стенах с белокаменной резьбой.

Завод братьев Сапелкиных

Ирина Уханова и Галина Комелова за то время, которое они провели в Болховском районе, сумели выяснить многое. Главным результатом для них и науки стал, несомненно, вывод о существовании в Болхове небольшого, но очень интересного завода по производству кафлей. Точную дату его основания определить не удалось. Однако работники Эрмитажа нашли в городе старожила, 90-летнего И.И. Тарасова, который многое знал о самих мастерах.



Виталий Сапелкин
у изразцовой печи

Иван Иванович рассказал, что кафельным производством в Болхове в конце XIX – начале XX века занимались четыре брата его матери – Василий, Николай, Пётр и Алексей Сапелкины. Они получили в наследство от своего отца – Леонтия Сапелкина – небольшой кафельный завод, который сумели не только сохранить, но и расширить. На пике производства здесь работало более двадцати человек. Для изготовления кафлей использовали местные глины, а технология позволяла получать продукцию очень высокого качества, обладавшую сочными красками, которые не тускнели от времени.

Подтверждение словам старожила учёные дамы из Эрмитажа нашли в доме № 74 по улице Октябрьской, где проживала семья Александра Афанасьевича Никифорова. Здесь в центре дома стояла печь, стены которой выходили в три комнаты, радуя взоры хозяина и его гостей яркими рисунками.

На одном из кафелей удалось прочесть надпись, сделанную тёмно-синей краской (кобальтом) по белому фону: *«Завод в Болхове братьев Сапелкиных»*. И.Уханова и Г.Комелова составили описание изразцов из дома Никифорова, из которого видно, что болховские кафельщики действительно были искусными мастерами.

Замечательные узорные образцы сапелкинских кафелей были найдены также в доме № 54 по улице Тургенева в Болхове. Декоративные рисунки с классическими композициями – ампирные вазоны с букетами роз в окружении цветочных гирлянд и с разнообразными растительными орнаментами – являлись самыми распространёнными на здешних изразцах.

По словам И.Ухановой и Г.Комеловой, болховские кафли отличала гармония цветовых сочетаний с геометрическим и растительным орнаментом. Несомненно, заслуга в этом – талантливого художника И.К.Гаврилова, создававшего печатки для рисунков на изразцах. В 1918 году Иван Константинович стал основателем и первым директором Болховского краеведческого музея.

Кафельный завод братьев Сапелкиных существовал до начала 20-х годов XX века. Советской властью это замечательное прикладное искусство оказалось не востребовано. О судьбе самих мастеров почти ничего не известно.



Вид на Болхов со Спасо-Преображенского собора

Ногами и руками

Но так получилось, что волею случая мне довелось познакомиться с их потомком – внуком одного из братьев, Виталием Леонтьевичем Сапелкиным, известным орловским архитектором, ныне – ветераном труда. Он-то впервые и поведал мне о своих предках – кафельщиках. К сожалению, самому Виталию Леонтьевичу известно немного, поскольку в советские годы не принято было вспоминать о родственниках-предпринимателях *(тем более, использовавших наёмный труд – А.П.)*.



Один из кафлей с завода братьев Сапелкиных

Отец Виталия Леонтьевича, названный в честь основателя завода, редко вспоминал о семейном промысле. Однажды только обмолвился, что дед Василий, младший из братьев, трудился на подсобных работах, готовил глину к обжигу. Процедура была кропотливая и долгая (почти три года). Из глины требовалось удалить известь: наливали в подготовленную массу воду, и несколько человек ногами (в том числе и Василий Сапелкин) начинали её месить до превращения в тестообразное состояние. А потом обработанной массе предстояло отлежаться. Известь при этом «гасилась», теряя вредные для обжига свойства.

Другие братья уже непосредственно занимались подготовкой изразцов. Закладывали глину в формы, а после подсушки расписывали и обливали глазурью. Полуфабрикаты закладывались в печь и обжигались. Нужно было точно соблюдать температуру, иначе качественные и красивые изразцы не получались, выходил брак.

Краски для своих кафлей братья Сапелкины покупали в Санкт-Петербурге, на заводе по производству фарфора. Продукция братьев пользовалась большой популярностью в Болхове и окрестных сёлах. К сожалению, их произведения в значительной степени пострадали или были уничтожены в годы немецко-фашистской оккупации. Об уцелевших объектах я уже сказал выше.

Остались в истории или поговорим о перспективах?

Для знакомства с кафлями вживую мы с Виталием Леонтьевичем Сапелкиным недавно, по предварительной договорённости, совершили две поездки в Болхов, где посетили местный, очень симпатичный краеведческий музей.

Его работники рассказали то небольшое, что знали о кафлях, но главное, – показали нам находящиеся в экспозиции образцы, любезно разрешив их сфотографировать. Чем мы с большим удовольствием и воспользовались.

Удалось нам увидеть и те самые печи, описанные Ириной Ухановой и Галиной Комеловой.



У дома М.И. Гридиной - с изразцовой печью

Теперь несколько слов о тех женщинах-энтузиастках, которые открыли болховчанам их же искусство. Ирина Николаевна Уханова и Галина Николаевна Комелова после отъезда из наших краёв опубликовали статью о болховских изразцах в XXXVI томе «Сообщений Государственного Эрмитажа», вышедшем в свет в 1973 году. Потом продолжили заниматься изучением прикладных и народных видов русского искусства, выпустили по несколько книг. Обе они стали главными

научными сотрудниками Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа, докторами исторических наук. До последнего времени, несмотря на почтенный возраст, продолжали активно заниматься любимым делом.

И в заключение, уважаемый читатель, одна мечта. В последнее время многие хозяева особняков и элитных коттеджей не мыслят своих хором без каминов. Я уверен, что эти уютные хранилища живого огня стали бы ещё симпатичнее, укрась их кафлями «От братьев Сапелкиных». Может быть, найдутся в Болхове или Орловской области продолжатели этого замечательнейшего вида прикладного искусства, которым гордились наши предки?

О журналисте Владимире Переверзеве и одной спасённой иконе

10 лет тому назад известный орловский тележурналист Владимир Переверзев снял очень душевный и тёплый фильм под простым названием – «Верхососенье». В 2005 году он дважды с большим успехом прошёл по орловскому телевидению. Я участвовал в съёмках этой документальной 50-минутной картины (в двух частях) в качестве консультанта. После показа фильма я попросил Владимира Ивановича сделать копию, и он без всяких уговоров и условий выполнил мою просьбу.

Изредка, когда я после этого бывал в Орле, то заходил к нему в маленькую комнатку на втором этаже здания ОГТРК на улице 7 Ноября. В последний раз мы долго беседовали, и он тогда подарил мне только что вышедшую свою книгу «Паломничество в пустыню» - с автографом: *«Александру Михайловичу Полянкину, коллеге и единомышленнику, с пожеланием творческих успехов. Владимир Переверзев. 17 марта 2006 года».*

Замечательнейшая книжка стихотворений разных лет и публицистики, которую я времени от времени перечитываю, добрыми словами вспоминая автора и те моменты, когда я с ним общался, особенно два дня в селе Верхососенье.



Владимир Иванович
Переверзев

А через три года, снова в марте, Владимир Иванович Переверзев скоростижно скончался, только-то отметив 62-ую годовщину. Для меня это стало большой потерей – беседы с ним были настоящим наслаждением. Владимир Иванович принадлежал к почти вымершей ныне породе настоящих русских интеллигентов.

Но остались его фильмы. Жаль только, что ОГТРК их не показывает, ведь они (особенно цикл «Дым Отечества») – Настоящее Русское Кино.

Со мной лично навсегда – картина «Верхососенье» Владимира Переверзева, выставленная пару лет назад на видеотеке нашего старого сайта. Любой зритель, особенно покровчанин, может убедиться, просмотрев фильм, каким Мастером остаётся и до сих пор тележурналист, публицист, поэт Переверзев.

В фильме «Верхососенье» я рассказывал ему и зрителям трагическую историю Богоявленского храма. Но только спустя 10 лет понял, что отдельные моменты у меня так и не остались зафиксированными на бумаге. *Сейчас я заполняю этот пробел.*

Итак, вскоре после подавления так называемого «майского верхососенского восстания» 1931 года, руководство Дросковского района приступило в 1932 году к массовому закрытию храмов в сёлах края. Одной из первых в списке значилась Богоявленская церковь в Верхососенье.

В последний раз однажды зазвонили здесь церковные колокола, возвещая о своей гибели, и на площадь перед храмом стал собираться окрестный народ. Все тут были – от детей до глубоких стариков.

Сказал речь перед началом святотатственного действия представитель райкома партии, а потом заранее выбранные активисты полезли наверх, на купол храма и колокольню. Несколько часов трудились они на двадцатиметровой высоте, выковыривая, отпиливая, отрубая, привязывая, пока не сбросили вниз намоленный десятилетиями крест и пять больших колоколов.

Один из них разбился на куски с жалобным стоном, словно оплакивая свою кончину, три других остались целыми при падении. Погрузили их на заранее подготовленные телеги и увезли куда-то на переплавку. Но вот пятый колокол, обыскав все закоулки и кусты перед церковью, богоборцы так и не нашли.

Разъярённые, ринулись они внутрь храма и набросились на иконостас и стоявшие отдельно иконы. Через несколько минут от красивейшего трёхъярусного иконостаса остались обломки и куски досок, безжалостно выброшенные

на площадь. Развели атеисты костры и начали жечь то, что много лет было украшением Богоявленской церкви. Плач и крики верующих верхососенцев перемежались с радостными воплями богоборцев, наблюдавших, как светлый иконный дым уходит в небеса.



Головин Сергей
Афанасьевич

Догорали одни произведения старых мастеров-иконописцев, как в костры тут же летели следующие лики Богородицы, Спасителя и Святых. Некоторые из женщин, не выдерживая святотатства, падали без чувств, другие спешно покидали сатанинское место.

Ситуация изменилась спустя час или два, когда из храма на улицы были вынесены большие, стоявшие там на специальных подставках, иконы. Выполнены они были из крепчайших, толщиной в 3-4 сантиметра, дубовых досок длиной около метра. Местному председателю сельсовета стало жаль жечь такое добро, и он дал команду расщепить иконы на отдельные доски, из которых вскоре были изготовлены парты для Верхососенской начальной школы.

За всем этим страшным для одних и весёлым для других действием наблюдали два местных пацана – Федя и Коля Головины, чей небольшой дом стоял чуть ниже храма (в 100 метрах по направлению к реке Сосне – А.П.).

Матушка у них была женщиной богомольной, церковь посещала постоянно и сыновей к этому приучала. Сама она на разгром храма не пришла, сидела дома и плакала. А парни её, вместе с соседскими ребятишками, прибежали. Всё видели, всему ужасались. И когда дело у погромщиков до больших икон дошло, сказал 8-летний Федя 6-летнему Серёже: «А давай вон ту икону домой заберём!».

Икона у ребятишек любимой была, на ней – сразу три лика, которым их матушка молилась и дома, и в храме: в центре – Господь Иисус Христос, по правую руку от него – Богородица Казанская, по левую руку – Николай Угодник. Видел ли кто, как мальчишки в кусты икону затащили, а оттуда по оврагу к дому – не знаю. Но мать их, увидев такое, ругать сыновей не стала, наоборот, расцеловала и перекрестила, а икону от греха подальше временно спрятала.

В 1941 году война началась, осенью село немцы оккупировали, видели они у Головиных икону,



Икона, спасённая Сергеем
Афанасьевичем Головиным

но отбирать не стали. В середине февраля 1943 года Верхососенье наши войска освободили, старшего брата Фёдора в Красную Армию мобилизовали, а в самом конце 1944 года и Сергей Головин был призван. Фёдору довелось с немцами биться, а Сергею – только с японцами. Но, главное, оба, хоть и ранены были, живыми домой вернулись. Как матушка радовалась и как завидовали ей соседки, у которых сыновья погибли!



Богоявленский храм восстанавливается

Эту историю, которую ты, читатель, прочёл, рассказал мне в 2003 году один из этих мальчишек, Сергей Афанасьевич Головин, ставший к этому времени уже сам дедом, инвалидом и вдовцом: родная жена раньше срока ушла в вечный покой. Мы долго беседовали с ветераном, я слушал его, не отрывая глаз от стоявшей в красном углу его дома той самой иконы. И Сергей Афанасьевич в самом конце разговора вдруг сказал: «Ты знаешь, вот всю сознательную жизнь был неверующим, а в последние годы к Богу обратился. И думаю, что мать правду тогда нам с братом говорила, что живы мы остались благодаря её молитвам и тому, что при разгроме церкви икону спасли. Знаешь, если храм восстановят, я её туда завещаю. Там её законное место».

Сергей Афанасьевич Головин скончался 2 марта 2005 года, не дожив до съёмок фильма трёх месяцев. Икону Владимиру Ивановичу Переверзеву показывал его сын, Юрий Сергеевич, который слова отца повторил – «Верну икону на законное место, как храм откроют».

В 2010 году на сайте «Подвиг народа» я нашёл наградной лист на красноармейца, пулемётчика 1219-го стрелкового полка 144-й Виленской дивизии Сергея Головина, из которого узнал о его подвиге:

«12 августа 1945 года, в бою за город Мулин (Манчжурия) товарищ Головин первым ворвался на окраину города и броском гранаты уничтожил 6 японских солдат. В этом бою был ранен, но не ушёл с поля боя до выполнения поставленной задачи».

Наградой герою стал орден Славы III степени и жизнь, дарованная, по словам матери, его богоугодным деянием, спасением иконы, за 13 лет до этого.

Так совпало или Провидение Божье, но об этой истории я вспомнил в год десятилетия ухода из жизни фронтовика Сергея Афанасьевича Головина и 10-летнего юбилея фильма «Верхососенье», в котором он – один из героев.

В 2014 году Богоявленский храм села стал восстанавливаться, работы продолжились и в 2015 году. Хочется верить, что недалёк тот день, когда церковь вновь, после долгого перерыва, откроет свои двери для верных прихожан. А внутри храма их будет ждать спасённая братьями Головиными икона. Так будет!

Содержание

Вместо предисловия	3
--------------------------	---

Глава I. Орловские фамилии

Архангельские из села Покровское: священники и «кулаки»	4
Один из Долговых	6
Ефремовы	10
Жестовские	13
Кошеверовы	18
Леоновы. В небесах, на земле и на море.....	27
Луничевы из деревни Елизаветиной	31
Невские – но не полководцы	36
Некрасовы	38
Новиковы	44
Оболенские из Малоархангельска	48
Священники Оболенские	52
Павловы	59
Сапелкины на защите Родины	63
Смирновы	66
Фомкины	70
Черниковы	76

Глава II. Герои Великой Отечественной

«Мы летали под Богом...» (Гавриил Гуськов)	80
Александр или Алексей? (Герой Советского Союза А.И. Алёшкин)	83
Подвиг у деревни Семидворики (Виктор Яценевич)	87
Миномётчик Манзус Ванахун	90
Герой Сталинграда и Орла (Григорий Складар)	94
Подвиг на Оке (Николай Зверинцев)	96
«Презирая смерть...» (Алексей Ломакин)	99
Танкист Василий Ломакин	101
«Гвозди бы делать из этих людей...» (Леонид Моченков)	105
Русский и украинец: братья навек (Иван Пименов и Фёдор Резник)	108
Братья Овинниковы	111
Один – на три страны (Николай Яшин)	115
Освобождая Крым (Иван Машкарин)	119
«Жизнь – за Севастополь!» (Иван Дубинин)	123

Старший сержант Казаков (неизвестные страницы биографии Героя)	128
Пулемётчик Егор Трактаев	133
Артиллерист Николай Минаев	137
«Тот, кто брал Берлин...» (Порфирий Жучков)	140
Трагедия над Нишем	144
Герой без звания (Валентин Балабанов)	149

Глава III. Это было в Орле...

Статский советник Бельский	153
Переводчик «Калевалы» в Орле	156
Орловский приют генерала Гончарова	159
Тринадцать из тридцать седьмого	163
142 пехотный Звенигородский полк и его офицеры	168
Как американский авиаконструктор свою сестру и племянницу в Орле от голода спас	172
Три служительницы Эскулапа	177
Орёл в судьбе гетмана Скоропадского	180
Новогодние приключения мещанина Дрыкина в Орле	185

Глава IV. Лица орловских дворян

Графы Мусины-Пушкины	189
Чичерины: от Сибири до Парижа	192
Один день Ивана Михайловича (как прапорщик Козаков Париж брал)	195
Николай Воейков – адъютант генерала Ермолова	199
Упокоившийся во Мценске (генерал Павлищев)	204
Казины	207
Козины	210
Карповы – знакомые семьи Тургеневых	211
Орловский городской голова Дмитрий Карпов	219
Аркадий Карпов – крестьянин из дворян	227
Болдыревы: генерал и его дети	231
Иосиф Шатилов: от Крыма – до Мохового	236
Дворяне Одинцовы: от литературы – к жизни	240
Покатиловы (история одного семейства)	245
Троицкие: от фотографии – к радио	248

Глава V. Орловская мозаика

Несколько коротких историй о водке, когда она ещё вином звалась	252
Как однодворцы села Енино сто лет с соседями-помещиками за землю и рошу спорили	255
Дмитровские похитители бриллиантов	258
Рассказ о крестьянине Кузнецове, который орловских дворян между собой рассорил	261
Об орловских мельницах и одной несчастной любви	264
Грабитель-экстрасенс из деревни Морозовой	268
О неправильной линии уполномоченного Мишина	269
Первый орловский правозащитник (судьба Александра Пушечникова)	273
Базаровы: отец и дети	275
«Орловский альбом» художника Василия Максимова	279
Николай Соловцов – основатель театра в Киеве	284
Цветные кафли Болхова	288
О журналисте Владимире Переверзеве и одной спасённой иконе	292

Александр Михайлович Полынкин

**Орловщины родные очертанья
(были и лица нашего края)**

Книга третья

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 28.09.2015 г. Формат 60х80 1/16

Печать ризограф. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Объём 18,75 усл. печ. л. Тираж 166 экз. Заказ № 240

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46